

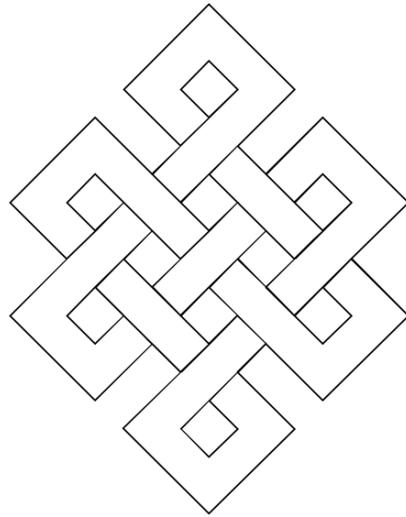
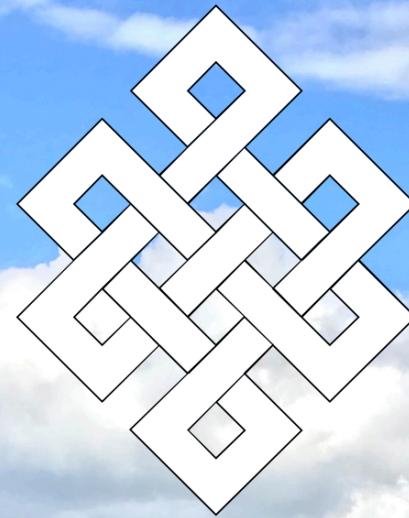
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2021

№ 4

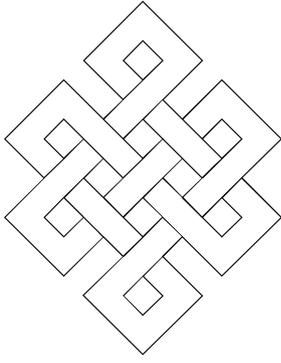
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№4
2021

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

nit.tuva.asia

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2021

№ 4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрошенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., г. Кызыл, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Бахтикиреева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIN PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.
 Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, Kyzyl, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIN PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Ламажаа Ч. К.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

- Ламажаа Ч. К. (Россия)* Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства 6
- Сувандии Н. Д. (Россия)* Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района 22
- Кужугет Ш. Ю. (Россия)* История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы ...
.....31
- Ойдуп Ч. К. (Россия)* Родословная Кыргысов из Эйлиг-Хема (Тува) 46
- Ламажаа Ч. К. (Россия)* Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях 57
- Майны Ш. Б. (Россия)* Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев 76

ФИЛОЛОГИЯ

- Комуцци Л. В., Карпунина И. В. (Россия)* Текстовая модальность как способ ценностного представления Тувы в немецкой публицистике 89
- Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. (Russia)* Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration 101

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Головнев И. А. (Россия)* Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере творчества Бориса Небылицкого) 119
- Абылкаликов С. И. (Россия)* Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс 131

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

- Бредис М. А. (Россия), Иванов Е. Е. (Беларусь), Ломакина О. В. (Россия), Нелюбова Н. Ю. (Россия), Кужугет Ш. Ю. (Россия)* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) 143
- Мирзаева С. В., Самдан А. А. (Россия)* Буддийский ритуал культа Большой Медведицы (на материале тибетоязычной рукописи из тувинских архивов) 161
- Дамбаа Ш. В., Сувандии Н. Д. (Россия)* Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) 172
- Бадмаева Н. В., Натсак О. Д. (Россия)* Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты 186
- Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С., Самба А. Д.-Б. (Россия)* Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан 206

CONTENTS

ASPECTS OF CULTURE

<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia)</i> The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship	6
<i>Suvandii N. D. (Russia)</i> Kinship Terms of the Mongush Tribal Group of the Village of Ayangaty in the Barun-Khemchik District	22
<i>Kuzhuget Sh. Yu. (Russia)</i> The History of the Kinship Group of Kuzhuget from the Barun-Khemchik District of Tuva	31
<i>Oydup Ch. K. (Russia)</i> The Genealogy of the Kyrgys from Eylig-Khem (Tuva)	46
<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia)</i> Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations	57
<i>Mainy Sh. B. (Russia)</i> Family Rite of <i>khylybyk doy</i> of Urban Tuvans	76

PHILOLOGY

<i>Komutstsi L. V., Karpunina I. V. (Russia)</i> Text Modality as a Mode of Value-based Representation of Tuva in German Opinion Journalism	89
<i>Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A., Shamrin A. S. (Russia)</i> Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration	101

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Golovnev I. A. (Russia)</i> Images of Tuva in Soviet Cinema of the 1930s (The Case of Boris Nebylitsky's Creativity)	119
<i>Abylkalikov S. I. (Russia)</i> Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance	131

DIALOG OF CULTURES

<i>Bredis M. A. (Russia), Ivanov Eu. Eu. (Belarus), Lomakina O. V. (Russia), Nelyubova N. Yu. (Russia), Kuzhuget Sh. Yu. (Russia)</i> A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European paremies	143
<i>Mirzaeva S. V., Samdan A. A. (Russia)</i> A Buddhist Ritual of Big Dipper veneration (based on the Tibetan manuscript from Tuvan archives)	161
<i>Damba Sh. V., Suvandii N. D. (Russia)</i> Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages	172
<i>Badmaeva N. V., Natsak O. D. (Russia)</i> Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects	186
<i>Valiakmetov R. M., Baimurzina G. R., Turakayev M. S., Samba A. D.-B. (Russia)</i> Ethnic and Social Features of Employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan	206

Тема выпуска
«Төрелдер. Родственные связи тувинцев»

Ответственный редактор —
доктор философских наук
Чимиза Кудер-ооловна Ламажаа
(Тувинский государственный университет,
Россия);
приглашенный редактор —
доктор **Мелисса Чакарс**
(Университет Сан-Хосе, США).

Special Issue:
“Torelder. Family ties among Tuvans”

Edited by
Chimiza K. Lamazhaa,
Doctor of Philosophy
(Tuvan State University, Russia)
and guest-edited
by **Melissa Chakars**, Ph.D.
(Saint Joseph’s University, USA)

DOI: 10.25178/nit.2021.4.1

АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ

Статья

Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства

Чимиза К. Ламажаа

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье выделяются и анализируются три основных проблемных узла антропологии родства у тувинцев: паспортизация 1940-х гг. и тувинская антропонимия; терминология родства; современные родственные отношения и связи тувинцев. Отмечается, что сегодня изучение этих тем особенно важно в связи с актуализацией вопросов родства у современных тувинцев. И исследование необходимо проводить в междисциплинарном синтезе разных гуманитарных дисциплин.

Паспортизация 1940-х гг. в Туве практически не изучена историками, поэтому автор отмечает основные вехи этого события, называет документы. События и последствия в Туве важно рассматривать, учитывая общие принципы советского процесса паспортизации. Утверждается, что советская версия социальной инженерии, призванная вести учет населения, привела к определенным изменениям в системе родства многих тувинцев. С разными фамилиями, отчествами родные люди были отчуждены друг от друга, но последствия этого обнаруживаются только спустя много лет. Со временем связи родственников друг с другом терялись, а многие потомки и вовсе не знают предков прямого и близкого родства, даже не знакомы с кровными родственниками расширенной

семьи.

Анализ второй темы в литературе и терминологический обзор слов, употребляемых сегодня тувинцами для обозначения общего родства и групп родственников, показывают, что основными терминами являются: төрел аймак, төрел бөлүк, төрел-дөргүл. Соответственно обсуждать современные социальные общности тувинцев, связанные родством, на русском языке правильнее с помощью термина «родственная группа», а не «родоплеменная группа».

Утраты системы тувинского родства в XX веке, изменения отношений привели к тому, что для родственных групп desperation тувинцев сегодня само поддержание родственных связей становится проблемой. Чтобы сохранять и развивать связи необходимо прилагать специальные усилия. Этот процесс интересно изучать, по мнению автора, с помощью такого антропологического подхода как kin keeping — «сохранение родства». Мы видим, что у тувинцев появились своеобразные кинкиперы — организаторы родовых сборов, обрядов. Они стали связующим звеном между нуклеарными семьями и расширенной семьей — родственной группой.

Ключевые слова: тувинцы; родство; система родства; родственная группа; этническая терминология; терминология родства; паспортизация; антропонимия; сохранение родства; кинкипер; современная обрядность

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 6-21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

ASPECTS OF CULTURE

Article

The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship

Chimiza K. Lamazhaa

Tuvan State University, Russian Federation

The article highlights and analyzes three main problematic nodes of the anthropology of kinship among the Tuvans: the passportization of the 1940s and Tuvan anthroponymy, the terminology of kinship; contemporary kinship relations and ties of the Tuvans. It is noted that today the study of these topics is especially significant because of the actualization of kinship issues among modern Tuvans. Thus, it is necessary to carry out research within an interdisciplinary synthesis of different humanities disciplines.

The passportization of the 1940s in Tuva has hardly been studied by historians. Consequently, the author draws attention to the key milestones of these events and specifies the relevant documents. It is important to consider the events and consequences in Tuva, taking into account the general principles of the Soviet passportization process. It is argued that the Soviet version of social engineering, designed to keep records of the population, led to certain changes in the kinship system of many Tuvans. Having different surnames and patronymics, kindred people were alienated from each other, but the consequences of this were revealed only many years later. Over time the ties between relatives were being lost, and many descendants do not know the ancestors of direct and immediate kinship at all, they are not even familiar with blood relatives of the extended family.

An analysis of the second theme in literature and a terminological review of the words the Tuvans use today to denote common kinship and groups of relatives show that the main terms are *törel aimag*, *törel bөлүk*, and *törel-dörgul*. Accordingly, in Russian it is more properly to discuss contemporary Tuvan social communities that have kin relations using the term “kin group” rather than “tribal group”.

The loss of the Tuvan kinship system in the 20th century and changes in relations have led to the fact that today the very maintenance of family ties becomes a problem for kin groups of the Tuvans. In order to preserve and develop ties, special efforts must be undertaken. In the author's opinion, this process is interesting to study with the help of such an anthropological approach as kin keeping, i.e. the ‘preservation of kinship’. We see that the Tuvans have a kind of kinkeepers — organizers of kinship gatherings and rituals. These kinkeepers have become mediators between nuclear families and an extended family — a kinship group.

Keywords: Tuvans; kinship; kinship system; kin group; ethnic terminology; kinship terminology; passportization; anthroponymy; preservation of kinship; kinkeeper; contemporary ritualism

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: paspor-tizatsiia, terminologiia i podderzhanie rodstva [The Main Issues of the Study of Kinship and Kin Groups of Contemporary Tuvans: Passportization, Terminology and Maintenance of Kinship]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 6-21. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Введение

Для тувиноведения тема родства, родственных отношений тувинцев — одна из самых важных, поскольку род традиционно был основой социальной организации этноса, как и для других народов Саяно-Алтая. Соответственно исследования родственных групп у тувинцев, оснований родства и его терминологии насчитывают обширную библиографию. Она включает не только непосредственно ту-винцев, но и других родственных народов. Однако, сегодня проблематика снова приобрела особое значение и нуждается в обогащении исследовательских подходов.

Значение родства для российских тувинцев не просто не снизилось, а получило «второе дыхание». Это выражается в ряде социокультурных явлений и тенденций в Туве. Во-первых, с 1990-х гг. в ходе так называемого процесса возрождения национальных традиций в российских регионах, в республике развернулись родовые движения, проходили родовые съезды. Они провозглашались для объединения членов родов, которые кочевали общими аалами на определенных территориях. С ослаблением соци-ально-политической подоплеку возрожденческих движений, в 2000-е годы можно было бы ожидать их схождения на нет. Однако, они трансформировались и получили новые формы. Родовые собрания *чыыштар*, *чыыжы* (сборы) приобрели характер ритуальной «сборки», в ходе которой члены родовых

объединений не только восстанавливают связи между родственниками по определенной линии родства, но и укрепляют связи этого объединения с духами мест и духами предков, которые остались здесь и обеспечивают, по убеждениям людей, благополучие рода. Во-вторых, в общественном дискурсе не снижает градуса актуальности тема родословных. Как в учебных заведениях, так и в учреждениях культуры регулярно проводятся конкурсы на составление родословных¹. СМИ популяризируют идеи знания людьми своих предков — до седьмого колена и более. Отдельные энтузиасты составляют родословные, пытаются уточнить сведения о далеких предках, и установить максимально полную информацию о расширенном круге родственников. В-третьих, общественная потребность была подержана мерами тувинского правительства. В мае 2021 г. распоряжением Правительства Республики Тыва была создана рабочая группа по разработке и реализации плана мероприятий по восстановлению и укреплению семейных связей между поколениями под лозунгом «Мой род — моя гордость» («Өгбелерим — чоргааралым»)².

Учитывая все это, мы понимаем, что научное знание должно изучать и новые формы социальных движений.

Целью данной статьи будет проблематизация вопросов, связанных с изучением родства и родственных отношений у тувинцев, которые на сегодня нуждаются в применении междисциплинарного синтеза исследовательских подходов: исторических, антропологических, лингвокультурологических, социологических. Я насчитываю три основных проблемных узла, над которыми необходимо работать: паспортизация 1940-х гг. и тувинская антропонимия; терминология родства; современные родственные отношения и связи тувинцев (хотя, разумеется, список этим не исчерпывается).

Наиболее важные исследования традиционной системы родства у тувинцев, а также новые тенденции трансформации (названные метаморфозами) обозначил в своей работе Ш. Степанов (Степанов, 2009). Поэтому я, формулируя проблемные вопросы, буду отталкиваться от его заключений. В анализе я опираюсь на литературу по этнографии тувинцев и проблемам тувинского языка по вопросам родства, публикации в СМИ, законодательные акты, различные документы, а также на материалы исследований современного родового движения тувинцев. В 2019 г. я записала один из обрядов тувинцев (Ламажаа, 2021), а с 2021 г. — эту работу мы стали проводить вместе с коллегами из открытой лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета³. В частности, в этом 2021 г. нам удалось собрать информацию о более десяти обрядах освящения местности *дагылга*, которые проводятся родственными группами тувинцев в разных районах республики. Эти подробные описания, включающие и нарративный материал, вошли в научно-популярное издание «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI в.» (Дагылга: тувинские ..., 2021).

Междисциплинарный синтез

Как я уже сказала, библиография работ по теме родоплеменного состава тувинцев достаточно обширна. Тем не менее, специальных отдельных исследований — диссертаций, монографий — не было. Объяснение данному факту находится в особенностях развития самого научного знания.

¹ Трушников Е. Сто полотен тувинских родословных объединятся в книге [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2002, 5 июня. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2002/24/2598-rodoslovn.html> (дата обращения: 12.07.2021); Положение о республиканском конкурсе сочинений на тему: Моя семья [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2007, 21 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2007/50/1519-konkurs-moja-semja.html> (дата обращения: 12.07.2021); Госархив Тувы объявил конкурс генеалогических исследований «Моя родословная» [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2017, 28 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2017/12/28/gosarhiv-tuvy-obyavil-konkurs-genealogicheskikh-issledovaniy-moya-rodoslovnaya.html> (дата обращения: 12.07.2021); В Тuve подвели итоги Республиканского конкурса генеалогических исследований «Моя родословная» [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2019, 9 декабря. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2019/12/09/v-tuve-podveli-respublikanskogo-konkursa-genealogicheskikh-issledovaniy-moya-rodoslovnaya.html> (дата обращения: 12.07.2021); На конкурс Национального архива Тувy «Моя родословная» работы принимаются до 30 ноября [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2021, 14 июля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/07/14/na-konkurs-nacionalnogo-arhiva-tuvy-moya-rodoslovnaya-raboty-prinimayutsya-do-30-noyabrya.html> (дата обращения: 12.07.2021).

² В Тuve стартовал проект «Мой род — моя гордость» [Электронный ресурс] // Тувинская правда. URL: <https://tuvpravda.ru/post/v-tuve-startoval-proekt-moj-rod-moja-gordost> (дата обращения: 12.07.2021).

³ Сайт лаборатории: <https://ethnolab.tuvsu.ru/>

Как пишут исследователи, сама история семьи, несмотря на древность этого общественного института, начала свой отсчет в качестве отдельной исторической дисциплины сравнительно недавно — в 1960-е гг. (Зоколл, Кошелева, Шлюмбом, 2004: 7), а в российской науке — долгое время продолжала развиваться в рамках этнографии (там же: 27), в первую очередь в связи с фиксацией традиционных норм, а исследования родственных отношений и связей и вовсе появились лишь в новом XXI веке.

При этом считается, что в целом антропология родства (*kinship studies* в англоязычной литературе) помимо этнографической (социально-антропологической) традиции, развивалась также и в лингвистической (или социолингвистической) (Бурькин, Попов, 2020: 8)¹. Это деление можно увидеть и в тувиноведении. Этнографическое направление здесь концентрировалось на анализе родоплеменного состава этноса, этнонимов, традиционных норм системы родства. Двадцатый век, разительно изменивший социокультурную жизнь всего человечества, практически всех обществ и культур, также поменял жизнь тувинского этноса и в целом населения Тувы. Как об этом уже писалось (Даргын-оол, 2002: 22–23; Кужугет, 2006 и др.), советская политика в Туве, поставив целью выстроить правильные производственные отношения и сформировать советского человека, большинство национальных традиций народа провозгласила признаками отсталости. Соответственно практически во всем производились реформирования. Культурная революция в Туве обсуждается в научной литературе (История Тувы, 2007: 243–313; Кужугет, 2020; Бадырғы, Мунге, 2020 и др.), однако, тема изменения систем родства и родственных отношений у тувинцев — до сих пор не поднималась. В 2004 г. вышла в свет монография М. Х. Маннай-оола «Тувинцы. Происхождение и формирование этноса» (Маннай-оол, 2004), однако она содержит традиционные темы этнографии — этногенез и сложившийся в итоге родоплеменной состав тувинцев.

Статья французского антрополога Ш. Степановфа (Степановф, 2009), поставившая вопрос о метаморфозах систем родства тувинцев, к сожалению, остается пока единственной, в которой анализируются изменения системы родства у тувинцев. Остальные тувиноведы переключили свое внимание на изучение более сохранных традиционных форм родства у тувинцев Монголии и Китая. А родственные отношения и родственные связи, основанные на меняющихся ценностных представлениях и мотивации деятельностных практик, и вовсе остаются в тувиноведении белым исследовательским полем.

Лингвистическое направление исследования родственных общностей у тувинцев в советские годы содержало также прежде всего изучение родоплеменных названий тувинцев — этнонимемику. Эти вопросы составили, например, важную часть научного творчества известного тюрколога Б. И. Татаринцева (Татаринцев, 2009: 164–285; см. также: Дамбыра, Кечил-оол, Саая, 2019: 1203)². В конце XX в. в тувиноведении, как и во всей российской науке наблюдался очевидный спад интереса к фундаментальным темам антропологии родства (Бурькин, Попов, 2020: 297). Лишь затем с XXI в. общие проблемы терминов родства стали исследоваться филологами (Бавуу-Сюрюн, 2000; Кара-оол, 2004, 2006; Сувандии, 2011, 2015).

Как научные пробелы, так и разворачивающиеся социальные практики, побуждают провести ревизию исследовательских задач на вышеупомянутом белом поле — учитывая как этнографическую, так и лингвистическую традиции. При этом, я полагаю, что можно попытаться объединить отдельные исследовательские вопросы в решении этих задач, обозначить перспективы междисциплинарных исследований. Рассмотрим это на выделенных трех проблемных узлах.

Паспортизация и тувинская антропонимия

По мнению Ш. Степановфа, мажорско-китайская система замены родственной солидарности территориальной идентификацией была окончательно завершена революционной властью ТНР, которая положила конец культовой деятельности родственных групп. При этом, подчеркивает он, введение русской системы фамилий в жизни тувинцев позволило «заморозить» (сохранить) систему

¹ А. В. Попов также выделяет три направления изучения феномена родства: типологическое, этносоциологическое и этнологическое (этнокультурологическое) (Бурькин, Попов, 2020: 292–296).

² Кроме того, я знаю, что родными и коллегами Бориса Исаковича Татаринцева (супругой ученого М. П. Татаринцевой и К.-М. А. Симчитом) сегодня подготовлен сборник его работ по этой теме под названием «Тувинская этнонимика», которую планируется издать в ближайшем будущем.

широких родственных групп в представлениях тувинцев (Степановф, 2009: 131–132). Соглашаясь с автором по поводу оценки итогов маньчжурской политики, отмечу, что вопрос о введении фамилий у тувинцев в советское время — не столь однозначен.

Это практически не исследованная страница истории Тувы, которую тем не менее в первую очередь вспоминает каждый тувинец, пытающийся восстановить имена старших родственников. Речь идет о введении паспортизации в Туве, когда республика вошла в состав СССР (в 1944 г.) и возникла необходимость задокументировать персональные сведения на каждого нового гражданина Союза — указать в документах его фамилию, имя и отчество, а также другие данные. Интересен тот факт, что этот сюжет никак не отражен в «Истории Тувы», в которой отмечены самые важные исторические вехи, в том числе советского периода (История Тувы, 2007, 2016). В академическом издании историков лишь упоминаются, например, эпизоды паспортизации, но только русского населения периода ТНР: в 1923 г. — населения Русской самоуправляющейся трудовой колонии — РСТК (История Тувы, 2007: 319–320) и в 1936 г. — советских граждан в республике, в ходе которой из Тувы были высланы сотни людей, попавших под массовые политические репрессии (там же: 216)¹. История паспортизации всего населения уже в советской Туве пока лишь только называется в работах филологов, которые зафиксировали связанные с ней изменения в антропонимии у тувинцев (Бавуу-Сюрюн, 2000; Сувандии, 2009, 2015).

Полагаю, что проблему надо решать и историкам, и специалистам в области этносоциальных, этнокультурных процессов, учитывая изучение общей советской политики и паспортизации в стране.

В связи с появлением у Союза новой территории вышел приказ народного комиссара внутренних дел СССР от 26.10.1944 № 001332 «Об объявлении штатов по Тувинской автономной области». Согласно этому приказу в области были образованы новые учреждения, в том числе создан паспортный отдел управления НКВД. Впервые за всю историю Тувы каждый гражданин, достигший 16-летнего возраста, получал паспорт². Как пишет М. М.-Б. Харунова, непосредственно процесс паспортизации был запущен после постановления Совнаркома РСФСР 16 апреля 1945 г. «О регистрации актов гражданского состояния и выдаче паспортов в Тувинской Автономной области» (Харунова, 2011: 64). На заседании бюро Тувинского обкома ВКП(б), которое состоялось 26 мая 1945 г., секретарям Кызылского горкома и райкомов ВКП(б), председателям Кызылского горсовета и районных советов депутатов трудящихся было наказано провести среди населения до 15 июня «широкую разъяснительную работу о значении регистрации актов гражданского состояния» (НАРТ, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 267). С после этого с 15 июня 1945 г. Управление НКВД по Тувинской области обязывалось приступить к регистрации актов гражданского состояния (Харунова, 2011: 64).

«Справочник личных имен РСФСР» 1965 г. указывает конкретно год паспортизации — 1947 г. (Справочник личных ..., 1965: 177), хотя, скорее всего это был год ее окончания.

Как и в СССР, паспортизация в Туве имела ряд последствий, которые были обусловлены поставленными целями и формами решения задач. Общесоветские принципы были заложены в постановлениях ЦИК и СНК СССР 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательно прописки паспортов» и «Об утверждении Положения о паспортах» (Тарасов, 2005: 19). А. Ю. Тарасов пишет, что паспортизация сказалась положительно на организации борьбы с преступностью, обеспечении

¹ Для историков этот эпизод, на мой взгляд, был бы весьма интересен в источниковедческой работе. Очевидно, что в последние годы ТНР паспортизация всех граждан уже предусматривалась. Но была ли она реализована? В Национальном архиве Республики Тыва, например, хранятся документы на латинизированной письменности, которые можно было бы изучить в связи с этим вопросом. Например, есть проект Указа Президиума Малого народного хурала ТНР 1941 г. «О введении паспортизации граждан ТНР», который должен был быть подписан Анчимаа. В нем, в частности, гражданам рекомендовалось изменить «позорные некультурные фамилии». В одном из проектов Постановления Совета Министров ТНР того же года содержится запрет Госиздату заниматься изменением имен и фамилий; все эти вопросы поручались теперь только ЗАГСу при МВД. Поскольку упомянутый орган относился к ведомству по внутренним делам, то есть предположение, что остальная документация по вопросу паспортизации и ее реализации, очевидно находится в архиве КГБ. Но, помимо этого, также есть уже подписанный Анчимаа и заверенный печатью принятый в 1942 г. указ о паспортизации граждан ТНР.

² Вхождение Тувы в состав СССР. Создание районных отделов [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел по Республике Тыва. URL: <https://17.mvd.pdf/300-лет-российской-полиции-/новости/вхождение-тувы-в-состав-ссср.-создание-р> (дата обращения: 12.07.2021).

государственной безопасности и пр. (там же: 23). Вместе с тем она привела к серьезным проблемам для народного хозяйства: были выявлены существенные расхождения в численности многих городов и местностей, появилась категория лиц, которым было отказано в выдаче паспортов, применение мер наказания к нарушителям паспортных правил привело к массовому оттоку населения из городов, где проводилась паспортизация и пр. (там же: 21–22).

В паспорте указывался целый перечень сведений, в том числе имя, отчество, фамилия, время и место рождения, национальность. Главную проблему в Туве (как и в других национальных республиках) создало введение русской именной формулы «фамилия — имя — отчество». Как вносить фамилии, имена и отчества тувинцам, которые до этого не имели таких видов антропонимов, как отчество и фамилия (Сувандии, 2011: 6)? У тувинцев были только имена, кочевали они аалами с несколькими юртами, в которых жили представители одного рода с определенным названием. Когда кого-то называли по имени, то могли перед именем обозначать отцовство, которое состояло из изафетного сочетания имени отца и принадлежности слов *оглу* 'сын его' или *кызы*, *уруу* 'дочь его' (Сувандии, 2015: 172).

Но подобные проблемы уже решались в СССР во время Первой Всесоюзной переписи в 1926 г. (Байбурин, 2017: 210). А при подготовке к паспортизации, например, коренного населения Туркестана гражданам, не имевшим фамилий, рекомендовалось выбирать их по имени отца и деда; при этом делать оформление фамилий с окончанием на «ов» и «ев» — для мужчин, «ова» и «ева» — для женщин. Одновременно регистрировались и отчества с окончаниями «ович», «евич» и «овна», «евна» (там же). Подобные правила устанавливались и для других этнических общностей (там же: 211).

А. Байбурин, исследовавший историю советского паспорта, отметил, что русификация антропонимического фонда не учитывала многих особенностей функционирования имен в «инородческих» традициях. Правда, среди особенностей он назвал только традицию смены имен у каждого человека в течение жизни и изменения статуса человека (там же). Другой особенностью можно назвать родовые, племенные имена или этнонимы, по которым представители этнических культур, как и тувинцы, могли идентифицировать своих и чужих. И именно эти этнонимы были бы уместнее в качестве фамилий, однако, их использование могло привести к тому, что в одном населенном пункте оказалось бы слишком много однофамильцев. Это сильно затрудняло систему учета населения. Поэтому и в Туве людям было предоставлено право по желанию избрать себе фамилию и имя, сохранив отчество отца. Как отмечалось в решении бюро Тувинского обкома ВКП(б) от 26 мая 1945 г., «фамилия может быть избрана из существующих тувинских фамилий или собственного имени, имя отца или деда. Если регистрируемый избирает фамилию по своему существующему имени, он должен избрать себе новое тувинское имя» (НА РТ, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 267). При этом, поскольку работникам органов ЗАГС поручалось «оказывать всемерное содействие населению в правильном выборе фамилий и имен» (там же), на практике рекомендации могли становиться приказами, сведения людям порой приписывались в общем порядке, нередко без соблюдения каких-то правил в отношении кровных родственников. Такая же неразбериха и перегибы наблюдались и при первой волне паспортизации в Союзе, например, в Москве и Ленинграде в 1933 г. (Байбурин, 2017: 109–119).

Позже филологами это было названо «упорядочением фамилий», поскольку тувинские «родоплеменные названия, служившие фамилиями, количественно ограничены» (Справочник личных ... , 1965: 177). В упоминаемом «Справочнике личных имен РСФСР» таковых у тувинцев насчитывается — 29 (там же: 193–194). Их список приводится в двух вариантах — в тувинском и русском написании (различие между ними составляет только замена в русском написании тувинских букв «ң» на «н», «ү» — на «ю»).

Решенная на практике задача породила разные проблемы и иные последствия, но, как я уже упомянула, филологи фиксировали только проблемы правописания, например, «придуманных» имен, отчеств и фамилий. Некоторые из тувинцев к окончанию фамилии добавляли аффикс -ов/ев, заимствованный из русского языка (Артаев — от Артаа, Эренчинов — от Эренчин и др.); были и женские варианты типа «Биче-оолова» (Бавуу-Сюрюн, 2000: 204). Однако, как пишет Н. Д. Сувандии, аффикс не стал продуктивным, использовался мало и сегодня практически не встречается (Сувандии, 2015: 171). Был краткий период замены вообще тувинских имен на русские (Бавуу-Сюрюн, 2000: 204). В постсоветское время тувинцы стали больше ориентироваться на тувинские имена, которые дают своим детям, и филологи предложили вернуться к старым традициям имянаречения. В том числе есть предложение вернуться к старому обозначению отчества с приставками *кызы* и *оглу*, которое

было обосновано и разрешено в ст. 7 Закона Республики Тыва в 1996 г. «для сохранения и развития национальных обычаев по присвоению имен, отчеств, фамилий граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва»¹. Правда, тут же Н. Д. Сувандии отмечает, что подобная форма отчества остается слабо востребованной, т. к. представляет определенные неудобства, особенно при выезде людей из Тувы в другие российские регионы (Сувандии, 2015: 172).

Нас же в данном случае интересуют этносоциальные, антропологические последствия паспортизации и нововведений в антропонимике с перестановками. В числе последствий, знакомых всему тувинскому населению, оказалась проблема разного написания фамилий у родных братьев, сестер, которые с тех пор с появлением новых поколений оказались «разведены» по разным линиям родства. Самый известный случай, который нередко звучит в СМИ — история фамилии министра обороны России С. К. Шойгу, которая должна быть «Кужугет», поскольку «Шойгу» — это имя отца, а «Кужугет» — название рода². Известно также, что родной брат отца Сергея Кужугетовича, т. е. родной дядя, все же носит фамилию «Кужугет»³. Но формально теперь их родство не подтверждается по документам. И подобных примеров по всей Туве насчитывается немало. В моем роду по линии мамы также есть факты того, что родные братья и сестра носят разные фамилии и отчества. Плюс к этому добавляет путаницу и традиция усыновления, воспитания детей родственниками, которые потом записывали их на себя.

Как писал знаток тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, для тувинцев особенно старшего поколения новая система именования не удобна, так как не позволяет идентифицировать людей правильно — по отцу: «В последнее время стали говорить: Сарыг Делгерович Дулуш, Сайлык Мергенович Монгуш. Тувинцы, услышав такое обращение, спрашивают: чей сын, чья дочь? На самом деле непонятно откуда они и чьи они дети. Если говорить по-тувински, то правильно будет называть их так: сын Дулуша Делгера Сарыга, дочь Монгуш Мергена Сайлыка» (Кенин-Лопсан, 2006: 57).

Тувинские проблемы восходят и к общим советским проблемам паспортизации, которые основательно изучил и показал в своем исследовании А. Байбурин (Байбурин, 2017). В частности, автор подчеркивает, что советский паспорт был введен в первую очередь как средство государственного контроля за учетом и передвижением населения, причем не с самого начала провозглашения советского государства, а спустя 15 лет — в сложной социальной ситуации хаотического перемещения по стране огромных масс людей, что грозило перерасти в социальный крах (там же: 93–95). Введение в этих условиях паспортной системы Байбурин назвал советской версией социальной инженерии, чтобы вести учет населения, и чтобы отделять «своих» от «чужих» (там же: 94). При этом в выработке системы паспортизации, которая завершилась в том числе утверждением формулы «фамилия — имя — отчество», где первым пунктом вставала фамилия, исследователь видит перемену отношения к человеку. На смену индивидуальности и единичности пришли списки, в которых главное место заняли фамилии, а имя и отчество стали дополнительными различительными признаками (там же: 209).

Применение советской социальной инженерии в Туве привело к определенным изменениям в системе родства людей. С 1940-х гг. прошло уже семьдесят лет. С разными паспортными данными — «разведенные», **«отчужденные» родственники** жили, старели; выросли их дети, у них — свои... Новые поколения продолжают теперь брать уже зафиксированные фамилии. Люди разъезжаются по разным населенным пунктам, по городам, теряют связи друг с другом... Еще более запутанная ситуация у тех, кто был когда-то усыновлен родственниками родителей, получил их паспортные данные (фамилию, отчество).

Разумеется, не только одна паспортизация стала причиной утраты родственных связей. В целом советская политика не поддерживала в национальных республиках у коренных народов традиции родства, расценивая это признаками кумовства, местяковости, землячества. Как пишет Дж. Бук

¹ Закон Республики Тыва от 20 февраля 1996 года N 496 «Об именах, отчествах и фамилиях граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802048652> (дата обращения: 12.07.2021).

² Почему фамилия министра обороны Шойгу, а не Кужугет: к юбилею Сергея Шойгу [Электронный ресурс] // Новости.Ру. URL: <https://novosti-ru.ru/community/24236-pochemu-familiya-ministra-oboronyi-shoygu-a-ne-kuzhuget-k-yubileyu-sergeya-shoygu.html> (дата обращения: 12.07.2021).

³ Кужугет Калинин-оол Сереевич (1936 г.р.) — кандидат геолого-минералогических наук, первый ученый-геолог Тувы.

Кихада, исследуя возрождение шаманских кланов в Бурятии, «как и везде, ценой “современности” был отказ от “традиции”, а принадлежность к клану была признаком “традиции”, в которой современные городские буряты не нуждались» (Buck Quijada, 2008: 6).

Так, знание об истинном родстве утрачивалось с уходом старших поколений из жизни. Я и мои коллеги столкнулись с этим в работе над проектом «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке», восстанавливая вместе с нашими информантами состав родственных групп, которые сегодня объединяются для проведения обрядов освящения *дагылга*. Тувинцы сегодня испытывают потребность в установлении круга родства, но уточнения того, кто какое место занимает в общем родословном древе, и кто кому кем приходится — осложняются уже отсутствием в живых тех, кто знал правильные родственные связи, до паспортизации...

Соответственно, упоминаемая выше идея Ш. Степановфа о том, что русская система фамилий «заморозила» систему широких родственных групп в представлениях тувинцев, может быть верной лишь в отношении самой системы, поскольку большая часть тувинцев все же использовала так или иначе название рода и помнит о нем. Тем не менее, если анализировать эту тему углубленно, то обнаруживается, что преемственность родства у тувинцев, основанная на знании людьми своих предков, сегодня имеет очень важную историческую веху — паспортизацию 1940-х гг., когда было принято решение пренебречь традиционной системой антропонимики и были введены новации с имьянаречением. В итоге это разлучило достаточно много родных людей, развело немало родственных групп на отдельные, в которых образовались утраты связи между потомками, и усложнило нынешнее стремление тувинцев к установлению, восстановлению родства.

Төрел аймак, төрел бөлүк, төрел-дөргүл — родственные группы тувинцев

Как тувинцы в целом называют свой круг родства и как ее определяют исследователи? Проблема здесь видится в том, что терминология исторически менялась, но научное знание, особенно конца XX — начала XXI вв., в основном, осталось на месте. Отчасти, полагаю, это стало результатом утраты связей научных школ (внутреннего и внешнего тувиноведения, см.: Ламажаа, 2010) в 1990-е гг., но если смотреть шире, то очевидно, что это и результат общего застоя российской науки, которая мало исследовала проблемы родства в этот период (Бурькин, Попов, 2020: 12).

Ш. Степановф (представитель внешнего, зарубежного тувиноведения) подчеркнул, что основным термином самих тувинцев сегодня является *аймак* (см.: Степановф, 2009: 132), что восходит к монгольскому *аймаг* — ‘племя’, ‘род’, ‘административная единица’ (Севортян, 1974: 110). Но внутреннее тувиноведение (более многочисленное на сегодня), к сожалению, до сих пор чаще всего оперирует термином «родоплеменные группы», который более корректен для обозначения общностей скорее в начальный период складывания в целом тувинского этноса. В данном случае мы сталкиваемся с тем же явлением, что был обозначен А. А. Бурькиным и В. А. Поповым: в основном люди, в том числе исследователи, опираются на словарные термины, которые могут устаревать, а вот «нормы использования родственных отношений (не “как надо употреблять”, а “как реально употребляют” термины родства и особенно термины свойства) известны весьма приблизительно и практически не исследованы до сих пор» (Бурькин, Попов, 2020: 9). Упомянутые специалисты пишут, что для русской терминологии родства и свойства явно не подходят традиционные этнографические методы, а могут быть использованы методы лингвистики (там же: 11). То же можно сказать и о тувинской терминологии, которая должна соответствовать не только лексике самого тувинского языка, но и учитывать вопрос исторической изменчивости терминов.

А терминологические перемены фиксировались еще на рубеже XIX–XX вв. Как отмечает Ш. Степановф, в конце XIX в. русскоговорящие исследователи называли в своих очерках о тувинцах родственные группы *сөөк* — также, как подобные группы назывались у других тюркских народов Саяно-Алтая (Степановф, 2009: 131). Однако, тут же оговаривает исследователь, уже в корпусе текстов Н. Ф. Катанова он находит, что сами тувинцы использовали обобщенные слова *чон* и *улус* вместо *сөөк* (там же: 131). Другие авторы тоже писали, что тувинцы идентифицировали себя скорее по административному делению, нежели по родственным группам (Райков, 1898: 448; Дулов, 1951: 58). Это стало одним из результатов маньчжурской административной реформы, которая ввела новое устройство территориальных единиц, что сказалось на системе принадлежности к родственным группам. Ш. Степановф считает, что последствия были разрушительными (Степановф, 2009: 131), однако, я полагаю, что это не вполне верное заключение.

Как я уже писала (Ламажаа, 2021: 124–125), хошуны (основные единицы административного деления во времена маньчжурского правления) состояли из сумонов и арбанов, которые объединяли, как правило, близких родственников, сородичей (Потапов, 1969: 43). Аальные общности были прежде всего, традиционного типа, когда общность была на кровном родстве семей (История Тувы, 2001: 273), хотя помимо них также были и аалы типа соседских общин, а также аальные байские хозяйства. В советское время расселение тувинцев в стационарные жилища при переводе их на оседлость, обучение, профессионализация, урбанизация — все это привело к тому, что прежние родственные группы распались, их члены разъехались. На местах прежних родовых стоянок кочевников остались жить и работать животноводами лишь отдельные семьи. Но, тем не менее, родство для тувинцев не потеряло свою значимость. В конце 1970-х гг., в период «развитого социализма», социологи зафиксировали материальную взаимопомощь тувинцев-родственников: сельские жители оказывали своим родным в городе помощь сельхозпродуктами, а те — предметами культурно-бытового назначения, одеждой, обувью, деньгами (Очерки социального ... , 1983: 79). И, как выяснили социологи совсем недавно, эта же стратегия взаимопомощи домохозяйств родственников — сельчан и горожан — сохранилась и до сегодняшнего дня (Социально-стратификационные ... , 2020: 85, 87–88).

Так, мы понимаем, что общности тувинцев, основанные на родстве, продолжают жить. И эта связь между людьми также сохранялась и в языке — главном выразителе мировосприятия народа. Чрезвычайно интересной и важной в этой связи является работа филолога Л. С. Кара-оол — монография «Термины родства и свойства в тувинском языке» (Кара-оол, 2006), в которой исследована лексика родства, проведена ее систематизация. Автор подчеркивает проблематику изменчивости терминологии: сначала она складывалась в условиях большой патриархальной семьи, с ее распадом некоторые слова стали уходить из словарного запаса, исчезать, а некоторые ограничили территорию своего распространения или активно вытесняются описательными новообразованиями (там же: 5). Л. С. Кара-оол справедливо считает, что анализ терминологии способен дать не только лингвистическую, но и историко-этнографическую информацию (там же). Костяк системы составляют классификационные термины как отголоски «большой», патриархальной семьи, но наряду с ними возникли и распространились описательные термины, характеризовавшие исторический переход от «большой» семьи к «малой» (там же: 6). Изменения в терминологии свидетельствуют о том, как меняется сама социальная реальность этноса.

Из всего большого лексического богатства, которое систематизировала Л. С. Кара-оол, нас интересуют прежде всего основные термины, обозначающие группу родственников. Самым общим здесь является термин *төрөл* — ‘родственник’ (там же: 142, 143). В тувинско-русском словаре Э. Р. Тенишева он имеет следующие толкования: «*Төрөл* — 1. родственник; родственница; 2. род // родовой» (Тувинско-русский словарь, 1968: 419). Он имеет в употреблении вариативность, а его производные означают разные аспекты родства (дальнее родство, близкое родство и пр.). Вариативность присутствует в формах: *дөргүл-төрөл* (там же), *төрөл-дөргүл* (там же: 144), *төрөл улус* (там же), *хан төрөл* (там же). Первые два выражают общее понимание родственников, в третьем описываются «родственные люди», последнее — подчеркивает кровное родство (*хан* — ‘кровь’). В работе Л. С. Кара-оол не отмечены еще два варианта, которые присутствуют и в тувинской литературе, и в разговорной практике — о чем мы писали с коллегами-филологами: *төрөл бөлүк* — ‘родственные группы’ и *төрөл аймак* (Кужугет и др., 2019: 151–152).

Термины разговорной практики были отмечены нами при работе над проектом «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI в.» (Дагылга: тувинские ... , 2021). Сегодня обряды *дагылга* очевидно стали одним из важнейших для сбора (*чыыш*, *чыыштар*) всех, кто входит в круг родства той или иной группы (другими обрядными мероприятиями можно назвать свадьбы, юбилеи, праздники первой стрижки детей, похороны). Именно состав этих групп и их самоназвания можно считать основными для определения состава родовых общностей тувинцев.

Обряд *турлаг дагылгазы* (освящения родовой стоянки) в окрестностях села У-Шынаа Тес-Хемского района в последние годы проводит группа родственников, которые называют себя потомками рода Мумбалдай (? – 1973), чабана из племени *чооду* рода *кезек тожу* (*Мумбалдайлар салгалдарының чоодулар аймааның кезек тожу төрөл аймаа*¹). Тем не менее непосредственное родство они отсчитывают

¹ *Аймаа* — *аймак* в склонении принадлежности.

от его старшей сестры С. М. Мумбалдай (1932–2000) (там же: 10–13; 82–85¹). Обряд *суг бажының дагылгазы* (освящения начала водного источника) в Барун-Хемчикском районе в местечке Аянгаты проводят родственники — потомки монгушей (*монгуштар аймаа*), а конкретно — детей животновода Н. Ч. Монгуша (1896–1961) (там же: 14–19; 86–91). Такой же обряд в этом же районе, но в местечке Устүү-Шыдаяк проводят представители аймака Д. Б.-К. Хомушку (*хомушулар аймаа*) (1935–1983) (там же: 20–24; 92–97). В Бай-Тайгинском районе в местности Чаңгыс-Терек *тел ыяш дагылгазы* (освящение дерева с несколькими стволами) проводят представители аймака Кужугет (*Кужугеттар аймаа*), при этом они также отсчитывают родство от животновода Б. Б. Кужугет (1930–1999) (там же: 25–28; 98–102). В Овюрском районе обряд *Чалаа дагылгазы* (освящения горы Чалаа) организуют при большом стечении народа представители аймака *тумат* (*тумат аймаа*) — сразу несколько родственных групп, возглавляемых старшими членами семей (там же: 36–44; 111–118).

Самый важный вывод, который мы можем сделать из терминологического обзора и приведенных примеров, — это то, что наиболее употребляемый для тувинцев термин общего родства, обозначения круга своих родных людей — *төрөл*, который используется в сочетании с дополнительными словами *төрөл аймак*, *төрөл бөлүк* и *төрөл-дөргүл*² и в случае указания конкретного рода заменяется на имя, фамилию или этноним, например, *монгуштар аймаа*. При этом более адекватным переводом на русский язык для них в целом, считаю, может быть термин «родственная группа», а не «родоплеменная группа». Племенная идентификация, или идентификация по этнонимам, у тувинцев сохраняется, но, на мой взгляд, больше, как память о древности³. Тем не менее, для тувинцев сегодня важно понимание родства от конкретного предка — дедушки или бабушки, имена которых им известны. Поэтому часть аймаков носит название по фамилии известного предка (порой совпадающего с этнонимом, но не всегда) — это мы зафиксировали в самоназваниях с большой буквы, например *Кужугеттар аймаа*, а не *кужугеттар аймаа*. При этом, также для современных тувинцев идентификация по отцовской линии или материнской — вопрос личного выбора, самоощущения (Степановф, 2009: 134). Объединения родственных семей для совместных обрядов — тоже дискуссионный вопрос. Например, А. В. Монгуш пишет, что потомки монгушей из местности Бажың-Алаак Дзун-Хемчикского района пока не могут договориться о совместном проведении *дагылга* несмотря на то, что предки у них одни. Тем не менее аргументируя, что непосредственно их родители не проживали в данной конкретной местности, отдельные родственники не присоединяются к ним (Дагылга: тувинские ..., 2021: 60).

Сохранение родства

Третий, не менее важный проблемный узел связан с изучением особенностей жизни современных родственных групп тувинцев. Отчасти актуализация их функционирования в новом — онлайн — пространстве, которое не нуждается в физических взаимодействиях, конкретном общем месте, уже была обозначена мною в недавней статье (Ламажаа, 2021). Но, помимо этого, есть много других вопросов на большом исследовательском поле. Они возникли в связи с изменениями моделей родственных отношений, их усложнением и появлением разнообразных форм, вариаций.

В частности, Ш. Степановф пишет о переходе от патрилинейной к матрилинейной идентификации, что стало заметным для тех, кто родился после 1980-х гг. и стал выбирать принадлежность к аймаку не по группе отца, как раньше, а по группе их матери (Степановф, 2009: 134). Более того, он зафиксировал «великий упадок мужчин», который выразился в общем и удельном падении их численности, мас-

¹ Здесь и далее указываются пагинации описания обрядов упоминаемых родственных групп в издании — на русском и тувинском языках.

² Как верно отмечает Ш. Степановф, терминология может меняться в зависимости от места — города, села, кочевой стоянки, и даже один и тот же человек может менять терминологию, переходя из одной среды в другую (Степановф, 2009: 139). При этом его замечание, сделанное по отношению к отдельным терминам родства, верно и по отношению к общей терминологии.

³ Так, Ш. Степановф пишет об идентификации одной из тувинок, например, с «древнейшим тюркским кланом», приводя в качестве примера этноним-фамилию Куулар (там же: 134). В целом, соглашаясь с наблюдением коллеги, я не считаю корректным использование здесь термина кельтского происхождения «клан» для родоплеменных групп, этнонимов тувинцев также, как и для других сибирских этносов. Тем не менее, в англоязычной литературе антропологи, описывая родственные группы и родственные связи этих этносов, используют слово *clan* (напр. в отношении бурятских родов: Buck Quijada, 2008).

совом исключении их из трудовых отношений (мужчины оказались, как он пишет, не в состоянии адаптироваться к новому экономическому контексту с преобладающей сферой услуг (там же: 134–136)), что в значительной мере обусловило рост преступности в Туве именно среди мужчин и ослаблению значения отцовской линии идентификации. Проблематика трансформированных отношений этим не исчерпывается. На мой взгляд, здесь также интересны изменения отношения тувинцев к свадебной церемонии, которая во многом приобрела характер социальной презентации, соревнования между родственными группами. Эту тему я поднимала с моим коллегой Ш. Б. Майны ([Ламажаа, Майны, 2020](#)).

Еще один совершенно не исследованный аспект — усилия, которые сегодня тувинцы прилагают для сохранения и укрепления родственных связей, что раньше не выделялось в особый вид деятельности. Эта проблематика становится очевидной в свете исследований такого направления западной антропологии как *kin keeping* — ‘сохранение родства’. Одной из самых известных работ этого направления является статья антрополога из Университета Торонто К. Розенталь ([Rosenthal, 1985](#)), опирающаяся на дюркгеймовскую концепцию солидарности ([Дюркгейм, 1996](#)), но акцентирующая свое исследование на теме семейного разделения труда как аспекта семейной организации. Как отмечала еще в 1980-х гг. канадская исследовательница, значение расширенной семьи, в состав которой входят семьи трех поколений (родителей, их детей — братьев и сестер, их детей), остается важной для людей, в том числе и для горожан (исследованием были охвачены семьи одного из типичных канадских городов — г. Гамильтона (провинция Онтарио), без выделения этнической принадлежности). Сама по себе сохранность всей семьи считается ценностью для людей и для этого они готовы поддерживать связи, встречаться время от времени на семейных мероприятиях. Но если семье угрожает распад по причине смерти или плохого самочувствия предыдущего родственника — этот факт становится причиной для того, чтобы прилагать особые, еще большие усилия по укреплению родственных связей. Причем среди родственников обязательно находится человек, который берет на себя обязанность вести переписку, совершать звонки, организовывать совместные мероприятия. Этот человек назван К. Розенталь кинкипером (*kinkeeper*) (там же: 971–972). Тем самым, утверждается, что семья может сочетать механическую и органическую форму солидарности, по Дюркгейму, когда в ней поддерживаются и ценности коллективного сознания с сохранением и передачей традиций, и возможно разделение труда с выполнением определенных функций на основе социальных договоренностей. Последующие исследования антропологов развили идеи К. Розенталь по задачам и функциям кинкиперов ([Brown, DeRycke, 2010](#) и др.).

Если мы посмотрим на особенности организации обрядов *дагылга* у тувинцев и их родственных групп ([Дагылга: тувинские ... , 2021](#)), то увидим, что во всех случаях здесь тоже появились своеобразные кинкиперы — у одних групп это постоянные (или мужчина, или женщина), у других — временные, назначаемые на определенный период (например, до организации следующего ежегодного обряда), сменяемые, а где-то их сразу несколько. Они стали связующим звеном между нуклеарными семьями и расширенной семьей — родственной группой, которая сама работает как своеобразная социальная сеть ([Reis, Sprecher, 2009](#): 951–954). Для повседневного общения сами члены группы пользуются специальными чатами родственников в наиболее популярном в Туве мессенджере Viber ([Ламажаа, 2021](#)). Но для встреч в реальной жизни, разумеется, появляется необходимость в специальных «двигателях» — организаторах, временных кинкиперах.

Например, для аймака Мумбалдаев Тес-Хемского района таковыми выступают постоянный инициатор шаман Эргек хам, один из старших членов родственной группы, и сменяющие друг друга молодые женщины — его племянницы ([Дагылга: тувинские ... , 2021](#): 10). Аймак Монгушей из Барун-Хемчикского района собирается на родовые сборы благодаря посменной организации женщин — внучек прародителя Н. Ч. Монгуша, которые друг другу приходится двоюродными сестрами (там же: 14–15). У аймака Кужугет из Бай-Тайгинского района сначала инициатором сборов стал один из сыновей прародителя Б. Б. Кужугета, затем каждый год ответственными назначается одна из нуклеарных семей родственной группы (там же: 25–26). У других родственных групп также наблюдаются сменные организаторы обрядов *дагылга*. Где-то они назначаются, где-то выступают как добровольцы.

Эти ответственные люди договариваются о приглашении ламы или шамана, определении с ним даты, оповещении всех родственников, сбора средств, приобретении продуктов, ритуальных предметов, призов для победителей спортивных соревнований, организации автотранспорта и пр. Разумеется, часть задач заметно упростилась с появлением мобильного Интернета, социальных сетей, возможностей электронных переводов денег.

Однако, само наличие таких кинкиперов, выделение их из числа членов семей уже означает, что современные тувинцы, уже отчасти урбанизированные, разобщенные, имеющие образование, профессии, оторвавшиеся от мест проживания, уже выступают практически как люди современной семейной культуры. Модели родственных отношений в общих чертах не отличаются от других. Пытаясь возродить старые традиции родственных отношений, они прибегают к универсальным механизмам — прилагают специальные усилия, выделяют людей кинкиперов. Это показывает нам в том числе изменения системы родственных связей, говорит о том, что тувинская семья, тувинские родственные группы могут изучаться с помощью новых подходов.

Заключение

Таким образом, я попыталась сформулировать проблемные узлы в общих исследованиях родства и родственных отношений тувинцев, которые на сегодня, на мой взгляд, нуждаются в углубленных исследованиях, в том числе в междисциплинарном синтезе наук.

Проблема истории паспортизации тувинцев, в целом известная населению и специалистами, могла бы быть поднята и раньше. Однако, до сих пор о ней лишь упоминали филологи в связи с обсуждениями в антропонимике. Настало время изучения как самой исторической страницы, так и последствий социальной инженерии, призванной вести учет населения и унифицировавшей собственные имена людей, но ломавшей этнические традиции именования. В Туве таким последствием стало появление отчужденных родственников, что сегодня приводит к проблемам восстановления родства.

Терминологическая проблема сегодня выражается в том, что в тувиноведении так и не зафиксированы изменения в структуре тувинского этноса, в его нынешнем состоянии. Многие коллеги до сих пор оперируют устаревшим понятием «родоплеменная структура», при том, что жизнь племен как этнических единиц осталась в далеком прошлом. Сегодня можно говорить о родственных группах тувинцев, учитывая терминологию самоназвания этих групп на тувинском языке — *аймак*, *төрөл аймак* и пр. Само понимание родства для тувинцев было важным на протяжении всего XX века, и оно продолжает сохранять актуальность, что фиксируется филологами в языке, в литературе (*Кужугет и др., 2019*).

Если историческая и терминологическая проблемы входили в перечень достаточно традиционных тем для тувиноведения, новые исследовательские вопросы, связанные с современным бытованием родственных отношений, связей и их функционирования, становятся более очевидными с иных исследовательских позиций. Для их решения я предлагаю привлекать подходы и методы зарубежной антропологии, что существенно обогатит наше понимание этносоциальных и этнокультурных процессов, позволит увидеть как общее, так и особенное.

Помимо указанных проблем можно назвать и другие, не менее интересные. Но здесь, я полагаю, что мы можем констатировать самый важный общий вывод — тема родства для культуры и общества тувинцев остается важнейшей, поскольку определяет их этнокультурные, этносоциальные особенности. Поэтому обращаясь к ней, мы исследуем одну из главных ценностей тувинской этнической культуры.

Благодарности

Благодарю за обсуждение статьи моих коллег из лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Также выражаю признательность директору Национального архива Республики Тыва Б. В. Мунге и начальнику отдела использования и публикации документов М. Ш.-М. Куулар за консультации по документам по истории паспортизации Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бавуу-Сюрюн, М. В. (2000) Влияние русского языка на образование современных тувинских фамилий и имён // Этносоциальные процессы в Сибири: темат. сб. / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Вып. 3. 267 с. С. 204–205.

Байбуурин, А. (2017) Советский паспорт : история — структура — практики. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 488 с.

Бурькин, А. А., Попов, В. А. (2020) Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб. : Петербургское востоковедение. 320 с.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Дамбыра, И. Д., Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2019) Борис Исакович Татаринцев: научное наследие ученого // Oriental Studies. № 6. С. 1199–1211. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1199-1211>

Даргын-оол, Ч. К. (2002) Культурно-антропологические факторы регионального развития (на примере Тувы) : автореф. дисс. ... канд. филос. н. М. 27 с.

Дулов, В. И. (1951) Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в. (до 1917 г.) // Советская этнография. № 4. С. 57–76.

Дюркгейм, Э. (1996) О разделении общественного труда. М. : Канон. 432 с.

Зоколл, Т., Кошелева, О., Шлюмбом, Ю. (2004) Введение. Историческое изучение домохозяйства, семьи и родства // Семья, дом и узы родства в истории / под ред. Т. Зоколлы, О. Кошелевой, Ю. Шлюмбома. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге ; Алетейя. 285 с. С. 7–34.

История Тувы (2001) : в 2 т. 2-е изд. / под ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука. Т. 1. 367 с.

История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.

История Тувы (2016) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 3. 455 с.

Кара-оол, Л. С. (2004) Термины родства и свойства в тувинском языке : автореф. ... канд. филол. н. М. 24 с.

Кара-оол, Л. С. (2006) Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТувГУ. 252 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев : Структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 320 с.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Бадырғы, М. М., Мунге, Б. В. (2020) Документы Национального архива Республики Тыва по культурному строительству Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–164. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10

Кужугет, А. К. (2020) Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств // Новые исследования Тувы. № 3. С. 101–110. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>

Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия // Новые исследования Тувы. № 4. С. 17–33.

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13(2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы : происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.

Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / В. И. Бойко, В. Н. Белошапкина, Г. Ч. Ширшин и др. Новосибирск : Наука. 262 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Райков, М. И. (1898) Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1897 году по поручению РГО // Известия Русского Географического общества. Т. 34, Вып. 4. С. 433–462.

Севортыан, Э. В. (1974) Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука. 768 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др.; отв. ред. З. Т. Голенкова, Ю. В. Голиусова, П. Е. Сушко. М. ; Кызыл : ФНИСЦ РАН. 128 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Справочник личных имен народов РСФСР (1965) / под ред. Н. А. Баскакова и др. М. : Советская энциклопедия. 265 с.

Степанов, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографические исследования. № 4. С. 129–145.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : РИО ТувГУ. 207 с.

Сувандии, Н. Д. (2015) Становление фамилий и отчеств в тувинском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12, ч. 1. С. 171–173.

Тарасов, А. Ю. (2005) Паспортная система и паспортный режим в советском государстве в 30-е гг. XX в. : автореф. дисс. ... к-та юр. н. М. 28 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) Избранные научные труды. Кызыл : Тываполиграф. 287 с.

Тувинско-русский словарь (1968) : 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944-1961 гг.). Новосибирск : Наука. 139 с.

Brown, L. H., DeRycke, S. B. (2010) The Kinkeeping Connection: Continuity, Crisis and Consensus // Journal of Inter-generational Relationships. 8:4. P. 338–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/15350770.2010.520616>

Buck Quijada, J. (2008) What if We Don't Know Our Clan? The City as New Ritual Form in Buriatia // Sibirica. Vol. 7, No. 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2008.070102>

Reis, H. T., Sprecher, S. (Eds.) (2009) Encyclopedia of human relationships: in 3 vols. Thousand Oaks, CA : Sage. Vol. 1. xlvii, 582 p.

Rosenthal, C. J. (1985) Kinkeeping in the Familial Division of Labor // Journal of marriage and the Family. Vol. 46, no. 4. P. 965–974. DOI: <https://doi.org/10.2307/352340>

Vainshtein, S. (1980) Nomads of South Siberia. The pastoral economies of Tuva. Cambridge ; L. ; N. Y. : Cambridge University Press. x, 289 p.

Дата поступления: 04.08.2021 г.

REFERENCES

Bavuu-Surun, M. V. (2000) Vliianie russkogo iazyka na obrazovanie sovremennykh tuvinskikh familii i imen [The influence of the Russian language on the formation of modern Tuvan surnames and names]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. Issue 3. 267 p. Pp. 204–205. (In Russ.).

Badyrgy, M. M. and Munge, B. V. (2020) Dokumenty Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva po kul'turnomu stroitel'stvu Tuvinskoj Narodnoj Respubliki ["Cultural upbuilding" in People's Republic of Tuva in documents preserved at National Archives of Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.10>

Baiburin, A. (2017) *Sovetskii pasport: istoriia — struktura — praktiki [Soviet passport: History — structure — practices]*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg. 488 p. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Popov, V. A. (2020) *Russkaia terminologiiia rodstva i svoistva: istoricheskaia dinamika, aksiologicheskie polia, kommunikativnyi diskurs [Russian terminology of kinship and affinity: Historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 320 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Dambyra, I. D., Kechil-ool, S. V. and Saaya, O. M. (2019) Boris Isakovich Tatarintsev: nauchnoe nasledie uchenogo [Prof. Boris I. Tatarintsev: Scholarly heritage revisited]. *Oriental Studies*, no. 6, pp. 1199–1211. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1199-1211>

Dargyn-ool, Ch. K. (2002) *Kul'turno-antropologicheskie faktory regional'nogo razvitiia (na primere Tuvy) [Cultural and anthropological factors of regional development (the case of Tuva)]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 27 p. (In Russ.).

Dulov, V. I. (1951) Perezhitki obshchinno-rodovogo stroia i rodovogo byta u tuvintsev v XIX — nachale XX veka (do 1917 g.) [Vestiges of the communal-tribal system and clan way of life among Tuvans in the 19th — early 20th century (until 1917)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 4, pp. 57–76. (In Russ.).

Durkheim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda [The division of labor in society]* / transl. from English. Moscow, Kanon Publ. 432 p. (In Russ.).

Sokoll, T., Kosheleva, O. and Shliumbom, Yu. (2004) Vvedenie. Istoricheskoe izuchenie domokhoziaistva, sem'i i rodstva [Introduction. Historical study of the household, family and kinship]. In: *Sem'ia, dom i uzy rodstva v istorii [Family, home and ties of kinship in history]* / ed. by T. Sokoll, O. Kosheleva and Yu. Shliumbom. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg ; Aleteiia Publ. 285 p. Pp. 7–34. (In Russ.).

- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The history of Tuva]* (2016) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2004) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2006) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]*. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 252 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).
- Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 320 p. (In Russ.).
- Kuzhuget, A. K. (2020) Kul'turnaia politika Tuvinskoii Narodnoi Respubliki po organizatsii prazdnestv [Cultural policy of the Tuvan People's Republic and public festivities]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>
- Kuzhuget, Sh. J., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept *törel* 'rodstvennik' v iazykovoii kartine mira tuvintsev [The concept of *törel* ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) Tuvinovedenie: oblast' znaniia i sotsial'naia missiia [Tuvan studies as a field of knowledge and as a social mission]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 17–33. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, no. 13 (2), pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Mannai-ool, M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: The origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 166 p. (In Russ.).
- Ocherki sotsial'nogo razvitiia Tuvinskoii ASSR [Essays on social development of the Tuvan ASSR]* (1983) / ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka Publ. 262 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).
- Raikov, M. I. (1898) Otchet o poezdke k verkhov'iam reki Eniseia, sovershennoi v 1897 godu po porucheniiu RGO [A report on a trip to the upper reaches of the Yenisei River, made in 1897 on behalf of the Russian Geographical Society]. *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 34, issue 4, pp. 433–462. (In Russ.).
- Sevortian, E. V. (1974) *Etimologicheskii slovar': Obshcheturkские i mezhturkские osnovy na glasnye [An etymological dictionary: Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]*. Moscow, Nauka Publ. 768 p. (In Russ.).
- Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva]* (2020) / Z. T. Golenkova et al. ; ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>
- Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [A guide to personal names of the peoples of the RSFSR]* (1965) / ed. by N. A. Baskakov et al. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. 265 p. (In Russ.).
- Stépanoff, Ch. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponiimia [Tuvan anthroponymy]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department at Tuvan State University. 207 p. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2015) Stanovlenie familii i otchestv v tuvinskom iazyke [The formation of surnames and patronymic names in the Tuvan language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12, part 1, pp. 171–173. (In Russ.).
- Tarasov, A. Yu. (2005) *Pasportnaia sistema i pasportnyi rezhim v sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX v. [Passport system and passport regime in the Soviet state in the 30s of the 20th century]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of Law. Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Tatarintsev, B. I. (2009) *Izbrannye nauchnye trudy [Selected scientific works]*. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ. 287 p. (In Russ.).
- Kharunova, M. M.-B. (2011) *Sotsial'no-politicheskie preobrazovaniia v Tuvinskoii avtonomnoi oblasti (1944–1961 gg.) [Socio-political transformations in the Tuva Autonomous Region (1944–1961)]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 139 p. (In Russ.).

Brown, L. H. and DeRycke, S. B. (2010) The kinkeeping connection: Continuity, crisis and consensus. *Journal of Inter-generational Relationships*, vol. 8, no. 4, pp. 338–353. DOI: <https://doi.org/10.1080/15350770.2010.520616>

Buck Quijada, J. (2008) What if we don't know our clan? The city as new ritual form in Buriatiia. *Sibirica*, vol. 7, no. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2008.070102>

Reis, H. T. and Sprecher, S. (Eds.) (2009) *Encyclopedia of human relationships* : in 3 vols. Thousand Oaks, CA : Sage. Vol. 1. xlvii, 582 p.

Rosenthal, C. J. (1985) Kinkeeping in the familial division of labor. *Journal of Marriage and Family*, vol. 46, no. 4, pp. 965-974. DOI: <https://doi.org/10.2307/352340>

Vainshtein, S. (1980) *Nomads of South Siberia: The pastoral economies of Tuva*. Cambridge ; London ; New York : Cambridge University Press. x, 289 p.

Submission date: 04.08.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.2

Статья

Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района

Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье рассматривается терминология родства, родственных отношений тувинцев на примере терминов, которые использует родственная группа монгуш, выходцев сумона Аянгаты Барун-Хемчикского района, которые сами называют свою родственную общность помимо төрөл аймак 'родовая группа' термином төрөлдүргүл монгуштар 'родня монгушей'. Материал был собран автором во время одного из родовых сборов 2021 г., который состоялся для проведения суг бажының дагылгазы — 'обряда освящения начала источника', в том числе с помощью интервью у представителей группы — родственников.

Терминология в статье приводится по группам: общие термины родства, отдельные термины для обозначения кровных родственников и родственников по браку. Собранные термины позволяют увидеть, что для старшего поколения имеет значение традиционная терминология, которая зафиксирована в словарях, изучена исследователями. Молодежь и дети используют много русских терминов. Помимо этого, отмечается группа терминов — новообразований. Современные люди не удовлетворяются устоявшимися названиями, не стараются соблюдать нормы, предпочитают использовать более удобные или интересные для них слова, а иногда и с

уменьшительно-ласкательными окончаниями.

Терминология родства одной родственной группы западных тувинцев сама по себе представляет исследовательский интерес, так как показывает и общетувинские тенденции языковых процессов, и определенные локальные особенности. Тем не менее, для общей картины следует расширить исследовательское поле и включить в него и другие родственные группы.

Ключевые слова: терминология родства; монгуш; тувинцы; Тува; тувинский язык; билингвизм; родство; родственная группа; родня

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Сувандии Н. Д. Термины родства у родовой группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 22-30. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии; декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7(923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

Article

Kinship Terms of the Mongush Tribal Group of the Village of Ayangaty in the Barun-Khemchik District

Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the terminology of kinship and blood relations of the Tuvans drawing on the case of terms used by the Mongush tribal group, the natives of the Sumon of Ayangata in the Barun-Khemchik district. They call their kinship community not only 'torel aimag' ('tribal group') but also by the term 'torel-dorgul mongushtar' ('relatives of the Mongush people'). The material was collected by the author during one of the clannish gatherings in 2021, which was held in order to perform the sug bazhyn dagylgazy — the 'rite of consecration of the spring's source', including through interviews with representatives of the group, i.e. relatives.

In the article, the terminology is presented in the following groups: general terms of kinship, special terms for designating blood relatives and relatives-in-law. The collected terms allow us to see that traditional terminology is important for the older generation. It is included in dictionaries and studied by researchers. Young people and children use many Russian terms. In addition, there is a group of neologisms. Modern people are not satisfied with established designations. They do not try to comply with the norms and prefer to use words that are more convenient or interesting to them, and sometimes those that have diminutive endings.

The kinship terminology of one kin group of the Western Tuvans is of research interest per se, because it shows both the general Tuvan trends in the language development and certain local features. Nevertheless, in order to have the overall picture, it is necessary to expand the research field and include other kin groups in it.

Keywords: kinship terminology; Mongush; Tuvans; Tuva; Tuvan language; bilingualism; kinship; kinship group; extended family

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Suvandii N. D. Termini rodstva u rodovoi gruppy mongushei s. Aiangaty Barun-Khemchikskogo raiona [Kinship Terms of the Mongush Tribal Group of the Village of Ayangaty in the Barun-Khemchik District]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 22-30. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.2>

Введение

Одним из древнейших пластов в лексической системе тувинского языка является терминология родства — обособленная лексико-семантическая группа, состоящая в основном из имен существительных. Она была основательно изучена Л. С. Кара-оол в монографии на основе кандидатской диссертации, где автор рассмотрела традиционные термины кровного родства, термины свойства и понятия, примыкающие к терминологии родства (Кара-оол, 2004, 2006). Однако, как и сама система родства, так и ее терминология — исторически изменчивы. В связи с развитием в Туве билингвизма, в основном тувинско-русского, но уже имеющего тенденцию к изменению на русско-тувинский (Ламажаа, 2021b: 184), тувинцы в своей речи нередко используют русские заимствования, в том числе в терминах родства.

Поэтому исследовательский интерес представляет современное состояние терминологии в том виде, в котором она функционирует у носителей языка и субъектов самой культуры. При этом, учитывая и то, что тувинский язык имеет диалекты (Чадамба, 2013) и этот факт отражается на диалектных формах терминов родства (Кара-оол, 2006: 15), очевидно, что вопросы функционирования терминологии важно рассматривать на отдельных ареалах, диалектах.

Более того, подчеркнем, что интерес может представлять и терминология, которая используется отдельными родственными группами тувинцев. Актуальность этого аспекта связана с тем, что с начала 2000-х годов увеличилась интенсивность родовых движений современных тувинцев (Ламажаа, 2021с), усилилось значение в их жизни родственных групп (*аймак, төрөл аймак, төрөл бөлүк, төрөл-дөргүл*), а также в целом родственных связей и отношений (Ламажаа, 2021а).

Учитывая все эти обстоятельства, целью данной статьи является выявление терминологии родства и родственных отношений у аймака монгушей — родственной группы монгуш, выходцев сумона Аянгаты Барун-Хемчикского района.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- проанализировать основные тенденции научных исследований терминологии родства у тувинцев,
- систематизировать термины общего родства, употребляемые среди представителей родовой группы *монгуш*;
- систематизировать термины кровного родства, означающего конкретных близких родственников, которые используют монгуши,
- систематизировать термины родства по браку.

Источником исследования послужили материалы, собранные автором в 2021 г. во время проведения обряда *дагылга* родственной группы монгушей (Дагылга: тувинские ... , 2021: 14–19, 86–91), членом которого является сам автор; во время работы с информантами — представителями данной общности. Для сравнения с традиционной системой терминологии также необходимо было опираться на материалы упомянутой монографии Л. С. Кара-оол (Кара-оол, 2006), тем не менее учитывались и публикации других авторов.

Этнография и филология

Если взглянуть на публикации по нашей теме и годы их появления, то мы можем увидеть, что изучение терминологии родства в тувинском языке сначала было связано, в основном, с этнографическим изучением тувинцев, начиная с рубежа XIX — XX вв., а затем выделилось в отдельное направление исследований филологов.

Так, термины родства у тувинцев рассматривались в работах путешественников и этнографов рубежа XIX–XX вв. (Яковлев, 1900; Кон, 1934). Автор первой фундаментальной грамматики тувинского языка Н. Ф. Катанов тогда же собрал и систематизировал более 50 терминов родства (Катанов, 1903). После этого уже спустя полвека изучением терминов родственных отношений начал заниматься известный этнограф, востоковед-тюрколог С. И. Вайнштейн. Он подчеркнул некоторые особые черты тувинской системы родства, также представил основные термины родства западного диалекта тувинского языка (Вайнштейн, 1961, 1969, 1989). Л. П. Потапов в своей работе по этнографии тувинцев также привел номенклатуру некоторых основных терминов родства (Потапов, 1969).

В этом же русле выступают труды исследователя тувинской культуры М. Б. Кенин-Лопсан, который одновременно с освещением нюансов народного этикета тувинцев, также и поднял терминологию родства, начиная с названий родовых групп, заканчивая их правильным произношением (Кенин-Лопсан, 1994: 53–65).

Далее терминология родства получила развитие в филологических трудах. Так, А. А. Бурыкин и Н. И. Летягина дали не только описание терминов родства тувинцев, но и остановились на некоторых теоретических вопросах данной группы слов (Бурыкин, Летягина, 1999). Е. М. Куулар рассмотрела функционирование терминов родства на юго-восточном диалекте тувинского языка, являющимся одним из специфичных в связи с тем, что территория носителей которого граничит с Монголией и немало заимствованных наименований из монгольского языка (Куулар, 2000).

Систематизация терминов родства была представлена затем в исследованиях Л. С. Кара-оол, о чем уже упомянуто выше. Л. С. Кара-оол описала термины кровного родства, родства по браку, а также понятия, примыкающие к терминологии родства (Кара-оол, 2006). Филолог отмечает, что термины родства, являясь важным историко-этнографическим источником, представляют большой интерес не только при изучении истории и этногенеза народа, но и с лингвистической точки зрения, при исследовании языка в сравнительно-историческом плане, как материал для его исторической грамматики и лексикологии (там же: 16).

С начала XXI века в связи с трансформациями этносоциальных и этнокультурных явлений тувинского общества, проблематика изменения в том числе терминологии родства побуждает рассматривать эти вопросы в связи с общими этнологическими исследованиями. Так, французский ученый Ш. Степанов рассматривает существенные изменения в разных аспектах родства таких, как филиация, норма брачного союза и терминология (Степанов, 2009).

Сотрудники лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского госуниверситета также отмечают, что родовые связи и родовые отношения остались важными для тувинцев на протяжении всего XX века, несмотря на социально-трансформационные процессы и изменения в культурной жизни. Концепт *төрөл* 'родственник' рассматривается как единица ментального образования, в котором отражено миропредставление носителей культуры, присутствующее в языковом сознании (Кужугет и др., 2019: 150). Соответственно, терминология родства входит в поле внимания исследователей наравне с этнологическими работами (Дагылга: тувинские ..., 2021). Это слово, по мнению Л. С. Кара-оол, является заимствованным из монгольского языка термином обобщенного характера, который не входит в номенклатуру терминов родства, но характеризует категорию или разряд родственных отношений (Кара-оол, 2004: 21).

Тем самым, изучение терминов родственных отношений у отдельно взятой родственной группы восполнит пробел, имеющий место быть не только в лингвистических, но и этнографических изысканиях.

Общие термины родства

Терминология родства особенно заметно выявляется при встрече родственников, когда они прямо обращаются к представителям разных семей, поколений. Встречи расширенного круга родства сегодня в Туве происходят на различных обрядах, и интереснее всего это наблюдать во время родовых сборов *чыыштар* для проведения *дагылга* — обрядов освящения природных объектов, которые стали активно и регулярно проводиться с 2000-х годов.

Точно также с 2000-х годов родственная группа *монгуштар*, т. е. монгушей ~ *төрөл-дөргүл монгуштар* 'родня монгуши' ежегодно начали проводить обряд *суг бажының дагылгазы* — 'обряд освящения начала источника'. Основной причиной для того, чтобы монгуши начали проводить данный обряд, стала смерть сразу шестерых близких родственников — потомков нашего дедушки Намчыла Чадамбаевича Монгуша (1896–1961), которые произошли друг за другом в 2000 г. Верховный шаман Тувы Сайлык-оол Иванович Канчыр-оол, к которому обратились за помощью опечаленные люди, пояснил, что им надо срочно начать проводить обряды, поклониться хозяевам родового места, иначе потери могут увеличиться (Дагылга: тувинские ..., 2021: 14–15). Так и началась современная история обрядов монгушей в местности Кара-Мажалык у села Аянгаты Барун-Хемчикского района.

11 июня 2021 г. родственная группа *монгушей* проводила очередной обряд *суг бажының дагылгазы*. На него собралась большая группа родственников — более 60 человек. В прошлом 2020 году они не могли увидеться в связи с распространением COVID-19 и режима самоизоляции, пришедшегося именно на сезон проведения этих обрядов в Туве.

Как обычно, во время встреч после долгого перерыва родственники с большим удовольствием общаются между собой, используя в обращении друг к другу различные термины родства.

Они также называют свою общность *төрөл аймак* 'родовая группа', но, помимо этого термина, распространенным среди собравшихся родственников являются слова *төрөл* — 'родственник', 'род' / 'родовой' (Тувинско-русский ..., 1968: 419), *төрөл-дөргүл* — 'родня' (там же: 420). Их произносил каждый подъехавший участник обряда. Более того, внуки нашего дедушки Намчыл Чадамбаевича, которым уже более 50–70 лет, пытаются донести до своих детей и внуков информацию о близком родстве собравшихся, о том, что все мы — *төрөлдер* 'родственники' ~ *дөргүл-төрөлдер* 'родня'.

Это слово, по мнению Л. С. Кара-оол, является заимствованным из монгольского языка термином обобщенного характера, который не входит в номенклатуру терминов родства, но характеризует категорию или разряд родственных отношений (Кара-оол, 2004: 21).

Родственники для тувинцев считаются поддержкой, опорой по жизни и не зря наши предки учили своих детей всегда поддерживать связь с родственниками, никогда не забывать, что *төрөлдер* — это самые близкие люди в жизни. Эта истина заложена и в народных поговорках, до сих пор исполь-

зующихся людьми для объяснения ее сути. Например, как говорят наши информаторы, *Төрөл билбес кижил дөңгүр көк буга бооп төрүттүнер* — ‘Не знающий своего рода человек переродится комолым быком (в следующей жизни)’; *Төөгү билбес төөрээр, төрөл билбес түрээр* — ‘Не знающий историю будет заблуждаться, не знающий родни будет побираться’¹.

При этом для обозначения группы родственников, общности родственников самым распространенным термином оказался *дөргүл-төрөл* ~ *төрөл-дөргүл*. Во время *дагылга* многие родственники старшего поколения использовали в своей речи данный термин при указании тех, кто нас окружал в тот момент. Также наша старшая сестра Дамбыра Сесенмаа Дарыевна — самая старшая из всех собравшихся на *дагылга* — рассказывала молодым, что в жизни тувинцы всегда поддерживали и поддерживают *дөргүл-төрөл*, т. е. свою родню в любых ситуациях: и в горе, и в радости².

Как мы установили с коллегами ранее, термин *төрөл* в словарном фонде и тувинской художественной литературе имеет разные формы (*Кужугет и др., 2019*). В них указывается, что словосочетание *төрөл-дөргүл* представляет собой собирательное существительное (*Тувинско-русский ... , 1968: 420*). При этом оно имеет большую частотность использования в произведениях тувинской литературы (*Кужугет и др., 2019: 152*). Помимо сочетания *төрөл-дөргүл*, в тувинском языке также имеются формы *төрөл бөлүк* (родственная группа) и *төрөл аймак* (родственники по одному роду, общее название рода) (там же: 151–152). Каждый термин имеет определенный нюанс, хотя порой на практике тувинцы могут использовать их как синонимы. В нашем случае, полагаем, что родственники группы монгушей, преимущественно используя термин *төрөл-дөргүл*, подчеркивают в первую очередь общий факт родственности семей.

Отдельные термины родства

Помимо основного термина своей группы родственников, тувинцы используют и термины кровнородственных отношений, которые обозначают отдельно родителей, детей, а также предков и потомков — людей, имеющих одного общего родителя или предка (*Кара-оол, 2006: 31*).

В нашем случае таковым общим предком все считают Намчыла Чадамбаевича Монгуша, который для нас — меня и моих родных и двоюродных сестер и братьев, является дедушкой. Мы в этом случае говорим *кырган-ача* ~ *кырган-ачай* ‘дедушка’ (*Тувинско-русский ... , 1968: 278*) и, упоминая его жену Куулар Иликей Чашовну (1898–1943), нашу бабушку, говорим *кырган-ава* ~ *кырган-авай* ‘бабушка’ (там же: 278). Это традиционные термины, которые также отмечаются в работе Л. С. Кара-оол (*Кара-оол, 2006: 22*). Они имеют хождение у представителей *төрөл-дөргүл* монгушей, но только старше 35–40 лет. Молодежь до 35 лет и дети в большей степени уже используют русские термины: *бабушка* ~ *бабуля*, *бабуль*, *дедушка* ~ *деда*, *дедуля*, *дедуль* и т. д.

К своим родным матери и отцу члены нашей родни в основном обращаются традиционными терминами *ава*, *авам* ‘мама, моя мать’ (*Тувинско-русский ... , 1968: 31*), *ача*, *ачам* ‘отец, мой отец’ (там же: 77; *Кара-оол, 2006: 22*). Но уже немало представителей молодого поколения и дети дошкольного и школьного возраста, говоря о родителях, также уже оперируют русскими терминами: *мама* ~ *мам*, *мамуля*, *папа* ~ *пап*, *папуля*. Дети дошкольного возраста, которые в семье говорили на родном тувинском языке, начиная посещать дошкольные образовательные учреждения, часто переходят на русский язык, в том числе в терминологии родства, обращаясь к своим родственникам.

Своих детей и внуков, по моим наблюдениям, наши старшие родственники в основном называют словами *оглум* ‘мой сын’ (*Тувинско-русский ... , 1968: 313*), *кызым*, *уруум* ‘дочь, доченька’ (там же: 280). Также называют и правнуков, правнучек. Молодое поколение тоже может использовать эти слова, но с русифицированными окончаниями: *оглуш* ~ *оглушка* ‘мой сынуля’, *уруушка* ~ *урууша* ‘доченька’. Среди них также немало и тех, кто называет только русскими словами (особенно если это русско-тувинские, а не тувинско-русские билингвы, или полностью русскоговорящие тувинцы): *сына*, *сынуля*, *доча*, *дочура*, *доченька*. Если в прежние времена бабушки и дедушки называли внуков и внучек теми же словами, что и своих детей, а именно *оглум* ‘мой сын’, *уруум* ‘моя дочь’, то с 1990-х гг. они стали

¹ Кужугет Мария Амын-ооловна, 1955 г.р., род. в с. Аянгаты, Барун-Хемчикского района, проживает в г. Кызыл.

² Дамбыра Сесенмаа Дарыевна, 1946 г.р., род. в с. Аянгаты, Барун-Хемчикского района, проживает в мест. Ортаа-Кара-Суг, Кызылского района Республики Тыва.

использовать новообразованное слово *уйнук* ~ *уйнуум* 'внук, мой внук'. Как пишет Л. С. Кара-оол, оно было предложено Народным писателем Тувы А. Даржаем (при этом этимологию новообразования так и не удалось установить) и в основном имело хождение в средствах массовой информации республики (Кара-оол, 2006: 96). Как мы видим, слово уже перекочевало в обиход, используется людьми.

Почти в каждой семье у наших монгушей имеется не менее двое детей, за исключением одних двух, у которых по одному ребенку. Для обозначения родных братьев и сестер используются собирательное слово *алышкылар* 'братья-сестры' (Тувинско-русский ..., 1968: 56), также лексемы *угбашкылар* 'сестры' (там же: 432) и *акышкылар* (там же: 51). Для обращения друг к другу они употребляют термины *акый* 'брат' (там же), *угбай* 'старшая сестра' (там же: 432), а по отношению к младшим используют термины *дуңмам* лит. ~ *ынам*, *ынай* диал. 'мой младший брат или моя младшая сестра' (там же: 184).

Блиzkих родственников по материнской линии наши дети называют традиционными терминами: *даай* 'дядя' (там же: 139) и *даай-ава* ~ *даай-авай* 'тетя' (там же: 139), хотя бывает, что некоторые представители молодого поколения монгушей обращаются ко всем родственникам терминами русского языка *тетя* и *дядя* (Бурькин, Попов, 2020: 49), что является новой формой обращения молодежи моложе 30 лет.

Так, мы видим поколенческие различия в использовании терминологии, которые показывают тенденцию к русификации используемых терминов родства у новых поколений тувинцев.

Обращения к супругам

Отдельно следует остановиться на употребляемых среди нашей родовой группы терминах родства, возникших в результате брачных союзов, не состоящих в родственных отношениях (Кара-оол, 2006: 101).

Основу брачного союза составляет термин *ашак-кадай* собир. 'муж с женой, супруги' (Тувинско-русский ..., 1968: 77), который встречается только у старших потомков группы монгушей. Современная молодежь в разговоре употребляет русский термин *семья* ~ *бистиң семья*, что уже становится нормой среди представителей молодого поколения. Интересно констатировать, что старшее поколение также стало называть своих супругов на русском языке, подчеркивая наличие у них внуков — *дедушка* и *бабушка*¹, поскольку именно так к ним в первую очередь обращаются внуки.

Термины *ашак*, *ашаа* 'муж, мой муж' (там же: 77) и *кадай*, *кадайым* 'моя жена' (там же: 215), по моим наблюдениям, среди наших родственников вообще не употребляются.

Среди пожилых имеют хождение термины *демги киж* 'тот человек', *бо киж* 'этот человек', *өөм ээзи* букв. 'хозяин моей юрты — муж', *өөм ишти* букв. 'внутренность моей юрты — жена' по отношению к своим женам и мужьям, *уругларым авазы* букв. 'мать моих детей', *уругларым ачазы* 'отец моих'². Использование подобных терминов восходит к традиции табуированного прямого называния родственников, что в свою очередь выражало уважительное отношение к своему мужу или жене (Кенин-Лопсан, 1994: 59-61).

В разговорах невесток старше 50 лет со своими свекровьями и свекрами у *төрөл-дөргүл* монгуш употребляются различные слова-термины, когда основным термином считается лексема *кунчуг* 'свекровь' (Тувинско-русский ..., 1968: 265), *бег* 'свекор, деверь'. Некоторые наши невестки обращаются словом *кунчуум* 'моя свекровь', *бээм* 'мой свекор', что показывает близкое, теплое отношение к родителям мужа. Есть слово *кунчууш* от слова *кунчуг* в уменьшительно-ласкательной форме. Большая часть невесток нашего рода употребляет русское слово *бабушка*, подразумевая обращение к бабушке своих детей, или соответственно *дедушка*. Редко, но есть и те, кто обращается по имени и отчеству к свекрови, по отношению к дедушкам данное обращение нами не замечено.

Во время сбора материала я также зафиксировала, что невестки и зятья к старшим невесткам и зятьям обращаются как тувинскими терминами *угбай* 'сестра' или *акый* 'дядя', так и русскими — *тетя*,

¹ Сувандии Аркадий Максимович, 1959 г.р., род. в с. Белдир-Арыг, Тес-Хемского района Республики Тыва, прож. в г. Кызыл.

² Монгуш Виктор Бойдуевич, 1938 г.р., род. в с. Аянгаты, Барун-Хемчикского района, проживает в с. Сукпак, Кызылского района Республики Тыва.

дядя, например, *тетя Света*, *дядя Аркадий*¹, при этом в близких родственных отношениях они с ними не состоят, но относятся к старшим также, как их мужья и жены — как к тете и дяде.

Зятья монгушей между собой используют термин *бажа* 'свояк' (Тувинско-русский ... , 1968: 83). В общении с родителями и старшими родственниками жен они называют их *кат-ие* 'теща', *катым* 'мой тесть'. Замечены единичные случаи, когда зятья обращались к теще *кат-ием* 'моя теща', что характеризует теплое и близкое отношение его к матери супруги.

Представители родовой группы монгуш, к мужьям и женам своих детей употребляют термины западного диалекта тувинского языка: *кеннишке* вместо *келин* 'сноха, невестка' (там же: 237), *хүреген* вместо *күдээ* 'зять' (там же: 268). Также распространены слова: *чаавай* 'невестка' (там же: 503), *честей* 'зять' (там же: 529). Также зафиксирован один интересный вариант, когда парни обращаются к зятьям сокращенной формой от *честей* — *чес* 'зять'. Такая форма не упоминается ни в словарях, ни в работе Л. С. Кара-оол. На мой вопрос о том, почему они так говорят, мне объяснили, что это означает близкое отношение к ним².

В целом обращения к супругам, к родственникам по браку у монгушей очевидно также имеют тенденцию к русификации, но помимо этого также используются диалектные термины, даже новообразования.

Заключение

Используемая терминология родства у родственной группы монгушей с. Аянгаты Барун-Хемчикского района в целом, может быть разделена на три группы. Первая группа — традиционная терминология, которая зафиксирована в словарях, изучена исследователями. В основном она используется людьми старшего поколения. Вторая группа — русские термины, которые больше использует молодежь и дети, что отчасти свидетельствует об изменении тувинского билингвизма, грядущих перспективах его смены с тувинско-русского на русско-тувинский. Третья группа — менее малочисленная — новообразования, которые свидетельствуют о том, что современные люди не удовлетворяются устоявшимися названиями, не стараются соблюдать нормы, но иногда предпочитает использовать более удобные или интересные для них слова, а иногда и с уменьшительно-ласкательными окончаниями *оглуушка* 'сынуля', *уруушка* 'дочурка', *кеннишке* 'невестушка'.

Последние примеры к тому же могут быть определенными отличительными признаками этой родственной группы или функционировать в определенном ареале, например, в западной Туве. В общении же родственников со стороны мужа (родственной группы *оюн* южных — тес-хемских — тувинцев) я такого не встречала.

У наших монгушей также много обращений с аффиксом принадлежности: *кенним* 'моя невеста', *катым* 'мой тесть', *бээм* 'мой свекор', *уруларым авазы* букв. 'мать моих детей', *уруларым ачазы* 'отец моих детей' и др.

Разумеется, взрослые представители родственной группы призывают своих потомков к тому, чтобы поддерживать, укреплять связи со своими родственниками. При этом важное значение они уделяют вопросам правильных терминов тувинского языка. Однако, в ситуации развивающегося и даже меняющегося билингвизма задача сохранения норм тувинского языка становится все более и более сложной.

Исследование терминологии, которую использует лишь одна родственная группа тувинцев, конечно фиксирует лишь одно локальное поле функционирования языка. На нем можно увидеть определенные общетуvinские тенденции. Но для того, чтобы получить более полную картину, следует обратиться к исследованиям и других родственных групп тувинцев из разных районов республики. При этом, поскольку языковые процессы проходят в тесной связи с этносоциальными, этнокультурными процессами, полагаем, настало время для объединения усилий и общих исследований как в филологическом плане, так и в этнологическом.

¹ Хажики Шенне Викторовна, 1984 г.р., род. в г. Кызыл, проживает в пос. Каа-Хем, Кызылского района.

² Ооржак Буян Тас-оолович, 1975 г.р., род. в с. Аянгаты, Барун-Хемчикского района, прож. в г. Кызыл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бурькин, А. А., Летягина Н. И. (1999) Терминология родства тувинцев в сравнении с терминами родства других тюркских народов // Алгебра родства. Родство. Система родства. Системы терминов родства. Вып. 4. / отв. ред. В. А. Попов СПб. : Типография Наука РАН. 288 с. С. 180–181.

Бурькин, А. А., Попов, В. А. (2020) Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб. : Петербургское востоковедение. 320 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тодзинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Изд-во вост. лит. 218 с.

Вайнштейн, С. И. (1969) Личные имена, термины родства и прозвища у тувинцев // Ономастика / отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М. : Наука. 382 с. С. 125–132.

Вайнштейн, С. И. (1989) Тувинцы // Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М. : Наука. 382 с. С. 305–307.

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.

Кара-оол, Л. С. (2004) Термины родства и свойства в тувинском языке : автореферат дисс. ... к. филол. н. М. 24 с.

Кара-оол, Л. С. (2006) Термины родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТывГУ. 252 с.

Катанов, Н. Ф. (1903) Опыт изслѣдованія урянхайскаго языка, съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань : Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1600 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурулары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл: Институт усовершенствования учителей Республики Тыва; Новости Тувы. 192 с.

Кон, Ф. Я. (1934) За 50 лет : Экспедиция в Сойотию. М. : Изд-во Всес. о-ва поликаторжан и ссыльно-поселенцев. Т. 3. 293 с.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Куулар, Е. М. (2000) Термины родства юго-восточных тувинцев // Эрдем шинжилгээний ойллого / ред. проф. Б. Катуу. 2 боть. 27 дэвтэр. Ховд : б. и. 175 с. С. 150–154.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К. (2021c) Тувинские обряды дагылга в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Тувинско-русский словарь (1968): 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Степановф, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографические исследования. № 4. С. 129–145.

Чадамба, З. Б. (2013) Тувинская диалектология и тюркская руника. Абакан : ООО «Журналист». 213 с.

Яковлев, Е. К. (1900) Семейный и общественный быт у сойот: роды, степени родства, брак и положение женщины, развод, население, похороны // Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Вып. 4. Минусинск : Изд. на средства В. А. Данилова. 357 с.

Дата поступления: 05.09.2021 г.

REFERENCES

Burykin, A. A. and Letyagina, N. I. (1999) Terminologiya rodstva tuvintsev v sravnenii s terminami rodstva drugikh tiurkskikh narodov Iuzhnoi Sibiri [Tuvan kinship terminology in comparison with kinship terms of other South Siberian Turks]. In: *Algebra rodstva [Algebra of kinship]*. Issue 4 / ed. by V. A. Popov. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. 288 p. Pp. 179–196. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Popov, V. A. (2020) *Russkaia terminologiya rodstva i svoitva: istoricheskaia dinamika, aksiologicheskie polia, kommunikativnyi diskurs [Russian terminology of kinship and affinity: Historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 320 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka Publ. 218 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1969) Lichnye imena, terminy rodstva i prozvizhcha u tuvintsev [Personal names, kinship terms and nicknames among Tuvans]. In: *Onomastika [Onomastics]* / ed. by V. A. Nikonov and A. V. Superanskaia. Moscow, Nauka Publ. 261 p. Pp. 125–132. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1989) Tuvintsy [Tuvans]. In: *Sistemy lichnykh imen u narodov mira [Systems of personal names among the peoples of the world]* / ed. by M. V. Kriukov et al. Moscow, Nauka Publ. 383 p. Pp. 305–307. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Kara-ool, L. S. (2004) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2006) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom yazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department at Tuvan State University. 252 p. (In Russ.).

Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia [An essay on the Uryanghai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]*. St. Petersburg, Typolithography at Kazan Imperial University. 1600 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tuva chonnuḡ burungu uzhurlary [Traditional ethics of Tuvans]*. Kyzyl, Institute for Teacher Improvement of the Republic of Tuva ; Novosti Tuvy Publ. 192 p. (In Tuv.).

Kon, F. Ya. (1934) *Za piat’desiat let [In fifty years]* : Collected works : [in 3 vols.]. Moscow : Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Vol. 3: *Ekspeditsiia v Soiotiiu [An expedition to Soyotia]*. 293 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept *törel* ‘rodstvennik’ v iazykovoi kartine mira tuvintsev [The concept of *törel* (‘relative’) in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kuular, E. M. (2000) Terminy rodstva iugo-vostochnykh tuvintsev [Kinship terms of Southeastern Tuvans]. In: *Erdem shinzhilgeenii oilloḡo [Erdem test reflector]* / ed. by B. Katuu. 2 bot’. 27 devter. Khovd, s. n. 175 p. Pp. 150–154. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial’naia kul’tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people’s identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. (2021c) Tuvinskie obriady dagylga v XXI veke [Tuvan rites Dagylga in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Tuvinsko-russkii slovar’ [A Tuvan-Russian dictionary] (1968) : c. 22 000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. 646 p. (In Russ. and Tuv.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Stépanoff, Ch. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Chadamba, Z. B. (2013) *Tuvinskaia dialektologiia i tiurkskaia runika [Tuvan dialectology and Turkic runic]*. Abakan, OOO “Zhurnalist”. 213 p. (In Russ.).

Yakovlev, E. K. (1900) Semeinyi i obshchestvennyi byt u soiot: rody, stepeni rodstva, brak i polozhenie zhenshchiny, razvod, naselenie, pokhorony [Family and social life of the Soyot: Birth, degree of kinship, marriage and status of women, divorce, population and funeral]. In: Yakovlev, E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Yuzhnogo Eniseia i ob’iasnitel’nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeia [An ethnographic review of the South Yenisei Valley and the explanatory catalogue of the Museum’s Ethnography Research Department]*. Minusinsk, V. I. Kornakov’s Printing House. 357 p. Pp. 79–99. (In Russ.).

Submission date: 05.09.2021.

История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлено исследование по восстановлению родства тувинских родственных групп. Их история в XX веке была сложной и содержала разрывы связей. Автор рассказывает историю своей родственной группы кужугет по линии матери, которая была родом из с. Хонделен Барун-Хемчикского района. Представлено древо родственной группы кужугет, отмечены факты удочерения / усыновления, а также последствия паспортизации в Туве 1940-х гг.

Отдельно разобран вопрос о внутренней миграции (в пределах Тувы) членов родственной группы. На сегодня родственники проживают преимущественно в Барун-Хемчикском и Тандинском районах Тувы. Это наложило определенный отпечаток на поддержание родственных связей.

Рассмотрены вопросы укрепления связей (онлайн-формы общения), а также отмечена роль родовых обрядов, которые проводятся родственными группами в двух районах.

Ключевые слова: тувинцы; история Тувы; паспортизация; род; родственная группа; семейная обрядность; родословная; кужугет; хомушку

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Кужугет Ш. Ю. История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 31-45. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (923) 388-69-99. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

---

KUZHUGET, Shenne Yurevna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Laboratory of Ethnology and Linguoculturology; Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 388-69-99. E-mail: kuzhuget-sh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3507-305

Article

The History of the Kinship Group of Kuzhuget from the Barun-Khemchik District of Tuva

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an example of a study of the restoration of the relations between Tuvan kin groups whose history in the 20th century was turbulent and full of breaks in family ties. The author tells the story of her kin group of Kuzhuget on the side of her mother who was native to the village of Khondelen in the Barun-Khemchik district. The family tree of the kin group of Kuzhuget is presented and the facts of adoption are noted, as well as the consequences of passportization in Tuva in the 1940s.

The author in particular discusses the issue of the internal migration (within Tuva) among the members of the kinship group. Today the relatives live mainly in the Barun-Khemchik and Tandinsky districts of Tuva. This has had a certain influence on the maintenance of family ties.

The article examines the issues of the strengthening of relations (through online communication) and also notes the role of ancestral rites which are conducted by the kinship groups in the two districts.

Keywords: Tuvans; history of Tuva; passportization; lineage group; kinship group; family rite; family tree; Kuzhuget; Khomushku

---

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Kuzhuget Sh. Yu. Istoriiia rodstvennoi gruppy kuzhuget iz Barun-Khemchikskogo raiona Tuvy [The History of the Kinship Group of Kuzhuget from the Barun-Khemchik District of Tuva]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 31-45. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.3>

Введение

С середины XX века одним из сегментов исследовательского поля проблем родства является изучение малых социальных групп, чаще всего выделенных по территориальному или этническому признаку. Такие группы могут выступать, с одной стороны, как локальные группы-сообщества, проживающие компактно, имеющие тесные связи и высокую степень групповой самоидентификации, а с другой стороны, как номинальные группы-категории, выделенные по этническому, религиозному, расовому или классовому принципу (Крецер, 2016). В этом русле интересно рассмотрение жизни родственных групп тувинцев как отдельных объектов исследования, тем более что тувиноведение преимущественно всегда занималось изучением в целом этноса или его субэтнических групп (тувинцев Монголии, Китая, красноярских тувинцев).

Тем не менее традиционно тувинцы жили родоплеменными, родовыми группами. Пока они имели общее место проживания и хозяйствовать, имели возможность постоянно общаться, то все знали родственников нынешних и предыдущих — старшие передавали информацию о них младшим. История рода пополнялась из поколения в поколение. Знать свою родословную хотя бы до *чеди ада узу* 'кровного

родства до седьмого колена' был обязан каждый тувинец. При этом М. Б. Кенин-Лопсан пишет, что в представлении о предках было важно знание и конкретики. В его книге есть термин *тос ада угу* 'девять поколений отцов', который представлен тремя основными видами: *өгбелер* 'предки' (кровное родство до трех поколений), *бурунгу өгбелер* 'древние предки' (родство от четвертого до шестого поколений), *эрте-бурунгу өгбелер* 'далекие древние предки' (родство от седьмого до девятого поколений) (Кенин-Лопсан, 1994: 53–54).

Однако, XX век существенно изменил социальную жизнь тувинцев. Родоплеменные группы распались, люди разъехались по всей Туве и за ее пределы (Ламажаа, 2021а: 124–125). В этих условиях знание родства, информацию о предках оказалось сложно и сохранять, и передавать. Сегодня восстановление этой информации сопряжено с целым рядом вопросов, связанных с отслеживанием соотношения истории рода и истории Тувы.

Я это покажу на примере восстановления истории родственной группы *кужугет*, членом которой являюсь я сама по линии матери. Важным аспектом исследования будет изучение влияния территориального признака на взаимоотношения и связи их членов (родственников). Соответственно для междисциплинарного исследования привлекаются методы как исторической, так и социально-антропологических наук.

Обсуждая родственную группу, я использую тувинский термин *төрөл бөлүк*, который выражает общее название родственников групп. В моем случае речь идет о *төрөл бөлүк кужугет* 'родственной группе кужугетов'.

Решаемые задачи: рассмотреть изученность отдельных аспектов темы, в том числе максимально восстановить по доступным источникам этническую историю рода *кужугет*; составить родословную группы *кужугет*; проанализировать влияние территориального признака на жизнь родственной группы, члены которой преимущественно проживают в Тандинском и Барун-Хемчикском районах, рассмотреть роль родового обряда *дагылга*; определить новые формы связи членов моей родственной группы.

Источниковую базу составили личные документы из домашнего архива моих родственников А. Д. Соян, записи в трудовых книжках А. Д. Соян, Д. Д. Монгуш, наградные документы А. Д. Хомушку, А. Д. Соян, воспоминания А. Д. Хомушку, семейные фотографии А. Д. Хомушку, А. Д. Соян, опрос и интервьюирование моих родственников А. Д. Хомушку, А. Д. Соян, Ал. Д. Хомушку, Ан. К. Кужугет. Также я опиралась на наблюдения родового обряда *дагылга* 2020–2021 гг., в которых принимала непосредственное участие. И, конечно, богатую пищу для анализа дают регулярные личные встречи, наблюдения за взаимоотношением моих родственников.

Обзор литературы

Объект и предмет моего исследования — этническая родственная группа, взаимоотношения ее членов — входят в поле внимания целого ряда научных дисциплин, а также позволяют проводить междисциплинарные исследования. Историю рода изучает историческая генеалогия, микроистория или локальная история, история повседневности (Пчелов, 2000; Старикова, 2021). Терминология родства находится в ведении филологии (Бурыкин, Попов, 2020). Системы родства, проблемы родственных отношений, феномен родства изучает антропология родства (Read, 2007, 2009; Миличич, 2010), а также этнография родства (Белков, 2013).

Общие исследования родоплеменного состава тувинцев проводились классиками советской этнографии С. И. Вайнштейном (Вайнштейн, 1959, 1969), Л. П. Потаповым (Потапов, 1969), а также тувинскими учеными, в частности М. Х. Маннай-оолом (Маннай-оол, 2004). Также этнографические исследования обогатились вниманием к субэтническим группам тувинцев (обзор основных исследований см.: Ламажаа, 2017).

С начала 1990-х гг. общий процесс национального возрождения в российских регионах выразился в широком обсуждении темы возрождения народных традиций, проведении мероприятий разного уровня, восстановлении родовых идентичностей, практике усиления родоплеменных связей в разных формах (Ламажаа, Намруева, 2018). В тувиноведении это выразилось прежде всего в развитии филологических исследований — в терминологии родства (Кара-оол, 2004, 2006), в антропонимии (Сувандии, 2011).

В тувиноведении изучение данной стороны социальной жизни было сосредоточено на ее традиционном состоянии в дореволюционную эпоху (в форме этнографического описания родоплеменных структур (Яковлев, 1900; Кон, 1934; Вайнштейн, 1959, 1969; Потапов, 1969; Маннай-оол, 2004; Прокофьева, 2011), на вопросах ее трансформации в советский период (для фиксации изживания старых форм и прогрессивных изменений в семейном быту (Вайнштейн, 2009; Кужугет, 2016; Биче-оол, 2018)). В постсоветское время эта тема практически не исследовалась, хотя было признано, что социокультурные процессы в Туве имеют значительный характер архаизационных и неотрадиционалистских тенденций (Ламажаа, 2013). И при этом родовые связи и родовые отношения остались важными для тувинцев (Кужугет и др., 2019).

Этот исследовательский пробел не присущ только тувиноведению. Как пишет И. Ю. Крецер, изучение родства в собственном обществе, которое становится полноправной частью современных социальных исследований и «постоянно ускользает от исследовательского взгляда, особенно когда мы приступаем к изучению собственного общества» (Крецер, 2016: 167).

Таким образом, я попытаюсь восполнить пробел в данном направлении, разумеется, обращаясь только к истории и особенностям социальной жизни одной из тувинских родственных групп.

История этнического расселения кужугет

Несмотря на отсутствие исследований по отдельным родоплеменным группам тувинцев, упоминания о каждой из них присутствуют в литературе. Так, история родоплеменной группы *кужугетов* входила в поле внимания историков, этнографов, филологов и экологов (Потапов, 1969; Маннай-оол, 2004; Татаринцев, 2009; Чистик, 2010; Прокофьева, 2011; Дыртык-оол, Хертек, 2018).

Как писал Л. П. Потапов, первые сведения о кучугутах (кужугетах) появляются в исторических источниках с 1615 г. (Потапов, 1969: 21). На карте С. Ремезова, отражающей расселение народов Сибири к концу XVII в., отмечены группы саянов, живших в Саянских горах, здесь же жило и тувинское племя, именуемое в русских исторических документах *кучугутами*, *кученгутами*. Л. П. Потапов в своей работе подчеркнул, что ближайшие исторические предки группы современных тувинцев, называли себя *кужугетами* (там же: 21).

По сведениям М. Маннай-оола, кужугеты кочевали по Горному Алтаю и Верхнему Приобью вместе с другими племенами (ооржаками (оорчаки), кара-салами (керсагальцы), саянцами (верхние саянцы, саяны), кужугетами (кучугуцкие черные калмыки), тоджинцами (точичи), мингатами (мунгаты)), одновременно поддерживая связь с алтайскими телеутами (Маннай-оол, 2004: 99).

Кужугеты входили в Бээзи хошун (совр. Барун-Хемчикский район), где числились сумоном, у них было 150 или 186 юрт. Кочевали в основном о долине Алаша и в окрестностях оз. Кара-Холь (там же: 73). В период маньчжурского господства в Туве племена кужугетов совместно с хомушку перекочевывали в местности Хонделен и по р. Барлык, и входили в состав Бээзи хошуна. Кужугеты жили смешанно с ооржаками, хомушку по р. Алаш (там же: 113).

Происхождение этнонима *кужугет* связано с тотемистическими представлениями: в нем можно видеть отражение названия обожествляемого животного, считающегося родоначальником племени, которое отражение тотема типа *кужуген* (Татаринцев, 2009: 168).

Так, я предполагаю, что история моей родственной группы, рассматриваемой мною, восходит к тем же кужугетам, которые жили в окрестностях р. Алаш, озера Кара-Холь и м. Устуу-Шыдак Барун-Хемчикского района.

История моей родственной группы кужугет

Как отмечает Ш. Степановф, для многих молодых тувинцев, родившихся после 1980-х годов, характерно приписывать себе больше общего с аймаком матери в том, что касается черт характера и социальных связей (Степановф, 2009). То же характерно и для моего случая — я отношу себя к родственной группе *кужугет* по материнской линии, так как тесно общаюсь с родственниками матери. Тем не менее надо сказать, что и по линии отца мы тоже относимся к этой же группе *кужугет*, он родился в м. Кызыл-Тайга Барун-Хемчикского района. Я выяснила, что мои родители жили и росли практически на одной территории в долинах р. Алаш, оба носили фамилию Кужугет.

Далее я привожу схему генеалогического древа *төрөл бөлүк кужугет* по линии матери (рис. 1)

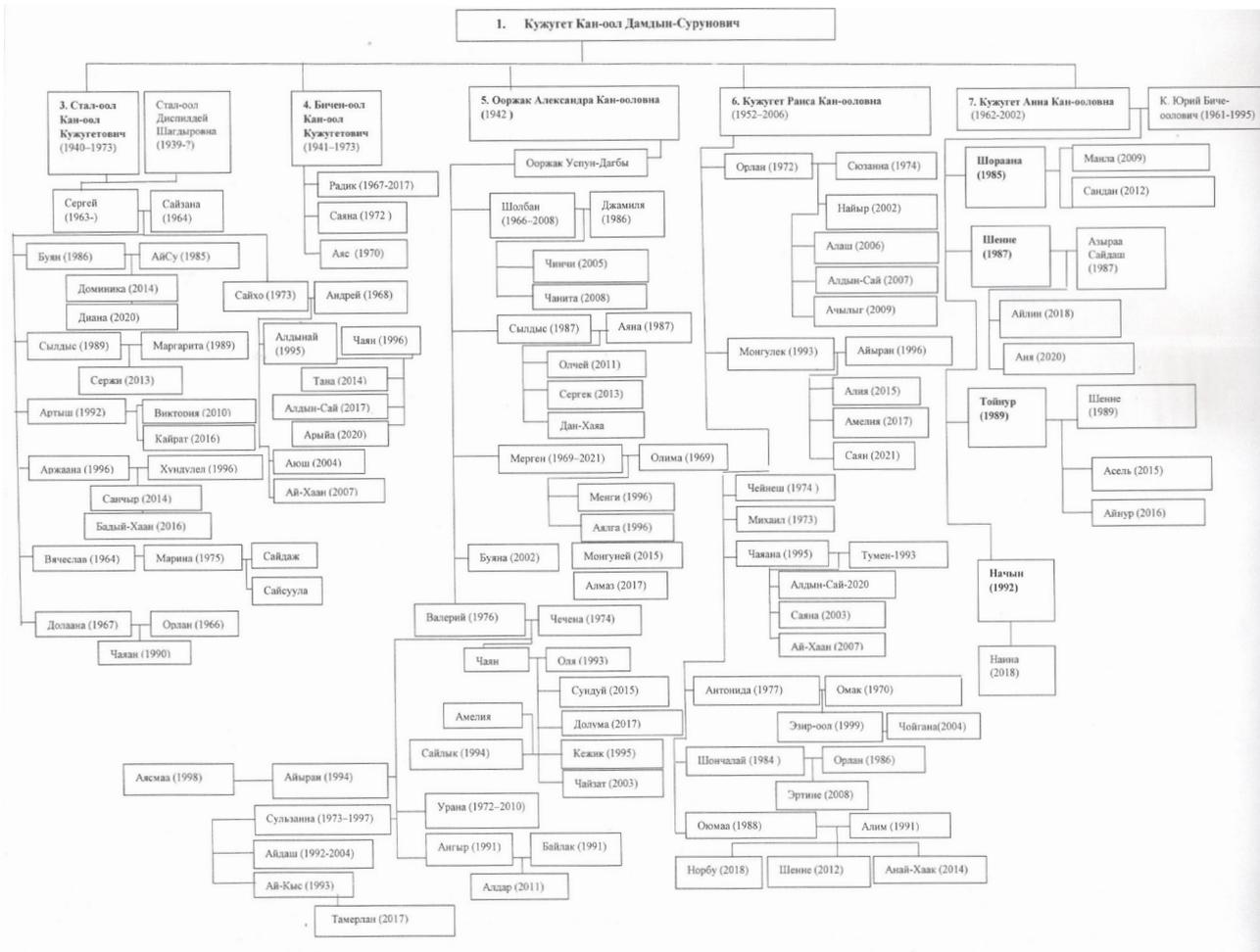

Рис. 1. Генеалогическое древо төрөл бөлүк кужугет Барун-Хемчикского района. Составлено автором.
 Fig. 1. The geneological tree of the төрөл бөлүк Kuzhuget of the Barun-Khemchik district. Compiled by the author.

Фото 1. Родственная группа кужугет. Фото Ч. Ооржак, 2021 г.
 Photo 1. The kinship group of Kuzhuget. Photo by Ch. Oorzhak, 2021.

В приведенном на *рис. 1* генеалогическом древе отсчет родственников в истории моей родственной группы *Кужугет* ведется от предка — дедушки по имени **Кужугета Кан-оола Дамдын-Суруновича**¹ (годы жизни неизвестны; 1 на *рис. 1*). Он является воспитавшим отцом моей матери (т. е. он мой дедушка по маме), которую он удочерил. Он всю жизнь был чабаном в местностях Ак, Алаш, Устуу-Шыдаяк Барун-Хемчикского района. У него было шестеро детей: самый старший сын Хомушку Доржу (по прозвищу Доржубал) Бак-Караевич (2 на *рис. 2*) был усыновлен в семью дедушки Кужугета Кан-оола, поэтому у него другие фамилия и отчество. Стал-оол Кан-оол Кужугетович (1940–1973) (3 на *рис. 1*), фамилия и имя были изменены в период внесения данных в паспорт, Бичен-оол Кан-оол Кужугетович (1941–1973) (4 на *рис. 1*), тоже фамилия и имя изменены при паспортизации, дочери Ооржак Александра Кан-ооловна (род. 04.03.1942 г.; девичья фамилия Кужугет) (5 на *рис. 1*), Кужугет Раиса Кан-ооловна (1952–2006) (6 на *рис. 1*) и моя мама, Кужугет Анна Кан-ооловна (1962–2002) (7 на *рис. 1*), удочеренная из другой семьи (см. далее).

Мне и моим родственникам — С. Х. Кара-Сал, А. К. Кужугет, Ч. В. Ооржак, Ч. К. Шавы — удалось собрать сведения на 5 поколений потомков от предка с общим количеством 109 человек. Всего на древе указано 36 семей.

Так как моя мама была удочерена, далее привожу продолжение древа семьи родного отца моей мамы.

На древе *рис. 2* отсчет ведется от **Хомушку Доржу Бак-Караевича** (1935–1983), который приходится родным отцом моей матери и усыновленным старшим сыном Кужугета Кан-оола Дамдын-Суруновича (1 на *рис. 1*) Он всю жизнь был чабаном, пас яков в той же местности, что и приемный отец моей мамы. Всего у него было четверо детей с первой женой Хомушку Кертик Коковной (1935–1963): Александр Доржуевич Хомушку (08.01.1957 г.р.) (8 на *рис. 2*), Алефтина Доржубаловна Соян (девичья фамилия Хомушку) (16.12.1958 г.р.) (9 на *рис. 2*), Александра Доржуевна Куулар (девичья фамилия Хомушку) (12.08.1960 г.р.) (10 на *рис. 2*). После смерти первой жены Хомушку Кертик Коковны (1935–1963) Хомушку Доржу вскоре женился во второй раз на Хомушку Рузе Борашовне (1935–1990), и в браке у них родились 6 детей: Аркадий Доржуевич Хомушку (27.09.1963 г.р.) (11 на *рис. 2*), Нина Доржуевна Сарыглар (девичья фамилия Хомушку) (30.12.1965 г.р.) (12 на *рис. 2*), Игорь Доржуевич Хомушку (10.02.1967 г.р.) (13 на *рис. 2*), Долаана Доржуевна Монгуш (девичья фамилия — Хомушку) (30.05.1969 г.р.) (14 на *рис. 2*), Чойганмаа Доржуевна Хомушку (1973–2018) (15 на *рис. 2*), Саида Доржуевна Хомушку (11.08.1975 г.р.) (16 на *рис. 2*).

Это древо состоит из 4 поколений с общим количеством 83 чел. Всего на древе отражена 21 семья. Для составления данной схемы мне помогли члены данной родственной группы А. Д. Хомушку, А. Д. Соян, С. Д. Хомушку, Д. Д. Монгуш, А. А. Сарыглар.

Таким образом, моя мама имела родных и приемных родителей, которые представляли родственные группы — *кужугетов* и *хомушку*.

Дальнейшее восстановление родословных сталкивается с фактором паспортизации, которая была проведена в Туве в связи с вхождением ее в состав СССР (1944 г.). Для получения советских паспортов тувинцам необходимо было вносить свои сведения по русифициционной формуле «фамилия, имя и отчество». А поскольку у тувинцев отчеств не было, называлось только имя отца, не было и фамилий (был общий род), то им приходилось «изобретать» каждому человеку себе фамилию и порой имя. Как потом отметила Н. Д. Сувандии, «в тувинском языке отмечаются фамилии, также образованные от имен их носителей, а родоплеменное название (фамилия) в данном случае становится именем» (Сувандии, 2011: 51).

Так, сыновья дедушки Кужугета Кан-оола Дамдын-Суруновича, Стал-оол Кан-оол Кужугетович (1940–1973) и Бичен-оол Кан-оол Кужугетович (1941–1973) при оформлении паспортов взяли свои имена как фамилии, а имя отца — как имя собственное, а фамилию — как отчество. Поэтому будучи родными братьями, по документам они таковыми не являются.

Дети Хомушку Доржу Бак-Караевича носят отчество Доржуевна и Доржуевич, кроме моей тети Алефтины Доржубаловны, которая носит как отчество прозвище своего отца. Из воспоминаний моей тети А. Д. Соян, об этом попросил ее сам отец.

¹ В воспоминаниях моих родных он именовался по-русски — с фамилией и данным отчеством, хотя, очевидно, что он имел тувинское имя.

В настоящее время из родных детей нашего общего предка Кужугета Кан-оола Дамдын-Суруновича, не считая приемного сына Хомушку Доржу Бак-Караевича, сформировались три родовые фамилии: *Кужугет*, *Бичен-оол*, *Стал-оол*. Последняя группа *Бичен-оол* (21 чел.) и *Стал-оол* (25 чел.) тем не менее, относят себя к роду *кужугет*. Я себя отношу к многочисленной группе *кужугет*, так как общий предок нашего рода *кужугет*.

Территории

Если исконной территорией обитания членов рода *кужугет* был Барун-Хемчикский район, то впоследствии *төрөл бөлүк кужугет* стал проживать сразу в двух районах — Барун-Хемчикском и Тандинском, куда переехали мои тети с семьями, а затем и мои родители. В 1987–1988 гг. сестры из приемной семьи моей мамы — Александра Кан-ооловна Ооржак и Раиса Кан-ооловна Кужугет — со своими семьями переехали из поселка Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района на постоянное место жительства в совхоз «50 лет СССР» села Межегей Тандинского района.

Причиной для смены места жительства моих родственников был поиск нового места работы. С 1950-х гг. в Туве началось существенное организационно-хозяйственное укрепление колхозов, происходили значительные качественные изменения, росла площадь пашни и урожайность сельскохозяйственных культур, поголовье скота и его продуктивность; осуществлялся массовый перевод колхозников на оседлый образ жизни, менялся социальный облик сел. И совхозы на начало 1982 г. представляли собой крупные сельскохозяйственные предприятия (*Очерки социального ...*, 1983: 32). Мои тети с мужьями смогли трудоустроиться животноводами в совхозе с. Межегей.

В начале 1990-х гг. туда за ними переехала и семья моих родителей, с нами — детьми. В с. Кызыл-Мажалык мой отец, Кужугет Юрий Биче-оолович (17.08.1961—10.06.1995), работал на мясокомбинате, стал трудиться животноводом — сначала в совхозе

Фото 3. Ш. Ю. Кужугет, автор статьи, с отцом. 29.11.1988 г. Фото из личного архива автора.

Photo 3. Sh. Yu. Kuzhuget, the author of the article, with her father. November 29, 1988, Photo from the author's personal archive.

Фото 4. Слева направо: Н. Ю. Кужугет, Ш. Ю. Кужугет, Т. Ю. Кужугет и его жена Ш. Р. Дыртык-оол, Ш. Ю. Кужугет. 2018 г. Фото из личного архива автора.

Photo 4. From left to right: N. Yu. Kuzhuget, Sh. Yu. Kuzhuget, T. Yu. Kuzhuget and his wife Sh. R. Dyrtyk-ool, Sh. Yu. Kuzhuget in 2018. Photo from the author's personal archive.

«50 лет СССР» с. Межегей до 1993 г., затем до 1995 г. в совхозе «Кара-Булуң» с. Успенка Тандинского района. С 1995 г. начался распад совхоза «Кара-Булуң» и в том же году после смерти отца, моя мама осталась без работы. Распад СССР и реформы 1990-х годов привели в том числе и к распаду совхозов в Туве (Себек, Тайбыл, Даржаа, 2020).

Фото 5. Семья тети А. Д. Соян, 2019. Фото В. Ондар.
Photo 5. The family of aunt A. D. Soyán, 2019. Photo by V. Ondar.

После распада совхоза в с. Межегей родные сестры матери остались там жить. Наша семья в 1995 г. после смерти отца из с. Успенка вернулась в с. Межегей. Мои родители имеют четверых детей: Кужугет Шораана Юрьевна (26.08.1985 г.р.), я, Кужугет Шенне Юрьевна (09.12.1987 г.р.), Кужугет Тойнур Юрьевич (08.08.1989 г.р.), Кужугет Начын Юрьевич (30.04.1992 г.р.). Мы жили и учились в с. Межегей до 2002 г.

В 2002 г. после смерти нашей матери старшими родственниками было принято решение, чтобы меня и младшего брата Начына взяла под опеку тетья Соян Алефтина Доржубаловна (9 на рис. 2) в с. Кызыл-Мажалык. А младшего брата Тойнура взял под опеку дядя Хомушку Александр Доржуевич (8 на рис. 2), который жил со своей семьей в с. Барлык. Моя старшая сестра Кужугет Шораана Юрьевна осталась в с. Межегей, чтобы окончить 11 класс. Она проживала в школе-интернате, уже заканчивала школу и собиралась поступать в высшее учебное заведение.

Разделение места проживания родственников *төрөл бөлүк кужугет* на два района повлияло на взаимоотношения родственников. Они отдалились и стали реже общаться. Только старшие родственники виделись изредка на различных праздничных торжествах.

В настоящее время все родственники из Барун-Хемчика уже живут в Кызыле, а также в г. Ак-Довураке, Кызыл-Мажалыке, Барлыке. С 2008 г. семья старшей дочери тети Нины Доржуевны Ай-Суу Сарыглар живет и работает в г. Москве. Дети и внуки моих родственников, которые жили в Тандинском районе, тоже стали переезжать в город Кызыл на постоянное место жительства.

Фото 6. Семья дяди А. Д. Хомушку, 1999.
Фото из семейного архива А. Д. Хомушку.
Photo 6. The family of uncle A. D. Khomushku, 1999.
Photo from the Khomushku family's archive.

Итак, теперь значительная часть родственников живет в г. Кызыле, остальные в трех селах Бай-Хаак, Успенка, Межегей Тандинского района. Также мои родные стали осваивать и территории за пределами Тувы: в 2021 г. дочь моей тети Раисы Кан-ооловны Шончалай Ооржак стала работать медицинской сестрой в ГБУЗ «Магаданская областная больница» г. Магадан Магаданской области; внучка моей тети Александры Кан-ооловны Ай-Кыс Ойбаа работает в частной медицинской клинике г. Москве; в конце 2021 г. внук тети Александры Кан-ооловны Ангыр Ооржак переехал с семьей в г. Тюмень, стал работать бурильщиком в ООО «Альтобур».

Так, если в советское время члены нашей родственной группы жили на два района Тувы, то в постсоветское время география стала более широкой и стала включать не просто столицу и несколько районов, но и другие российские территории, в том числе столицу России и северные районы. Тем не менее, интенсивность родственных взаимоотношений стала больше.

Роль обряда дагылга

С 2000-х гг. одним из важнейших мероприятий для поддержания родственных связей тувинцев стал обряд *дагылга* — освящения природных объектов на территории бывших родовых мест. Тувинцы проводят эти обряды с наступлением теплого времени — весной и летом (хотя иногда встречаются и осенние сборы).

Видов *дагылга* бывает много. Например, М. Б. Кенин-Лопсан насчитал девять видов *дагылга* (Кенин-Лопсан, 1994). Мои родственники проводят такой вид, как *суг бажы дагылгазы* — обряд освящения водного источника. Как пишет Ч. К. Ламажаа, обряд, который проводит родовое объединение, родственная группа дает его участникам чувство единения, которое важно и для старших, и для младших поколений. Первые получают возможность увидеться, обменяться воспоминаниями, новостями и договориться о помощи друг другу, своим детям и внукам, вторые — узнать новых родственников, показать себя и новых членов семьи (Ламажаа, 2021b: 136). Главным назначением родового обряда *дагылга* (в отличие от территориальных обрядов, где участвуют жители одного или нескольких поселений) является обращение к предкам, чтобы получить у них благословение; чтобы у всех потомков было крепкое здоровье и благополучие, чтобы в делах сопутствовала удача. И кроме того, на обряде *дагылга* важным считается представлять родственникам новых членов — зятями, невестками, новорожденными.

Члены двух родственных групп *хомушку* и *кужугет* проводят отдельные *дагылга* на двух территориях — в Барун-Хемчикском и Каа-Хемском. Кужугеты, хоть они живут в Тандинском районе, проводят *дагылга* в Каа-Хемском районе, поскольку шаман сказал, что их предки жили именно на территории Каа-Хемского района.

В 2020–2021 гг. я также приняла участие в этих обрядах в обоих случаях. Подробные описания этих *дагылга* вошли в научно-популярную книгу «Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI в.» (Дагылга: тувинские ..., 2021).

Члены *төрөл бөлүк хомушку* проводят *суг бажының дагылгазы* — освящение истока родника Кара-Суг в местечке Устуу-Шыдаяк Барун-Хемчикского района. Данное место считается родовой землей их родителей и предков. По словам старейшины рода Александра Доржуевича Хомушку:

«Устүү-Шыдаякка суг бажының дагылгазын кажан эрттирип эгелээнин сагынмас-дыр бис. Чылдың-на дагылганы эрттирерин кызып турар бис, ынчалза-даа чамдык үелерде 3 чыл дургаар эрттирбейн-даа баар таварылгалар бар. Мында бистиң ада-өгбелеривистиң, ада-иевистиң төрөөн чери-дир, маңаа бистиң чашкы болгаш элээди үевис эрткен. Ада-иевистиң биске арттырып каан езу-чаңчылдарын кадагалап чоруур ужурлуг бис» — «Мы, дети, практически не помним, когда начали проводить *суг бажы дагылгазы* в местечке Устуу-Шыдаяк. Периодически проводим обряд освящения истока родника, но были и такие времена, когда в течение трех лет не проводили обряд. Здесь расположена земля наших родителей, наших предков, в этом месте прошли наши детство и юность. Мы обязаны сохранять и чтить обряды и обычаи наших родителей».

А члены моей *төрөл бөлүк кужугет* проводят *суг бажы дагылгазы* — освящение истока родника — Кара-Суг в местечке Кок-Тей Каа-Хемского района. Каждый год всего в обряде *суг бажы дагылгазы* принимают участие дети и внуки трех родных сестер Ооржак Александры Кан-ооловны (5 на рис. 1), Кужугет Раисы Кан-ооловны (6 на рис. 1), Кужугет Анны Кан-ооловны (7 на рис. 1) с общим количеством 40–50 человек. Старейшиной сбора является Александра Кан-ооловна, которая открывает и закрывает мероприятие.

По словам моей тети Антонида Кок-ооловны:

«Шаг шаанда кырган-авамның ада-иези Каа-Хем кожуунга бай-шыырак, хөй мал-маганныг чурттап чораан. Кайы-даа хамнарга киреривиске, силерниң өгбелериңерниң чурттап чораан чери бо-дур дээн. Ол черге кара суг дагыыр болза эки дээн. Ынчангаш бо черни шилип алгаш, төрелдер дагып турарывыс бо» — «С давних времен в Каа-Хемском районе жили наши предки, родители моей бабушки. Они жили богато, и у них было много скота. Мы спрашивали у шаманов, которые твердили, что надо провести обряд освящения *кара суг* на земле предков. Поэтому моими родственниками выбрано данное место, и ежегодно проводим *суг бажы дагылга*».

В этом году к обряду *дагылга төрел бөлүк кужугет* впервые присоединилась дочь Стал-оола Кан-оола Кужугетовича — Кара-Сал Сайхо Кан-ооловна вместе со своим сыном Кара-Сал Аюшом Андреевичем (2004 г.р.). По словам моей тети, Сайхо Кан-ооловны:

«Меңээ Каа-Хем кожуунда суг бажы дагылгазы эрттирип турарын дуңмам Антонида Кок-ооловна чугаалады. Ынчангаш бо 2021 чылда бир дугаар ачамның (Стал-оол Кан-оол Кужугетович) төрелдериниң эрттирип турар дагылгазынга киржир аргалыг болдум. Оон аңгыда келген ужурум болза ачамның төрелдеринге оглум Аюш Кара-Салды (2004) таныштырып, эдержип чорзун дээш эдертип алган мен» «Мне при встрече рассказала моя сестра Антонида Кок-ооловна о том, что они проводят *суг бажы дагылгазы* в Каа-Хемском районе. Поэтому в этом году, в 2021 году, впервые смогла принять участие в *дагылга*, который проводил родственники со стороны моего отца. Также моей целью было познакомить своего сына Кара-Сала Аюша с родственниками со стороны бабушки».

Так, две родственные группы *хомушку* и *кужугет*, потомки одного предка, проводят родовые обряды *дагылга* автономно друг от друга в двух разных районах. При этом молодые тувинцы имеют возможность выбирать, присоединяться и к той, и к другой группе и обряду. Так, например, я принимаю участие в обоих *дагылга*. Мой интерес к *дагылга* родственной группы *хомушку* был связан с предложением моей тети Соян Алефтины Доржубаловны, чтобы увидела и помнила землю своих предков, где жили и выросли мои родители.

Никто не помнит, когда восстановила обряд *дагылга* родственная группа *хомушку*, но в настоящее время потомки наших предков стараются проводить ежегодно, только иногда через 3 года. Родственная группа *кужугет*, члены которой проживают в Тандинском районе, начали проводить обряд *дагылга* с 2014 г., но ежегодным он стал только с 2018 г.

Обряды, которые проводятся как сборы (*чыыштар*) родственников групп, были направлены на восстановление как самих родственных связей, ослабевших во второй половине XX в., так и связи моих родных с местами предков. И регулярность проведения обрядов, а также появившийся интерес родственников из двух групп к обрядам друг друга позволяют предположить о том, что укрепление родственных связей будет продолжаться.

Онлайн-пространство родственных связей

Совсем недавно впервые в тувиноведении Ч. К. Ламажаа проанализировала новую форму связи тувинцев с родственниками — через социальные сети и мессенджеры. Как показало ее исследование, значительное число тувинцев имеют группы (родственников, коллег, друзей) в мессенджерах, прежде всего в *Viber*, общение в которых имеет различные социальные последствия, в том числе укрепление и развитие родственных связей и отношений (Ламажаа, 2021а).

Это же онлайн-пространство оказалось освоено и моим *төрөл бөлүк*. С самого начала появления мессенджера *Viber* в Туве, примерно в 2016 г., в нем были созданы отдельные группы моих родственников. Члены *төрөл бөлүк хомушку* и *төрөл бөлүк кужугет* имеют две разные группы. Участниками обеих групп являются моя сестра Шораана, брат Тойнур и я.

Группа *төрөл бөлүк хомушку* в мессенджере называется «*Төрелдер Алаш*» («Родственники из Алаш»), которая указывает откуда они родом. В группе около 47 участников, в основном, это дети и внуки Хомушку Доржу Бак-Караевича. Члены данной группы в основном в чате поздравляют друг друга со значимыми праздничными датами: день рождения, юбилеи, Новый год, 8 марта, 23 февраля. Родственная группа *кужугет*, которые переехали и проживают в Тандинском районе, имеют общую группу «*Төрелдер Таңды*» («Родственники из Таңды»). В группе около 35 участников, в основном это внуки Кужугета Кан-оола Дамдын-Суруновича. Например, в самые важные моменты жизни членов родственной группы (куда 'свадьба', *орнукушудулга* 'похороны', *уруг айтырар* 'сватовство невесты') старшие участники группы призывают всех собирать материальную помощь, средства, подарки. Обычно с подобным объявлением

в верхней части группы в чате прикрепляется номер телефона, привязанный к чьему-то банковскому счету, на который всем следует переводить денежные средства. Например, при подготовке мероприятия *уруг айтырар* 'сватовство невесты' (15.07.2021) внука Александры Кан-ооловны Айырана Ооржака члены родственной группы также организованно перевели деньги на указанный номер. Но в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации в республике дату мероприятия перенесли. После того как позже мероприятие состоялось, 14 августа 2021 года, на завтрашний день еще раз их поздравляли в данной группе. Также с праздничных мероприятий, подобных этому, родные любят отправлять фото и видео, снятые на смартфоны, в данную группу. В группах родственников «Төрелдер. Алаш» и «Төрелдер. Таңды» также обсуждалось и организация, и проведение обрядов *дагылга*.

Помимо упомянутых двух чатов родственников, я также состою и в группе «*Родные мои*», где участниками являются моя старшая сестра Кужугет Шораана Юрьевна, братья Кужугет Тойнур Юрьевич, Кужугет Начын Юрьевич и жена брата Тойнура — Шенне Радиковна Дыртык-оол (1989 г.р.) — всего пять человек. Мы каждый день обмениваемся сообщениями о том, у кого как прошел день, делимся фотографиями рабочих будней, часто делимся фотографиями и видео своих детей. Иногда брат просит меня, жительницу Кызыла, купить ему какие-то вещи и отправить в район, чтобы самому не ехать в город. Например, брат Тойнур летом мастерил пристройку к своему дому с. Кызыл-Мажалык. Когда он выбирал на сайте железную входную дверь, то присылал фото выбранного варианта в нашу группу, а мы, в свою очередь, купили это изделие и отправили ему в район.

Данные примеры приводятся для того, чтобы показать интенсивность общения родственников, и не только для общения, но и координации усилий, хозяйственных дел. Все это помогает нам ощущать и использовать родственные связи, чувствовать поддержку родных.

Общение в трех группах ведется только на тувинском языке. Родственники, которые живут и работают за пределами Тувы, знакомят участников группы с окружающей природой своего места жительства, присылают фотографии, в том числе детей. Если кто-то из родственников умирает, то первым делом пишут в общую группу. Все выражают соболезнования, потом назначают ответственного человека, который собирает денежные средства. Иногда в группах рекламируют свою продукцию, например, чай собственного производства.

Таким образом, онлайн-пространство оказалось чрезвычайно удобным для поддержания, укрепления родственных связей моих родственных групп вне зависимости от места проживания людей.

Заключение

Так, в статье представлена история *төрөл бөлүк кужугет* — родственной группы кужугетов — тувинцев, родовыми местами которых были места Алаш в Барун-Хемчикском районе Тувы. Исторические перипетии XX века привели к тому, что потомкам одного рода пришлось разъехаться сначала на два района, затем на несколько и даже за пределы Тувы. В целом родственная общность разделилась на четыре родственные группы: *Хомушку*, *Кужугет*, *Бичен-оол*, *Стал-оол*. Факторами раздела стали факты усыновления/удочерения, во время которых людям менялись родовые имена, паспортизация, которая в целом поменяла данные родных людей, внутренняя и внешняя миграция тувинцев.

Но, тем не менее, сегодня имеются возможности для восстановления родственных связей разделившихся ветвей одного генеалогического древа. Эти возможности предоставляют различные обряды (*дагылга*, *куда* и пр.), на которых можно родственникам объединяться, а также онлайн-пространство, которое может соединять людей в режиме онлайн вне зависимости от территории нахождения.

Благодарности

Автор благодарит за помощь в уточнении данных родственников: Александра Доржуевича Хомушку, Алефтину Доржубаловну Соян, Александру Доржуевну Куулар, Нину Доржуевну Сарыглар, Долаану Доржуевну Монгуш, Саиду Чылбак-ооловну Хомушку, Антониду Кок-ооловну Кужугет, Сайхо Кан-ооловну Кара-Сал, Саиду Доржуевну Хомушку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белков, П. Л. (2013) Австралийские системы родства. Основы типологии и элементарные преобразования. СПб. : Наука. 156 с.
- Бурькин, А. А., Попов, В. А. (2020) Русская терминология родства и свойства: историческая динамика, аксиологические поля, коммуникативный дискурс. СПб. : Петербургское Востоковедение. 320 с.
- Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 128 с.
- Вайнштейн, С. И. (1959) Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — начало XX в.) // Советская этнография. № 6. С. 80–86.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1969) Происхождение и историческая этнография тувинского народа : автореф. дис... д. и. н. М. 45 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : ООО «Домашняя газета». 415 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Дыртык-оол, А. О., Хертек, С. С. (2018) Родоплеменная группа Кужугет Бай-Тайгинского района Тувы // Лучшая научно-исследовательская работа 2018: сборник статей XII Международного научно-практического конкурса / под ред. Н. Ю. Гуляева. Пенза : Издательство МЦНС «Наука и просвещение». 352 с. С. 80–83.
- Кара-оол, Л. С. (2004) Термины родства и свойства в тувинском языке: автореф. дисс. ... к-та филол. н. М., 24 с.
- Кара-оол, Л. С. (2006) Термина родства и свойства в тувинском языке. Кызыл : РИО ТывГУ. 252 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл : Издательство «Новости Тувы». 191 с.
- Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет: Собрание сочинений: в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев; тип. Профиздата. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. 293 с.
- Крецер, И. Ю. (2016) В поисках родства: к постановке проблемы изучения родственных отношений в современных западных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 19. № 1. С. 166–180.
- Кужугет, А. К. (2016) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Красноярск : Офсет. 320 с.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М. : ООО «Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы определения и исследования субэтнических групп тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. No 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тувинские обряды *дагылга* в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143.
- Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 206–226. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 166 с.
- Миличич, Б. (2010) Изучение родства, символическое мышление и преистория в антропологии XXI века / пер. с англ. С. Церна // Stratum plus. Археология и культурная антропология. № 2. С. 15–21.
- Очерки социального развития Тувинской АССР (1983) / Бойко В. И., Белошапкина В. Н., Ширшин Г. Ч. и др. / под ред. Ю. Л. Аранчына. Новосибирск : Наука. 262 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 400 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.
- Пчелов, Е. В. (2000) Теоретические понятия генеалогии // Гербовед. № 45. С. 54–61.
- Севек, В. К., Тайбыл, Р. С., Даржаа, Ч. Б. (2020) Анализ экономической эффективности типовых этнических хозяйств Республики Тыва // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 223. № 3. С. 468–477.
- Старикова, Г. И. (2021) Локальная история и генеалогия (на примере казачьего рода Заварухиных из станицы Магнитной) // Генеалогия и архивы: материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции / отв. науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск : Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области». 427 с. С. 384–390.
- Степановф, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. № 4. С. 129–145.
- Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : РИО ТывГУ. 208 с.

Татаринцев, Б. И. (2009) О некоторых тувинских этнонимах // Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл : ГУП РТ «Тываполиграф». 287 с. С. 164–169.

Чистик, Ж. К. (2010) Экологическая культура тувинского этноса / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Яковлев, Е. К. (1900) Семейный и общественный быт у сойот: роды, степени родства, брак и положение женщины, развод, население, похороны // Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск, 1900. Вып. 4.

Read, D. W. (2007) Kinship Theory: A Paradigm Shift // *Ethnology*. № 46(4). P. 329–364.

Read, D. W. (2009) Another look at kinship: reasons why a paradigm shift is needed // Алгебра родства / отв. ред. В. А. Попов. СПб. : МАЭ РАН. Вып. 12. P. 42–69.

Дата поступления: 12.09.2021 г.

REFERENCES

Belkov, P. L. (2013) *Avstraliiskie sistemy rodstva. Osnovy tipologii i elementarnye preobrazovaniia [Australian kinship systems. Basics of typology and elementary transformations]*. St. Petersburg, Nauka Publ. 156 p. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Popov, V. A. (2020) *Russkaia terminologiiia rodstva i svoistva: istoricheskaia dinamika, aksiologicheskie polia, kommunikativnyi diskurs [Russian terminology of kinship and properties: Historical dynamics, axiological fields, communicative discourse]*. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ. 320 p. (In Russ.).

Biche-ool, S. M. (2018) *Traditsionnye brachno-seimeinye otnosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskii period [Traditional matrimonial and family relations among the Tuvans and their transformation during the Soviet era]*. Abakan, Zhurnalst Publ. 125 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1959) Rod i kochevaia obshchina u vostochnykh tuvintsev (XIX — nachalo XX v.) [The clan and nomadic community of the Eastern Tuvans (19th — early 20th century)]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 6, pp. 80–86. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: Historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka Publ. 218 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1969) *Proiskhozhdenie i istoricheskaia etnografiia tuvinskogo naroda [The origin and historical ethnography of the Tuvan people]*: Abstract of the diss. ... Doctor of History. Moscow. 45 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (2016) *Zagadochnaia Tuva [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta Publ. 416 p. (In Russ.)

Dagylga: *tuvinskie obriady osviiashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).

Dyrtk-ool, A. O. and Khertek, S. S. (2018) Rodoplemennaia gruppy Kuzhuget Bai-Taiginskogo raiona Tuvy [The indigenous group of Kuzhuget in the Bai-Taiginsky district of Tuva]. In: *Luchshaia nauchno-issledovatel'skaia rabota 2018 [The best research works of 2018]*: A collection of articles of the 12th International research-to-practice competition / ed. by N. Yu. Guliaev. Penza, Publishing House of the International Center for Scientific Cooperation "Nauka i prosveshchenie". 352 p. Pp. 80–83. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2004) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom iazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]*: Abstract of the Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2006) *Terminy rodstva i svoistva v tuvinskom iazyke [Kinship and in-law terms in the Tuvan language]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department at Tuvan State University. 252 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Tuva chonnuñ burungu uzhurlary [Traditional ethics of Tuvans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy Publ. 192 p. (In Tuv.).

Kon, F. Ya. (1934) *Za piat'desiat let [In fifty years]*: Collected works: [in 3 vols.]. Moscow: Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Vol. 3: *Ekspeditsiia v Sioitiu [An expedition to Soyotia]*. 293 p. (In Russ.).

Kretser, I. Yu. (2016) V poiskakh rodstva: k postanovke problemy izucheniia rodstvennykh otnoshenii v sovremennykh zapadnykh issledovaniiax [Searching for kinship: Towards a problem statement in contemporary western kinship studies]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 19, no. 1, pp. 166–180. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. 2nd ed., enlarged. Krasnoyarsk, Ofset Publ. 320 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovo-kartine mira tuvintsev [The concept of төрөл ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". 272 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2017) Problemy opredeleniia i issledovaniia subetnicheskikh grupp tuvintsev [Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuvinskie obriady dagylga v XXI veke [Tuvan rites dagylga in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskie differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: The case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–226. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Mannai-ool M. Kh. (2004) *Tuvintsy: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: The origin and formation of the Tuvan ethnos]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 166 p. (In Russ.).

Miličić, B. (2010) Izuchenie rodstva, simvolicheskoe myshlenie i preistoriia v antropologii XXI veka [Kinship studies, symbolic thought, and prehistory in the 21st century anthropology]. *Stratum Plus*, no. 2, pp. 15–21. (In Russ.).

Ocherki sotsial'nogo razvitiia Tuvinskoj ASSR [Essays on social development of the Tuvan ASSR] (1983) / V. I. Boiko, V. N. Beloshapkina, G. Ch. Shirshin et al. ; ed. by Yu. L. Aranchyn. Novosibirsk, Nauka Publ. 262 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Prokofieva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The process of the national consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka Publ. 538 p. (In Russ.).

Pchelov, E. V. (2000) Teoreticheskie poniatiiia genealogii [Theoretical concepts of genealogy]. *Gerboved*, no. 45, pp. 54–61. (In Russ.).

Sevek, V. K., Taibyl, R. S. and Darzhaa, Ch. B. (2020) Analiz ekonomicheskoi effektivnosti tipovykh etnicheskikh khoziaistv Respubliki Tyva [Analysis of economic efficiency of typical ethnic farms of the Republic of Tuva]. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 223, no. 3, pp. 468–477. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2020-223-3-468-477>

Starikova, G. I. (2021) Lokal'naia istoriia i genealogiia (na primere kazach'ego roda Zavarukhinykh iz stanitsy Magnitnoi) [Local history and genealogy (The case of the Cossack family of the Zavarukhins from the village of Magnitnaya)]. In: *Genealogiia i arkhivy [Genealogy and archives]* : Proceedings of the Third All-Russian research-to-practice conference / ed. by N. A. Antipin. Chelyabinsk, State Institution "United State Archive of the Chelyabinsk Region". 427 p. Pp. 384–390. (In Russ.).

Stépanoff, Ch. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponimiia [Tuvan anthroponymy]*. Kyzyl, Editorial and Publishing Department at Tuvan State University. 207 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2009) O nekotorykh tuvinskikh etnonimakh [About some Tuvan ethnonyms]. In: Tatarintsev B. I. *Izbrannye nauchnye trudy [Selected scientific works]*. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ. 287 p. Pp. 164–169. (In Russ.).

Chistik, Zh. K. (2010) *Ekologicheskaiia kul'tura tuvinskogo etnosa [Ecological culture of the Tuvan ethnic group]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 176 p. (In Russ.).

Yakovlev, E. K. (1900) Semeinyi i obshchestvennyi byt u soiot: rody, stepeni rodstva, brak i polozhenie zhenshchiny, razvod, naselenie, pokhorony [Family and social life of the Soyot: Birth, degree of kinship, marriage and status of women, divorce, population and funeral]. In: Yakovlev, E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Yuzhnogo Eniseia i ob"iasnitel'nyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya [An ethnographic review of the South Yenisei Valley and the explanatory catalogue of the Museum's Ethnography Research Department]*. Minusinsk, V. I. Kornakov's Printing House. 357 p. Pp. 79–99. (In Russ.).

Read, D. W. (2007) Kinship theory: A paradigm shift. *Ethnology*, vol. 46, no. 4, pp. 329–364.

Read, D. W. (2009) Another look at kinship: Reasons why a paradigm shift is needed. In: *Algebra rodstva [Algebra of kinship]*. Issue 12 / ed. by V. A. Popov. St. Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography of RAS. Pp. 42–69.

Submission date: 12.09.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.4

Статья

Родословная Кыргысов из Эйлиг-Хема (Тува)

Чойганмаа К. Ойдуп

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН,
Российская Федерация

Жизнь тувинских родов в XX веке претерпела значительные изменения: седентаризация, переезды, изменение личных данных людей в связи с паспортизацией 1940-х гг., потери родственников. Нынешнее стремление тувинцев к восстановлению родословных имеет много проблем с установленными данными на людей. Это показано на примере истории одного рода — Кыргысов из Эйлиг-Хема Улуг-Хемского района Тувы, которую восстанавливает автор статьи, представитель этого рода. Информация восстанавливалась из рассказов родителей автора, детских воспоминаний, а также сообщений сестер — старшей родной Лидии Кыргысовны Будуп (1943 г.р.) и сродной (по линии отца) Валентины Одурековны Домур-оол (1943 г.р.).

Описана история жизни родителей Седиваа Сатовны Шагдыр (1918–1988) и Кыргыса Будуповича Шагдыра (1915–1987), поведаны семейные истории хан-төрел — родных по крови людей. Автор отмечает сколько детей, внуков и правнуков сегодня насчитывает род, где они проживают. Представлено родословное древо, которое удалось составить.

Представители рода сегодня стараются не терять связи друг с другом, встречаются на родовых дагылга (обрядов освящения) в местах, где проживали их предки в Улуг-Хемском районе.

Ключевые слова: тувинцы; паспортизация; советская Тува; родословная; родственные связи; родственная группа; семья; Кыргыс; Сат; биография

Для цитирования:

Ойдуп Ч. К. Родословная Кыргысов из Эйлиг-Хема (Тува) // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 46-56. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.4>

Ойдуп Чойганмаа Кыргысовна — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия г. Кызыл, ул. Интернациональная, 117а. Эл. адрес: oydup_ch@mail.ru

OYDUP, Choyganmaa Kyrgysovna, Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Leading Scientific Collaborator, Tuvan Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya Street, Kyzyl, Russian Federation. 667007. E-mail: oydup_ch@mail.ru

The Genealogy of the Kyrgys from Eylig-Khem (Tuva)

Choyganmaa K. Oydup

*Tuvan Institute for Complex Development of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Russian Federation*

The life of Tuvan clans in the 20th century underwent significant changes: sedentarization, relocations, changes in the personal data of people due to the passportization of the 1940s, losses of relatives. The current desire of the Tuvans to restore family trees causes many problems with collection of data on people. This is shown by the example of the history of an ancestry — the Kyrgys from Eylig-Khem in the Ulug-Khem district of Tuva. The author of the article, a representative of this family, restores their history. The information was taken from the stories told by the author's parents, childhood memories, and messages from her sisters — the full elder one, Lydia Kyrgysovna Budup (born in 1943), and the kindred sister (from the father's side), Valentina Odurekovna Domur-ool (born in 1943).

The article describes the life history of the author's parents, Sedivaa Satovna Shagdyr (1918–1988) and Kyrgys Budupovich Shagdyr (1915–1987); family histories of khan-torel — the kindred people — are presented. The author notes how many children, grandchildren and great-grandchildren there are in the family where they dwell today. The family tree that we have managed to compile is presented.

Representatives of the kinship group today try not to lose touch with each other, they meet at the family dagylga (consecration rites) in the places where their ancestors lived in the Ulug-Khem district.

Keywords: Tuvans; passportization; Soviet Tuva; family tree; kinship ties; kinship group; family; Kyrgys; Sat; biography

For citation:

Oydup Ch. K. Rodoslovnaia Kyrgysov iz Eilig-Khema (Tuva) [The Genealogy of the Kyrgys from Eylig-Khem (Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 46–56. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.4>

Введение

Тувинцы изревле были обязаны знать свою родословную и имена предков до девятого колена (Кеннин-Лопсан, 2006: 52–54). Родовые общности жили на одной территории, знания передавались из уст в уста новым поколениям, что позволяло поддерживать традицию.

Однако сейчас этот путь во многом утрачен. Например, я и мои родные помнят только родителей мамы — Серена и Севил, которые жили в 1880–1946 гг. по долине рек Большие и Малые Уры (с 1944 года территория отошла Красноярскому краю), и папы — Будупа и Кушкаш, обитавших в 1880–1960 гг. в долине рек Эйлиг-Хем и Куйлуг-Хем Улуг-Хемского района. Наше генеалогическое древо фактически начинается с них, потому что ни документов, ни записей прародителей не было из-за отсутствия письменности.

После вхождения Тувы в состав СССР, когда каждому жителю надо было оформить паспорт, тувинцам стали присваивать новые данные, в том числе давать фамилии, которых у них раньше не было. Основной рекомендацией власти был выбор в качестве фамилии собственного имени, имени отца или деда. Если выбиралось первое — то следовало придумать новое собственное имя. Например, у моего одноклассника имя матери было Содунам, при паспортизации ей предложили имя сделать

фамилией, а себе придумать новое имя. Так она стала Содунам Варвара Кыргысовна. Многие тувинцы поменяли или придумали себе фамилии, имена. На мой взгляд, в результате этой кампании началась большая путаница, в том числе поломалось представление о родовой последовательности. Это сейчас значительно затрудняет задачу восстановления родословных.

Посмотрим на примере одной из родственных групп тувинцев — родственников автора статьи — как восстанавливалась информация для родословной и с какими сложностями приходится сталкиваться. Речь идет о *хан-төрөл* (родных по крови) Кыргыс из Эйлиг-Хема Улуг-Хемского района, в частности о семье — *өг-бүлө* Шагдыр. Информация восстанавливалась из рассказов родителей автора, детских воспоминаний, а также сообщений сестер — старшей родной Лидии Кыргысовны Будуп (1943 г.р.) и сродной (по линии отца) Валентины Одурековны Домур-оол (1943 г.р.).

История мамы из рода Сат

Моя мама Шагдыр Седиваа Сатовна (1918–1988) (фото 1) из *Саттар бөлүү* (рода Сатов). Они жили и кочевали в долине рек Большие и Малые Уры. До 1944 г. здесь — по Усинскому району — проходила пограничная зона между Тувинской Народной Республикой и Красноярской губернией, затем — Шушенским районом Красноярского края.

Границы государств устанавливались преимущественно по очень приметным объектам — хребтам или водоразделам. Так, хребты Западных Саян раньше были северной границей Тувы. Упоминания о тувинцах, проживавших здесь, собраны в работе В. Г. Дацышена (Дацышен, 2005: 20–24).

Долина рек Большие и Малые Уры — благодатное место для животноводства. Территория просторная, наполненная зеленью, поскольку южные склоны хорошо освещены солнцем. Со слов моей матери (она вспоминала детство), ее родные активно перемещались на лошадях вниз по левой стороне Енисея до Ур-Сайлыг. По Малой Уре жили родные нашей бабушки (матери мамы).

Тувинцы соседствовали с русскоязычным населением. Все общались, несмотря на языковой барьер, и обогащали лексикон друг друга. У мамы в обиходе были русские слова: «помощь», «газета», «просо», «орех» и т. д. Кроме этого, жители долины держали связь с жильцами из долин рек *Урбун*, *Чиңге*, *Орта-Хем*, *Куйлуг-Хем*, *Эйлиг-Хем* (правые притоки Енисея) и *Чаа-Хөл* (левый приток). Перемещались преимущественно на плотах по Енисею (зимой — по льду), но были и тропы вдоль берегов — по ним ездили на лошадях. Связь с жителями выше по течению Енисея была постоянная и крепкая. Это было необходимо, поскольку люди обменивались разной продукцией. По рассказам мамы, когда началось вытеснение тувинцев из этих территорий в 1944–1945 гг., часть жителей поднялась по Енисею выше, а часть спустилась к долине р. Ус ниже по течению реки. Родители мамы до последних дней своей жизни оставались там.

Кырган-ачавыс (наш дедушка) по имени Серен (чаще его звали Кара-Кежеге — из-за черных, кучерявых волос, о чем нам рассказывала мама) жил в 1888–1946 гг., а *кырган-ававыс* (бабушка) — Севил — в 1890–1944 гг. У них было 6 детей: три сына и три дочери. Мама была пятой (двух ее старших братьев мы не знаем, они умерли рано), двух старших сестер — наших тетей (*даай-ававыс*) — звали Суванц (1912–1978) и Сиилиң (1915–1997), и младший — шестой ребенок в семье *даайывыс* (наш дядя) Даш (1922–1965). Обеих тетей и дядю мы знали хорошо, общались до последних дней их жизни.

Характеризуя внешность рода Сат, могу сказать следующее: они среднего роста, овальное лицо с короткими носами, светлая кожа, редкие черные волосы. Цвет глаз не карие, как у рода Кыргыс, а более светлые *шаңгыр*, т. е. цвет недоспелого крыжовника. Такие же черные и кучерявые, как у деда, волосы были у его родной сестры — *кырган-авай*, так мы ее называли, Суруң. Она тоже была сосватана отсюда и жила в Эйлиг-Хеме. У нее была непростая судьба: муж Чалбаа Шагдыр-Суруң оглу, участник Ховдинской войны (1911 г.), был ранен и умер в возрасте 48 лет. Она вырастила детей одна. Приметными кудрями был наделен только старший внук нашей тети.

Фото 1. Шагдыр Седиваа Сатовна, 1978 г. Фото из личного архива автора.

Photo 1. Shagdyr Sedivaa Satovna, 1978. Photo from the author's personal archive.

Нашу маму сосватали в 1936 г., когда ей было 18 лет. В те времена с желаниями жениха и невесты не считались, учитывали только *ук*, *угун уктаар* (наследственность) и *ызыгуур салгаан* (наследные вопросы). До замужества ее звали Седиваа Серен уруу. По итогам паспортизации она стала Шагдыр Седиваа Сатовна (так как она была замужем за Шагдыр, соответственно ее записали по мужу). Мама рассказывала, что она хотела остаться Сат Седиваа Сереновной. Но большими спорами она добилась, чтоб ее записали хотя бы «Сатовной». А удалось это сделать благодаря тому, что она умела читать и писать, и вовремя успела заметить, что ей пишут «Кыргысовна», как остальным. А сколько таких было безграмотных тувинцев, которые даже не могли прочесть и понять, как им приписывают новые имена!..

Маме удалось научиться грамоте, когда она переехала к мужу. Тогда по долинам, где больше всего располагалось *аалов*, были организованы *кызыл булун* — красные уголки, юрты-школы. В них люди обучались старотувинской письменности на латинизированном алфавите. Потом старших детей мама обучала этому алфавиту еще до школы. Как вспоминает моя старшая сестра, «где только не писали — на буржуйке угольком, на бересте. Когда пришла в первый класс, то быстро научилась читать, хотя уже был русский алфавит».

Родители очень сожалели о смене алфавита, так как новые книги, газеты стали недоступны им. Они так всю жизнь и писали латинизированными буквами для себя. Писать и считать им было важно для того, чтобы вести строгий учет коз. В прошитых школьных тетрадях записывалась каждая коза с госномером (он был указан на железной бирке, которая висела у каждого животного на ухе), сколько козлят у нее, какой масти, номера их сначала временных бирок на шее...

Дома у нас были два небольших *аптара* (сундука), у которых были съемные крышки: одна использовалась как доска для раскатывания лепешек со скалкой, на другой было нарисовано поле *буга-шыдыраа* (тувинские шахматы, см.: Самбуу, 1992: 51–53). Мама говорила, что с этими двумя сундуками она и приехала в Эйлиг-Хем, это было ее приданое.

В сундуках, помимо прочего, хранился *саадак*. Так она называла сумку из тонкого войлока, сотканную из белой шерсти, с длинной ручкой из шерсти. В ней хранились самые ценные документы: паспорта родителей, свидетельства о рождении детей, документы на ружья, охотничий билет, облигации (их покупали во время Великой Отечественной войны, см.: Харунова, Харунов, Базыр, 2020). Также в ней лежали и лекарства: *тооргу хини* (струя кабарги), *адыг өдү* (желчь медведя), *сыын мыйызы* (кусочек рога марала), *хая чугу* (каменная смола), *кургаткан чуңма ханы* (сушеная кровь дикой козы) и т. д. — всего по чуть-чуть. Мы, дети, никогда не трогали сумку, она хранилась глубоко на дне сундука. Родители знали когда, что достать, если дети или они сами захворают. Сумочка была очень дорога маме, так как она соткала ее сама.

Бабушка — мама моей мамы — умерла в возрасте 54 лет, а дед спустя два года — в возрасте 58 лет. Из-за отсутствия скорой связи, дальности расстояния и сложности перемещения (на плотах, по льду зимой), мама была на похоронах только бабушки в 1946 г., и то с опозданием.

Наша мама умерла в 1988 г., оставив после себя 9 детей (в том числе и приемного сына). От 9 детей появилось 26 внуков, 48 правнуков, 8 праправнуков, о которых я скажу далее.

История отца из рода Кыргыз

По линии отца Шагдыра Кыргыза Будуповича (1915–1987) (фото 2) мы относимся к роду Кыргыз, которые населяли долины рек Куйлуг-Хем, Эйлиг-Хем, Демир-Суг (правые притоки Енисея), начиная от г. Буура далее на запад цепь вытянутых хребтов Ийме вдоль правой стороны Енисея. На севере граница земель проходит по Куртушибинскому хребту.

Стоянка нашей семьи называлась *Чангыс Шиви* ('Одинокая ель'), куда мы спускались после *чайлаг* (летников) и *кыштаг* (зимника). Она находилась в 4–5 км к северу от могильника Бедик Хорум, который был открыт советским археологом А. Д. Грачом и который остается крупнейшим памятником периода экспансии енисейских кыргызов не только в Туве, но и в

Фото 2. Шагдыр Кыргыз Будупович, 1956 г. Фото из личного архива автора.

Photo 2. Shagdyr Kyrgyz Budupovich, 1956. Photo from the author's personal archive.

Центральной Азии в целом (Грач, Савинов, Длужневская, 1998). Вся долина нижнего течения р. Эйлиг-Хем была пахотной, ее активно использовали в первой половине XX в. Забросили только в 1959 г., когда был организован совхоз «Свобода труда» и здесь стал разводиться только мелкий рогатый скот.

Отары паслись вокруг могильника, но на само сооружение нельзя было подниматься. Родители нам велели не осквернять место, так как, считалось, что там находится могила владыки этой долины.

По внешности Кыргызсы имеют вытянутое лицо с длинным носом. Таким был мой отец, волосы у него были густые и седые. Еще одна особенность Кыргызсов — высокий рост. У отца был рост 193 см, такой же статной была его мама. Причем этот рост считается очень высоким даже для современных тувинцев. Кыргызсов, на мой взгляд, отличает стойкость в своих убеждениях, умение отстаивать своё родное.

Представители рода Кыргыз (*кыргызтар*), проживавшие по долине рр. Эйлиг-Хем, Демир-Суг, Куйлуг-Хем, старались связываться родством с жителями долин рек: Большие и Малые Уры, Хем-Теректиг (род Сат), Урбун (род Донгак), Эжим (род Ховалыг) и верховье р. Уюк (Тарлаг, Хадын) (род Маады).

Наш отец Шагдыр Будуп оглу родился в 1915 г. По итогам паспортизации он стал Шагдыр Кыргыз Будупович. Имя рода стало его именем и соответственно мы — дети — «потеряли» правильное отчество. Мать его звали Кушкаш. Она родилась в 1880 г., а умерла в мае 1952 г. в возрасте 72 лет. Я помню хлопоты, связанные со смертью бабушки, хотя мне не было еще трех лет. Отца моего отца, т. е. моего деда, звали Будуп, годы его жизни 1877–1960 гг.

Мы с детских лет заметили, что родители не любили рассказывать историю отца. Начальную школу я окончила в Эйлиг-Хеме и жила у одного из родственников. У него дома видела фотографии, на которых замечала сходство не самых близких родственников. Лишь много позже мы поняли, почему эта тема была практически под запретом.

Отсутствие медицинской помощи в старые времена приводило к тому, что не каждая семья могла иметь ребенка. Наш род находил решение в этом деликатном вопросе, выручая друг друга *азырантыга дилеп алыр* (дарением, усыновлением) ребенка.

Мы считаем нашими предками двух двоюродных братьев Кошкар-оола и Көка, а также двоюродную сестру Кушкаш — маму отца. Она была самой авторитетной, уважаемой женщиной, которую было принято слушаться, подчиняться, ей не смели перечить. Их отцы были родными братьями. Самого старшего из них Кошкар-оола мы не застали, он был многодетным отцом, имел пятерых сыновей и младшую дочь Караш. С дедушкой Көк я была знакома, так как жила у него, учась в начальной школе.

Говорят, что нашей бабушке Кушкаш молитвы лам помогли родить девочку — старшую сестру отца — Седип. Но больше детей у нее не было. Поэтому у многодетного брата Кошкар-оола она попросила — усыновила в младенчестве его четвертого сына — нашего отца. А у Көк вовсе не было детей. Он удочерил дочь Кошкар-оола — Караш, причем после его смерти.

То, что и наш старший брат — приемный ребенок — я и все остальные узнали, когда я училась в 9 классе. Случайно в столовой городка Шагонар я увидела молодого человека, необычайно похожего на нашего старшего брата. Он был в военной форме, но, если мой брат вернулся чуть пораньше, отслужив в погранвойсках на о. Кунашир, то его двойник был в форме других рода войск. На выходные я пришла домой и задала вопрос родителям «в лоб». Тут они и поведали историю: они потеряли двоих старших детей подряд, младенцы не доживали до года. В этой связи, чтоб остановить этот «процесс», бабушка вынесла такое решение — им надо было усыновить ребенка. У дальних родственников в это время родились двойняшки, вот у них и «попросили» одного из них, в двухмесячном возрасте. Потери в самом деле остановились. Через два года у родителей родилась девочка — моя старшая сестра Лида. Таким образом нас с братом насчитывается 9 человек.

Родители отца были состоятельными людьми, причем основным богатством тогда считался *чеди чүзүн малы* — скот. Но при коллективизации (1934-1935 гг.) и при создании колхоза в 1949 г., весь скот национализировали. Им не удалось передать хозяйство сыну и дочери — нашему отцу и его старшей сестре. Остались только одна корова, конь и 5–6 голов овец. Бабушка не приняла такой расклад, все восприняла в «штыки». В знак протеста новым порядкам бабушка Кушкаш даже отказалась отдать в школу нашу старшую сестру. Та пошла в школу в возрасте 9 лет только после смерти бабушки. Тогда же в 1952 году маме и *кырган-ачам* (отцу нашего папы) удалось вступить в колхоз и получить стадо коз, около ста голов.

Также негативно воспринимали новшества братья бабушки Кушкаш и их дети. Племянник бабушки Дору-Сүрүң, старший сын Кошкар-оола, из-за своего неприятия новой власти получил прозвище — Кондр (тувинизированное «контра») Дору-Сүрүң в 1935г. Два его младших брата в начале 1950-х годов вынуждены были перебраться на родину матери в долину Уюк. Папа говорил, что им пришлось поменять со временем и фамилии из-за преследования, на какие именно — не припоминаю. Дору-Сүрүң рано ушел из жизни, когда его младшему сыну не было и двух лет. Впоследствии его усыновил Көк. Два старших ребенка Дору-Сүрүң — сын и дочь — при паспортизации поменяли свои фамилии на Тюлюш и уехали в Чаа-Хөл, где преимущественно проживал род Тюлюш. Сын получил хорошее образование, работал по линии партии. В последние годы жизни работал заместителем председателя республиканского КГБ по кадрам. Сестра его в конце 1950-х годов вернулась в Эйлиг-Хем, приняла отару, стала работать чабаном. Передовиками-чабанами стали и ее сын и младшая дочь.

Более-менее без особых неприятностей этот сложный период пережил Көк благодаря күдээ (зятю) Тюлюш Өдүрек, мужу старшей его дочери Караш. Тот стал первым специалистом во вновь организованном колхозе в Эйлиг-Хеме. Младший (усыновленный) сын выучился на бухгалтера, долгие годы работал в совхозе «Свобода труда».

В целом члены нашего *хан төрөл Кыргыз* из Эйлиг-Хема были работающими людьми. Они соблюдали незыблемые правила взаимовыручки, в том числе для бездетных. Каждая семья должна была иметь детей, наследников. Поэтому детей отдавали на воспитание. Причем никаких жалоб, недовольства никогда по этому поводу никто не смел высказывать. Также умели хранить свои тайны, может благодаря этому наш отец избежал преследований из-за родного отца Кошкар-оола, которого считали врагом народа. Тем не менее, ему не суждено было вступить в колхоз, так как он считался сыном «феодалки». Больше времени работал у золотарей каюром, проводником, которые располагались в верховье р. Эйлиг-Хем. Имел много русских друзей из числа бывших золотарей. Когда в Шагонаре организовали машинно-тракторную станцию (МТС), многие семейные золотари перешли туда. Наш папа как местный работал с ними. Колхоз, как правило, рассчитывался мелким скотом. В 1954 г., когда сменилось правление колхоза, новое начальство приняло папу на работу в колхоз. Сначала он работал прицепщиком на тракторе, затем наш дед уступил ему свою отару. Отец был в передовиках, даже был депутатом местного совета нескольких созывов. Его фотография частенько висела на доске почета перед райкомом партии.

Родословная

Авторитет нашей бабушки у родных перешел от матери к нашему отцу. Он был не такой требовательный, но, тем не менее, *төрөл бөлүк* (родом, родственной группой) управлял. Он был в курсе дел каждой семьи, с ним советовались, он помогал материально и учил премудростям жизни. Может поэтому, *кожа аал* (соседи) его звали *Чазак* (правитель). Его сажали на почетное место в юрте, угощали свежесваренным тувинским чаем, угощали, как *члена хүндүткелдиг бөлүк* (знатного) рода Кыргыз *дөш* (грудинкой барана), подносили как имущему *ужа* (курдюк) барана.

По мнению отца, *төрелим* (своей родней) считаются кровные (биологические) родственники, а также приемные родные.

Если раньше у тувинцев основной формой передачи информации о родных — была устная традиция, то сегодня это стало большой проблемой. В наше время есть миграция населения по Туве и за пределы республики. Молодое поколение, порой плохо говорящее на своем родном языке, остается без информации о своих корнях. Учитывая это, моя сестра Лидия Кыргызовна (учитель высшей категории), Валентина Одурековна (внучка Көк, известный, заслуженный человек в Туве, долгие годы была директором школы № 9 г. Кызыла) и я — мы решили собрать детей, внуков, правнуков родных по крови Кыргыз из Эйлиг-Хема. Такое мероприятие удалось впервые организовать в августе 2011 г. (*фото 3*). Каждая семья тогда поделилась информацией о себе, о своих детях.

Большая часть моей информации была получена от моих родителей, восстановлена по воспоминаниям. Мама любила рассказывать нам, детям, про своих родных. Родственников по отцу мы больше знали со стороны дедушки (приемного отца папы). Бабушка перед смертью решила открыть папе тайну, что он приемный сын, кто его кровные родные, просила, чтоб он и мы, его дети общались с ними. После этого папа, конечно, старался сблизиться с родными.

Фото 3. Род Кыргызтар, 2011 г. Фото автора.

Photo 3. The kinship of Kyrgys, 2011. Photo is by the author.

Очень многое помнит и рассказывает моя старшая сестра Лидия Кыргызовна. Генеалогическое древо нашей семьи составлено по ее эскизам (рис. 2). У наших родителей на сегодняшний день от девяти детей есть 26 *уйнуктар-бирги салгал* — внуков, 48 *уйнуктар-ийиги салгал* — правнуков и 8 *уйнуктар-ушку салгал* — праправнуков. Преимущественно все они проживают в Кызыле. Ак-Довураке, Чадаане, Шагонаре. Есть и за пределами Тувы. В наших родных местах жили и работали сестры — Унуш (1952-2003) и Рита (1961 г.р.). Они стали передовиками-чабанами. Сестра Рита получила звание «Заслуженный чабан Тувы» в 2005 г., когда учредили такое звание в республике. В настоящее время ее младший сын является животноводом-тысячником Улуг-Хемского района.

Несколько слов о наших старших родных из рода Сат.

Улуг *даай-ававыс* (старшая сестра мамы) Суваң была *хам* (шаманкой). Ее так и называли *Хам кадай*. Хотя наша мама слово *хам* не употребляла применительно к тете, а говорила *караң көрнүр* ‘человек с даром ясновидения’, а также с *бургандан чаяган салым* ‘дарованным Богом способностью’.

В советское время не было принято об этом говорить, но о ее способностях знали близкие и земляки. Она так и жила в долине р. Хем-Теректиг (выше по течению Енисея от Уры), на том же берегу, на территории Красноярского края. Муж был из рода Сат. Она не пользовалась шаманскими атрибутами, не носила специальных одеяний, просто смотрела на человека и ставила диагнозы, давала советы.

По рассказам матери, раскрытие шаманских способностей у нее происходило очень болезненно и проблематично для семьи. Когда моей маме было лет 5, ее сестре Сиилин 8 лет, она им рассказывала о том, что однажды разговаривала с овцой: «На косогоре я чуть было не упала, впереди меня шла овца. Она, повернув голову, сказала: “Как так, у меня круглая ступня и я не падаю, а у человека плоская — он падает?”». Настрого наказала сестренкам никому не рассказывать об этом. Они молчали до того момента, когда старшая сестра начала исчезать в тайге по несколько дней. Родителям пришлось позвать

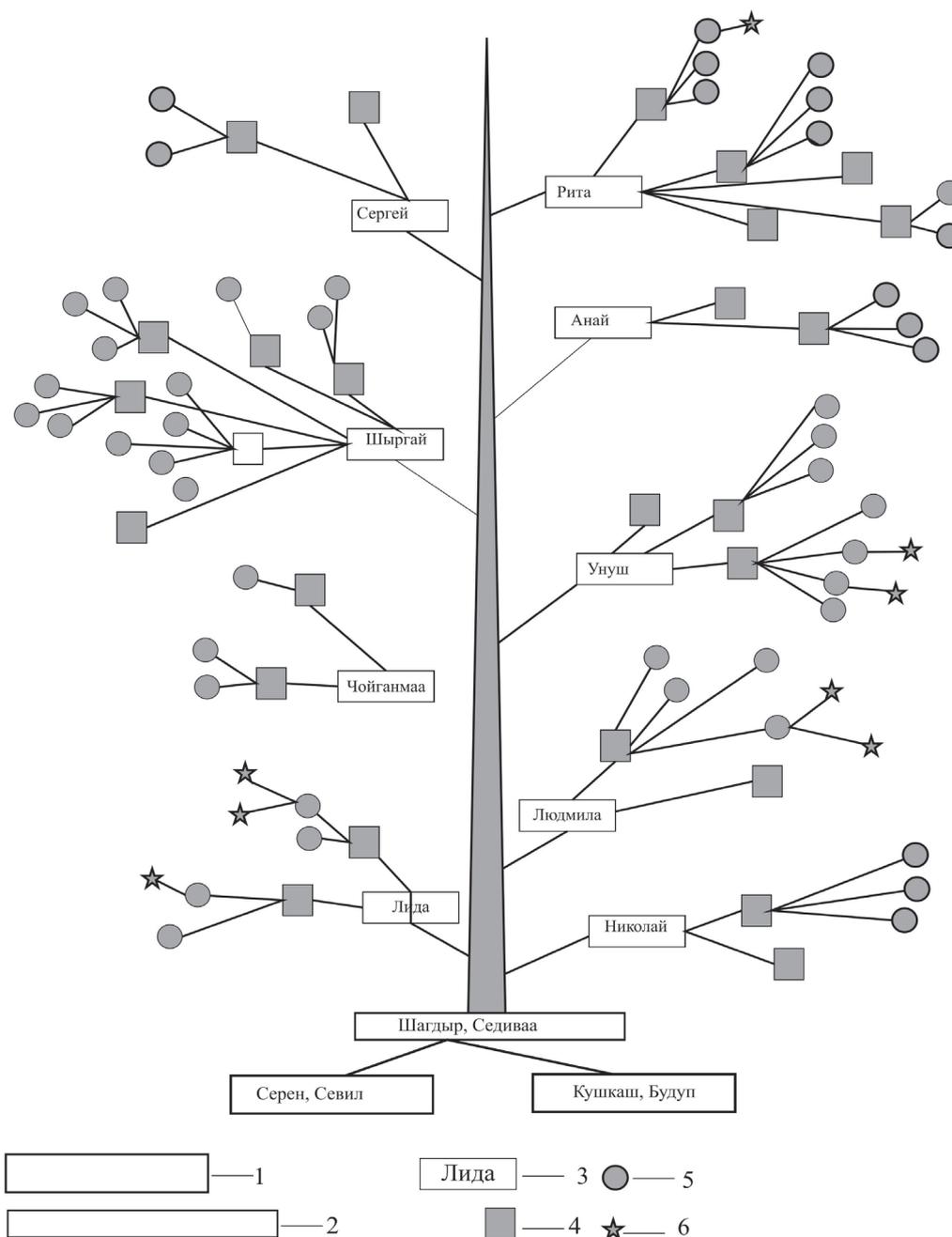

Рис. 2. Родословное древо семьи Шагдыр. Составлено автором.

Fig. 2. The genealogical tree of the family of Shagdyr. Compiled by the author.

хамнар (шаманов) и под звуки дүңгүр (бубна) она вышла однажды из тайги в танце. Взрослые пришли к заключению, что ребенок «не простой». С тех пор она перестала исчезать, но начала говорить то, что обычно видят и слышат шаманы. Такие случаи шаманских историй исследованы В. И. Харитоновой (Харитоновна, 2001, 2018). Мама считала ее дар тяжелой ношей.

После введения паспортизации она стала Суван Сат Сереновна, причем все ее дети носили эту фамилию — Суван. Старший сын-Шагдыр живет в Тожу (жена его оттуда родом, у них двое детей), средний Алдын-оол жил в Улуг-Хемском районе (трое детей, живут в Шагонаре), младший, Слава, после женитьбы вернулся в родную долину. Он унаследовал способности мамы. Рано ушел из жизни. Двое детей его живут там же.

Другая наша тетя Сиилин *даай-ававыс* была сосватана в долину реки Шом-Шум (левый приток р. Хемчик), в род Ховалыг. По документам она стала Ховалыг Сиилин Сатовна. В годы советской Тувы она с мужем Ховалыгом Чолдак-оолом работали чабанами в совхозе «Ийме». Долгие годы своих детей у них не было, они воспитали двоих приемных — дочь и сына. Дочь Монгуш Хербек Чолдак-ооловна стала матерью-героиней — родила и воспитала 10 детей. Преимущественно проживают в г. Чадаане, с. Ийме (Чоон-Хемчикский район). У сына Ховалыга Делгер-оола Чолдак-олоовича родилось 9 детей. Только в 37-летнем возрасте тетя сама родила дочь Ларису (она сейчас живет в Кызыле).

Младший брат мамы по документам стал Дашом Сатом Сереновичем (1922–1965). Он жил в с. Чаа-Холе (ныне Чаа-Хольский район), работал в милиции. У него родилось 7 детей. Сын Даш Анатолий Сатович — учитель в Чаа-Хольской школе, член Союза художников России. Там же живут старший его брат, Николай и сестра Александра, пенсионеры. А остальные — в Шагонаре (Сергей); Кызыле (Клава, Слава, Олег).

Так, по документам получилось, что родные сестры и брат стали вроде бы как посторонние люди. Но мы — их дети — несмотря на эту путаницу при паспортизации, знаем наше родство, общаемся. И мы постарались восстановить нашу родословную, учитывая эти особенности истории.

Семья моих родителей Шагдыр была большая, мы были окружены любовью и заботой. У родителей не было привычки ругаться. Казалось, что они попросту не знали грубых слов. Чужие проблемы не комментировали. Как бы тяжело не было, родители хотели, чтоб все получили хорошее образование.

Мама была большим мастером, обшивала всех. Выдельвала мех, делала кожаные изделия, плела нити разной толщины из сухожилий скота. Самой ценной вещью у нас дома была швейная машина марки «Зингер», купленная отцом на деньги облигации. Старшую сестру мама быстро научила на ней работать. Сестра хотела затем работать швеей, но родители отговорили ее, и она стала учительницей начальных классов.

Когда начали строить село Эйлиг-Хем в 1949 г. желающих умельцев приглашали на работу в строительстве. Пригласили и Донгак Дакыр-оола — мужа нашей Седип *кырган-ававыс* (сестры папы), он был

Фото 4. Дагылга, 2017 г. Кыргызтар уязы, Тостеек. Фото из архива автора.
Photo 4. Dagylga, 2017. Kyrgyz's nest, Tosteek. Photo from the author's archive.

кузнецом. В этой связи, у старших детей нашей семьи появилась возможность жить у них и учиться во вновь построенной школе. Семья сестры папы для моих родителей была надежной опорой.

Мы также учились в школе-интернате № 2 г. Шагонара. В итоге 6 детей получили аттестат зрелости в этой школе. Затем, четверо получили высшее образование: Кызыльский пединститут окончила Лидия, инженером экономистом стала Людмила, а Сергей — инженером теплоэнергетиком после окончания Красноярского политехнического института. Я стала инженером геологом, отучившись в Институте цветных металлов г. Красноярска. Двое имеют среднее специальное образования: окончил торговый техникум Анай, сельхозтехникум — Шыргай. И двое стали передовиками-чабанами со средним образованием — Унуш и Рита.

Старший брат Николай проучился всего 6 классов, далее не захотел, уговоры не помогли. Очень много читал, любил фантастику. Рано ушел из жизни из-за несчастного случая.

Мы стараемся не терять связи друг с другом, встречаемся ежегодно на родовых обрядах дагылга, которые проводим в *Кыргыстар уязы* — родовом гнезде Кыргысов (м. Тостеек, Улуг-Хемский район). Там сохранились только коновязь. Но, начиная с 2013 года, каждый год в середине лета мы проводим там обряд *дагылга*. В первый раз мы пригласили *хам* (шамана) Кара-оола Тюлюшовича Допчун-оола. Он показал порядок действий, форму обрядового костра *саң салыр*. Сейчас обряд проводим без шамана или ламы. Проводим игры, конкурсы, спортивные мероприятия (*фото 4*). Каждый раз собирается примерно 30–40 человек.

Заключение

Каждая история семьи тувинцев неразрывно связана с историей Тувы и то, что с нами происходило, является страничкой общего событийного ряда.

В данной работе изложена родословная моей семьи в том виде, в котором ее хранит моя память, дополненная воспоминаниями моих родных. Наш род имеет свою родословную. Нам дороги наши традиции, привычки, культура общения, порядки в любом деле, переданные родителями и их родителями. Мы стараемся привить это своим детям, чтоб они ценили и хранили. Но сегодня, чтобы передать информацию — одной устной формы, которой пользовались наши предки, недостаточно. Нужна фиксация, нужны поиски, надо постоянно все записывать и хранить, и потом уже дополнять, передавать. Поэтому история нашего рода будет еще дописываться, теперь уже нашими детьми и внуками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грач, А. Д., Савинов, Д. Г., Длужневская, Г. В. (1998) Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М. : Фондамента-Пресс. 84 с.

Дацышен, В. Г. (2005) Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск : STT. 250 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Самбуу, И. У. (1992) Тыва оюнар [Тувинские игры]. Кызыл : Тыванын ном ундрер чери. 108 с. (На тув. яз.).

Харитонов В. И. (2001) Некоторые проблемы воздействия шамана, колдуна, целителя на человека и окружающую среду // Экология и традиционные религиозно-магические знания: Материалы международного интердисциплинарного научно-практического симпозиума / отв. ред. В. И. Харитонов М. : ИЭА РАН. 304 с. С. 43-54.

Харитонов, В. И. (2018) Неошаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш., Базыр, Р. Н. (2020) Государственные внутренние займы Тувинской Народной Республики и СССР в Туве (1920–1940 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 20–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.2>

Дата поступления: 03.06.2021 г.

REFERENCES

Grach, A. D., Savinov, D. G. and Dluzhnevskaja, G. V. (1998) *Eniseiskie kyrgyzy v tsentre Tuvy (Eilig-Khem III kak istochnik po srednevekovoi istorii Tuvy) [The Yenisei Kyrgyz in the center of Tuva (Eylig-Khem III as a source on the medieval history of Tuva)]*. Moscow, Fundamenta-Press. 84 p. (In Russ.).

Datsyshen, V. G. (2005) *Saianskii rubezh. Iuzhnaia chast' Prieniseiskogo kraia i russko-tuvinskoe otnosheniia v 1616–1911 gg. [The Sayan frontier. The southern part of the Yenisei Region and Russian-Tuvan relations in 1616–1911]*. Tomsk, STT Publ. 250 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]* / transl. from Tuvan. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).

Sambuu, I. U. (1992) *Tyva oiunar [Tuvan games]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 108 p. (In Tuv.).

Kharitonova V. I. (2001) Nekotorye problemy vozdeistviia shamana, kolduna, tselitelia na cheloveka i okruzhaiushchuiu sredu [Some issues of the influence of a shaman, sorcerer, healer on humans and the environment]. In: *Ekologiia i traditsionnye religiozno-magicheskie znaniia [Ecology and traditional religious and magical knowledge]* : Proceedings of the International interdisciplinary research-to-practice symposium / ed. by V. I. Kharitonova. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 304 p. Pp. 43–54. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2018) Neoshamanizm kak kul'tovaiia i tselitel'skaia praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo) shamanism as a religious and healing practice in contemporary world]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 47–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Kharunova, M. M.-B., Kharunov, R. Sh. and Bazyr, R. N. (2020) Gosudarstvennye vnutrennie zaimy Tuvinskoii Narodnoi Respubliki i SSSR v Tuve (1920–1940 gg.) [Tuvan People's Republic's and USSR's domestic loans in Tuva, 1920s – 1940s]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 20–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.2>

Submission date: 03.06.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.5

Статья

Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях

Чимиза К. Ламажаа

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье анализируется проблема трансформации отношения взрослых к детям в тувинском обществе на фоне общих социальных изменений в XX и XXI вв. Историко-культурологическое исследование проведено с привлечением методов социальной и культурной антропологии. Отношение к детям рассматривается как часть культуры детства — детской субкультуры. Актуальность исследования связана с явным кризисом современного родительства тувинцев.

В традиционном тувинском обществе культура детства развивалась в условиях, которое ему обеспечивало общество с родовым укладом жизни. Дети были в центре внимания, были окружены заботой, воспитанием и родовое сообщество гарантировало их защиту. Эта традиционная модель, которая формировалась на протяжении всего культурогенеза, позволяла в том числе развиваться и сантиментам в отношении детей — воспеванию, восхищению, любованию, умилению.

В советское время дети перестали быть только объектом попечения родителей, которых контролировало родовое сообщество. Как и во всей советской стране, они стали объектами и государственной политики. Влияние родителей, а уж тем более — широкого круга родственников было уменьшено и даже оттеснено, в том числе системой образования и воспитания. Учебно-воспитательная программа базировалась на общей политике. Само родительство перестало быть столь же важным для культуры детства как раньше. Дети стали общественным ресурсом и неизвестной «переменной» для родителей в плане их будущего для семьи.

В постсоветское время государство потеряло главенствующую позицию регулятора. Новыми факторами, определяющими особенности культуры детства, выступают теперь вестернизационные тенденции, технологические новации, которые появились с глобализацией. В этих условиях в отношении взрослых к детям появились новые, дополнительные мотивы — общие, лишённые тувинской этнической составляющей. Увеличенный период инфантильности молодежи, молодых родителей приводит к безответственности по отношению к детям, желанию жить на детские пособия и материнский капитал. Другая форма отношения родителей-тувинцев к детям — гиперопека, гиперзабота. Значительная часть тувинцев сделала нормой обеспечение ребенка всем необходимым не только в детстве, но и в последующем взрослении.

Ключевые слова: тувинцы; родство; дети; культура детства

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К. Дети для тувинцев: изменения отношения в социокультурных трансформациях // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 57-75. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuvva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations

Chimiza K. Lamazhaa

Tuvan State University, Russian Federation

The article analyzes the issue of the transformation of adults' attitude to children in Tuvan society amid general social changes in the 20th and 21st centuries. The historical and cultural research was carried out with the use of methods of social and cultural anthropology. The attitude towards children is considered as part of the culture of childhood, a children's subculture. The relevance of the study is due to the overt crisis of modern parenting among the Tuvans.

In the traditional Tuvan society, the culture of childhood was developing under conditions provided by the society with the clan system of living. Children were the focus of attention, they were given every care and support. The tribal community guaranteed their protection. This traditional model was formed throughout the entire cultural genesis. It allowed, among other things, the development of sentiments towards children — praising, fascination, admiration, and affection.

In Soviet times, children ceased to be only the object of parental care. Parents were controlled by the tribal community. As in all corners of the Soviet country, children became the objects of state policy. The influence of parents and especially of a wide range of relatives was reduced and even pushed aside in particular by the education and upbringing system. The teaching and educational program was based on a general policy. Parenthood itself ceased to be as important for the culture of childhood as it used to be. Children became a public resource and an unknown "variable" for parents in terms of a future for their family.

In the post-Soviet period, the state has lost its superiority as a regulator. Westernization trends and technological innovations that have appeared in the course of globalization are now new factors that determine the features of the culture of childhood. In these conditions, new additional motives in the attitude of adults towards children have emerged — they are common and devoid of the Tuvan ethnic constituent. The increased period of infantilism of the youth and young parents leads to irresponsibility towards children, the desire to live on child benefits and maternity capital. Another form of Tuvan parents' attitude to children is hyperprotection and hypercare. A significant part of the Tuvans have made it the norm to provide the child with everything necessary not only in childhood, but also in subsequent adulthood.

Keywords: Tuvans; kinship; children; culture of childhood

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Lamazhaa Ch. K. Deti dlia tuvintsev: izmeneniia otnosheniia v sotsiokul'turnykh transformatsiia [Tuvans' Views on Children: Changes of the Attitudes in Socio-cultural Transformations]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 57-75. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.5>

Введение

Уруглар, уруг-дарыг — дети — считались одной из главных ценностей тувинской традиционной культуры, как и других культур, которым, по определению одного из авторитетных российских культурологов С. Н. Иконниковой, характерна любовь к детям, в отличие от культур с боязнью детей и тех, где есть традиции избавления от них (Иконникова, 2018: 57¹). В культурах первого типа (более распространенных сегодня) дети окружены обожанием, заботой. Умилению детям, их пестованию посвящены целые разделы тувинского фольклора; традиции воспитания детей тувинцами составили значительное число трудов этнографов, культурологов, педагогов; материнство воспевалось в профессиональной художественной культуре — литературе, живописи XX века. Любовь тувинцев к детям, забота о детях (Салчак К., Салчак П., 2016: 167) — казалось, составляли один из столпов культуры, которого невозможно было поколебать.

¹ С.Н.Иконникова использует для этого термины соответственно — «инфантофилия», «инфантофобия» и «инфантоцид», подразумевая типологию культур по отношению к детям (*infant* — младенец). Однако, в связи с тем, что термины содержат определенную негативную коннотацию и первый из них — «инфантофилия» — связывается в СМИ с нездоровым сексуальным влечением к детям (синонимично слову «педофилия»), я не буду их употреблять.

Тем не менее, социальные и культурные трансформации тувинского общества в XX — начале XXI вв. отразились и на этой сфере семейных отношений, и в целом социокультурной жизни. Особенно в последние годы общественность Тувы неоднократно потрясает случаи, когда выпивающие матери намеренно или ненамеренно убивали своих детей, оставляли их в опасности, или избавлялись от них, выбрасывая их на улицу. Случаи единичны, но тем не менее СМИ могут сообщать о них по 2–3 раза в год и каждый раз это вызывает волну возмущений в обществе. В целом отказы от детей привели к росту числа сирот и обострению проблемы сиротства в республике. И все это разворачивается на фоне продолжающейся динамики рождаемости в Туве, одной из самых высоких в стране. Для старшего поколения тувинцев подобная ситуация кажется немыслимой, в общественном дискурсе республики много непонимания и рефреном звучит вопрос «Как тувинцы дошли до такого?» Это активизировало исследования тувиноведением традиций воспитания тувинцами детей, в том числе и реферативного характера, прежде всего для того, чтобы придать публикациям рекомендательный характер (Сундуй, 2009, 2015; Иргит, 2013; Кара-оол, 2015а; Доржу, Корчевская, 2015; Хурен-оол, 2018; Ежова, 2019 и др.).

Среди научных работ также присутствуют и исследования измененных семейных традиций, современного состояния культуры детства, сиротства (Дыртык-оол, 2018; Кисель, 2016; Корчевская, 2016; Данчай-оол, Даваа, 2021 и др.). Но, на мой взгляд, мы можем говорить об общих трансформациях отношения тувинцев к детям (не только связанных с отдельными вопиющими случаями), а также изучать причины трансформаций. Обращение к этим вопросам нуждается и в изменении научных подходов, и ракурсов рассмотрения — всего того, что в тувиноведении пробивается, к сожалению, с огромным трудом.

Поэтому целью данной статьи будет анализ трансформации отношения тувинцев к детям на фоне общих социальных изменений XX и XXI вв. Историко-культурологическое исследование проведено с привлечением методов социальной и культурной антропологии, учитывающих типические биографии отдельных людей, то есть как и любое другое *children's studies*, по определению разворачивающееся как междисциплинарное (Сальникова, 2007: 17). При этом отношение к детям рассматривается как часть культуры детства, то есть детской субкультуры, взаимодействующей со взрослой культурой, а также с другими социальными институтами. Этническая составляющая нашего предмета исследования заключается в формах взаимоотношений родителей и детей, которые подчинялись тувинским традициям. То есть ценностные основания культуры детства тувинцев понимаются в тесной связи с особенностями этнической культуры и общими социокультурными процессами современного тувинского общества.

Для решения поставленной цели будут последовательно решены несколько задач: проведен обзор литературы по различным исследованиям детства и культуры детства тувинцев, условно выделены периоды и последовательно рассмотрены особенности трансформационных изменений отношения тувинцев к детям на протяжении XX века и в начале XXI в.

Источниковой базой исследования выступают научная литература, отдельные тексты художественной литературы и фольклора, материалы авторских наблюдений за последние 20 лет в Туве, сообщения СМИ.

Обзор литературы

В целом, проблематику детства в культуре тувинцев, присутствующую в научной литературе, и на которую в том числе я опираюсь, можно рассматривать по группам: этнографические, этнопедагогические, филологические, социально-демографические и культурологические.

В *этнографических* работах анализируются традиции детства в народной культуре тувинцев (традиции рождения, традиции усыновления, традиции воспитания в семье, игры детей, занятия детей, обязанности детей, детский фольклор, взаимоотношения родителей и детей, приметы, связанные с детьми и пр.). О том, чем у тувинцев занимались дети, писали многие путешественники, первые исследователи тувинской культуры и быта (см. обзор: Дыртык-оол, 2015). Но специально тему детей в традициях тувинцев поднимали в своих работах, например, Л. П. Потапов в монографии «Очерки народного быта тувинцев», где описывал детские обряды, начиная от рождения (Потапов, 1969: 266–278). Чем занимались дети в хозяйственной жизни аала упоминал в своих публикациях С. И. Вайнштейн (Вайнштейн, 1991). В книгах М. Б. Кенин-Лопсана «Традиционная культура тувинцев» (Кенин-Лопсан, 2006) и «Тыва чаңчыл» («Тувинские традиции») (Кенин-Лопсан, 2017), есть разделы,

посвященные детям (Кенин-Лопсан, 2006: 113–117; 2017: 178–108). Последующие работы и их основные идеи были рассмотрены в моем обзоре исследований о том, какое место занимает ребенок в тувинской традиционной культуре (Ламажаа, 2015).

В этнопедагогических работах обсуждаются вопросы народной педагогики и воспитания детей, прежде всего традиционной (периодизация детских возрастов, педагогические установки, приемы воспитания детей, особенности обучения методами народной педагогики и пр.). В советское время выходила монография четы тувинских педагогов К. Б. и Л. П. Салчаков (Салчак К., Салчак Л., 1984; переиздано: Салчак К., Салчак Л., 2016). В. П. Дьяконова посвятила традициям воспитания детей у тувинцев в сравнении с аналогичными традициями теленгитов статью (Дьяконова, 1988) в специальном сборнике, в котором были собраны исследования этнографии детства у народов Сибири (Традиционное воспитание ... , 1988). Основательно была проработана тема традиций детского воспитания у тувинцев в монографии этнопедагогов Г. Н. Волкова, К. Б. Салчака и А. С. Шаалы (Волков, Салчак, Шаалы, 2009). Этнопедагогические традиции уже более широкого культурного ареала — тувинско-монгольского — были представлены в монографии Г. Д. Сундуй (Сундуй, 2009). В последующем вышли новые статьи исследователей по отдельным аспектам проблем воспитания (Иргит, 2013; Хурен-оол, 2018; Куулар, 2019 и др.).

Вопросы развития этнопедагогических исследований, традиций национальной школы в целом легли в основу работы Института развития национальной школы при Министерстве образования и науки Республики Тыва, история которого восходит к лаборатории «Билиг» при Кызылском государственном педагогическом институте, созданной в 1992 г. На сайте института (<http://irnsh.ru/>) размещено значительное число научных публикаций и методических разработок.

Отдельным направлением в этнопедагогических работах стали публикации об особенностях обучения детей-тувинцев, об учете этноспецифики из менталитета, языковых особенностей (Салчак, 2009; Мирошниченко, Донгак, 2020; Ликтан, Монгуш, 2021 и др.).

В традициях воспитания и ухода за детьми особое место занимал фольклор, связанный с детьми. Речь идет о колыбельных, сказках для детей, песнях, частушках и пр. Все эти вопросы составляют содержание особого раздела фольклора — детского фольклора¹, который нашел также отражение в книге Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001), был исследован в статьях и диссертации Ч. К. Кара-оол (Кара-оол, 2013, 2014, 2015abc). Обрядовый фольклор детского цикла тувинцев Китая представлены также в статьях и в особом разделе монографии Ж. М. Юша (Юша, 2006, 2018: 158–209). К этому же филологическому направлению исследований можно отнести и работы исследователей, посвященные обрядам, а также традициям именования детей, в том числе чтобы оградить их, защитить, уберечь от несчастий (Сувандии, 2011; Кара-оол, 2019; Ооржак, Бавуу-Сюрюн, 2020). Не буду уже приводить сведения о многочисленных тувинских сказках, предназначенных для детей, пословиц и поговорок, касающихся детей, которые выходили в свет в самых разных изданиях с начала XX в. (см.: Чамзырын, 2013 и др.).

Социально-демографические исследования, в которых дети рассматриваются как члены семей, социальная группа (дети и взрослые, дети как учащиеся школ, дети разных социальных слоев, сироты), стали развиваться уже со второй половины XX в. В монографии «Молодежь Тувы. Социальный портрет», подготовленной по итогам комплексного исследования целого ряда научных центров по изучению молодого поколения советской республики, есть разделы, посвященные и новым поколениям детей (Молодежь Тувы. ... , 1988). В другом итоговом издании этносоциологов Г. С. Гончаровой и Л. Я. Савельева — монографии «Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы» (Гончарова, Савельева, 2004), в разделе, посвященном семьям Республики Тыва, авторы рассматривают не только состав семей, включающий количество детей, но и влияние родителей на браки детей (там же: 173–222).

В последние годы появились публикации исследователей по традициям усыновления тувинцами детей-сирот (Доржу, Корчевская, 2015; Корчевская, 2016 и др.), прямо обращенные к остросоциальной проблеме сиротства и обсуждающие традиции тувинцев по усыновлению детей именно с этой позиции.

¹ Матпаадыр: Произведения для детей / сост., авт. предисл. и коммент. С. М. Орус-оол, Р. С. Чакар. Кызыл : Тувинское книжное издательство, 1991. 268 с.; Матпаадыр: сборник детского фольклора / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Детский литературный сайт «Радуга Тувы», 2021. 312 с.

В целом тенденции тувиноведения идут в общем русле российской науки, но с традиционным опозданием. В отечественной историографии с конца 1970-х гг. стала оформляться история детства благодаря знакомству ученых с классическим трудом Ф. Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» (переводное издание: Арьес, 1999). За редким исключением (Кон, 1988), до 1990-х гг. большая часть исследований детства оставалась в рамках возрастной психологии, педагогики и вопросов охраны материнства и детства (Ромашова, 2013: 108). Сегодня проблематика детства активно развивается в целом ряде направлений: например в этнографии детства (Комарова, 2014); детство стало рассматриваться и шире — как социально-философский (Разинкова, 2021) и как историко-культурный феномен (Конструируя детское ... , 2011). Особый интерес представляет исследование А. А. Сальниковой детства XX в., в котором также представлена обширная историография работ (Сальникова, 2007).

В этой связи следует приветствовать появление в тувиноведении культурологических исследований, среди которых назову интересные публикации Г. Д. Сундуй и М. О. Дыртык-оол. Уже упомянутая монография Г. Д. Сундуй, при общей этнопедагогической направленности, тем не менее содержит и представление о детстве как автономной реальности (Сундуй, 2009). И автор продолжает свои изыскания в этом русле (Сундуй, 2015 и др.). Правда все же коллега акцентирует свое внимание на традиционной культуре детства. М. О. Дыртык-оол, помимо того, что обобщила разрозненную информацию наблюдателей, путешественников рубежа XIX–XX вв. о традициях родовспоможения и ухода за детьми у тувинцев (Дыртык-оол, 2015), исследует как менялись традиции социализации детей тувинцев в условиях, когда само общество переходило на оседлый образ жизни (Дыртык-оол, 2018).

Отмечу, что подавляющее число работ посвящено культуре детства глазами взрослых. Самых детских голос в работах почти нет, за редким исключением. К числу таких работ можно отчасти отнести психологическое исследование Е. Л. Иргит, которая провела опрос среди школьников средней школы сумона Арыг-Узюнский Улуг-Хемского района Тувы (Иргит, 2013). Автор выявляла положительные и отрицательные образы отца по мнению мальчиков и девочек.

Из новых подходов к теме культуры детства отдельно упомяну и интересную статью В. А. Киселя «Мир детей в столице Тувы» (Кисель, 2016). Опираясь на методы визуальной антропологии, прилагая много фотографий, автор представил целый спектр детских игровых площадок, которые были замечены им в самых разных районах столицы Тувы — Кызыле. При этом особое внимание исследователя привлекли площадки с декоративной деревянной скульптурой с персонажами из национальных сказок.

Таким образом, отмечу, что культура детства тувинцев, в том числе и отношение взрослых к детям, по большей части исследованы прежде всего в прошлом — в традиционной культуре тувинцев. Целостное изучение культуры детства тувинцев, включающее и изменения, и спектр отдельных вопросов, нам еще предстоит.

Дети в традиционном обществе тувинцев

Любовь к детям у тувинцев, как и у многих других народов, забота о них, воспитание в традиционной культуре всегда были неразрывно связаны со всей системой культурных и социальных норм. Однако в XX веке и далее это соотношение менялось. Рассмотрим как.

В традиционном тувинском обществе культура детства развивалась в условиях, которое ему обеспечивало, как правильно пишет Г. Д. Сундуй, общество с родовым укладом жизни (Сундуй, 2015). В этой системе все общественные нормы поощряли, во-первых, само наличие детей, во-вторых, правильное воспитание детей.

Считалось, что тувинцы должны иметь детей, которые были будущими помощниками по хозяйству, были продолжателями рода. Многодетные семьи имели много будущих работников, это обеспечивало процветание рода. И в общественных нормах присутствовали правила и помощи многодетным семьям (например, М. Б. Кенин-Лопсан пишет про обычай делиться дойной коровой богатым с бедными многодетными семьями, см.: Кенин-Лопсан, 2006: 60). В случаях, если семьи были бездетными, если у пар не удавалось вырастить детей (дети рождались, но умирали), если рождались двойняшки (Л. П. Потапов пишет о том, что разнополых близнецов следовало воспитывать в разных семьях, см. Потапов, 1969: 273–274), был развит обычай *уруг азыраар* — прием, усыновление, воспитание детей родственников и других людей. Многодетные отдавали детей бездетным на воспитание. Причем, Г. Д. Сундуй

Рис. 1. Место детей в структуре родового сообщества.
Fig. 1. Children's place in the structure of the tribal community.

отмечает несколько видов устройства детей: пожизненное, временное и вовсе символическое (Сундуй, 2015: 28). Во всех случаях имелись правила обращения с детьми, поведения родных и приемных родителей.

В целом место детей в таком обществе было определенным — в центре (см. рис. 1). Традиции родового сообщества диктовали что и как следует делать, чтобы не допускать отсутствия у детей воспитателей. Детей не отнимали, например, у незамужних матерей (которые сами жили в родительском аале, то есть возможность воспитывать детей имелась), рационально распределяли осиротевших по семьям, определяя отдельных детей из многодетных — тем, кто тоже может растить их и пр.

Тем самым родовое сообщество гарантировало, что дети защищены и окружены вниманием (Сундуй, 2009: 126–128). Они сразу приучаются жить в том трудовом мире, который они и будут поддерживать далее. Это обязывало родителей правильно воспитывать детей, приучать их к труду (Хурен-оол, 2018). Интересен в этой связи сюжет из монографии Г. Д. Сундуй, которая отметила обычаи, связанные с принуждением молодых матерей к принятию и уходу за ребенком (Сундуй, 2009: 147–148). Если окружающие замечали охлаждение отношения матери к ребенку, то опытная женщина проводила с ней воспитательную беседу — ласково, но убедительно. Если это не помогало, то прибегали к более жесткой форме — к запугиванию матери: оставляли ее одну с ребенком в условиях, когда малышу могла грозить опасность (вблизи с табуном коней, около выхода скота из *кажаа* (кошары), чтобы в женщине проснулись охранные инстинкты.

Даже советская педагогическая литература, называя идеи кочевой культуры «наивным гуманизмом», отмечая и их недостатки, тем не менее усматривала «прогрессивные» традиции воспитания тувинцами детей (Салчак К., Салчак Л., 2016: 169). Г. Д. Сундуй тувинскую систему воспитания предлагает именовать *Ужурлар дизи* — «Сводом законов, правил, установок жизни» (Сундуй, 2009: 69–78), в который, по ее словам, входили правила отношения родителей к детям и наоборот — детей к родителям, а также система поддержки широкого круга родственников.

В целом эта традиционная модель также в литературе называется культурой репродуктивного поведения, в которой создание семьи, рождение детей, многодетность поддерживались сразу на нескольких уровнях: социальном (обряды, праздники, законы), экономическом (подарки, отдельное жилище, выделение скота) и технологическом (условия, способствующие вынашиванию, рождению и возвращению ребенка) уровнях (Андреева, 2015: 14).

Эта традиционная модель, которая формировалась на протяжении всего культурогенеза, позволяла в том числе развиваться и сантиментам в отношении детей — воспеванию, восхищению, любованию, умилению.

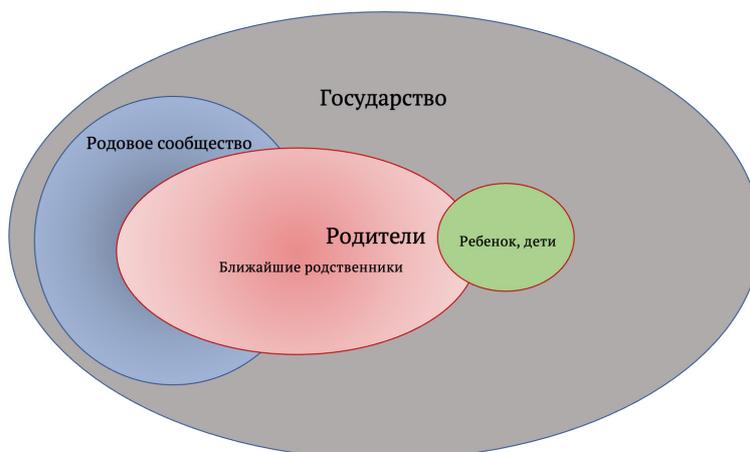

Рис. 2. Модель места детей в структуре советского общества.
Fig. 2. The model of children's place in the structure of Soviet society.

Дети тувинцев в XX веке

Вхождение Тувы в цивилизационное поле России, принятие советской внутренней политики, а затем и вступление в состав советского государства, реализация советских идеалов, изменило социальную структуру тувинского общества, многие культурные нормы общества (Ламажаа, 2011: 55–67). Дети перестали быть только объектом попечения родителей, которых контролировало родовое сообщество. Как и во всей советской стране, они стали объектами и государственной политики. Культура детства стала определяться и государством: где и чему учиться детям, как им следует одеваться, о чем мечтать, чем и кем гордиться (см. рис. 2). Об этом также пишет М. О. Дыртык-оол (Дыртык-оол, 2018: 141).

Влияние родителей, а уж тем более — широкого круга родственников было уменьшено и даже оттеснено. Это происходило разными способами, но прежде всего формированием системы образования.

Первые тувинские начальные школы появились в 1926 г. в Тувинской Народной Республике, политика которой во многом копировала советскую (Монгуш, 2006: 18). В 1933 г. был определен план культурного строительства, который определял структуру народного образования страны (там же: 21). В 1935–1939 гг. кочевьях аратов заработали летние школы с сокращенной программой начальной школы. Это делалось для приближения школы к жилью животноводов (Аранчын, 1982: 220–221). Но кочевой образ жизни диктовал необходимость и создания школ-интернатов, где дети могли бы учиться и жить в течение всего учебного года. К моменту вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г. система народного образования уже сложилась и включала в себя начальные, семилетние, средние школы, а также средние специальные учебные заведения и сеть центров по ликвидации неграмотности (Монгуш, 2006: 23). Школьная система становилась одновременно и с ломкой традиций кочевого образа жизни тувинцев, их седентаризацией.

Семья и дети также вошли в поле социальной политики государства. Были открыты детские сады для детей аратов, при ведомствах, в колхозах, совхозах. В советской Туве учебно-воспитательная программа базировалась на общей политике, в которой «жизненные ориентиры для детей, идеалы поведения, нормы повседневной жизнедеятельности транслировались «сверху» путем создания привлекательных образов прошлого и настоящего, на которые следовало равняться советскому ребенку» (Ашенова, 2018: 15).

Тувинские дети, как и дети по всей стране, стали получать совершенно иной опыт и знания, чем был у их родителей, чем был в их быту. Характерны воспоминания педагога В. Б. Монгуш, Заслуженного работника образования Республики Тыва, школьное детство которой пришлось на 1940–1950-е гг.:

«Каждое утро мама приводила меня в школу, открывшуюся в 1949 году в селе Малые Аянгаты за три километра от нашей осенней стоянки. Как только удалится, я от школы — бегом, домой. Пришлось ей сдавать меня из рук в руки башкы, учителю, Калгак-Хурену. Я, шестилетняя, была самой маленькой его ученицей. Остальные — от семи до шестнадцати лет. И все — в одном классе, подготовительном.

Четыре года Калгак-Хурен учил тому, что знал сам: счету, письму. Всё по-тувински. На пятый год приехала учительница русского языка Зоя Ивановна Павлова ...

Зою Ивановну мы поначалу побаивались. Башкы пришла на урок с длинной палочкой. Что она будет этой палочкой делать, неужели наказывать нас?

Потом поняли, что эта палочка-указка совсем не страшная. Зоя Ивановна писала на доске русские буквы, показывала на них указкой, а мы хором повторяли. Укажет на дверь, назовет ее, снова повторяем.

Ни она, ни мы ее толком не понимали, а переводить было некому. ...

Приносила яркие картинки, спрашивала, что это? Если знакомые животные, мы радовались, что можем ответить по-тувински: лошадь, корова, овца, собака. И она радовалась, называла их по-русски.

А как-то принесла картинку: какие-то разноцветные предметы. До сих пор они у меня перед глазами: арбуз, яблоко, огурец, помидор. Но тогда-то мы их в жизни не видели. Не можем понять, о чем она толкует.

Зоя Ивановна не сдается: приносит в класс круглое и красное на тарелочке. Говорит по слогам: по-ми-дор. Мы повторяем. А она разрезает свой наглядный материал и раздает всем в классе по кусочку. Угощайтесь, мол. До сих пор помню вкус первого своего помидора, мне он тогда не понравился. А одну девочку вырвало прямо в классе, потом другую, третью. Опять загрустила наша учительница, а нам так неловко было перед ней»¹.

Культура детства тувинских ребятишек в таких условиях в конечном счете приобрела черты культуры советских детей, которых воспитывали в семье (подотчетной государству), но учили и социализировали прежде всего в специальных учреждениях. Соответственно у советских школьников появилась и своя особая повседневность, свои ритуальные практики, общение, мечты (Куприянов, 2018).

В этих условиях отношение тувинцев-родителей к детям поменяло формат. Разумеется, родители не перестали любить и растить детей. Но семья в таких условиях, как писал Арьес о введении школьной формы обучения для детей западной культуры, становится лишь пространством эмоциональной привязанности между супругами, между родителями и детьми, каковым не являлась ранее (Арьес, 1999: 10). А родовое сообщество и вовсе было почти разрушено и перестало контролировать родительство.

Как отмечают исследователи П. О. Омарова и З. З. Гасанова, предполагалось, что с торжеством коммунизма семья переродится, а общество возьмет на себя максимум забот по воспитанию детей. Только в дошкольном возрасте, считалось, что дети должны жить в семье, а затем они должны воспитываться в общественных детских учреждениях, чтобы преодолеть вредное влияние семейного воспитания в результате целенаправленного формирования коммунистического мировоззрения (Омарова, Гасанова, 2008: 182). То есть родители потеряли традиционный контроль, призванный поддерживать связь поколений, привлекать детей к труду родителей, объединять их в одном хозяйственном деле. Новый контроль — государственный — подразумевал скорее разрывы связей, чтобы формировались люди иных ориентаций, иных стремлений. Общая проблематика школьного обучения детей была отмечена еще в труде Ф. Арьеса, который писал, что школа заменила практическое обучение «в людях», ребенок уже не смешивался со взрослыми и не постигал жизнь в непосредственном контакте с ними. Он был отделен от взрослых и помещен в своего рода карантин, предваряющий его выход в мир (Арьес, 1999: 10).

Тем самым и само родительство перестало быть столь же важным для культуры детства как раньше. Сами дети для родителей уже не представляли залог будущего рода, не рассматривались помощниками общего хозяйства, как раньше. Дети стали, помимо всего прочего, *неизвестной «переменной»*. В кого вырастет ребенок, кем захочет стать, сколько средств надо готовить для его дальнейшей учебы и обустройства, уедет ли вообще сын или дочь в другую местность жить после учебы? Эти и другие вопросы стали новыми для тувинцев, как и для многих народов, традиционная жизнь которых оказалась в прошлом.

¹Люди Центра Азии. Т. 6. Кызыл : ООО Редакция газеты «Центр Азии», 2018. С. 686.

Дети тувинцев в XXI веке

Не удивительно, что когда само советское государство завершило свой исторический путь, то государственный контроль рухнул над всеми сферами общественной жизни, в том числе обеспечивавшими воспитание и защиту детства. После десятилетия духовного вакуума и ярко выраженных архаизационных тенденций в обществе 1990-х гг. (Ламажаа, 2013), мы в итоге можем наблюдать еще одну модель положения детей в социальном мире (рис. 3). При этом подчеркиваю, что в основе своей она опять же не уникальна, имеет общероссийский и современный цивилизационный характер.

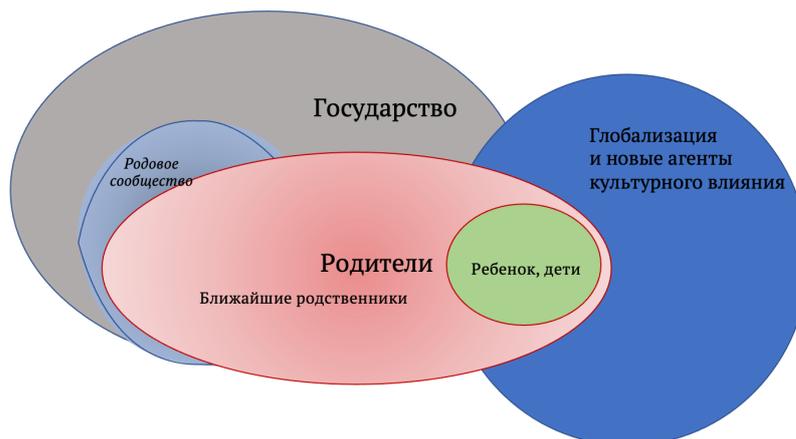

Рис. 3. Место культуры детей в социокультурном окружении в XXI в.
Fig. 3. The place of children's culture in the socio-cultural environment in the 21st century.

Фото 1. Тувинские дети играют в машинку. г. Кызыл, 2021 г. Фото автора.
Photo 1. Children are playing with a toy car. Kyzyl, 2021. Photo by the author.

Государство уже потеряло свое главенствующую позицию регулятора. Новыми мощнейшими факторами, определяющими особенности культуры детства, выступают теперь вестернизационные тенденции, технологические новации, которые появились с глобализацией. У детей иные игрушки, иные герои (*фото 1*).

В этих условиях в отношении взрослых к детям появились новые, дополнительные мотивы. Помимо тех категорий взрослых, которые продолжали растить детей в любви и заботе, появились и такие, которые или были недостаточно ответственными или увлеклись избыточной опекой.

Во-первых, современной общей российской тенденцией стал и увеличенный период инфантильности людей (Демиденко, 2018). Ю. В. Олейников называет инфантильными людьми тех, чей уровень психического, социального и нравственного развития не соответствует их реальному возрасту (Олейников, 2007: 23). Они не способны к самоорганизации и самоограничениям, управляется прихотями, свойственным скорее детям. Философ считает, что инфантильность во многом присуща России исторически, в том числе как одно из следствий циклического развития цивилизации с периодами деградации и архаизации (там же: 30–72). Подобная инфантилизация распространилась и в тувинском обществе.

Психологически оставаясь инфантильной, но физически созревая, определенная часть тувинская молодежь становятся родителями и все также продолжают вести безответственный образ жизни. Они не ощущают над собой никакого контроля — ни родового сообщества, ни государства, поскольку оба регулятора потеряли ценность и значимость. Такая молодежь не признает себя родителями, ответственными за своих детей. Именно они в Туве могут оставлять детей в опасности, отказываться от них и даже убивать их, избавляясь, при этом ведя нездоровый образ жизни (Монгуш, 2021).

Вот всего лишь небольшая подборка новостей о таких чрезвычайных происшествиях за два последних года — 2020–2021 гг.

3 июля 2020 г., сообщило РИА-Новости, в Туве

«мама ребенка с сожителем, прихватив ребенка, начала выпивать на берегу реки в местечке Алды-Шынаа Улуг-Хемского района. Мальчика женщина хватилась только вечером, при этом об обстоятельствах случившегося она следствию ничего сказать не смогла из-за сильного опьянения.

“Тело ребенка было обнаружено в водах реки в 500 метрах от места исчезновения. На теле ребенка каких-либо признаков, свидетельствующих о криминальной причине смерти, не выявлено”¹.

В конце прошлого года Туву потрясла одна из самых резонансных историй. В ночь на 6 декабря 2020 г. на территории левобережных дач города Кызыла на улице от обморожения погибла 7-месячная девочка. В причинении смерти по неосторожности обвиняется 49-летняя женщина.

«Выяснилось, что обвиняемая находилась в доме знакомой супружеской пары. Во время совместного распития спиртных напитков между мужем и женой началась ссора, в результате которой стал плакать их ребенок. Пьяная гостья решила забрать малышку к себе домой, и не надев на нее зимнюю одежду, вышла на улицу.

По пути она упала и на том же месте уснула. “Очнувшись через некоторое время, она обнаружила, что девочка замерзла”, — говорится в сообщении СУ СК РФ по Республике Тыва².

Позже в память о погибшей девочке в том же месте была установлена скульптура, создание которой инициировали активные молодые люди — блогеры, объявлявшие для этого сбор денег в Интернете³.

¹ Пропавшего в Туве четырехлетнего ребенка нашли мертвым [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2020, 3 июля. URL: <https://ria.ru/20200703/1573833562.html> (дата обращения: 05.09.2021).

² В Туве уголовное дело по факту гибели младенца на морозе передано в суд [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2021, 9 июня. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/06/09/v-tuve-ugolovnoe-delo-po-faktu-gibeli-mladenca-na-moroze-peredano-v-sud.html> (дата обращения: 05.09.2021).

³ На Левобережных дачах Кызыла устанавливают скульптуру в память о погибшей из-за безответственности родителей малышки [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2021, 29 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/05/29/na-levoberezhnyh-dachah-kyzyla-ustanavlivayut-pamyatnik-v-pamyat-o-pogibshey-iz-za-bezotvetstvennosti-roditeley-malysyki.html> (дата обращения: 05.09.2021).

16 мая 2021 г., 29-летняя жительница поселка Хову-Аксы стала фигуранткой уголовного дела: «около семи часов вечера женщина находилась в нетрезвом состоянии. Она покормила грудью новорожденного сына и заснула с ним, а когда проснулась ребенок был мертв»¹.

23 июля 2021 г., как сообщило ИА «Туваонлайн»,

«в дежурную часть полиции Кызыла поступило сообщение о том, что на ул. Новомостовой левобережного дачного общества обнаружен лежащий на земле грудной ребенок.

Сотрудники полиции установили, что младенца-девочку в возрасте около 8–9 месяцев нашла проходящая мимо женщина. Ребенок был без одежды, на теле имелись ссадины и следы укусов от комаров. Кроме того, у младенца имелись признаки повышенной температуры. ...

В настоящее время сотрудниками полиции проводится комплекс проверочных и розыскных мероприятий по установлению личности законных представителей ребенка»².

Ни угрозы уголовных наказаний, лишения родительских прав, ни общественное порицание, ни призывы чтить народные традиции — так и не помогают. Тувинская общественность не узнает в этих вопиющих случаях своих же соплеменников — матерей, отцов. Фактически этот процесс деградации родительства потерял этническую составляющую. Утеряны тувинские традиционные регуляторы социальной жизни, родительских обязанностей, их ответственности и тувинской культуры здесь нет.

Менее опасной формой инфантилизма молодых родителей стало стремление жить по большей части на пособия от государства, иждивенчество. Особенно важной для тувинцев в этом плане стал материнский капитал — мера государственной поддержки для молодых семей, которая была введена в России с 2007 года и предназначена для единовременной выплаты по рождению или усыновлению второго ребенка. Если сначала условия получения этой выплаты были достаточно жесткие (только на улучшение жилищных условий или образование ребенка), то в последующем список целей расходования увеличился, а сама сумма материнского капитала индексировалась в соответствии с инфляцией. От 250 тыс. в 2007 г. эта сумма до 2021 г. возросла до 483882 руб. на первого ребенка и до 639431,83 на второго ребенка. Эта мера в Туве напрямую, как пишут С. П. Монгуш и В. Т. Ликтан, привела к росту рождаемости населения (Монгуш, Ликтан, 2016), однако породила другие проблемы: увеличение численности населения, проживающего за порогом бедности.

В другой форме отношения родителей-тувинцев к детям, которая получила гипертрофированную форму — гиперопеку, гиперзаботу. Значительная часть тувинцев сделала нормой не только обеспечение ребенка всем необходимым в детстве, но и в последующем взрослении — в поступлении в вуз, в женитьбе, в приобретении жилья, в отправке в армию (или уклонении от обязательной воинской службы). Особенно важным считается приобретение жилья, для чего родители нередко оформляют ипотечные кредиты на себя.

Приведу два типичных примера планирования будущего своим детям у современных тувинцев.

Семья А., индивидуальные предприниматели, проживающие в г. Кызыле, оба в возрасте 33 г., имеют двух детей — дочь и сына. Когда детям исполнилось 6–7 лет, родители открыли на них сберегательные счета с первоначальным вкладом 30000 руб. на каждого и ежегодно пополняют эту сумму. Этот капитал мама и папа планируют нарастить для расходов на образование детей к их 18-летию. Но, помимо этого, родители уже сейчас приобрели для них две благоустроенные квартиры, которые пока сдают в аренду, пока их маленькие хозяева растут.

Женщина Д., мать-одиночка, 56 лет, вырастила одна сына, которому по достижении 15 лет приобрела 1-комнатную квартиру, оформив ее в ипотечный кредит на себя. Он продолжал жить с мамой, причем до своей женитьбы в возрасте 28 лет. Все это время стоимость его квартиры выплачивалась его мамой, пока кредит не был погашен полностью, в том числе при помощи сдачи жилья в аренду. Когда сын женился, то у

¹ Следователи Тувы занимаются делом горе-мамаши, задавившей новорожденного сына [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2021, 23 июня. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/06/23/sledovateli-tuvy-zanimayutsya-delom-gore-mamashi-zadavivshey-novorozhdenogo-syna.html> (дата обращения: 05.09.2021).

² В Кызыле нашли брошенного на землю младенца, он был без одежды и покусан комарами [Электронный ресурс] // ИА «Туваонлайн». 2021, 23 июля. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2021/07/23/v-kyzyle-nashli-broshennogo-na-zemlyu-mladenca-on-byt-bez-odezhdy-i-pokusan-komarami.html> (дата обращения: 05.09.2021).

его невесты тоже оказался маленький домик в так называемом частном секторе, который ей остался после бабушки. После свадьбы родители молодоженов продали и квартиру, и дом, объединили средства и смогли обеспечить молодую семью уже жильем большей площади — 3-комнатной благоустроенной квартирой.

В этом стремлении тувинцев обеспечить детей жильем видится отголосок тувинской традиции, предписывающей дарить новой семье отдельную юрту. Однако, в современных условиях, конечно, такой подход взрослых к поддержке молодежи не способствует их трудовому воспитанию, стремлению быть самостоятельным, обеспечивать себя.

Если говорить о других этнокультурных особенностях такой гиперопеки, то вспоминаются также и свадьбы. Как я уже с коллегой Ш. Б. Майны подчеркивала в исследовании современных тувинских свадеб (Ламажаа, Майны, 2020), этот семейный ритуал перестал быть только праздником новой семьи и считаться обрядом для установления родственных связей между сторонами брачующихся. Сегодня тувинские свадьбы приобрели характер взаимной презентации состоятельности родителей и их родов. Размах торжества, количество гостей и ценность подарков стали показателем финансовых и иных возможностей, которые стало важно подчеркивать, даже бравировать. И хотя в Туве такая свадебная обрядность не доходит до масштабов среднеазиатских свадеб, которые разоряют людей на всю жизнь, тем не менее она тоже приводит к дополнительной закредитованности населения. И самостоятельные молодые люди сегодня все больше предпочитают бюджетные церемонии (просто регистрацию в органах ЗАГС), сами свадьбы откладываются на несколько лет и потом проводятся, когда брачующиеся уже окружены несколькими подрастающими детьми, когда церемонию приходится организовывать под давлением старшего поколения.

Наличие правила, когда родители обязаны обеспечить детей жильем — домом или квартирой, приводит к тому, что обеспеченные жильем молодые люди считаются более перспективными для заключения брачных союзов. Свое жилье у молодого человека в регионе, где жилищный вопрос стоит чрезвычайно остро, а уровень доходов большинства населения низкий, — сейчас очень важный признак состоятельности. В Туве нет жестких брачных норм и молодежь женится по своим желаниям, однако, влияние родителей, рассматривающих состоятельность «кудагаев» (русифицированная форма тув. разг. слова *кудагай* 'сват', 'сватушка') — будущих сватов и того, что они могут дать молодоженам, осталось достаточно большим. Так, в 2000 г. новосибирские этносоциологи зафиксировали: 52% тувинцев считали, что необходимо получить согласие родителей на брак (Гончарова, Савельев, 2004: 2007). И в условиях, когда брак традиционно считался обязательным для каждого тувинца (Seden, 2014), это обстоятельство можно считать важным для поддержания традиционализма в тувинском обществе.

Желание обеспечивать детей не иссякает, даже когда они взрослеют, создают свои семьи и рожают своих детей. Это приводит к тому, что значительное число тувинцев старшего поколения продолжает работать для этого, не выходя на пенсионный отдых. Для многих тувинцев стало *нормой работать на детей практически до смерти*. При этом, гиперопека естественным образом способствует дальнейшему развитию инфантилизации молодежи. Молодые семьи продолжают рассчитывать на помощь родителей, требовать от них квартиры, машины, различную помощь. В том числе стало нормой привлекать для ухода за маленькими детьми бабушек и дедушек, которые или не работали, или специально для этого оставляли работу. В условиях переполненности детских садов, невозможности отдать ребенка туда, для молодых матерей, которая стремится выйти работать, это может быть единственным выходом.

Представлю кратко вехи жизни одной городской тувинской семьи З. (муж А., 56 года, жена Б., 55 лет, двое детей — сын С. и дочь Д., соответственно 31 и 28 лет), в которой соединились вместе все вышеотмеченные тенденции.

Б. до встречи с будущим мужем жила в общежитии в г. Кызыле, учась в местном училище. Ее мама работала чабаном и жила в районе, отец умер несколько лет назад. Через некоторое время, когда А. и Б. стали встречаться, то выяснилось, что А. частенько выпивает, но, тем не менее, у него была квартира в Южном районе Кызыла, которую ему купили его родители. Поэтому А. согласилась выйти за него замуж. Свадьбу сыграли скромную, в одной из столовых города.

Дети семьи З. родились в 1991 и 1993 гг. В лихие 1990-е г. растить детей было очень нелегко, поэтому им помогали бабушки и дедушка. Бабушка-животновод периодически отправляла мясо в город. Правда, муж периодически срывался и уходил в запой, жене приходилось и работать, и поднимать детей, и следить за мужем. Дети росли, больше говоря по-русски, чем по-тувински, потому что учились в русскоязычной школе,

и требовали к себе больше внимания. Но если девочка была относительно послушной, мальчик оказался без внимания отца и довольно быстро попал в плохую компанию, у него не сложилось с учебой. Он остался жить с родителями, так и не женился, выпивал теперь вместе с отцом, перебивался случайными заработками. Дочь выучилась в местном университете, вышла замуж и мама была рада, что ее избранник имел в перспективе квартиру, которую ему обещала оставить после себя его бабушка. Но пока она здравствовала, молодые сняли квартиру. У них родился сначала один сын, потом второй. Дочь Д. сидела с ними до 1–1,5 лет, потом им удавалось получить место в детском саду, в первый раз по знакомству с заведующей, а во второй раз пришлось собирать деньги на платное место. Для этого также бабушка Б. взялась за дополнительную работу, чтобы помочь им. В остальное время она продолжает работать, оплачивать жизнь сыну, присматривать за мужем (периодически его пролечивая от алкоголизма), помогать материально дочери и внукам. И в ее планах нет выхода на пенсию для отдыха. Она уже начала получать пенсию по возрасту, не отказываясь от работы в бухгалтерии одного учреждения, и пенсия стала хорошим подспорьем всему семейству.

Внуки очень любят гаджеты, много времени проводят за компьютерными играми. Они еще хуже, чем их родители, говорят по-тувински. Не любят поездки в район, не особенно любят национальную кухню, в том числе вареную колбасу свежеразделанного барана — *изиг хан*, которую так ценит их бабушка. Но баловать внуков хочется. Если совсем крошками они любили игрушки — персонажей западных мультфильмов «Тачки», «Человек-паук», то теперь требуют покупок различных компьютерных игр.

Современные взаимоотношения родителей и детей у тувинцев стали различаться в зависимости от опыта социализации самих родителей, которым пришлось пережить распад СССР, тяжелое первое десятилетия общественного кризиса. Над семьей нет больше тотального контроля государства, нет и такого древнего регулятора как родовое сообщество. В последние годы у тувинцев стали укрепляться связи между родственниками как в форме общих родовых обрядов, проходящих раз в год (*Дагылга: тувинские ...*, 2021; *Ламажаа, 2021a*), так и с помощью новых коммуникационных технологий, позволяющих общаться ежедневно в режиме онлайн (*Ламажаа, 2021b*). Однако, родственники ничего не могут сделать, если кто-то из молодежи сходит с правильного пути и ломает свою жизнь, погружаясь в алкоголизм или совершая преступления.

Заключение

Если раньше дети для тувинцев были сначала будущими помощниками по хозяйству, потом рассматривались как будущие строители социализма, которых надо было достойно вырастить и выпустить из родительского гнезда в первую очередь на благо обществу, то сегодня отношение у тувинцев к детям амбивалентное.

Они и те существа, которых надо пестовать, холить и лелеять. Они и те, кого надо обеспечивать так долго, сколько хватит сил. А есть такие родители, которые не хотят детей, не заботятся о них должным образом. Дети — это не только любимые чада. Для тех, кто живет сегодняшним днем, от зарплаты до зарплаты, от пособия к пособию, дети — источник таких государственных выплат, материнского капитала. Для других родителей дети — существа, требующие все больше и больше вложений, заботы, которая не заканчивается с их взрослением.

Все эти тенденции универсальны и присущи не только тувинцам. Этническая специфика традиционных взаимоотношений была связана с общей системой этнокультурных традиций. Сегодня все то, что происходит негативного в этой сфере связано именно с утратой этнокультурных регуляторов, важность которых я и постаралась показать. Этнокультурная ценностей детей для тувинцев *уруг-дарыг* — возможно, скорее осталась идеальным, утраченным образом прошлого.

Но тема *children's studies* в тувиноведении имеет еще массу нюансов, которые было бы интересно раскрыть, изучить. В том числе и уменьшение роли мужчин в семейной жизни тувинцев, о чем еще в начале 2000-х гг. написал Ш. Степановф (*Степановф, 2009*; также об этом: *Монгуш, 2021*). К числу перспективных исследований культуры детства также можно назвать исследование «детских голосов», поскольку до сих пор в науке представлено только представление детей глазами и устами взрослых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, А. В. (2015) Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири : автореф. дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ. 23 с.

- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 339 с.
- Арьес, Ф. (1999) Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке : пер. с фр. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета. 416 с.
- Ашенова, К. К. (2018) Советское детство: повседневная жизнь детей Омска (1961–1980 гг.) : автореф. дисс. ... канд. ист. н. Тюмень. 28 с.
- Вайнштейн, С. И. (1991) Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 299 с.
- Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Изд.-полигр. комплекс «Билиг». 212 с.
- Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель. 288 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Данчай-оол, А. А., Даваа, Е. К. (2021) Социально-культурный аспект конфликта поколений в тувинском обществе: современность и перспективы // *Философская мысль*. № 1. С. 11–23. DOI: <https://www.doi.org/10.25136/2409-8728.2021.1.34315>
- Демиденко, А. С. (2018) Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Том. 10. № 3–1. С. 143–149.
- Доржу, З. Ю., Корчевская, Е. А. (2015) Традиции тувинцев в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // *Вестник ТГПУ*. № 9. С. 270–278.
- Дыртык-оол, М. О. (2015) Мир детства у тувинцев: культурологический обзор антологии «Урянхай. Тыва дептер» (тувинская тетрадь) // *Научно-методический электронный журнал Концепт*. Т. 13. С. 1946–1950.
- Дыртык-оол, М. О. (2018) Трансформация инкультурации детей в условиях седентаризации тувинского общества // *Вестник Таджикского национального университета*. № 6. С. 140–146.
- Дьяконова, В. П. (1988) Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // *Традиционное воспитание детей у народов Сибири* / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л. : Наука. 251 с. С. 152–185.
- Ежова, О. Ф. (2019) Игровая культура детей Тувы: борьба хуреш и этническая социализация мальчиков // *Традиционная культура*. Т. 20. № 2. С. 63–71. DOI: <https://www.doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.005>
- Иконникова, С. Н. (2018) «Защитный пояс» культуры и стратегии отношения к детству // *Вестник СПбГИК*. № 4. С. 56–59. DOI: <https://www.doi.org/10.30725/2619-0303-2018-4-56-59>
- Иргит, Е. Л. (2013) Роль отца в формировании личности детей // *Вестник Тувинского государственного университета*. № 1. Социальные и гуманитарные науки. С. 53–58.
- Кара-оол, Л. С. (2019) Лексика родильного обряда в тувинском языке // *Oriental Studies*. Т. 12. № 6 (46). С. 1145–1155. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155>
- Кара-оол, Ч. А. (2013) Детский музыкальный фольклор тувинцев // *Известия Алтайского государственного университета*. № 2–2. С. 188–190.
- Кара-оол, Ч. А. (2014) Пестушки в детском фольклоре тувинцев // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. № 2. С. 45–47.
- Караоол, Ч. А. (2015a) Детская игровая культура у тувинцев // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4–1 (88). С. 144–148.
- Кара-оол, Ч. К. (2015b) Детский фольклор как механизм социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев (конец XIX — начало XXI вв.) : дисс. ... канд. ист. н. Улан-Удэ. 135 с.
- Кара-оол, Ч. А. (2015c) Материнская поэзия в детском фольклоре тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 2. С. 61–68.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : пер. с тув. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с. (На тув. яз.)
- Кисель, В. А. (2016) Мир детей в столице Тувы // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 38–63.
- Комарова, Г. А. (2014) Этнография детства. Междисциплинарные исследования. 2-е изд. М. : ИЭА РАН. 160 с.
- Кон, И. С. (1988) Ребенок и общество. (Историко-этнографическая перспектива). М. : Наука. 269 с.

Конструируя детское: филология, история, антропология (2011) / под ред. М. Р. Балиной, В. Г. Безрогова, С. Г. Маслинской, К. А. Маслинского, М. В. Тендряковой, С. Шеридана. М.; СПб. : Азимут ; Нестор-История. 552 с.

Корчевская, Е. А. (2016) Об устройстве в Туве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 1. С. 70–74.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Кужугет, А. К. (2019) Тувинская семья: традиции и трансформации // Ученые записки. Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва / отв. ред. Б. А. Донгак.; сост. Л. С. Мижит. Кызыл: б. и. 436 с. С. 232–245.

Куприянов, Б. В. (2018) Внешкольная повседневность советских школьников: сюжеты и структуры // Поволжский педагогический поиск. № 4. С. 28–36. DOI: <https://www.doi.org/10.33065/2307-1052-2018-4-26-28-36>

Куулар, С.-С. В. (2019) Ценностные ориентации тувинской семьи как педагогическая проблема // Вестник Тувинского государственного университета. № 4 Педагогические науки. № 2 (47). С. 11–17.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб. : Алетейя. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 79–89.

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13(2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тувинские обряды дагылга в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Ликтан, В. Т., Монгуш, С. П. (2021) Эстетическое воспитание как актуальная проблема тувинских школьников // Инновации. Наука. Образование. № 29. С. 865–869.

Мирошниченко, В. В., Донгак, А. А. (2020) Использование тувинских традиций как условие социализации младших школьников // Вопросы педагогики. № 11–1. С. 152–155.

Молодежь Тувы. Социальный портрет (1988) / З. В. Анайбан и др. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 194 с.

Монгуш, А. М. (2021) Особенности трансформации роли мужчины в тувинском обществе // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 36. С. 37–49. DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37>

Монгуш, В. Ч. (2006) История образования в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.) : автореф. ... канд. ист. н. М. 24 с.

Монгуш, С. П., Ликтан В. Т. (2016) Динамика рождаемости и социального положения населения Тувы // Перспективы науки. № 12. С. 49–53.

Олейников, Ю. В. (2007) Инфантильный социум? (аналитическое эссе). М. : Издательство Российского государственного социального университета. 172 с.

Омарова, П. О., Гасанова, З. З. (2008) Семья как институт социализации и воспитания // Сибирский педагогический журнал. № 4. С. 173–185.

Ооржак, С. С., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Разинкова, О. И. (2021) Феномен детства в трансформирующемся российском обществе (социально-философский анализ) : автореф. дисс. ... к-та филос. н. М. 23 с.

Ромашова, М. В. (2013) Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. История. Вып. 2. С. 108–116.

Салчак, Б. В. (2009) Конструирование образовательной среды дошкольного учреждения как условие воспитания национального самосознания детей : автореф. дисс. ... канд. пед. н. Екатеринбург. 22 с.

Салчак, К. Б., Салчак, Л. П. (1984) Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 28 с.

Салчак, К. Б., Салчак Л. П. (2016) Тыва улусчу педагогиканың хөгжүлдеси = Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл : Национал школа хөгжүдөр ин-т. 227 с.

Сальникова, А. А. (2007) Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. 256 с.

Степановф, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографические исследования. № 4. С. 129–145.

Сувандии, Н. Д. (2011) Тувинская антропонимия. Кызыл : РИО ТувГУ. 207 с.

Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл : Институт развития национальной школы. 168 с.

Сундуй, Г. Д. (2015) Родовое сообщество как гарант защиты детства (на материале Республики Тыва) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. № 1. С. 26–30.

Традиционное воспитание детей у народов Сибири (1988) / отв. ред. И. С. Кон, Ч. М. Таксами. Л. : Наука. 251 с.

Хурен-оол, С. Х. (2018) Трудовое воспитание детей в тувинской семье // Сибирский педагогический журнал. № 2. С. 66–71.

Чамзырын, Е. Т. (2013) Детская литература в период Тувинской Народной Республики // История тувинской литературы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 266 с. С. 206–218.

Юша, Ж. М. (2006) Обряды детского цикла у тувинцев: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. № 3. С. 111–115.

Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука. 400 с.

Seden, A. V. (2014) Gender-based approach to the preparation of young people of Tuva for family life // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social sciences. Vol. 7, no. 11. Pp. 1927–1939.

Дата поступления: 20.08.2021 г.

REFERENCES

Andreeva, A. V. (2015) *Kul'tura reproduktivnogo povedeniia v kochevoi kul'ture narodov Vostochnoi Sibiri [The culture of reproductive behavior in the nomadic culture of the peoples of Eastern Siberia]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of Culturology. Ulan-Ude. 23 p. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka Publ. 337 p. (In Russ.).

Ariès, Ph. (1999) *Rebenok i semeinaia zhizn' pri Starom poriadke [The child and family life in the Ancien Régime]* / transl. from Fr. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University. 416 p. (In Russ.).

Ashenova, K. K. (2018) *Sovetskoe detstvo: povsednevnaia zhizn' detei Omska (1961–1980 gg.) [Soviet childhood: Everyday life of Omsk children (1961–1980)]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of History. Tyumen. 28 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii [The world of nomads of the center of Asia]*. Moscow, Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).

Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Etnopedagogika tuvinskogo naroda [The ethnopedagogy of the Tuvan people]*. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ. 212 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ia. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy [Family-marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, and prospects]*. Novosibirsk, Non-parel' Publ. 288 p. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Danchai-ool, A. A. and Davaa, E. K. (2021) Sotsial'no-kul'turnyi aspekt konflikta pokolenii v tuvinskom obshchestve: sovremennost' i perspektivy [Sociocultural aspect of conflict of generations in the Tuvan society: Modernity and prospects]. *Philosophical Thought*, no. 1, pp. 11–23. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.1.34315>

Demidenko, A. S. (2018) Sotsial'naia infantil'nost' rossiiskoi molodezhi: spetsifika nauchnogo diskursa [Social infanthility of Russian youth: Specificity of scientific discourse]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, vol. 10, no. 3–1, pp. 143–149. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Korchevskaia, E. A. (2015) Traditsii tuvintsev v otnoshenii detei-sirot i detei, ostavshikhsia bez popecheniia roditelei [Traditions of Tuvans concerning orphaned children and children without parental support]. *Vestnik TGPU*, no. 9, pp. 270–278. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, M. O. (2015) Mir detstva u tuvintsev: kul'turologicheskii obzor antologii «Uriankhai. Tyva depter» (tuvinskaia tetrad') [The world of childhood among Tuvans: A culturological review of the anthology "Uriankhai. Tuva depter" (Tuvan notebook)]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal "Kontsept"*. vol. 13, pp. 1946–1950. (In Russ.).

Dyrtyk-ool, M. O. (2018) Transformatsiia inkul'turatsii detei v usloviakh sedentarizatsii tuvinskogo obshchestva [Transformation of the inculturation of children in the conditions of sedentarization of Tuvan society]. *Vestnik Tadzhikskogo natsional'nogo universiteta*, no. 6, pp. 140–146. (In Russ.).

Diakonova, V. P. (1988) Detstvo v traditsionnoi kul'ture tuvintsev i telengitov [Childhood in the traditional culture of Tuvans and Telengits]. In: *Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri [Traditional upbringing of children among the peoples of Siberia]* / ed. by I. S. Kon and Ch. M. Taksami. Leningrad, Nauka Publ. 251 p. Pp. 152–185. (In Russ.).

Ezhova, O. F. (2019) Igrovaia kul'tura detei Tuvy: bor'ba khuresh i etnicheskaia sotsializatsiia mal'chikov [The culture of Tuvan children's play: Khuresh wrestling and the ethnic socialization of boys]. *Traditional culture*, vol. 20, no. 2, pp. 63–71. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2019.20.2.005>

Ikonnikova, S. N. (2018) «Zashchitnyi poias» kul'tury i strategii otnosheniia k detstvu [“Protective belt” of culture and strategy of attitude to childhood]. *Vestnik SPbGIK*, no. 4, pp. 56–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2018-4-56-59>

Irgit, E. L. (2013) Rol' ottsa v formirovanii lichnosti detei [Father's role in children's personality formation]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 53–58. (In Russ.).

Kara-ool, L. S. (2019) Leksika roditel'nogo obriada v tuvinskom iazyke [Tuvan vocabulary of birth rites]. *Oriental Studies*, vol. 12, no. 6 (46), pp. 1145–1155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155>

Kara-ool, Ch. A. (2013) Detskii muzykal'nyi fol'klor tuvintsev [Children's musical folklore of Tuvans]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2–2, pp. 188–190. (In Russ.).

Kara-ool, Ch. A. (2014) Pestushki v detskom fol'klоре tuvintsev [Pestushkas (nursing songs) in children's folklore of Tuvans]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*, no. 2, pp. 45–47. (In Russ.).

Karaool, Ch. A. (2015a) Detskaia igrovaia kul'tura u tuvintsev [Children's play culture among Tuvans]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–1 (88), pp. 144–148. (In Russ.).

Kara-ool, Ch. A. (2015b) *Detskii fol'klor kak mekhanizm sotsializatsii rebenka v traditsionnoi kul'ture tuvintsev (konets XIX – nachalo XXI vv.) [Children's folklore as a mechanism of socialization of a child in the traditional Tuvan culture (the late 19th – early 21st c.)]*: Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 135 p. (In Russ.).

Kara-ool, Ch. A. (2015c) Materinskaia poeziia v detskom fol'klоре tuvintsev [Mother poetry in children's folklore of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 61–68. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tyva changchyl [Tuvan traditions]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Tuv.).

Kisel', V. A. (2016) Mir detei v stolitse Tuvy [The world of children in the capital of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.).

Komarova, G. A. (2014) *Etnografiia detstva. Mezhdistsiplinarnye issledovaniia [Ethnography of childhood. Interdisciplinary research]*. 2nd ed. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 160 p. (In Russ.).

Kon, I. S. (1988) *Rebenok i obshchestvo (istoriko-etnograficheskaia perspektiva) [The child and society (Historical and ethnographic perspective)]*. Moscow, Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).

Konstruiruia detskoe: filologiya, istoriya, antropologiya [Designing children's: Philology, history, anthropology] (2011) / ed. by M. R. Balina, V. G. Bezrogov, S. G. Maslinskaia, K. A. Maslinskii, M. V. Tendriakova and S. Sheridan. Moscow ; St. Petersburg, Azimut Publ. ; Nestor-Istoriia Publ. 552 p. (In Russ.).

Korchevskaia, E. A. (2016) Ob ustroistve v Tuve detei-sirot i detei, ostavshikhsia bez popecheniia roditelei [On the placement of orphans and children without parental support in Tuva]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, no. 1, pp. 70–74. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore (Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 464 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2019) Tuvinskaia sem'ia: traditsii i transformatsii [Tuvan family: Traditions and transformations]. In: *Uchenye zapiski. Tuvinskii institut gumanitarnykh i prikladnykh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniĭ pri Pravitel'stve Respubliki Tyva [Scientific notes. Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva]* / ed. by B. A. Dongak ; comp. by L. S. Mizhit. Kyzyl, s. n. 436 p. Pp. 232–245. (In Russ.).

Kupriyanov, B. V. (2018) Vneshkol'naia povsednevnost' sovetskikh shkol'nikov: suzhety i struktury [Extracurricular daily life of Soviet schoolchildren in plots and structures]. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk*, no. 4, pp. 28–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.33065/2307-1052-2018-4-26-28-36>

Kuular, S.-S. V. (2019) Tsennostnye orientatsii tuvinskoĭ sem'i kak pedagogicheskaia problema [Value orientations of the Tuvan family as a pedagogical subject]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta, issue 4: Pedagogicheskie nauki*, no. 2 (47), pp. 11–17. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdū proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. St. Petersburg, Aletheia Publ. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoĭ kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 79–89. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuvinskie obriady dagylga v XXI veke [Tuvan rites dagylga in the 21st century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, no. 13 (2), pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Liktan, V. T. and Mongush, S. P. (2021) Esteticheskoe vospitanie kak aktual'naia problema tuvinskikh shkol'nikov [Aesthetic education as an actual problem of Tuvan schoolchildren]. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 29, pp. 865–869. (In Russ.).

Miroshnichenko, V. V. and Dongak, A. A. (2020) Ispol'zovanie tuvinskikh traditsii kak uslovie sotsializatsii mladshikh shkol'nikov [The use of Tuvan traditions as a condition for the socialization of younger schoolchildren]. *Voprosy pedagogiki*, no. 11–1, pp. 152–155. (In Russ.).

Molodezh' Tuvy. Sotsial'nyi portret [The youth of Tuva: A social portrait] (1988) / ed. by Yu. L. Aranchyn et al. Novosibirsk, Nauka Publ. 194 p. (In Russ.).

Mongush, A. M. (2021) Osobennosti transformatsii roli muzhchiny v tuvinskom obshchestve [Transformation features of the role of men in Tuvan society]. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*, vol. 36, pp. 37–49. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.37>

Mongush, V. Ch. (2006) *Istoriia obrazovaniia v Tuvinskoĭ Narodnoĭ Respublike (1921–1944 gg.) [History of education in the Tuvan People's Republic (1921–1944)]*: Abstract of the Diss. ... Candidate of History. Moscow. 24 p. (In Russ.).

Mongush, S. P. and Liktan V. T. (2016) Dinamika rozhdaiemosti i sotsial'nogo polozheniia naseleniia Tuvy [Dynamics of fertility and social status of the population of Tuva]. *Perspektivy nauki*, no. 12, pp. 49–53. (In Russ.).

Oleinikov, Yu. V. (2007) *Infantil'nyi sotsium? (analiticheskoe esse) [Infantile society? (An analytical essay)]*. Moscow, Russian State Social University Publ. 172 p. (In Russ.).

Omarova, P. O. and Gasanova, Z. Z. (2008) Sem'ia kak institut sotsializatsii i vospitaniia [Family as an institution of socialization and upbringing]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 173–185. (In Russ.).

Oorzhak, S. S. and Bavuu-Surun, M. V. (2020) Leksika obriadov po zashchite zhizni detei v tuvinskom iazyke [The vocabulary of protecting children's lives in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Razinkova, O. I. (2021) *Fenomen detstva v transformiruiushchemsya rossiiskom obshchestve (sotsial'no-filosofskii analiz) [The phenomenon of childhood in the transforming Russian society (A socio-philosophical analysis)]*: Abstract of the Diss. ... Candidate of Philosophy. Moscow. 23 p. (In Russ.).

Romashova, M. V. (2013) *Deti i fenomen detstva v otechestvennoi istorii: noveishie issledovaniia, diskussionnye ploshchadki, sobytiia* [Children and the phenomenon of childhood in Russian history: The latest research, discussion platforms, events]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii*, issue 2, pp. 108–116. (In Russ.).

Salchak, B. V. (2009) *Konstruirovaniie obrazovatel'noi sredy doskol'nogo uchrezhdeniia kak uslovie vospitaniia natsional'nogo samosoznaniia detei* [Designing the educational environment of a preschool institution as a condition for the development of children's national identity]: Abstract of the Diss. ... Candidate of Pedagogy. Ekaterinburg. 22 p. (In Russ.).

Salchak, K. B. and Salchak, L. P. (1984) *Razvitie tuvinskoi narodnoi pedagogiki* [Development of Tuvan folk pedagogy]. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 28 p. (In Russ.).

Salchak, K. B. and Salchak, L. P. (2016) *Tyva uluschu pedagogikanyng khögzhüldezi = Razvitie tuvinskoi narodnoi pedagogiki* [Development of Tuvan folk pedagogy]. Kyzyl, Natsional shkola khögzhüder in-t. 227 p. (In Tuv. and Russ.).

Salnikova, A. A. (2007) *Rossiiskoe detstvo v XX veke: Istorii, teoriia i praktika issledovaniia* [Russian childhood in the 20th century: History, theory and practice of research]. Kazan, V. I. Ulyanov-Lenin Kazan State University. 256 p. (In Russ.).

Stépanoff, Ch. (2009) *Metamorfozy rodstva u tuvintsev* [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2011) *Tuvinskaia antroponiimia* [Tuvan anthroponymy]. Kyzyl, Editorial and Publishing Department at Tuvan State University. 207 p. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2009) *Mir detstva kochevoi Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniia* [The world of nomadic Asia's childhood: The experience of spiritual and moral education]. Kyzyl, The National School Development Institute. 168 p. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2015) *Rodovoe soobshchestvo kak garant zashchity detstva (na materiale Respubliki Tyva)* [The tribal community as a pillar of the protection of childhood (Based on the material of the Republic of Tuva)]. *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, no. 1, pp. 26–30. (In Russ.).

Traditsionnoe vospitanie detei u narodov Sibiri [Traditional upbringing of children among the peoples of Siberia] (1988) / ed. by I. S. Kon and Ch. M. Taksami. Leningrad, Nauka Publ. 251 p. (In Russ.).

Khuren-ool, S. Kh. (2018) *Trudovoe vospitanie detei v tuvinskoi sem'e* [Labour education of children in Tuvan family]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 66–71. (In Russ.).

Chamzyryn, E. T. (2013) *Detskaia literatura v period Tuvinskoi Narodnoi Respubliki* [Children's literature in the period of the Tuvan People's Republic]. In: *Istorii tuvinskoi literatury* [A history of Tuvan literature] / ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS. 266 p. Pp. 206–218. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2006) *Obriady detskogo tsikla u tuvintsev: traditsii i sovremennost'* [Ceremonial rites of children's cycle among Tuvans: Traditions and contemporaneity]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, no. 3, pp. 111–115. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2018) *Fol'klor i obriad tuvintsev Kitaia v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of China's Tuvans in the early 21st century: Structure, semantics, pragmatics]. Novosibirsk, Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).

Seden, A. V. (2014) *Gender-based approach to the preparation of young people of Tuva for family life*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social sciences*, vol. 7, no. 11, pp. 1927–1939.

Submission date: 20.08.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.6

Статья

Семейный обряд хылбык дой городских тувинцев

Шенне Б. Майны

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье приводится полное описание одного из тувинских детских обрядов хылбык дой 'обряд первой стрижки', который был проведен в 2018 г. в г. Кызыле в честь 3-летия ребенка. На обряд, который проводился как праздник, собрались представители двух родовых групп тувинцев — со стороны отца (кара-сал) и матери (хомушку). Особенности данного обряда являются его проведение в городских условиях (с заказом столов в кафе), с новациями (в организации и подарках) и заимствованиями из западной культуры (разрезание торта в финале, детское шоу и пр.).

Автор показала отличие основной сути современного обряда от традиционного, изложенного в многочисленной этнографической литературе. Раньше обряд символизировал переход ребенка из возраста младенца в детство и приобретение им прав человека, в том числе на признание родственниками, получение им личного имущества. Современная форма скорее выступает как совместное мероприятие для поддержания этнической идентичности и родственных связей, для материального обеспечения семьи, развлечения детей.

Ключевые слова: тувинцы; Тува; городские тувинцы; городская обрядность; семейный обряд; традиционная обрядность; детский обряд; хылбык дой; стрижка волос; родовая группа

Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Майны Ш. Б. Семейный обряд хылбык дой городских тувинцев // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 76-88.
DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Майны Шенне Борисовна — кандидат культурологии, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (923) 540-00-84. Эл. адрес: shenne85@mail.ru

---

MAINY, Shenne Borisovna, Candidate of Cultural Studies, Senior Researcher, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 540-00-84. E-mail: shenne85@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-9106-2148

Family Rite of *khylbyk doy* of Urban Tuvans

Shenne B. Mainy

Tuvan State University, Russian Federation

The article gives a full description of one of the Tuvan children's rites — *khylbyk doy* ('the rite of the first haircut') which was held in 2018 in Kyzyl in honour of the third anniversary of a child. The ceremony was held as a festivity and brought together representatives of two kinship groups of the Tuvans — from the father's side (*kara-sal*) and the mother's side (*khomushku*). The features of this rite comprise holding in urban settings (tables were reserved in a *café*), innovations (in arranging and gifts) and borrowings from Western culture (cake-cutting in the end, a children's show, etc.).

The author shows the difference of the basic essence of the modern rite from the traditional one described in numerous ethnographic sources. In the past the rite symbolized the transition of a child from the age of an infant to childhood and acquiring their human rights, including the rights to be recognized by their relatives and to have personal property. The modern one can be rather considered as a joint event to maintain ethnic identity and kinship ties, to provide material support to the family and entertain children.

Keywords: Tuvans; Tuva; urban Tuvans; urban ritualism; family rite; traditional ceremonialism; children's rite; *khylbyk doy*; haircutting; kinship group

---

Financing

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).

For citation:

Mainy Sh. B. Semeinyi obriad *khylbyk doi* gorodskikh tuvintsev [Family Rite of *khylbyk doy* of Urban Tuvans]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 76-88. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Введение

Традиционная семейная обрядность остается актуальной в повседневной жизни тувинцев — как сельских, так и городских. За более чем вековую историю социокультурных трансформаций в Туве семейные обряды также видоизменились. В том числе они адаптировались к изменившимся условиям проживания людей, например, к городской культуре.

В том числе адаптированными и весьма популярными остались обряды детского цикла, которые семьи проводят прежде всего как праздник, отмечая его вместе с широким кругом родственников рождение ребенка. Несмотря на наличие этнографических исследований самой детской обрядности (Потапов, 1969: 270–273; Кенин-Лопсан, 2006: 113–117; Кара-оол, 2013, 2014; и др.), тем не менее современные формы обрядов практически не исследуются, поскольку в основном до сих пор тувиноведение считает более важным изучать традиционные формы (Ламажаа, 2021a: 4–6).

При этом надо сказать, что и для городских тувинцев, жизнь которых наиболее изменилась, детская обрядность, особенно обряд первой стрижки волос, сохраняет особое значение. Тувинская часть Рунета содержит значительное число объявлений о тамадах (ведущих праздников), которые готовы провести *хылбык дой* — обряд первой стрижки волос; распространены тексты благожеланий именно

для этого праздника, образовательные учреждения Тувы разрабатывают методические пособия по правильному проведению обряда в числе других семейных обрядов. Поэтому для тувиноведения изучение современной формы *хылбык дой* представляет и научную, и социальную активность.

Современную форму *хылбык дой*, которую проводят городские тувинцы, мы рассмотрим на примере одного из детских обрядов, проведенных под непосредственной организацией и участием автора данной статьи. Целью статьи будет описание этого обряда, проведенного в 2018 г., и анализ его особенностей в сравнении с традиционными формами — как отдельных вопросов организации, так и социальной значимости.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: сделать обзор научных исследований семейной обрядности тувинцев в тувиноведении; описать детально полный цикл обряда *хылбык дой* от его планирования до завершения и произвести сравнительный анализ описанного обряда с имеющимися в литературе этнографическими данными на традиционные формы.

Соответственно источниками выступили полевые материалы автора и научная литература по теме.

История изучения семейных обрядов

Семейная обрядность — это ритуалы, связанные с важнейшими вехами жизненного пути человека рождением, браком и смертью (*Семейная обрядность ...*, 1980). Они считаются одним из ярких проявлений духовной культуры этноса, связанными с тремя важными циклами, в той или иной степени касающиеся каждого человека, — родильным, свадебным и похоронно-поминальным (*Касимова, 2003*).

Следует подчеркнуть, что тувинская обрядность входит в один большой ареал центральноазиатского региона, на котором распространены родственные культуры со схожими обрядами. Поэтому общность семейной обрядности монгольских и тюркских народов отмечается в значительном числе исследований (*Семейная обрядность ...*, 1980; *Шараева, 2011*; и др.).

История изучения тувинской семейной обрядности, как и в целом тувинской этнической культуры, ведет отсчет с конца XIX века первыми учеными, путешественниками, прибывавшими в Урянхайский край (старое название Тувы), колонии маньчжурской империи Китая (*Грумм-Гржимайло, 2002*; *Родевич, 2002*; *Каррутерс, 2002*; *Менхен-Хелфен, 2002*; и др.)

Непосредственно обряд первой стрижки ребенка был описан в работе Л. П. Потапова, который наблюдал *'таах ава'* обряд тувинцев Эрзинского района (*Потапов, 1969*: 269–273). Особенности данного обряда также изложены в книге М. Б. Кенин-Лопсана (*Кенин-Лопсан, 2006*: 115–117). Связь семейного праздника обрезания волос в трехлетнем возрасте тувинцев с древними мифологическими представлениями рассмотрела культуролог А. К. Кужугет (*Кужугет, 2006*: 103–104).

Интерес к традиционной тувинской культуре привел к появлению новых работ. Особенности обрядового фольклора детского цикла тувинцев Китая изучила и осветила в своих работах Ж. М. Юша (*Юша, 2018*: 199–203). Молодые исследователи также обратились к данной проблематике, однако, продолжая повторять, преимущественно реферативными обзорами сюжеты о традициях прошлого. Так, в работе Л. А. Даш проанализирована роль и место женщины в семейном обряде тувинцев *дой* по поводу подстригания первых волос ребенка (*Даш, 2017*). Особенности обряда обрезания волос *хылбыктаары* рассмотрела С. О. Саая (*Саая, 2015*). Ч. А. Кара-оол проанализировала знаково-символическую природу обрядов первых лет жизни (*Кара-оол, 2013, 2014*). Тувинский этнопедагог Г. Д. Сундуй представила стрижку волос в детском обряде как социально-педагогический комплекс (*Сундуй, 2009*: 79–86).

Тема семейной обрядности, связанной с детьми, продолжена в работах тувинских филологов. Г. Н. Курбатский отмечает, что первые состриженные волосы во время обряда считались у тувинцев дорогостоящими и грешными (*Курбатский, 2001*: 213–215). С. С. Ооржак и М. В. Бавуу-Сюрюн проанализировали названия обрядов, обычаев и действий, призванных защищать детскую жизнь, а также названия ритуальных действий в общих обрядах очищения (*Ооржак, Бавуу-Сюрюн, 2020*).

Вопросы трансформации старых обрядов, семейных традиций стали подниматься в научной литературе с начала 2000-х гг. Так, особенностям трансформации семейно-брачных отношений народов Сибири, в том числе тувинцев, посвящена монография Г. С. Гончаровой и Л. Я. Савельевой (*Гончарова, Савельева, 2004*). Ш. Степанов зафиксировал трансформации, которые произошли за XX век в системе родства и родственных отношений у тувинцев (*Степанов, 2009*).

На сегодня современная тувинская культура в ее трансформированных, измененных формах вошла в поле внимания авторов, которые с 2021 г. работают в качестве коллектива сотрудников лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета (Ламажаа, 2015, 2018; 2021abc; Кужугет и др., 2019; Ламажаа, Майны, 2020, 2021; Дагылга: тувинские ... , 2021). В этом же русле выступает данное исследование автора, также сотрудника данной лаборатории. На наш взгляд, изучение одной из семейных обрядов — *хылбык дой* — у отдельно взятой родственной группы, восполнит определенный пробел в исследованиях по семейной ритуальности тувинцев в современных условиях.

Праздник *хылбык дой* семьи Кара-Сал, г. Кызыл 2018 г.

В 2018 г. по достижении 3 лет нашей старшей дочери Кара-Сал Агаты Кежиковны (2015 г.р.), мы с мужем решили провести обряд *хылбык дой* — первую обязательную стрижку волос детей. О том, что такой обряд раньше тувинцами проводился, напомнила моя родная тетя Сегбе Мария Хомушкуевна (1954 г.р., род. в с. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района, сейчас проживает в с. Алдын-Булак), а настояла на проведении и проведении обряда моя кунчуум 'свекровь' Кара-Сал Алдынай Маадыр-ооловна (1964 г.р., род. в с. Шуй Бай-Тайгинского района, в данное время живет в с. Сукпак Кызылского района).

Особо важным для нас это мероприятие стало в связи с тем, что мы не проводили свадебных церемоний и не устраивали обрядов знакомств, которые также входят в современную свадебную обрядность тувинцев (Ламажаа, Майны, 2020). Поэтому данный детский семейный праздник *хылбык дой* стал первым совместным мероприятием двух *төрөл бөлүк* 'родовых групп' Хомушку и Кара-Сал, к которым относимся соответственно я и мой супруг.

Ценные наставления и консультации по поводу проведения обряда дала моя мама Майны Римма Сегбеевна (1956 г.р., девичья фамилия Хомушку) и родные сестры моей мамы, т. е. *даай-аваларым* 'тети' Кан-оол Санаара Сегбеевна (1945 г.р., девичья фамилия Хомушку), Иргит Татьяна Сегбеевна (1946 г.р., девичья фамилия Хомушку), и вышеупомянутая Сегбе Мария Хомушкуевна. Но при этом основные организаторские усилия приложили я¹ и мои три родные сестры: Майны Шончалай Борисовна (1983 г.р., оставила девичью фамилию), Монгуш Шораана Борисовна (1988 г.р., девичья фамилия Майны), Монгуш Надежда Борисовна (1989 г.р., девичья фамилия Майны).

Обсуждение организации детского обряда началось за несколько недель в мессенджере *Viber*, в которой есть группа для родных сестер "Sisters" («Сестры») и группа двоюродных, троюродных сестер «Угбашкылар» («Сестры»), что стало сегодня обычной формой общения для родственных групп тувинцев в последние годы (Ламажаа, 2021b).

Сам день рождения был 16 мая 2018 г., но мероприятие было решено провести 26 мая 2018 г. — в выходной день. В условиях города это был оптимальный вариант, чтобы всем гостям было проще выделить на это время. Важным фактором также стало то, что данную дату одобрил буддийский астролог священнослужитель.

При пересчете самых близких родственников с обеих сторон, которых необходимо было пригласить, оказалось, что их в целом 55 человек. В составе приглашенных в общей сложности были взрослые (40 чел.) и дети разных возрастов (15 чел.); при этом с моей стороны было 25 человек, а со стороны мужа — 15. Приглашения — сообщения мною были отправлены в группы родственников в *Viber* «Эргим төрелдер» («Дорогие родственники»), «Кара-Салдар», «Угбашкылар» («Сестры»), "Sisters" («Сестры»). Но некоторым пожилым родственникам я, разумеется, лично звонила и приглашала.

Конечно, в условиях городской квартиры принимать такое большое количество гостей было неудобно, поэтому было заказано кафе. Для городских кафе и ресторанов это довольно типичный заказ, и владельцы уже лучше самих клиентов знают, какие действия, в какой последовательности следует производить, поэтому они даже консультируют. Так, хозяйка нашего кафе подробно рассказала мне, проконсультировала, как обычно проводятся подобные детские праздники в их кафе, откуда заказать декоративное оформление зала (шарики, баннеры и т. д.), какие ведущие тамада более интересно проводят, какие блюда заказать именно для городских приглашенных, а какие — для приглашенных из сельской местности (многие сельчане, например, современные салаты не едят). Также хозяйка кафе уточнила, что в последнее время детские праздники проводятся без спиртных напитков (раньше

¹ В то время муж был в служебной командировке и находился далеко от дома.

для взрослых на таких мероприятиях разливали алкоголь). Она сказала о приглашении буддийских лам, которые перед празднованием *хылбык дой* читают молитвы. Я приняла эти советы и старалась придерживаться их, в том числе выбрав безалкогольный вариант.

На запланированное мероприятие я заказала декоративное оформление зала с шарами. Данная услуга нашлась в социальной сети «ВКонтакте», там есть соответствующие услуги, например «Декоративное оформление праздников и свадеб в Кызыле». В день проведения праздника представители этой фирмы, оказывающей услуги, за три часа до начала праздника приехали и оформили зал по выбранному мной дизайну.

Для детского праздника, как практически для всех видов торжеств в Туве, в Кызыле, — особенно, были приглашены распорядители пиршества, ведущие — тамады. Ими в нашем городе обычно выступают люди, в том числе имеющие актерское образование и/или опыт, а также самодеятельные артисты. В наш праздник тамадами были приглашены актеры Национального музыкально-драматического театра Республики Тыва им. В. Кок-оола. Важным условием для них как ведущих тувинские мероприятия является владение двумя языками — русским и тувинским. Русский язык чаще используется городскими тувинцами (для некоторых он уже родной и тувинским они владеют хуже, а то и вовсе не владеют), а тувинский язык важен для сельчан, в данном случае — представителей старшего поколения, старейшин. Приглашенные актеры были весьма популярными тамадами, график которых расписан на год вперед, но мне они решили помочь, поддержать и провести мероприятие бесплатно, т. к. мы вместе учились в вузе. Была оплачена только услуга аренды аппаратуры.

По указанию ведущих мною были куплены и подготовлены призы для различных игр, соревнований в виде бытовых принадлежностей, посуды и др. Сценарий праздника составили они сами, заранее подробно обсудив со мной, как они будут проводить обряд подстригания волос, кто будет подстригать и какие вещи, инструменты нужны для обряда.

Были подготовлены белый *кадак* 'тонкий мягкий шелк в форме широкой ленты, который преподносится почетным гостям', *хачы* 'ножницы', *артыш* 'можжевельник' (дым, которого считается очищающим), *шүдүңзе* 'спички', *кежик хавы* (мешочек счастья, в который складывают разные предметы,

Фото 1. Открытие семейного праздника старейшиной С. С. Кан-оол 26.05.2018г., кафе «Саяны», г. Кызыл. Фото из семейного архива автора.

Photo 1. Children invited to *khylyk doy* of my daughter A. K. Kara-Sal on May 26, 2018, Sayany café, Kyzyl. Photo from the author's family archive.

Фото 2. После благожеланий старейшины все торжественно закричали: «Курай-курай!» и подняли заранее розданные всем пиалы с молоком. 26.05.2018 г., кафе «Саяны», г. Кызыл. Фото из семейного архива автора.

Photo 2. Opening of the family celebration by the elder S. Kh. Kan-ool on May 26, 2018, Sayany café, Kyzyl.

Photo from the author's family archive.

символизирующие богатство, благополучие и пр.). Были также приглашены фотограф с услугами ретуши основных фотографий и специально подготовленная популярная программа «Шоу мыльных пузырей».

При сервировке столов отдельно был выделен детский стол, в меню которого входили различные «вкусняшки» для детей: пиццы, колбасы, картошка фри, наггетсы, нарезки из фруктов, конфеты, морсы, натуральные соки, молочные коктейли.

Само мероприятие было вечерним, началось в 17.00 ч. В назначенный день приглашенных у главного входа встречала я, приветствовала их словами благодарности и приглашала в зал. Мои родные сестры помогали мне, рассаживали гостей по заранее распределенным столам (родственная группа мамы Хомушку и одна сестра по отцовской линии Салчак, родственная группа мужа Кара-Сал, мои друзья и т. д.).

Для праздничного настроения всем детям на головы были надеты праздничные колпаки, подарены игрушки, пускающие мыльные пузыри. Участники торжества были одеты празднично, некоторые — в *чеңи чок* 'национальные жилеты'.

Праздник открыла старейшина рода — 70-летняя *даай-авам* 'тетя' С. С. Кан-оол. Она поприветствовала всех собравшихся гостей, поблагодарила их за то, что приняли приглашение. Также она поздравила именинницу, пожелав ей здоровья и чтобы она радовала своих родителей и обязательно получила высшее образование. Слова благожелания тети:

Уруум сеңээ узун назынны, чедишикиннерни күзедим! Аас-кежиктиг, өөрүшкүлүг бол! Эки амыдыралдыг бол, хөй эш-өөрлүг бол! Аваң ышкаш чазык бол, аваң ышкаш кызымак бол! Бажың көгергиже чурттаарыңны, көвей ажы-төлдүг болуруңну йөрээдим! — 'Доченька, тебе желаю долголетия, успехов! Будь счастливой и веселой! Пусть у тебя будет хорошая жизнь, пусть будет много друзей! Будь, как мама, ласковой, будь как мама старательной! Благословляю жить до самой старости, иметь много детей!'

После этих слов все торжественно закричали: «Курай-курай!» и подняли заранее разлитые в пиалы чай с молоком. Затем тетя подарила дочери конверт с деньгами, который тут же был передан мне на хранение.

Фото 3. Обряд подстригания волос. 26.05.2018 г., кафе «Саяны», г. Кызыл. Фото из семейного архива автора.

Photo 5. The ceremony of haircutting. May 26, 2018, Sayany café, Kyzyl. Photo from the author's family archive.

Затем тамада представила приглашенным родителей именинницы, рассказала, откуда мы родом, где познакомились и т. д.

Далее следовал сам обряд подстригания волос.

На центральное место зала пригласили моего отца Майны Бориса Салчаковича (1958 г.р.) для проведения данного обряда. Дочку посадили (чтоб не боялась) на колени родной тети Шончалай Майны. Дедушка горячей веткой *артыш* 'можжевельника' обкурил ножницы и подстриг ими несколько прядей, затем положил пряди в *кежик хавы*.

После этого он сказал своей внучке следующее благопожелание:

Чаптанчыг, чараш уруувуска кадыкшылды, ада-иезиниң төлөптиг уруу боорун күзеп, авазынның даянгыыжы, дузалакчызы боорун, эки эртем-билигден чедип алырын, төрүттүнер дуңмазынга эргим угбазы боорун күзеп, йөрээп тур бис. Курай-курай! — 'Желаем нашей милой, красивой дочке здоровья, чтоб была гордостью родителей, чтоб получила высшее образование, чтоб была хорошей сестрой для еще не родившегося ребенка¹. Курай-курай!'

Все собравшиеся родственники присоединились к этим словам, снова произнеся «Курай-курай-курай!», чтобы данные пожелания бабушки сбылись в жизни.

Затем выступила бабушка — моя мама Майны Римма Сегбеевна (1956 г.р.). Она произнесла следующее благопожелание:

Уруувуска аас-кежикти, кадыкшылды, ада-иезиниң дыңнагыр, ажылчын, кижисиг уруу боорун күзеп, йөрээп тур бис. Курай-курай! — 'Желаем нашей дочке счастья, здоровья, чтоб

выросла послушной, трудолюбивой дочерью своих родителей. Курай-курай!'

И снова все родственники хором сказали: «Курай-курай-курай!».

После этого мои родители преподнесли свой общий подарок — конверт с деньгами.

Далее тамада пригласила мою свекровь А. М. Кара-Сал. Ее благопожелание звучало так:

Узун назылыг, улуг чыргалдыг, ачаңга — ажылчын, аваңга — дузалыг, чонуңга чоргаар, шоваа-эрес диртип чор! Курай-курай! — 'Будь счастливой, папе — работающей, маме — помощницей, народу — гордой и храброй! Курай-курай!'

Именинница получила от бабушки детские золотые сережки и конверт с деньгами.

После этой обрядовой части тамада объявила о начале трапезы. На сервированных столах были расставлены овощные нарезки, салаты, холодные закуски (мясное, сырное, фруктовое ассорти). В меню входили блюда как европейской, так и русской кухни. Сервировку дополняли только безалкогольные напитки в кувшинах. Официанты периодически разносили подносы с молочным чаем. В это время тамада организовала среди приглашенных викторину с вопросами об имениннице, в частности, когда она родилась, сколько весила при рождении, каким ростом и т. д.

Далее состоялись различные игры среди взрослых участников. Добровольцы разделились по три человека и под западные дискотечные композиции устраивали танцевальные соревнования «батлы» (от англ. *battle* — битва). Ведущая сама пела детские песни на русском языке, танцевала с детьми.

Далее продолжился этап дарения подарков и произнесения благопожеланий. Сначала в центр зала тамады пригласили родственников со стороны моей матери — моих двоюродных сестер Олчейбен

¹ Мама в это время была беременна, мы ждали второго ребенка.

Фото 4. Родственники по материнской линии Хомушку. 26.05.2018 г., кафе «Саяны», г. Кызыл.
Фото из семейного архива автора.

Photo 4. Relatives on the mother's side Khomushku. May 26, 2018, Sayany café, Kyzyl.
Photo from the author's family archive.

Шолбану Владимировну (1968 г.р.), Чом Марьяну Кара-ооловну (1969 г.р.), Ондар Урану Владимировну (1970 г.р.), Кан-оол Айланмаа Хомушкуевну (1972 г.р.). С поздравительным словом от лица двоюродных сестер и их семей также на тувинском языке выступила первая из них и лично от своей семьи преподнесла конверт с деньгами и детскую куклу Барби. Она пожелала крепкого здоровья дочери, в дальнейшем отличной учебы, чтобы всегда радовала своих родителей. После этих поздравлений каждая двоюродная сестра подарила свои подарки. Среди даров были развивающие игрушки, книги, детская коляска, рюкзак, детская обувь и т. д.

Участники мероприятия выходили с поздравительными словами и благодарили за прекрасный праздник, за встречу родственников и знакомство с кудагаями (сватами, от тувинского слова *кудагай* 'сват, сватушка'), говорили благопожелания. Мои друзья подарили дочери сертификат на фотосессию, ролики, детское одеяло.

В конце мероприятия была организована для детей веселая программа «Шоу мыльных пузырей». Аниматоры пускали пузыри разных форм, дети и взрослые с восторгом наблюдали за ними.

Под конец мероприятия был вынесен праздничный торт с горящими свечами. Дочка под громкие подбадривающие возгласы всех присутствующих задула их. Сам торт разрешила тетя именинницы Ш. Б. Майны. Первый кусок получила именинница, а затем угостили всех гостей.

В течение всего мероприятия и после него гости выкладывали фотографии, которые делали тут же на камеры смартфонов.

Традиции и новации

Описанный детский обряд *хылбык дой* совершенно типичен для тувинцев-горожан. Я неоднократно бывала на других праздниках моих родственников, друзей и не могу отметить между ними особых принципиальных различий. Лишь те, у кого позволяют финансовые средства, приглашают больше аниматоров, даже маленьких певцов-детей, заказывают роскошные торты, число приглашенных на их праздниках бывает большим. Если для горожан более удобные места для таких мероприятий — кафе и рестораны, то для сельчан — свои дома, дворы или сельские клубы.

В целом подобные обряды требуют и организационных усилий, и финансовых вложений, однако тувинцы стараются их проводить, причем для каждого из детей, особенно в связи с тем, что им об этом напоминают представители старшего поколения.

Для чего тувинцы проводят этот обряд? С одной стороны, конечно, это поддерживает национальные традиции, на чем настаивают старшие. С другой стороны, можно сказать о том, что традиция помогает намерениям, придает обычному семейному празднованию особый характер. Молодым родителям в любом случае хочется устроить красочный праздник для 3-летнего ребенка, а объединение обряда *хылбык дой* вместе с празднованием дня рождения позволяет сакрализировать мероприятие. На него обязательно приходят взрослые как представители родственников, родственных групп от мамы и папы, они дарят специальные подарки, более значимые, чем в обычные именины. И, наконец, специальные подарки, которые дарят взрослые, содержат в первую очередь финансы, весьма важные для родителей именинника или именинницы.

М. Б. Кенин-Лопсан писал, что основной целью проведения обряда было наделение ребенка личным имуществом (Кенин-Лопсан, 2006: 115). После одариваний дети становились хозяевами определенного количества скота и утвари (там же: 117). Очевидно, что этот обряд также символизировал переход младенца (*чаиш*) в статус человека (*кижи*), о чем также пишет Ч. В. Кара-оол (Кара-оол, 2013: 34). Он показывал, что ребенок успешно прожил первые три критических года, в течение которых раньше дети были весьма уязвимы и часто умирали. Трехлетний ребенок уже представлялся родственникам, которые помогали избавиться ему от утробных волос (Батоева, 2000: 16).

По мнению Г. Д. Сундуй, символизация третьего года жизни выражается в признании возрастных изменений с биологической точки зрения *назын халыыны*, приводящий к переменам в человеческом организме, характеру. Так обряд стрижки волос создаёт возможность восхождения на очередную вершину психического развития (Сундуй, 2009: 81–82).

С этого момента он уже считается полноправным человеком — членом рода, который может быть владельцем скота, имущества, дорогих украшений (что важно для женщин). То есть данный обряд имеет характер инициализации.

Для современной обрядности данный смысл уже практически утрачен. Главное, что в нынешнем одаривании для ребенка — развлечение. В числе подарков, которые интересны самому малышу — игрушки, украшения. Ну а денежные подарки предназначены прежде всего для родителей, которые тратят их по своему усмотрению на нужды ребенка. В моем случае, например, все подаренные средства пошли на оплату места в детском саду, куда до сегодняшнего дня ходит дочь.

Тем не менее, отдельные элементы обряда также сохраняют большое значение. Во-первых, как отмечает М. Б. Кенин-Лопсан, раньше родители специально обращались к шаману или ламе, чтобы установили день подстригания волос ребенка (Кенин-Лопсан, 2016: 115). Современные тувинцы для назначения важных дат (как нашего обряда, так и других — свадьбы, похорон, обрядов освящения и пр.) также прибегают к советам шаман и лам. Во-вторых, благопожелания представителей старшего поколения рассматриваются как важные напутствия, которые следует озвучивать ребенку, даже несмотря на то, что он может не понимать их значения. В-третьих, традиционные элементы обряда также считаются важными: употребление *ак чем* 'белая пища' (*сүт* 'молоко', *сүттүг шай* 'чай с молоком'), *артыжаары* 'окуривание можжевельником инструмента подстригания волос', хранение волос в специальном мешочке. Отчасти и ношение национальных видов одежды остается данью традициям, подчеркивающим этническую идентичность. В подобных мероприятиях также важно наличие свежесваренной баранины. В нашем случае мы не разделявали его, в связи с отсутствием папы.

Можно также упомянуть о том, что нередко проведение подобного мероприятия у молодой семьи, которая не проводила свадебных обрядов, позволяет свести и познакомить друг с другом родственников с двух сторон, а также всем — увидеть нового члена родов — ребенка пары.

Среди новшеств, связанных с изменением условий проживания тувинцев. Это кафе для городских жителей, приглашение профессиональных тамада, сценарии, декорирование зала, аппаратура, фотографирование и пр., использование онлайн-пространства (Ламажаа, 2021а), обсуждение организации мероприятия через мессенджеры, сотовые телефоны, электронные приглашения — сообщения, использование двух языков (тувинский и русский), городская гастрономия (пиццы, салаты, соки и пр.). Очевидными вестернизационными веяниями являются приглашения аниматоров в образе героев («Человек-паук» и пр.), торты для торжественного разрезания, фейерверки и пр.

Выделение отдельной категории людей, которые должны профессионально вести мероприятие, управлять сценарием, вызывать людей, представлять их — тамады — можно отнести к общей тенденции праздничной культуры постсоветского пространства (Ламажаа, Майны, 2020: 414).

Отдельно стоит сказать об алкоголе на праздниках. В Туве его употребление распространено не только на свадебных, юбилейных праздниках, но даже встречается и на детских. Эта пагубная практика на сегодня признана социальной проблемой, с которой пытаются бороться местные власти, объявляя безалкогольные праздники, ведя кампании в СМИ и пр. Для ведущих праздников алкоголь стал еще и в определенной степени привычным и удобным средством для разогревания аудитории, поэтому узнав, что во время празднования *хылбык дой* не будет спиртных напитков, тамады даже огорчились, сказав, что почти все приглашенные будут не активными. Однако, я настояла на безалкогольном празднике.

В последние пять лет алкоголь стал меньше использоваться на детских праздниках. Возможно, это стало результатом антиалкогольной кампании, которая проводится в республике¹. Тем не менее, до сих пор иногда нам, к сожалению, встречаются и примеры разлива спиртного на *хылбык дой*.

Заключение

Как мы установили ранее в отношении свадебной обрядности тувинцев, за более чем вековую историю она претерпела значительные изменения и утратила прежние функции, превратившись из семейного праздника по установленным веками правилам в некое театрализованное действие, презентацию имущественного положения семей и родов (Ламажаа, Майны, 2020: 418).

Если же говорить о детской обрядности, то в данном случае также можно говорить об определенных смысловых трансформациях. Раньше обряд *хылбык дой* имел характер инициализации нового члена семьи, вехой, обозначающей появление нового человека с его правами. Сегодня же, вводя в научный оборот полное описание одного из городских вариантов обряда *хылбык дой* 'обряд стрижки волос', мы хотим показать, что этот обряд скорее имеет характер этнической идентификации и материальной помощи родственников молодым родителям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батоева, Д. Б. (2000) Семантика родильной обрядности у бурят : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ. 21 с.
- Гончарова, Г. С., Савельева, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции и перспективы. Новосибирск : Nonпарель. 286 с.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (2002) Западная Монголия и Урянхайский край. Первый выпуск // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 108–134.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа и Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Даш, Л. А. (2017) Роль и место женщины в семейно-бытовых праздниках тувинского народа // Научные труды Тувинского государственного университета : материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной Году экологии в Российской Федерации и Году молодежных инициатив в Туве / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 344 с. С. 157–158.
- Кара-оол, Ч. А. (2013) Обряд первой стрижки волос в традиционной культуре тувинцев // Вестник Череповецкого государственного университета. № 4–3 (53). С. 34–36.
- Кара-оол, Ч. А. (2014) Начальные обряды социализации ребенка в традиционной культуре тувинцев XIX — начала XX в. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 123. № 1. С. 204–208.
- Каррутерс, Д. (2002) Неведомая Монголия // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 147–165.

¹ См. напр.: Семейный праздник без вины. Сборник сценариев по итогам Республиканского конкурса сценариев безалкогольных семейных мероприятий в рамках реализации Государственной антиалкогольной программы Республики Тыва. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2017.

Касимова, Д. Г. (2003) Семейная обрядность чепецких татар. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. 300 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 320 с.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт төрөл 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 463 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребенок в тувинской культуре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 79–89.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Родовые съезды тувинцев современности // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год : материалы XIII международной научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Эбель и др. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет. 350 с. С. 334–337.

Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021b) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Ламажаа, Ч. К. (2021c) Тувинские обряды дагылга в XXI веке // Этнографическое обозрение. № 2. С. 125–143. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // Oriental Studies. № 13 (2). С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2021) Женский вопрос в тувиноведении: от этнографии к феминистской антропологии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы : материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН (Кишинев, 30 сентября — 3 октября 2021 г.) : в 2 ч. / отв. ред. Н. Л. Пушкирева ; сост. А. И. Громова, А. В. Жидченко. М. : ИЭА РАН. Ч. 2. 268 с. С. 38–41.

Менхен-Хелфен, О. (2002) Путешествие в Азиатскую Туву // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 203–209.

Ооржак, С. С., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2020) Лексика обрядов по защите жизни детей в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Родевич, В. С. (2002) Очерк Урянхайского края // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / подг. текстов, предисловие и комментарий А. К. Кужугет. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 224 с. С. 134–136.

Саая, С. О. (2015) Об обряде обрезания волос у детей // Актуальные проблемы исследования этноэкологических и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая : материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 20-летию юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва (Кызыл, 26–30 июня 2015 г.) / отв. ред. У. В. Ондар. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 266 с. С. 54–55.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) (1980) / отв. ред. И. С. Гурвич. М. : Наука. 240 с.

Степанов, Ш. (2009) Метаморфозы родства у тувинцев // Этнографическое обозрение. № 4. С. 129–145.

Сундуй, Г. Д. (2009) Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл : Институт развития национальной школы. 168 с.

Шараева, Т. И. (2011) Обряды жизненного цикла калмыков (XIX в. — нач. XX в.). Элиста : Джангар. 223 с.

Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука. 400 с.

Дата поступления: 15.09.2021 г.

REFERENCES

Batoeva, D. B. (2000) *Semantika rodil'noi obriadnosti u buriat [Semantics of birthing rites among Buryats]* : Abstract of the Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 21 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ya. (2004) *Semeino-brachnye otnosheniia u narodov Sibiri: problemy, tendentsii, perspektivy [Family-marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, and prospects]*. Novosibirsk, Nonparel' Publ. 288 p. (In Russ.).

Grumm-Grzhimailo, G. E. (2002) Zapadnaia Mongoliia i Uriankhaiskii krai. Pervyi vypusk [Western Mongolia and the Uriankhai territory]. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)]* / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 224 p. Pp. 108–134. (In Russ.).

Dagylga: tuvinskie obriady osviashcheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century] (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Dash, L. A. (2017) Rol' i mesto zhenshchiny v semeino-bytovykh prazdnikakh tuvinskogo naroda [The role and place of woman in family and household festivities of the Tuvan people]. In: *Nauchnye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific works of Tuvan State University]* : Proceedings of the annual research-to-practice conference of teachers, staff and graduate students of TuvSU dedicated to the Year of Ecology in the Russian Federation and the Year of Youth Initiatives in Tuva / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 344 p. Pp. 157–158. (In Russ.).

Kara-ool, Ch. A. (2013) Obriad pervoi strizhki volos v traditsionnoi kul'ture tyvintsev [The rite of the first haircutting in traditional Tuvan culture]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4–3 (53), pp. 34–36. (In Russ.).

Kara-ool, Ch. A. (2014) Nachal'nye obriady sotsializatsii rebenka v traditsionnoi kul'ture tyvintsev XIX — nachala XX v. [Initial rites of socialization of the child in the traditional culture of the Tuvans of the 19th — early 20th century]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury*, vol. 123, no. 1, pp. 204–208. (In Russ.).

Carruthers, D. (2002) Nevedomaia Mongoliia [Unknown Mongolia]. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka) [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)]* / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 224 p. Pp. 147–165. (In Russ.).

Kasimova, D. G. (2003) *Semeinaia obriadnost' chepetskikh tatar [The family rituals of the Chepetsky Tatars]*. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS. 300 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 319 p. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovoi kartine mira tuvintsev [The concept of törel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok v tuvinskoii kul'ture [A child in the Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 79–89. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) Rodovye s"ezdy tuvintsev sovremennosti [Kinship conventions of contemporary Tuvans]. In: *Polevye issledovaniia na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologii, etnografiia, ustnaia istoriia): 2017 god [Field research in Altai, Irtysh land and Upper Ob territory (archeology, ethnography, oral history): 2017]* : Proceedings of the 13th International research-to-practice conference / ed. by A. V. Ebel' et al. Gorno-Altaysk, Gorno-Altaysk State University Publ. 350 p. Pp. 334–337. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Ocherki sovremennoi tuvinskoii kul'tury [Essays on contemporary Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021c) Tuvinskie obriady dagylga v XXI veke [Tuvan rites dagylga in the 20th century]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 125–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150014811-2>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Svadebnaia obriadnost' tuvintsev: ot ustanovleniia semeinykh sviazei do sotsial'noi prezentatsii [Tuvan wedding rites: From establishment of family ties to social presentation]. *Oriental Studies*, no. 13 (2), pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>

Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2021) Zhenskii vopros v tuvinovedenii: ot etnografii k feministской antropologii [The women's question in Tuvan studies: From ethnography to feminist anthropology]. In: *Zhenskaia istoriia segodnia: istochnikovedenie, istoriografiia, novye metodologicheskie podkhody [Women's history today: Source studies, historiography, new methodological approaches]* : Proceedings of the 14th International scientific conference of the Russian Association of Women's History Researchers and Institute of Ethnology and Anthropology RAS (Kishinev, September 30 — October 3, 2021) : in 2 parts / ed. by N. L. Pushkareva ; comp. by A. I. Gromova and A. V. Zhidchenko. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Part 2. 268 p. Pp. 38–41. (In Russ.).

Mänchen-Helfen, O. (2002) Puteshestvie v Aziatskuiu Tuvu [Travel to Asian Tuva]. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka)* [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)] / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 224 p. Pp. 203-209. (In Russ.).

Oorzhak, S. S. and Bavuu-Surun, M. V. (2020) Leksika obriadov po zashchite zhizni detei v tuvinskom iazyke [The vocabulary of protecting children's lives in Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.8>

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Rodevich, Vs. (2002) Ocherk Uriankhaiskogo kraia [An essay on the Uriankhai region]. In: *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev glazami inostrantsev (konets XIX — nachalo XX veka)* [Traditional culture of Tuvans through the eyes of foreigners (late 19th — early 20th century)] / text prep., preface and commentary by A. K. Kuzhuget. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 224 p. Pp. 134–136. (In Russ.).

Saia, S. O. (2015) Ob obriade obrezaniia volos u detei [On the rite of children's haircutting]. In: *Aktual'nye problemy issledovaniia etnoekologicheskikh i etnokul'turnykh traditsii narodov Saiano-Altai* [Current issues of research on ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of the Sayano-Altai] : Proceedings of the 3rd International research-to-practice conference of young scholars, postgraduates and students dedicated to the 20th anniversary of Tuvan State University, the Year of Folk Traditions in the Republic of Tuva (Kyzyl, June 26–30, 2015) / ed. by U. V. Ondar. Kyzyl, Tuvan State University Publ. 266 p. Pp. 54–55. (In Russ.).

Semeinaia obriadnost' narodov Sibiri (opyt sravnitel'nogo izucheniia) [Family rituals of the peoples of Siberia (An attempt of comparative study)] (1980) / ed. by I. S. Gurvich. Moscow, Nauka Publ. 240 p. (In Russ.).

Stépanoff, Ch. (2009) Metamorfozy rodstva u tuvintsev [Metamorphoses of kinship among Tuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

Sundui, G. D. (2009) *Mir detstva kochevoi Azii: opyt dukhovno-nravstvennogo vospitaniia* [The world of nomadic Asia's childhood: The experience of spiritual and moral education]. Kyzyl, The National School Development Institute. 168 p. (In Russ.).

Sharaeva, T. I. (2011) *Obriady zhiznennogo tsikla kalmykov (XIX v. — nach. XX v.)* [Rituals of the Kalmyks' life cycle (19th century — early 20th century)]. Elista, Dzhangar Publ. 223 p. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2018) *Fol'klor i obriad tuvintsev Kitaia v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of China's Tuvans in the early 21st century: Structure, semantics, pragmatics]. Novosibirsk, Nauka Publ. 400 p. (In Russ.).

Submission date: 15.09.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.7

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

Текстовая модальность как способ ценностного представления Тувы в немецкой публицистике

Людмила В. Комуцци

Севастопольский государственный университет, Российская Федерация,

Ирина В. Карпунина

Белгородский государственный университет, Российская Федерация

Цель данной статьи — характеристика ценностного представления Тувы в публицистических текстах немецкоязычных СМИ с помощью анализа их модальности. Характер разных типов модальности и их соотношения в тексте привлекают серьезное внимание отечественных лингвистов, начиная с 1990-х годов. Особое значение эта проблема приобретает в медиалингвистике, поскольку текстовая модальность является важнейшим и не всегда явным способом выражения ценностной позиции и субъективной оценки журналистом событий и явлений.

Материалом для исследования послужили 30 статей 2012–2021 гг. о республике Тува в цифровых версиях газет и журналов “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Die Welt”, “Explorer”, “Die Tageszeitung”, “Der Spiegel”, “Focus”, “Die Zeit”. Новизна исследования объясняется тем, что языковые средства модальности немецкоязычного текста, особенно публицистического, в России практически не изучены.

В качестве метода и инструмента анализа авторы используют категорию модальной сетки текста и прослеживают с ее помощью формирование аксиологии публикаций о Туве. Результаты анализа показывают, что Тува в новейшем медийном дискурсе Германии представляется не с критических позиций, а как уникальный по своей истории, природе и культуре регион.

Ключевые слова: модальность текста; модальная сетка; публицистический текст; Тува; образ Тувы; немецкие СМИ; Германия; международные отношения

Для цитирования:

Комуцци Л. В., Карпунина И. В. Текстовая модальность как способ ценностного представления Тувы в немецкой публицистике // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 89–100. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.7>

Комуцци Людмила Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета. Адрес: 299053, Россия, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33. Эл. адрес: ltataru@yandex.ru

Карпунина Ирина Владимировна — аспирант кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета. Адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85. Тел.: +7 (4722) 24-54-04. Эл. адрес: petrovairina0@yandex.ru. Научный руководитель — доктор филологических наук, проф. Л. В. Комуцци.

KOMUTSTSI, Lyudmila Vladimirovna, Doctor of Philology, Chair of Translation Studies, Professor, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Postal address: 33 Universitetskaya St., 299053 Sevastopol, Russian Federation. E-mail: ltataru@yandex.ru [ORCID ID: 0000-0002-1412-0201](https://orcid.org/0000-0002-1412-0201)

KARPUNINA, Irina Vladimirovna, Post-graduate Student, Department of English Philology and Intercultural Communication, The National Research University “Belgorod State University”. Postal address: 85 Pobedy St., 308015 Belgorod, Russian Federation. Tel.: +7 (4722) 24-54-04. E-mail: petrovairina0@yandex.ru. Research advisor: L. V. Komutstsi, Doctor of Philology. [ORCID ID: 0000-0002-1772-7623](https://orcid.org/0000-0002-1772-7623)

Text Modality as a Mode of Value-based Representation of Tuva in German Opinion Journalism

Liudmila V. Komutstsi

Sevastopol State University, Russian Federation,

Irina V. Karpunina

Belgorod State University, Russian Federation

The aim of the article is to characterize the value representation of Tuva in opinion texts published in German language media by analyzing their modality. The features of different types of modality and their correlations in the text have attracted a close attention of Russian linguists since the 1990s. This issue is of particular importance in media linguistics because textual modality is the most important but not always explicit way of expressing a value standpoint and a journalist's subjective assessment of events and phenomena.

The study material consists of 30 articles on the Republic of Tuva published in 2012–2021 in digital versions of newspapers and magazines ("Frankfurter Allgemeine Zeitung", "Süddeutsche Zeitung", "Die Welt", "Explorer", "Die Tageszeitung", "Der Spiegel", "Focus" and "Die Zeit"). The research is novel because of the fact that the linguistic means of modality in German language texts, especially in opinion pieces, are poorly studied in Russia.

As a method and tool of analysis the authors use the category of the modal grid of the text. With its help they trace the development of the axiology of publications on Tuva. The results of the analysis show that Tuva is presented in the latest media discourse of Germany not from critical perspectives, but as a region that has a unique history, nature and culture.

Keywords: *modality of the text; modal grid; opinion text; Tuva; image of Tuva; German media; Germany; international relations*

For citation:

Komutstsi L. V. and Karpunina I. V. Tekstovaia modal'nost' kak sposob tsennostnogo predstavleniia Tuvy v nemetskoj publitsistike [Text Modality as a Mode of Value-based Representation of Tuva in German Opinion Journalism]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 89-100. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.7>

Введение

Текстовая модальность является сложной формой кодирования объективных и субъективных суждений о действительности, вымышленной или реальной. Важнейшую роль для ее формирования играют средства выражения аксиологической позиции автора, определяемой его индивидуальными и национально-культурными ценностями. Цель исследования заключается в анализе соотношения разных типов модальности, формирующих аксиологию представления Тувы и тувинцев в СМИ современной Германии. Изучая аксиологическое содержание немецких публицистических статей о России, мы обнаружили, что Сибирь и Тува представлены в них не как объекты политической и идеологической критики, а в другой, этнографической перспективе, окрашенной преимущественно положительными коннотациями.

Актуальность данного исследования заключается в двух аспектах: в описании системы языковых средств модальности немецкоязычного публицистического текста, с другой — в получении новой для медиалингвистики и тувиноведения, лингвистически обоснованной информации об аксиологии представления Тувы в немецких СМИ через модальность как репрезентант ценностной установки автора. Метод исследования основан на лингвистической модели анализа модальной сетки текста как одного из планов точки зрения автора. Дополнительно использован метод контент-анализа тридцати статей, посвященных Туве или упоминающих Туву и тувинцев, опубликованных в период с 2012 по 2021 г. на сайтах газет и журналов "Frankfurter Allgemeine Zeitung", "Süddeutsche Zeitung",

“die Welt”, “Expert”, “Die Tageszeitung”, “Der Spiegel”, “Focus”. Этот корпус текстов (см. таб. 1) собран методом отбора по ключевому слову «Tuva» с дальнейшим переходом на официальные страницы перечисленных изданий.

Таблица 1. Тува и тувинцы в немецкой публицистике (2012–2021).

Table 1. Tuva and Tuvans in German Opinion Journalism (2012–2021).

	Автор	Название статьи	Издание	Дата	Гиперссылка
1	B. von Imhoff	Minus 57 Grad – Mega-Kälte lähmt Russland/ Минус 57 – Мера-Холод парализует Россию	Die Welt	22.12.2012	https://www.welt.de/vermischtes/article112198663/Minus-57-Grad-Mega-Kaelte-laehmt-Russland.html
2	-	Ein so schwerer Hecht könnte nicht schwimmen/ Такая тяжелая щука не поплывет	Die Welt	29.07.2013	https://www.welt.de/politik/ausland/article118485702/Ein-so-schwerer-Hecht-koennte-nicht-schwimmen.html
3	J. Uthoff	Auf dem Broadway von Ruatigorsk/На Бродвей из Пятигорска	Die Tageszeitung	28.09.2013	https://taz.de/!446131/
4	-	Sibiriens «Pharaonen»/ Сибирские «Фараоны»	Focus	13.11.2013	https://www.focus.de/wissen/natur/sibiriens-pharaonen-archaeologie_id_2023850.html
5	-	Wochenendtrip in Sibirien/Выходные в Сибири	Focus	19.11.2013	https://www.focus.de/panorama/welt/wochenendtrip-in-sibirien-russlands-praesident-wladimir-putin-faengt-21-kilo-hecht_id_3021915.html
6	-	Weltmusikerinnen aus Tuva können nicht beim Palais Sommer spielen/ Мировые музыканты из Тувы не смогут выступать на Palais Sommer	Die Welt	07.08.2014	https://www.welt.de/regionales/sachsen/article130989753/Weltmusikerinnen-aus-Tuva-koennen-nicht-beim-Palais-Sommer-spielen.html
7	T. Mauch	Musik/Музыка	Die Tageszeitung	12.03.2015	https://taz.de/!212783/
8	A. Balzer	Vom Brunftschrei in Trance versetzt/ Введен в транс призывным криком	Die Tageszeitung	16.03.2015	https://taz.de/!210787/
9	D. Stolpe	Sibirien ist nur karg und kalt? Von wegen/ Сибирь лишь пустынна и холодна? Как бы не так	Die Welt	24.07.2015	https://www.welt.de/reise/Fern/article144401614/Sibirien-ist-nur-karg-und-kalt-Von-wegen.html
10	I. Naymushin	Im Dunst der Schamanen/В дымке шаманов	Die Zeit	10.01.2016	https://www.zeit.de/entdecken/reisen/2016-01/sibirien-schamane-rituale-fs

11	-	Ein toller Hecht!/ Чудесная щука!	Die Zeit	6.08.2016	https://www.zeit.de/politik/ausland/2017-08/putin-bergsee-russland-fs
12	-	Tserin allein im Wald/ Церин одна в лесу	Spiegel	23.09.2016	https://www.spiegel.de/panorama/russland-kleinkind-ueberlebt-tagelang-in-sibiriens-wildnis-a-1113617.html
13	S. Gollnow	Ich hatte keine Angst/ Мне не было страшно	Focus	24.09.2016	https://www.focus.de/panorama/welt/ich-hatte-keine-angst-ernaehrte-sich-von-schokoriegeln-dreijaehriger-ueberlebt-drei-tage-im-wald_id_5981042.html
14	I. Naymushin	Im Dunst der Schamanen/ В дымке шаманов	Die Zeit	10.01.2016	https://www.zeit.de/entdecken/reisen/2016-01/sibirien-schamane-rituale-fs
15	-	Allein unter Wölfen/ Одна среди волков	Frankfurter Allgemeine	14.03.2017	https://fazarchiv.faz.net/payment/faznet?key=-/gun-8vvc
16	S.Orth	Zehn Tipps für Russland/ 10 советов о России	Spiegel	18.05.2017	https://www.spiegel.de/reise/europa/russland-zehn-insider-tipps-fuer-eine-russland-reise-a-1147827.html
17	M. Zips	Aus Anglersicht ist das völlig uninteressant	Süddeutsche Zeitung	9.08.2017	https://www.sueddeutsche.de/panorama/wladimir-putin-beim-angeln-aus-anglersicht-ist-das-voellig-uninteressant-1.3622514?reduced=true
18	A. Nikolsky	Bilder des Tages/ Картины дня	Süddeutsche Zeitung	27.08.2017	https://www.sueddeutsche.de/leben/momentaufnahmen-im-august-bilder-des-tages-1.3611947
19	N. Kellner	Wanderer zwischen Orient und Okzident/ Странники между Востоком и Западом	Süddeutsche Zeitung	8.11.2017	https://www.sueddeutsche.de/muenchen/erding/stammesfuehrer-und-schamane-wanderer-zwischen-orient-und-okzident-1.3741458
20	-	Kehlgesang/Горловое пение	Die Tageszeitung	18.11.2017	https://taz.de/!5460627/
21	H. Patzinger	Welche Bücher der „deutsche Indiana Jones“ empfiehlt / Какие книги посоветует «немецкий Индиана Джонс»	Die Welt	14.12.2017	https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article171561988/Welche-Buecher-der-deutsche-Indiana-Jones-empfiehlt.html
22	I. Naymushin	Kamele im Schnee/ Верблюды в снегу	Spiegel	19.02.2018	https://www.spiegel.de/fotostrecke/russland-in-der-republik-tuva-in-sibirien-leben-die-nomaden-fotostrecke-158592.html

23	-	Uns stehen alle Türen offen/ Нам открыты все двери	Die Zeit	15.03.2018	https://www.zeit.de/politik/ausland/2018-03/praesidentschaftswahl-russland-waehler-fs
24	K. Nagel	Einblick/ Ознакомление	Die Tageszeitung	12.08.2018	https://taz.de/!5517299/
25	J. Hans	Ein sehr menschlicher Mensch/ Человечный человек	Süddeutsche Zeitung	6.09.2018	https://www.sueddeutsche.de/kultur/russisches-fernsehen-ein-sehr-menschlicher-mensch-1.4119718
26	I. Kaffka	Diejenigen, die bleiben, sind zäh/ Те, кто остается, жесткие	Spiegel	20.04.2019	https://www.spiegel.de/panorama/gesellschaft/nanna-heitmann-menschen-rund-um-den-jenissei-a-1257294.html
27	-	Tuwa – Im Land der Schamanen/ Тува – в стране шаманов	Explorer	15.11.2019	https://explorer-magazin.com/reise/asien/tuwa-im-land-der-schamanen/
28	-	Von Nomaden und Schamanen/ О кочевниках и шаманах	Süddeutsche Zeitung	27.11.2019	https://www.sueddeutsche.de/muenchen/ebersberg/mongolei-in-moosach-von-nomaden-und-schamanen-1.4700827?reduced=true
29	B. Brosowsky	Surrealismus mit Spiegelei/ Сюрреализм с яичницей	Die Tageszeitung	12.2.2020	https://taz.de/!5659698/
30	S. Krüger	Licht an – und die Grenzen sind einfach weg/ Включи свет и границы исчезнут	Die Welt	03.02.2021	https://www.welt.de/reise/Fern/article225443557/Reisen-auf-dem-Globus-Licht-an-und-die-Grenzen-sind-weg.html

Аксиологическое содержание и модальная сетка публицистического текста

Медиадискурс сегодня играет главную роль в определении языковых норм и, соответственно, в формировании и распространении культурных интерпретаций и конструкций. Транслируя и преобразовывая информацию, журналистские тексты создаются с помощью особых приемов, направляющих декодирование получателями смысловых конструкций так, чтобы они встраивались в их собственный горизонт жизненного мира (Porombka, 2007: 197). Для художественно-публицистических жанров журналистики, охарактеризованных А. А. Тertyчным (Тertyчный, 2017), а в немецкой теории журналистики В. фон Ла Рошем (von La Roche, 1976: 59), характерен публицистический функциональный стиль, который используется в сферах политических, экономических, культурных и иных общественных отношений (Жеребило, 2010: 293). Публицистическим текстам в любой исторический период присущи определенные константы: шкала ценностей, оценочность, идеологема, образ автора (Серпикова, 2017: 29–48).

Оценочность отражает оценки, то есть «действия субъекта: приписывание положительных или отрицательных свойств тому или иному объекту, выражение отношения к данному объекту, фиксацию объекта на оценочной шкале и в аксиологическом поле» (Марьянчик, 2011: 101). В зависимости от степени участия автора и по способу выражения, оценка может быть имплицитной, без прямых вербальных показателей, и эксплицитной — однозначной интерпретацией, подтвержденной вербально.

Аксиологическая (ценностная) структура текста эксплицируется различными языковыми средствами, ее динамичность и гибкость обусловлены точкой зрения, ценностными ориентациями самого автора.

Определение понятия «ценность» и выявление ее национальной специфики — задача, которая лежит в сфере культурологии и философии, но ее содержание необходимо понимать и лингвисту, занимающемуся проблемами аксиологии и модальности. То, что индивид определяет как «ценностное», является внутренней определяющей его как осознанного, так и неосознанного поведения (Грибакин, 2002: 367). По содержанию различаются вещные, этические, эстетические и логические ценности, соотносимые содержательно с понятиями добра, прекрасного, истины (Лингвистика и аксиология ..., 2011: 28). Одной из форм репрезентации ценностей в тексте выступают средства аксиологической модальности. Выбор этих средств определяется авторской точкой зрения, которую читательская аудитория без труда определяет благодаря закодированным в них ценностным ориентациям.

Аксиологическая маркированность представляется неотъемлемой частью феномена модальности как транслятора культурных кодов, нравственных приоритетов и ценностных представлений как отдельного индивида, так и социума в целом. Ценность, зафиксированная в сознании носителя языка как аксиологический концепт или ценностный (оценочный) компонент концептуальной единицы, выступает основанием оценки, и сама является объектом оценивания (Марьянчик, 2013: 7).

Под языковой модальностью принято понимать «функционально-семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» (Ляпон, 1998: 303). Модальность текста — линейная категория, формируемая комплексом лексических (оценочные слова), синтаксических (риторические вопросы, инверсия, параллелизм) и грамматических средств (наклонение, модальные глаголы) средств.

Для изучения модальности современного немецкого медиатекста мы используем концепцию модальности Л. В. Комуцци (Татару). Согласно автору, модальность текста представляет собой дискурсивную модель, структура которой отражает динамику авторской точки зрения. Каждый ее сегмент — абзац, предложение или клауза (синтагма) — содержит суждение или мнение о мире, определяемое разными типами модальности и позицией автора — внешней или внутренней. Всего выделяется шесть типов модальности, причем доминирует в тексте один из них: эпистемологическая, эвиденциальная, эмотивная, обуславливающая, гипотетическая и оценочная (аксиологическая) (Татару, 2011: 188).

Эпистемологическая модальность (ЭпМ) выражает отношения «знания/незнания», «уверенность/неуверенность», выводы из наблюдаемых и общеизвестных фактов (там же: 188). Маркерами ее в немецком тексте являются *Indikativ*, *Konjunktiv II* для выражения потенциального, ирреального, неуверенности или желания, глаголы (*können* 'мочь, уметь', *müssen* 'должен', *dürfen* 'можно, иметь разрешение', *mögen* 'любить', *wollen* 'хотеть', *sollen* 'должен', *werden* 'становиться', *brauchen* 'нуждаться'), модальные слова и частицы, выражающие степень уверенности, сомнения. Последние, в свою очередь, Г. Дрессигер дифференцирует в зависимости от окрашенности установки говорящего:

1. Индикаторы уверенности — наиболее яркие маркеры эпистемологической модальности, выражающие отношение к сказанному. Сюда относятся такие слова, как *augenscheinlich* 'явный', *bekanntlich* 'как известно', *keinesfalls* 'ни в коем случае', *selbstverständlich* 'само собой разумеется', *wirklich* 'действительно', *zweifello* 'без сомнения' и т. д.;

2. Индикаторы предположения — *anscheinend* 'очевидно', *möglicherweise* 'быть может', *sicherlich* 'несомненно', *vermutlich* 'предположительно', *vielleicht* 'возможно', *wahrscheinlich* 'вероятно', *wohl* 'пожалуй' и др.;

3. Индикаторы дистанцирования указывают на то, что автор с долей сомнения передает информацию от третьего лица — *angeblich* 'предполагаемый', *vermeintlich* 'мнимый', *vorgeblich* 'мнимый, так называемый' и др.;

4. Индикаторы эмотивности, указывающие на эмоциональное состояние говорящего — *ärgerlicherweise* 'досадным образом', *bedauerlicherweise* 'к сожалению', *glücklicherweise* 'счастливым образом', *hoffentlich* 'с надеждой', *leider* 'к сожалению' и др.

5. Индикаторы оценки — *anständigerweise* 'порядочно, значительн', *besser* 'лучше', *dummerweise* 'глупо', *klugerweise* 'умно', *lieber* 'лучше, скорее', *logischerweise* 'логично', *vergeblich (erweise)* 'напрасно' и др. (Droessiger, 2008: 56–57).

Эвиденциальная модальность (ЭвМ) подразумевает изложение доказательств того или иного факта или суждения. К доказательствам автор может прийти самостоятельно, либо передать их от

третьих лиц. Маркерами выступают глаголы перцептивной деятельности (*hören* ‘слышать’, *sehen* ‘видеть’, *fühlen* ‘чувствовать’, *empfinden* ‘чувствовать, ощущать’ и др.), модальные глаголы, модальные слова, слова отстранения и сомнения, чужая речь.

Эмотивная модальность (ЭМ) не является основной, выступает совместно с другими типами модальности. Основная функция — выражение эмоций автора по отношению к определенной ситуации/событию. Маркерами являются восклицательные предложения (*Was für ein schöner Tag!* ‘Какой прекрасный день!’), эмотивная лексика, глаголы ощущения и чувств (*lieben* ‘любить’, *fühlen* ‘чувствовать’ и др.).

Обуславливающая модальность (ОбМ) связана с понятиями «разрешение», «запрет», «необходимость», «способность», «волеизъявление». Тексты, где превалирует данный тип модальности, связаны с областями законодательства и морали. К маркерам относятся модальные глаголы и волеизъявительная лексика (*wünschen* ‘желать’, *erlauben* ‘разрешать’, *verbieten* ‘запрещать’ и др.).

Гипотетическая модальность (ГМ) выражается понятиями «возможность/невозможность», «желание/нежелание». Маркерами являются конструкции с нереальным условием (*Konjunktiv*) и предположительным следствием, модальные слова, существительные и глаголы со значением «воображения» (*sich vorstellen* ‘представить себе’, *sich einbilden* ‘воображать себе’, *sich ausmalen* ‘представлять себе’ и др.).

Оценочная (аксиологическая) модальность (ОцМ) формируется понятиями «добро/зло», «хорошее/плохое», связанными с ценностями говорящего. Маркерами выступает оценочная лексика (*wunderbar* ‘чудесно’, *eigenartig* ‘своеобразно’ и др.), ключевые слова-символы, выражающие ценностную установку автора и слова-идеологемы (Татару, 2011: 188–190; Татару, 2012: 63).

Следует сказать, что однозначного мнения по вопросу четкого разделения понятий аксиологической и оценочной модальности нет. Для характеристики модальности больше подходит используемый в лингвистике термин «оценочная». Содержательно она является аксиологической, выражающей субъективные суждения о ценностях и связанных с ними лицах, событиях или явлениях как «хороших» или «плохих».

Важно также понимать, что типы модальности взаимодействуют друг с другом, и в цепочке этого взаимодействия сегменты текста периодически окрашиваются оценочно, гипотетически, эмотивно либо обуславливающе, что зачастую представлено в рамках одного и того же предложения.

Чередование сегментов текста, определяемых разными типами модальности, складывается в *модальную сетку текста* — прагматическую категорию, определяемую изначальной установкой автора на характер представления действительности и формирующую стиль, тон и смысл текста. Модальная сетка выполняет важную функцию в восприятии текста — она регулирует «первичное восприятие ритма субъективной модальности и определяет схему ожиданий возможной последовательности оценочных позиций» (Татару, 2011: 190). Типы модальности меняются от сегмента сетки к сегменту, и в сумме они дают оценку фактов как «хороших» / «плохих». Соотношение объективной и субъективной модальностей выражается как соотношение немаркированной модальности изъявительного наклонения и нейтральной лексики (ЭвМ и ЭпМ) и маркированных форм сослагательного наклонения, инверсии, эмотивной, оценочной, образной лексики.

Анализ модальности публицистических текстов о Туве и тувинцах

Рассмотренные СМИ включают и либерально-консервативное направление (“Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Die Welt”, “Süddeutsche Zeitung”, “Focus”), и левое (“Tageszeitung”, “Der Spiegel”). Журнал “Explorer” посвящен исключительно тематике путешествий и новостям из мира техники и не претендует на политическую направленность. Разные политические платформы изданий, степень зависимости их от власти не отразились на аксиологическом ракурсе рассмотренных публикаций, что говорит о явной привлекательности Тувы для немцев.

Рассмотрим, как происходит динамика сегментов модальной сетки в следующем фрагменте статьи “Sibirien ist nur karg und kalt? Von wegen” / «Сибирь лишь пустынна и холодна? Как бы не так» из онлайн-издания “Die Welt”. Автор, Даниэль Стольпе, совершивший путешествие в Туву, разрушает стереотип представления об этом крае как холодном и безжизненном.

Kysyl bedeutet in der Landessprache so viel wie Rot, und die sowjetische Vergangenheit ist im Stadtbild ebenso wenig zu leugnen wie der mongolische Einfluss in der Bevölkerung (1). Es ist eine arme Stadt, belebt von rund 100.000 Menschen, die alle nicht viel besitzen, aber trotzdem einen glücklichen, ja vergnügten Eindruck machen, wenn sie sich an einem der heißen sibirischen Sommertage in dem Springbrunnen auf dem Leninplatz abkühlen können (2). Heiße sibirische Sommertage? Das ist nur ein Fakt, der der Vorstellung im 6000 Kilometer entfernten Deutschland deutlich widerspricht (3). Nicht öd und karg, sondern von einer einzigartigen Natürlichkeit ist dieser Teil Sibiriens, in dem es im Sommer so heiß werden kann wie in Europa allenfalls in Südspanien oder auf einigen griechischen Inseln (4)¹.

Кызыл означает в тувинском Красный, и следы советского прошлого в облике города сложно отрицать, также как и следы монгольского влияния в жителях (1). Это бедный город с населением около 100.000 человек, которых не назовешь состоятельными, но которые производят счастливое, позитивное впечатление, когда они остужаются в летнюю сибирскую жару в фонтане на площади Ленина (2). Жаркое сибирское лето? Это просто факт, противоречащий представлению Германии, расположенной за 6000 километров отсюда (3). Не пустынная и скудная, а уникальная в своей естественности часть Сибири, где лето может быть таким же жарким, как и в Европе, возможно на юге Испании или на некоторых греческих островах (4)².

Чередование типов модальности создает ощутимый ритм, в котором за фактологичностью следуют эмоциональные и оценочные значения: ЭпМ — ЭпМ/ЭМ/ОцМ — ЭпМ/ ЭвМ/ОцМ/ЭМ — ЭпМ/ЭвМ/ОцМ

В первой клаузе ЭпМ выражается глаголами настоящего времени в изъявительном наклонении и индикатором степени уверенности/знания автора (*wenig zu leugnen* ‘сложно отрицать’). В следующем предложении автор описывает свое впечатление от Кызыла, используя оценочные эпитеты (*arm* ‘бедный’, *glücklich* ‘счастливый’) и формируя антитезу этому «знанию» во втором отрывке с помощью контрастной оценочности. Индикатор эмотивной модальности во второй клаузе — частица *Ja* ‘же’, ведь, экспрессивно усиливающая высказывание. Следующая клауза начинается с риторического вопроса, характерного для публицистического стиля и выражающего здесь ОцМ и ЭМ. Риторический вопрос не эксплицирует оценку в чистом виде: намерения автора кроются глубже, чем в повествовательных предложениях. Отрывок содержит и ЭпМ с оттенком уверенности (индикатор — *deutlich* ‘отчетливо, ясно’). В четвертой клаузе мы видим сегмент ОцМ, а именно ряд эпитетов, снова отражающих антитезу — не пустынная и необитаемая Сибирь, а своеобразная естественность местных регионов. В анализируемом предложении ОцМ переплетается с ЭпМ и ЭвМ, представленными в тексте модальным глаголом в изъявительном наклонении (*können* ‘мочь, уметь’) со значением возможности и наречием с оттенком предположения (*allenfalls* ‘в крайнем случае, пожалуй’). В третьей и четвертой клаузе стереотипные представления о Туве опровергаются действительностью.

Тува в представлении далекой Германии, как пишет Даниэль Стольпе, является холодным краем, однако летом там так же жарко, как на юге Испании или в Греции. Природа характеризуется номинативной фразой с эпитетом *einzigartige Natürlichkeit* ‘уникальная естественность’. Ее положительная коннотация подчеркнута благодаря оппозиции с негативной оценочностью эпитетов, описывающих стереотип (*öd, karg* ‘пустынный, скудный’). «Естественность» Тувы, то есть ее первозданная природа и счастье, состоящее для жителей Тувы в простых маленьких радостях, образуют главный аксиологический ориентир и перевешивают негативные представления о крае на шкале авторских ценностей.

Рассмотрим биографический очерк “Wanderer zwischen Orient und Okzident” «Странники между Востоком и Западом» о германисте и писателе Галсане Чинаге (монгольском тувинце) и о его проектах возрождения природы западно-монгольской степи. Журналистка Надин Келлер, включает в данный очерк отрывки интервью с Вильмой Брюггерманн, председателем фонда финансовой поддержки Монголии.

¹ Sibirien ist nur karg und kalt? Von wegen [Электронный ресурс] // Die Welt. 2015, 24.07. URL: <https://www.welt.de/reise/Fern/article144401614/Sibirien-ist-nur-karg-und-kalt-Von-wegen.html?icid=search.product.onsitesearch> (дата обращения: 12.08.2021).

² Здесь и далее перевод с немецкого наш. — И. К.

Tschinags Ziel sind eine Millionen Bäume. 700 000 sind schon gepflanzt (1). “Tuwa-Nomaden würden nie die Natur verunreinigen oder einen lebenden Baum fällen“, erklärt Brüggemann (2). Die Verehrung und Dankbarkeit der Tuwiner gegenüber der Natur sei ihre Spiritualität, das Schamanentum (3). Und das neuste Projekt zeigt: Galsan Tschinag denkt ganz getreu seinen Wurzeln (4).¹

Цель Чинага — (посадить. — И. К.) миллион деревьев. 700 000 уже посажены (1). «Кочевники Тувы никогда бы не загрязнили природу и не срубили бы живое дерево», объясняет Брюггерманн (2). Почтение и благодарность по отношению к природе выражается в их духовности, шаманизме (3). Последний проект показывает, что Галсан Чинаг остается верен своим корням (4).

ЭпМ — ЭвМ/ ЭпМ — ЭпМ/ОцМ/Гм — ЭвМ /ЭпМ/ОцМ

Эпистемологичность первых коротких предложений подкрепляется цитатой из интервью, усиливающей и уточняющей значимость проекта в плане его национально-культурной ориентации. Прямая цитата — это знак эвиденциальности, но в самом высказывании Вильмы Брюггерманн ярко проявлена оценочность — положительная характеристика менталитета и ценностного отношения кочевников Тувы к природе. Уверенность автора в невозможности загрязнения природы кочевниками — тувинцами Монголии (автор статьи называет их *Tuwa-Nomaden*) — выражена временным наречием (*nie* ‘никогда’) (ЭвМ). В третьей клаузе чередуются три вида модальности. Описывая тувинцев, автор использует существительные, означающие отношение тувинцев к природе, с положительной коннотацией: «почет» (*Verehrung*), «благодарность» (*Dankbarkeit*) (ОцМ). Они представлены как следствие духовности и шаманской культуры (ЭпМ, Гм). В последней клаузе при помощи наречия (*ganz* ‘совершенно, полностью’) автор усиливает степень своей уверенности в верности Галсана Чинага национальным корням (ЭпМ), ссылаясь при этом на результаты последнего его проекта (ЭпМ вводится предикатом *zeigen* ‘показывать’ в изъявительном наклонении). Индикатором ОцМ выступает прилагательное (*getreu* ‘верный, преданный’) с положительной коннотацией, входящее в состав адъективного словосочетания, актуализирующего ценности «Верность», «Уважение», «Наследование». Яркая выраженная положительная коннотация выбранных лексических средств говорит о позитивно-оценочном суждении автора.

Восхищение первозданной природой и культурным наследием Тувы характерно и для статьи “Tuwa — Im Land der Schamanen” «Тува — в стране шаманов», подготовленной редакцией журнала “Explorer” (без указания авторства). Статья написана в жанре травелога и повествует о путешествии Уте Фогель и Андреаса Блэзе. Пара совершает путешествия по отдаленным уголкам мира на машине. Они проезжали Туву, когда ездили в Монголию, но интерес к неизведанному привел путешественников в этот край снова.

Und wer kennt schon die autonome Republik Tuwa an der mongolischen Grenze (1)? Sibirien ist in den Köpfen vieler Leute immer noch gleichzusetzen mit Kälte, Taiga, Sümpfen, Mücken, Autodiebstahl, Verbannung, russischer Mafia und einer schwer zu verstehenden Sprache (2). Warum nach Tuwa (3)? Wäre da nicht dieser weiße Fleck im russischen Straßenatlas, dann hätte uns Tuwa wahrscheinlich auch nicht neugierig gemacht (4). Die Region ist als einer der am wenigsten bekannten Landstriche Sibiriens mit Sicherheit einen längeren Abstecher wert (5). Grandiose Landschaften, eine jahrtausendealte Tradition mit kulturhistorischen Schätzen, ein lebendiges Nomadentum und eine Mischung aus Buddhismus und dem überall praktizierten Schamanismus prägen Tuwa (6)².

А кому знакома автономная республика Тува, располагающая на границе с Монголией (1)? Сибирь в головах многих людей все еще отождествляется с холодом, Тайгой, болотами, комарами, автомобильными кражами, ссылками, русской мафией и языком, сложным для восприятия (2). Почему в Туву (3)? Если бы не это белое пятно на атласе автомобильных дорог России, вряд ли бы мы заинтересовались Тувой (4). Этот регион как один из наименее известных районов Сибири однозначно заслуживает более длительного посещения (5). Грандиозные ландшафты, тысячелетняя традиция, культурно-исторические сокровища, сохранившийся кочевой образ жизни и смесь буддизма с повсеместно практикуемым шаманизмом. Все это накладывает особый отпечаток на Туву (6).

ЭпМ/ОцМ/ЭМ — ЭвМ/ОцМ — ЭпМ/ЭМ — ЭвМ/Гм/ЭМ — ЭвМ/ОцМ — ЭвМ/ОцМ/ЭМ

¹ Wanderer zwischen Orient und Okzident [Электронный ресурс] // Süddeutsche Zeitung. 2017, 8.11. URL: <https://www.sueddeutsche.de/muenchen/erding/stammesfuehrer-und-schamane-wanderer-zwischen-orient-und-okzident-1.3741458> (дата обращения: 14.08.2021).

² Tuwa — Im Land der Schamanen [Электронный ресурс] // Explorer. 2019, 15.11. URL: <https://explorer-magazin.com/reise/asien/tuwa-im-land-der-schamanen/> (дата обращения: 15.08.2021).

Первая и третья клаузы представляют собой риторические вопросы, комплексно объединяющие несколько типов модальностей (ЭпМ/ОцМ/ЭМ). Их интенциональный компонент переплетается с рядом эмоциональных и модальных коннотаций (см.: [Стеля, 2006: 70](#)): пробуждение интереса, сомнение. Во второй клаузе дается перечисление стереотипных ассоциаций с Сибирью (холод, тайга, болота, комары — ЭВМ), некоторые из которых обладают выраженной негативной коннотацией (угон автомобилей, ссылка, малопонятный язык) (ОцМ). Незведанность Тувы подогревает интерес к исследованию данного региона, сообщает автор (neugierig ‘любопытный’ — ЭМ). Формы Konjunktiv II (*wäre, hätte*) являются индикаторами ГМ в четвертой клаузе. Маркером ЭВМ с оттенком предположения выступает наречие *wahrscheinlich* (‘вероятно’). Представляя достоинства Тувы, автор выражает уверенность (*mit Sicherheit* ‘с уверенностью’ — ЭВМ), что для Тувы как для наименее известного региона Сибири (*am wenigsten bekannten*) стоит планировать более длительные поездки (*einen längeren Abstecher wert*). Индикатором ОцМ в пятой клаузе выступают сравнительная и превосходная степени прилагательных. В последней клаузе ОцМ и ЭМ проявляются в использовании эпитетов и существительных (*grandiose* ‘грандиозный’, *eine jahrtausendealte Tradition* ‘тысячелетняя традиция’, *kulturhistorische Schätze* ‘культурно-исторические сокровища’).

Еще один травелог с метафоричным названием “Im Dunst der Schamanen” «В дымке шаманов» рассказан Ильей Наймушиным в стиле, соединяющем эпическое повествование с блогowymi записями и фотографиями. Информация о переводчике в статье отсутствует.

An der Grenze zur Mongolei, am südlichen Ende Sibiriens, liegt die russische Republik Tuwa (1). Ihre Bewohner ziehen mit ihren Jurten zwischen Steppe und Gebirge umher (2). Außer der Viehzucht haben sie nicht viel (3). Nur den festen Glauben an die Geister ihres Volks und das Vertrauen in ihren Schamanen (4). Die helfen ihnen nicht nur in Schicksalsfragen, sondern auch gegen Krankheiten (5)¹.

В южной части Сибири, на границе с Монголией, располагается республика Тува (1). Ее жители перемещаются вместе с их юртами от степей к горам (2). Животноводство — это все, что у них есть (3). Лишь твердая вера в духов и доверие своим шаманам (4) помогают этому народу решать судьбоносные вопросы и бороться с болезнями (5).

ЭпМ — ЭпМ — ЭпМ/ОцМ — ЭпМ — ЭпМ

О географическом расположении республики, кочевом образе жизни и верованиях местных жителей автор повествует, используя, в основном, эпистемологическую модальность, но эпический стиль (инверсия) и экзотическая лексика, означающая атрибуты их быта (*Jurten*) придает знанию оценочность. Вера в духов и шаманов (ЭпМ с индикатором оценочности — *fest* ‘твердый, крепкий’) предстает как духовная ценность, помогающая и в практическом решении серьезных жизненных проблем (ЭпМ/ОцМ).

Соотношение типов модальности в текстах рассмотренных статей представлено в диаграмме (*диаграмма 1*).

Анализ динамики модальной сетки на примере рассмотренных тридцати немецких публицистических текстов, посвященных Туве и тувинцам, показывает доминирование в них эпистемологической модальности, то есть фактуальной информации, основанной на знании или неполном знании региона. Частотны оценочная, и эмотивная модальности, которые отражают субъективные суждения авторов о ценностях, разделяемых жителями этого края.

Рассмотрев весь наш корпус по методу модальной сетки, мы показали детально процедуру анализа на ряде фрагментов из нескольких статей, взятых из разных изданий. Анализ всех публикаций позволяет понять, что в них практически отсутствует политическая и социальная проблематика, взгляды авторов фокусируются на климатических, природно-ландшафтных и этнокультурных аспектах, подчеркивающих уникальность, экзотичность, богатство истории и культуры края. Это важный и для нашего исследования, и для тувиноведения факт, говорящий о том, что читательскую аудиторию Германии интересуют именно историко-культурное и географическое разнообразие этого

¹ Im Dunst der Schamanen [Электронный ресурс] // Die Zeit. 2016, 10.01. URL: <https://www.zeit.de/entdecken/reisen/2016-01/sibirien-schamane-rituale-fs/> (дата обращения: 15.08.2021).

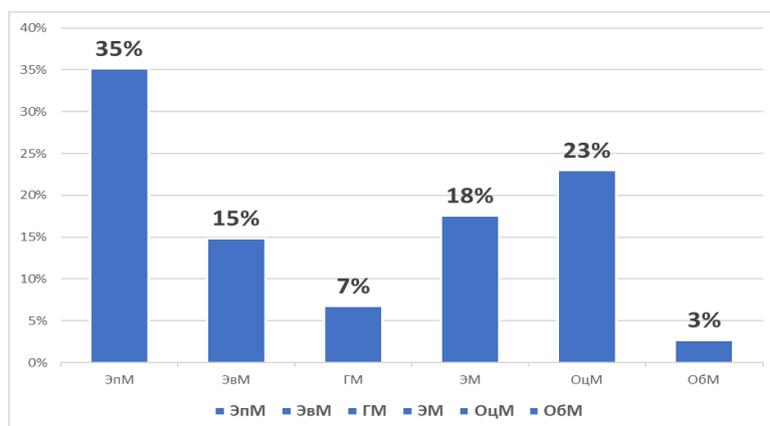

Диаграмма 1. Соотношение типов модальности в 30 статьях немецких СМИ о Туве.
Diagram 1. Proportion of the types of modality in 30 articles on Tuva published in German mass media¹.

региона, далекого и неведомого, а СМИ учитывают этот интерес и искренне, по нашим наблюдениям, восхищаются его уникальным разнообразием и верностью тувинцев духовным и природным ценностям.

Заключение

Мы показали, что в дискурсе немецких СМИ Тува представлена как регион, привлекающий внимание своим уникальным культурно-историческим наследием и природным ландшафтом, которые определяют его ценностное содержание. В фокусе внимания авторов такие ценностные аспекты жизни тувинцев, как «Природа», «Буддизм», «Шаманизм», «Уважение», «Номадизм», «Преемственность традиций». Учитывая достаточно холодный климат политических, экономических и культурных отношений между Россией и Германией в настоящий период, мы могли ожидать обратной, критической установки немецких СМИ на представление реалий жизни в Туве как одном из регионов нашей страны. То, что этого не происходит ни в одном из изданий, меняет наше представление о том, что в немецком медиадискурсе (онлайн газетах и журналах) не должно быть места позитивным материалам о России. Изучение модальности и других его языковых характеристик, соответственно, важно и перспективно не только для медиалингвистики, но и для теории журналистики, культурологии, политологии, социологии и других гуманитарных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грибакин, А. В. (2002) Ценностный мир человека и его судьба (лекция 20) // Двадцать лекций по философии : учеб. пособие / отв. ред. И. Я. Лойфман. 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации. 367 с. С. 367–394.
- Жеребило, Т. В. (2010) Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим». 486 с.
- Ляпон, Н. В. (1998) Модальность // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия. 682 с. С. 303–304.
- Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов (2011) / Е. Ф. Серебренникова и др. М. : Тезаурус. 352 с.
- Марьянчик, В. А. (2011) Оценка как категория текста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 1. С. 100–102.
- Марьянчик, В. А. (2013) Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект : дисс. ... д-ра филол. н. Архангельск. 382 с.

¹ Показатели диаграммы являются результатом статистической обработки 30 текстов. Процентное содержание каждого типа модальности рассчитывалось по формуле $X = \frac{B}{A} * 100\%$: А (X — искомый показатель, В — число употреблений одного типа модальности в текстах, А — число всех случаев использования модальности в них. Общее число клауз в 30 статьях — 753, из них тех, в которых представлена ЭпМ — 264 (В — 35%); ЭвМ — 113 (15%); ГМ — 53 (7%); ЭМ — 136 (18%); ОцМ — 173 (23%); ОбМ — 23 (3%).

- Серпикова, М. Б. (2017) Язык и стиль СМИ : курс лекций. М. : РУТ (МИИТ). 333 с.
- Стеля, С. С. (2006) Просодические средства выражения модальности в риторическом вопросе в немецком языке // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серія. 4. № 3. С. 68–74.
- Татару, Л. В. (2011) Нарратив и культурный контекст. М. : URSS. 287 с.
- Татару, Л. В. (2012) Нарративная модальность американских и российских таблоидных историй // Новый филологический вестник. № 1 (20). С. 56–67.
- Тертычный, А. А. (2017) Жанры периодической печати : учеб. пособие для вузов. 6-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс. 320 с.
- Droessiger, G. (2008) Zu Ausdrucksmitteln der epistemischen Modalität im Deutschen und Litauischen. Untersuchungen zur Gesprächssorte Interview im Rahmen eines kommunikativ-pragmatischen. Modalitätskonzepts. Doktordissertation. Universität Vilnius. 196 S.
- Porombka, S. (2007) Journalistische Formate // Handbuch Literaturwissenschaft, Bd. 2: Methoden. Stuttgart: Metzler. S. 194–198.
- von La Roche, W. (1976) Einführung in den praktischen Journalismus: Mit genauer Beschreibung aller Ausbildungswege: Deutschland, Österreich, Schweiz. München : P. List. 247 S.

Дата поступления: 02.09.2021 г.

REFERENCES

- Gribakin, A. V. (2002) Tsennostnyi mir cheloveka i ego sud'ba (leksiia 20) [The value world of the man and its destiny (Lecture 20)]. In: *Dvadsat' leksii po filosofii [Twenty lectures on philosophy] : A study guide / ed. by I. Ya. Loifman. 2nd ed. Yekaterinburg, Cultural Information Bank. 407 p. Pp. 367–394. (In Russ.)*
- Zherebilo, T. V. (2010) *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Nazran, OOO Pilgrim. 486 p. (In Russ.)*
- Liapon, N. V. (1998) Modal'nost' [Modality]. In: *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics. The great encyclopedic dictionary] / ed. by V. N. Yartsev. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ. 682 p. Pp. 303–304. (In Russ.)*
- Lingvistika i aksiologiya. Ethnosemiometriia tsennostnykh smyslov [Linguistics and axiology. Ethnosemiometry of value meanings] (2011) / E. F. Serebrennikova et al. Moscow, Tezaurus Publ. 352 p. (In Russ.)*
- Maryanchik, V. A. (2011) Otsenka kak kategoriia teksta [Evaluation as a category of text]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, no. 1, pp. 100–102. (In Russ.)*
- Maryanchik, V. A. (2013) *Aksiologicheskaiia struktura media-politicheskogo teksta: lingvostilisticheskii aspekt [Axiological structure of the media and political text: The linguistic and stylistic aspect]: Diss. ... Doctor of Philology. Arkhangel'sk. 382 p. (In Russ.)*
- Serpikova, M. B. (2017) *Iazyk i stil' SMI [Language and style of mass media] : A course of lectures. Moscow, Russian University of Transport (Moscow Institute of Transport Engineers) Publ. 333 p. (In Russ.)*
- Stelia, S. S. (2006) Prosodicheskie sredstva vyrazheniia modal'nosti v ritoricheskom voprose v nemetskom iazyke [Prosodic means of expressing modality in a rhetorical question in the German language]. *Vestnik Belaruskaga dziazhaŭnaga universiteta, seriya 4, no. 3, pp. 68–74. (In Russ.)*
- Tataru, L. V. (2011) *Narrativ i kul'turnyi kontekst [Narrative and cultural context]. Moscow, URSS Publ. 287 p. (In Russ.)*
- Tataru, L. V. (2012) Narrativnaia modal'nost' amerikanskikh i rossiiskikh tabloidnykh istorii [Narrative modality of American and Russian tabloid stories]. *Novyi filologicheskii vestnik, no. 1 (20), pp. 56–67. (In Russ.)*
- Tertychnyi, A. A. (2017) *Zhanry periodicheskoi pechati [Genres of periodicals] : A study guide for HEIs. 6th ed., revised and enlarged. Moscow, Aspekt Press. 320 p. (In Russ.)*
- Droessiger, G. (2008) *Zu Ausdrucksmitteln der epistemischen Modalität im Deutschen und Litauischen. Untersuchungen zur Gesprächssorte Interview im Rahmen eines kommunikativ-pragmatischen. Modalitätskonzepts : Doctoral Diss. Vilnius, Vilnius University. 196 S. (In Germ.)*
- Porombka, S. (2007) Journalistische Formate. In: *Handbuch Literaturwissenschaft. Stuttgart, Metzler. Bd. 2: Methoden. S. 194–198. (In Germ.)*
- von La Roche, W. (1976) *Einführung in den praktischen Journalismus: Mit genauer Beschreibung aller Ausbildungswege: Deutschland, Österreich, Schweiz. München, P. List. 247 S. (In Germ.)*

Submission date: 02.09.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.8

Article

Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration

**Tatiana R. Ryzhikova, Albina A. Dobrinina, Ilya M. Plotnikov,
Elena A. Shestera, Anton S. Shamrin**

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

The article presents preliminary data on the intonation of the Tuvan folklore narration with specific focus to the relation between intonation and text structure. The analysis was carried out on the basis of four Tuvan folklore texts. Three hypothetical intonational correlates of the text structure were examined. First, we consider the difference in tempo of the main parts of the texts, following the idea of three-part structure of folklore texts proposed by V. Propp (beginning, complication and ending). The data obtained show no direct correspondence between the tempo of an utterance and its position in the text, as the tempo of the first and the last utterances and their ratio to the average tempo vary significantly from text to text. Secondly, it is shown that the texts contain a number of metatext markers, which are used quite often and are distinguished by the means of intonation (including changes in tone and intensity and separation by a pause). Thirdly, verbal forms with particle -tyr performing similar functions are examined. In contrast to metatext markers, they are not characterized by any intonational prominence, as the tone and intensity follow the general line of declination marking the end of an utterance. Thus, intonation plays an important role in forming the structure of Tuvan folklore texts, which, however, manifests itself only indirectly, in the way of emphasizing lexical means of structuring the text (metatext markers).

Keywords: intonation; syntax; metatext markers; the Tuvan language; folklore; narrative tradition; Tuvan folklore

Financing:

The work is part of the project of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language" supported by a grant from the Government of the Russian Federation for the promotion of research conducted under the guidance of leading scientists, contract No 075-15-2019-1884.

For citation:

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A. and Shamrin A. S. Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 101-118. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.8>

RYZHIKOVA, Tatiana Raisovna, Candidate of Philology, Senior research fellow, Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayev St., 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (383) 330-53-46. E-mail: tanya12@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6337-725X

DOBRININA, Albina Albertovna, Candidate of Philology, Research fellow, Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayev St., 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (383) 330-53-46. E-mail: ekinur@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5841-4714

PLOTNIKOV, Ilya Mikhailovich, Junior research fellow, Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayev St., 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (383) 330-53-46. E-mail: iliaplotnikov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6416-689X

SHESTERA, Elena Aleksandrovna, Junior research fellow, Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayev St., 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (923) 172-05-78. E-mail: elena-schestera@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8440-136X

SHAMRIN, Anton Sergeyevich, Junior research fellow, Laboratory of Siberian and the Far Eastern Verbal Cultures, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayev St., 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (913) 951-42-20. E-mail: anton_shamrin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5327-3369

Статья

Интонационные универсалии в тувинском фольклорном повествовании

**Татьяна Р. Рыжикова, Альбина А. Добринина, Илья М. Плотников,
Елена А. Шестера, Антон С. Шамрин**

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье представлены предварительные данные по интонации тувинского фольклорного нарратива, причем особое внимание уделяется связи между интонацией и структурой текста. Анализ проводился на основе четырех тувинских фольклорных текстов. Была проверена гипотеза о зависимости интонации от структуры текста. Во-первых, рассматривалось различие темпа в основных частях текстов, в соответствии с трехчастной структурой фольклорных произведений, главным образом сказок, предложенной В. Проппом (начало, развитие и окончание). Полученные данные не показывают прямого соответствия между темпом произнесения и положением высказывания в тексте, поскольку темп первого и последнего высказываний и их отношение к среднему темпу значительно варьируются от текста к тексту. Во-вторых, показано, что в текстах присутствует ряд метатекстовых маркеров, которые используются довольно часто и выделяются средствами интонации (включая изменения тона, интенсивности и разделение паузой). В-третьих, рассматриваются глагольные формы с частицей -тыр, выполняющие аналогичные функции. В отличие от метатекстовых маркеров, они не характеризуются какой-либо интонационной выделенностью, поскольку их тон и интенсивность следуют общей линии деклинации, которая маркирует конец высказывания. Таким образом, интонация играет важную роль в формировании структуры тувинских фольклорных текстов, что, однако, проявляется лишь косвенно, в способе выделения лексических средств организации текста (метатекстовых маркеров).

Ключевые слова: интонация; синтаксис; метатекстовые маркеры; тувинский язык; фольклор; нарративная традиция; тувинский фольклор

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Для цитирования:

Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A., Plotnikov I. M., Shestera E. A. and Shamrin A. S. Intonation structuring of coherent Tuvan folklore narration // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 101-118. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.8>

Рыжикова Татьяна Раисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-53-46. Эл. адрес: tanua12@mail.ru

Добринина Альбина Альбертовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-53-46. Эл. адрес: ekinur@mail.ru

Плотников Илья Михайлович — младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-53-46. Эл. адрес: iliaplotnikov@gmail.com

Шестера Елена Александровна — младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (923) 172-05-78. Эл. адрес: elena-schestera@mail.ru

Шамрин Антон Сергеевич — младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (913) 951-42-20. Эл. адрес: anton_shamrin@mail.ru

Introduction

Tuvan (formerly known as Uriankhai, Soyot) is the language spoken by the aboriginal people of the Republic of Tuva and the South of the Krasnoyarsk Krai, with Tuvan ethnic groups also found in Mongolia and in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China (Bavuu-Surun, 2010: 58). The total number of speakers is estimated at 270,000 people (2015), including about 253,700 people (2010 census) in Russia, about 10,000 in Mongolia, and about 5,000 in China¹. Of the Tuvans living on the territory of Tuva, 98% consider Tuvan as their native language (Bavuu-Surun, 2010: 58).

According to the genealogical classification, Tuvan belongs to the Siberian group of the Turkic family of the Altai language macrofamily (Scherbak, 1994: 39). L. Johanson considers Tuvan to be part of the Northeastern (or Siberian), a southern, South Siberian, subbranch comprising Sayan Turkic, i. e. Tuvan, Tofan, Soyot, Dukhan, Tuhan, etc., and non-Sayan Turkic, i. e. Khakas, Shor, North Altay, Chulym, etc. (Johanson, 1998). There are four dialects of Tuvan: Central (which is considered in this paper), Western, North-Eastern (Todzhinsky) and South-Eastern.

The articulatory-acoustic base (AAB) is a dynamic stereotype formed at an early stage of an ethnic group's existence and providing means of expression in the verbal communication. Changing with the course of the group's development, AAB preserves its constituent (dominant) features as long as the ethnic community keeps its compact residence (Nadelyaev, 1980: 5–6; 1986). The AAB of the Tuvan language was experimentally described on the segmental sublevel (Bicheldey K., 1989, 2001; Dambyra, 2005; Kechil-ool, 2006), with the suprasegmental one remaining completely undescribed. The works of Sh. Sat (Sat, 1983) provide a brief description of Tuvan intonation and accentuation, but these are only general remarks based on auditory perception. For example, Sh. Sat writes that the Tuvan narrative sentence is characterized by a level tone without sharp rises and falls of F₀. The intonation contour of an utterance is rising-falling (ascending-descending).

The monograph by F. Iskhakov and A. Palmbakh (Iskhakov, Palmbakh, 1961), which is fundamental for the Tuvan linguistics, covering both phonetics and grammar, does not mention the prosodic characteristics even in passing. In 2020, at the 11th International Conference of Experimental Linguistics T. Ryzhikova and others (Ryzhikova, Dobrinina, Plotnikov, 2020) presented a small paper addressing the problem of intonation in Tuvan modal (yes/no) questions. The authors did not manage to establish any definite correlation between intonation pattern and modal interrogativity because F₀ can either rise, or remain level, or even fall on special interrogative particle *be* (Ibid.), unlike the Altai language, in which analogous particle *ba* is obligatorily marked with the rising of F₀ (Ryzhikova et al., 2020).

Generally, intonation in Siberian Turkic languages remains poorly investigated. There are some experimental-phonetic descriptions of individual languages, e.g. Yakut (Alekseev, 1982, 1983, 1990, 1992, 1994; Sidorova, 2012), Khakas (Bicheldey K., 2000, 2001; Burnakova, 1981, 1986, 2014), Telengit (Gertsog, 1986, 1988, 1989), Teleut (Shestera, 2014, 2018). Great contribution into the study of the Turkic prosody was made by U. Baitchura (Baitchura, 1959, 1961, 1970, 1971). Kh. Salimov studied the prosody of the literary Tatar (Salimov, 1986, 1999). Recently there have appeared several investigations of Volga Tatar made by foreign phoneticians (Royer, 2017; Royer, Jun, 2018, 2019). There are also prosodic studies of the neighboring languages such as Azerbaijani (Veyselli, 2013; Alieva, 2007, 2012) and Kazakh (Turkbenbaev, 1966; Bazarbaeva, 2008). In-depth research of the Turkish intonation is being carried out by a number of scholars (Levi, 2002; Kawaguchi, Yilmaz, Uras, 2006; Ipek, Jun, 2013; Kühn, 2016).

All the abovementioned works are devoted to the study of colloquial speech in different forms, but to the authors' knowledge, there are only a few intonational studies of a coherent text (see, e. g. Yanko, 1999) and no similar investigations on the material of the Turkic languages (at least in Siberia). It is widely accepted that the area of supersegmental phonetics is understudied in many languages, thus it will still be premature to make any conclusions about typological characteristics of the intonation of the Turkic languages. Taking into account the specific nature of folklore narratives, the purpose of the present paper is to study the role that intonation plays in forming the structure of a text.

¹ Simchit A. K.-M. (2017) Tuvinskiy Yazyk [The Tuvan language]. In: Bol'shaya rossiiskaia entsiklopedia [Big Russian Encyclopaedia] [online] Available at: <https://bigenc.ru/linguistics/text/4218682> (accessed date: 01.09.2021).

Materials and methods

The well-known Siberian folklorist N. A. Alekseev considers the mythology of the Turkic-speaking ethnic groups of Siberia as a set of folklore works reflecting these peoples' awareness of the Universe based on the recognition of its multiplicity, i. e. the existence of interconnected parallel worlds: Upper, Middle, and Lower, as well as the multidimensionality of these worlds: the ability of beings located there to transit from one world to another and impact each other (Alekseev, 1980, 1992).

The myths of the Siberian peoples can be divided into sacred and profane. The first ones were considered to be sacramental secret knowledge shared only by experts and leaders of sacred rites: priests of the cult of the clan or tribe patron deities, shamans — people with the gift of penetrating other worlds and interacting with their inhabitants. Profane myths were known to all members of specific societies, and it is these texts that are mostly available to the collectors.

In the Tuvan language, different words can denote a myth: *dip buder shagda chugaalar* 'stories of the world creation', *erte-burun shagnynng chugaalary* 'stories of ancient times', *eldep chugaalar* 'strange stories', *korgunchug, surtenchig chugaalar* 'scary stories', *khoriglug chugaalar* 'forbidden stories', etc. N. A. Alekseev and his colleagues suggested using one complex word to refer to a myth: *burun-chugaa* 'ancient story'. As the most understandable and capacious, this term meets the main criteria of a myth: it emphasizes the age of the event and the belief in its authenticity, also indicating the narrative nature of the work (Pamiatniki fol'klora ..., 2010: 12).

The second group of the texts includes the stories about significant events in the life of the ethnic group in the past and present, about facts that caused admiration, surprise, or discussion among eyewitnesses. According to the degree of reliability, these stories can be divided into historical tales (*töögü chugaalar*) and legends (*toolchurgu chugaalar*). Historical stories, over time, acquire additional details: being retold many times, they are hyperbolized and pass into the category of legends, the works where real events are supplemented by fiction. Both types of folklore texts will be considered below.

In our work, we have used audio files from the compact disc attached to "Myths, Legends, Historical Stories of Tuvans (2010)", volume 28 in the folklore series "Monuments of the folklore of the Peoples of Siberia and the Far East". Four texts were selected for analysis, with durations of 3.41, 3.38, 9.38, and 4.55 minutes (one myth and three legends). All of them have a written text in Tuvan and its Russian translation. The myth was narrated by a professional storyteller (*toolchu*) and shaman, while the first legend was told by a teacher of the Tuvan language, the second legend was narrated by a Buddhist temple abbot, and the third legend, by a stone carver, with all of them being ethnic Tuvans and native speakers of Tuvan.

The audio files were converted from WMA format into WAV and then segmented into utterances (154 units in total) using the Audacity program, with their boundaries coinciding with the ends of the sentences. For further analysis, segment boundaries and pauses were set manually, using Praat¹ and following the syllable division criteria for the Turkic languages. Four levels of segmentation were implemented: sentence, clause, word, and syllable. The analysis was carried out both manually and automatically at the syllabic level.

Intonational correlates of the text structure

In this work, we follow V. Propp's idea of structural similarity of fairy tales. In his book "Morfologiya volshebnoy skazki" (Morphology of a Fairy Tale) (Propp, 2001), Propp analyzes different types of fairy tales and concludes that the simple structure of any tale consists of three main parts: *zachin* (beginning or exposition), development of the plot (complication) and ending. It goes without saying that there are structures that are much more complicated, but we shall not consider them here as the texts under consideration have quite simple ones. Thus, we have divided the texts under consideration into three typical parts: beginning, complication and ending.

¹ Boersma, P., Weenink, D. (2017). Praat: Doing phonetics by computer (6.0.32) [Computer software]. Retrieved from www.praat.org

Темпо

In accordance with Propp’s classification, our preliminary hypothesis was that generally myths and legends might differ in the intonation of their constituent parts (mainly by the speech tempo). To verify this supposition, a preliminary segmentation of the texts was performed and sentences belonging to the exposition, the complication and the ending were temporally compared. The idea was that the exposition and the ending would be pronounced more slowly than the complication.

The results turned out to be inconclusive. The average syllable length was calculated using the formula

$$T_{\text{mean/syl}} = T_{\text{total}} / N_{\text{syl}}$$

where $T_{\text{mean/syl}}$ is an average pronunciation time of a syllable, T_{total} — the total length of an utterance, and N_{syl} — the number of syllables. The calculation showed that the sentences classified as belonging to the exposition and the ending were in some cases delivered faster than those in the complication, which contradicts our hypothesis. It might be due to the rather short and simple structure of these sentences comprising only one or two predicative clauses. However, Tuvan speech tends to involve lengthy verbal periods, syntactic constructions, abundant adverbial turns, and difficult predication (Pamiatniki fol’klora ... , 2010: 290). This is typical for the middle part of the texts under study, and may have affected the tempo of the complication utterances. The results of the calculations are presented in Table 1.

Table 1. Comparison of the average syllable lengths in different parts of the texts, in seconds.
Табл.1. Средняя длина слога в разных частях текста, в секундах.

Text	First utterance	Second utterance	Average utterance	Second to last utterance	Last utterance
65	0.23	0.17	0.18	0.15	0.16
103	0.29	0.22	0.22	0.21	0.26
105	0.22	0.25	0.20	0.21	0.21
106	0.18	0.24	0.19	0.19	0.13

The exposition is generally faster than the average, but this trend is not distributed evenly across all the utterances: in text 106, the first utterance has an average tempo, while the second is noticeably slower, and in 65 and 103, the second utterance has a noticeable increase in tempo. The ending tempo also varies: it is faster than the average in 65 and 106 and slower in 103 and 105, with noticeable acceleration (106) and deceleration (103) when comparing the last two utterances.

Metatext markers

Outwardly, Siberian peoples’ myths and legends are usually ordinary narratives without colourful, poetic descriptions, but they are characterized by constant verbal signs, including a number of set expressions serving as markers of the parts of a text (Propp, 2001; Kuzmina, 2005). The most typical initial common places in Tuvan are *shag shaanda* ‘once upon a time’, *shiyaan am* ‘so, well’. Typical finalizing expressions are *oon beer* ‘since that time’ and *ynchangash* ‘therefore’, emphasizing the general explanatory function of myths and legends (Pamiatniki fol’klora ... , 2010: 31). As these expressions are associated with specific parts of a text and generally perform the function of organizing its structure, we consider them as a part of metatext — a set of secondary linguistic means used to establish connection between sentences and help the listener to reconstruct the entire text through these connections (Wierzbicka, 1978). Such expressions herein will be referred to as *metatext markers*.

In the texts under consideration, these metatext markers proved to be used quite regularly. The starting construction is usually *shag shaanda* ‘once upon a time’ or *yncharga shaanda* ‘in old times’. There are several examples of thier usage.

(1) *Ynchaarga shaanda Köp-Söök hüreezi Köp-Söök shynaazyng kydyynga turgan üe.*

yncha=ar=ga   shaanda Köp-Söök   hüree=zi   Köp-Söök
do so=PrP=DAT¹   long ago Köp-Söök   monastery =POSS.3SG   Köp-Söök
shyanaa=zy=nyng   kydyy=n=ga   tur=gan   üe
lowland=POSS.3SG=GEN   bank.POSS.3SG=INFIX=DAT   be=PP   time
‘In old times, the Köp-Sook khuree was located on the edge of the Köp-Sook Valley.’

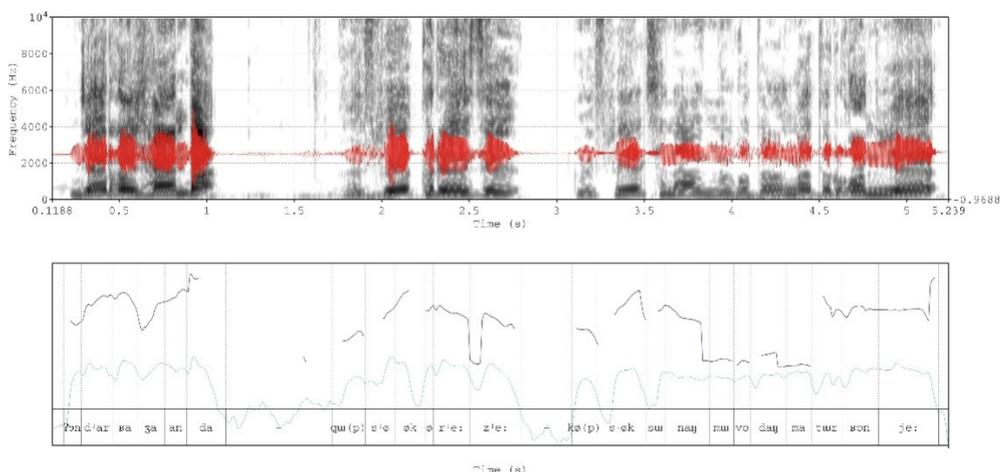

Fig. 1. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *ynchaarga shaanda* ‘in old times’.
 Рис. 1. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ынчаарга шаанда* ‘в старые времена’.

In this example, the metatextual marker is the adverbial modifier *ynchaarga shaanda* ‘in old times’. It occupies a precore periphery position in the sentence and has rising-falling-rising pitch movement. It starts from 11 st², then rises up to 17.5 st, by the end of *ynchaarga* it again falls to 10.6 st, and after that dramatically rises almost to 20 st, implying that it is not the end of the utterance and some further information will follow. Intensity is also rather high here, with two maximum peaks on the last syllables of both words *ynchaarga* and *shaanda*. The metatext marker is also separated by a pause.

(2) *Shag-shaanda am bisting bo Baj-Tajga deviskeeringe myndyg boluushkunnar baza bolup turgan. Oon söölzüredir ol am toolchurgu chugaalar bolgan-dyr am.*

shag-shaanda am   bis=ting bo   Baj-Tajga   deviskeer=i=n=ge
long ago   so   we=GEN this   Baj-Tajga   territory=POSS.3SG=INFIX=DAT
myndyg   boluushkun=nar   baza   bol=up   tur=gan
such   event=PL   also   be=CV   stand=PP
‘Once upon a time in the land of our Bai-Taiga, there were such cases. They later became legends.’

¹ Glosses: = – morpheme separation; 1 – 1st person subject (‘I’, ‘we’); 2 – 2nd person subject (singular ‘you’, plural ‘you’); 3 – 3rd person subject (‘he’, ‘she’, ‘it’, ‘they’)

Combinations of grammatical meanings: ABL – ablative; ACC – accusative; CV – converb on =p; CV2 – converb on =a; DAT – dative; GEN – genitive; IMP – imperative; INFIX – infix; LOC – locative; PERF – perfective; PL – plural; POSS – possessive marker; PP – past participle on =gan; PrP – present participle on =ar; PRTCL – particle; RECIP – reciprocal; SG – singular.

² st – semitones.

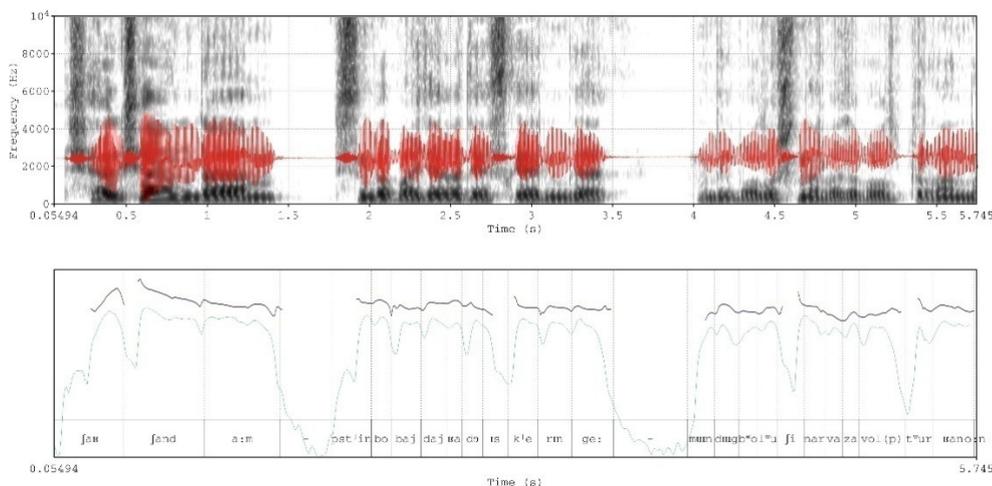

Fig. 2. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *shag shaanda* ‘once upon a time’.
 Рис. 2. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *шаг шаанда* ‘давным-давно’.

The sentence under consideration starts with *shag shaanda* ‘once upon a time’ followed by the word *am* ‘so’. The intonation contour is rising-falling with a level ending. The maximum peaks of intensity are on *shag* and the first syllable of *shaanda*. The introductory phrase is also marked by a pause.

(3) *Hemchik shag-shaanda hereezhen kizhi boop bodaraan.*

Hemchik shag-shaanda hereezhen kizhi boop bodaraan

Hemchik long ago woman person be.CV disseminate.RR

‘[The river] Khemchik was created long ago in the form of a woman.’

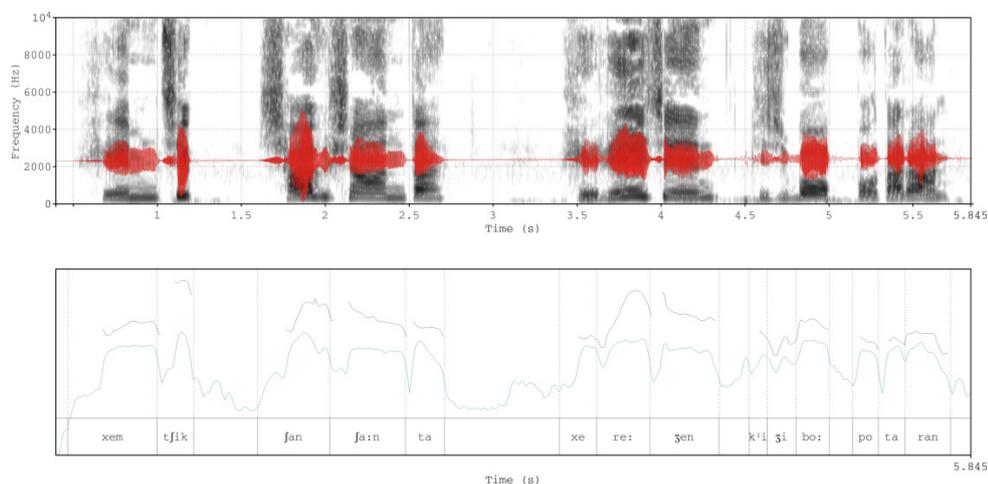

Fig. 3. Intonogram of the utterance with the initial metatext marker *shag shaanda* ‘once upon a time’.
 Рис. 3. Интонограмма высказывания с начальным метатекстовым маркером *шаг шаанда* ‘давным-давно’.

In this example, the metatext marker *shag shaanda* ‘once upon a time’ occupies the position not in the very beginning of the sentence but after the subject *Khemchik* and is separated by pauses before and after it. The F0 movement is rising-falling, with maximum intensity and tone on *shag*, the second peak located on the last syllable of *shaanda*.

In the middle part of the texts, the phrases such as *yncharga* ‘then’, *ynchaldyr* ‘so’, *ynchap turgash* ‘thus’, *oong söölünde* ‘after that’, *oon söölzüredir* ‘afterwards’, *am* ‘when’, *am oon* ‘then’, *ol-la* ‘so’ occur rather often. In addition, one can see phrases such as *birle kitap* ‘once’, *birle khün*, *bir khün* ‘one day’.

(4) *Ynchaarga, dungmazy*: – *Shynap-la, akyj, dilep choruptaalam – deen.*

yncha=ar=ga   dungma=zy   shynap-la   akyj   dile=p
 soto do=PrP=DAT   younger brother=POSS.3SG   indeed-PRTCL   elder brother   ask=CV
 chor=upt=aalam   deen
 go=PERF=IMP2=1Sg   say.PP

‘Then the younger brother continued: – Indeed, my big brother, let’s go and look for [her].’

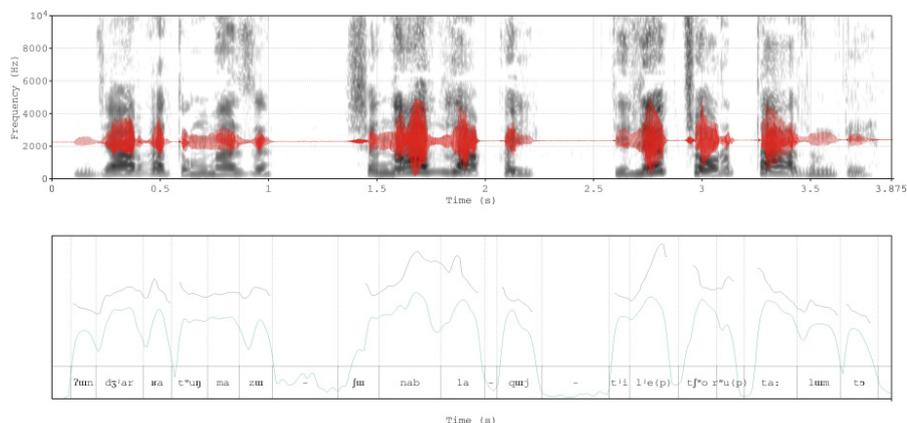

Fig. 4. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *yncharga* ‘then’.
 Рис. 4. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ынчаарга* ‘затем, потом’.

In this example, the adverb *yncharga* ‘then’ plays the role of a metatext marker but is a part of a longer phrase *ynchaarga, dungmazy* ‘then the younger brother [continued]’ and is not separated by a pause though the intonation contour (rising-falling) is similar to the previous examples. Generally, the intensity is higher on *ynchaarga* rather than on *dungmazy*.

(5) *Oong söölünde ol Köp-Söök hüreezinge, mangaa keerge, bisting bo azhyk arazynga bezhen hire ög churttap turar.*
 ‘After that, [when] he came to Kop-Sook khuree, there were about fifty families living there between the open places in the forest.’

Oong söölünde ol Köp-Söök hüreezinge <...>.

oong   sööl=ü=n=de   ol   Köp-Söök
 this.GEN   end=POSS.3SG=INFIX=LOC   that   Kop-Sook
 hüree=zi=n=ge
 monastery=POSS.3SG=INFIX=DAT

‘After that, [when] he came to Kop-Sook khuree <...>.’

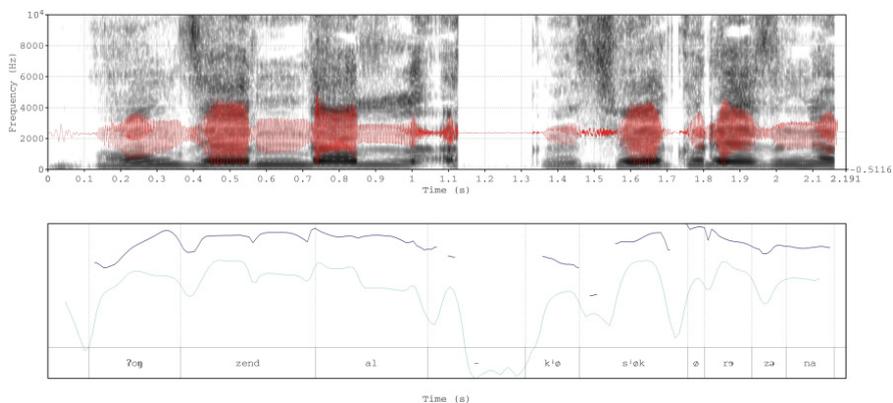

Fig. 5. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *oong söölünde* ‘after that’.
 Рис. 5. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ооң сөөлүндө* ‘после того’.

While pronouncing the metatext marker *oong söölünde* ‘after that’, the speaker included the pronoun *ol* ‘this, that’ into the intonation phrase and separated it from the rest of the utterance by a pause. The tone movement is rising-falling. The intensity peak is on *söölünde*.

(6) *Oong söölünde am Köp-Söök hureezinge dedir chede beerge, anchan kozhuunnung chyzaan bashtaar cherining dargazynga Ezutu dep kizhi turgan. Ol kizhi chaa ovaany tutturup kaan.*

oong	sööl=ü=n=de	am	Köp-Söök
this.GEN	end=POSS.3SG=INFIX=LOC	PRTCL	Köp-Söök
hüree=zi=n=ge	dedir	ched=e	beer=ge
monastery=POSS.3SG=INFIX=DAT	back	reach=CV2	give.PrP=DAT

‘Then, when we returned to Kop-Sook khuree, at that time the monastery was run by a man named Ezutu. This man ordered the construction of a new ova¹.’

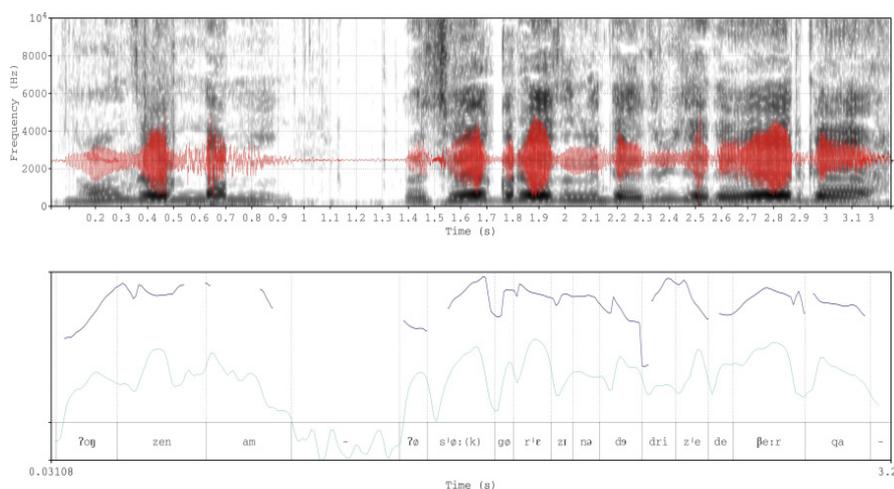

Fig. 6. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *oong söölünde* ‘after that’.
Рис. 6. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ооң сөөлүнде* ‘после того, затем’.

In this sentence, the phrase *oong söölünde* ‘after that’ is also accompanied by the adverb *am* ‘when’ and is separated from the rest of the utterance by a pause. On the first part of the phrase, the tone is rising, while on the last word *am*, it declines. As in the previous example, the maximum intensity is also on the word *söölünde*.

The storytellers usually use both *oon beer* ‘since that time’ and *ynchangash* ‘therefore’ to finish the narration. Shown below are some examples of such utterances.

(7) *Ynchangash ol chadyr bolza ür üening ishtinde turup kelgen.*

ynchangash	ol	chadyr	bolza	ür	üe=ning	ishtinde	tur=up
that is why	that	hut	PRTCL	long	time=GEN	during	stay=CV
kel=gen							
come=PP							

‘Therefore that hut stood for a long time [empty].’

¹ *ova* — old. *ova*, sacrificial mound (a pile of stones on an elevated place, where a religious ceremony was performed in honour of the spirit of the mountain).

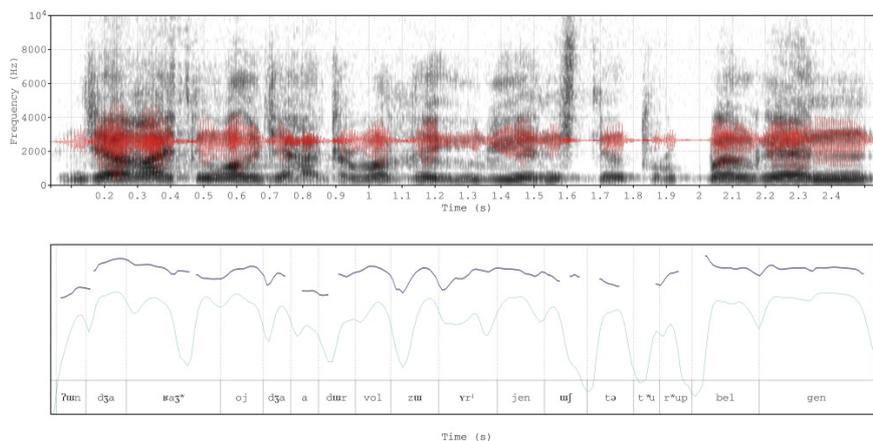

Fig. 7. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *ynchangash* ‘therefore’.
 Рис. 7. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ынчангаш* ‘поэтому’.

The adverb *ynchangash* ‘therefore’ is used in the final part of the text and is not separated by a pause from the rest of the utterance. Nevertheless, the intonation contour resembles the ones discussed above: F0 movement is rising-falling, with maximum intensity on the second syllable.

(8) *Ynchangash eng-ne yrɫa-ar igil-der at=tyng havaa=nyng kezhi=i=n=den bol=ur fell=POSS.3SG=INFIX=ABL be=PrP*

ynchangash eng-ne yrɫa-ar igil-der at=tyng havaa=nyng
 that is why very-PrTCL sing=PrP igil=PL horse=GEN forehead=GEN
kezhi=i=n=den bol=ur
 fell=POSS.3SG=INFIX=ABL be=PrP

‘Therefore, the most singing *igil*¹ [among Tuvans] are covered with the skin from the horse’s head.’

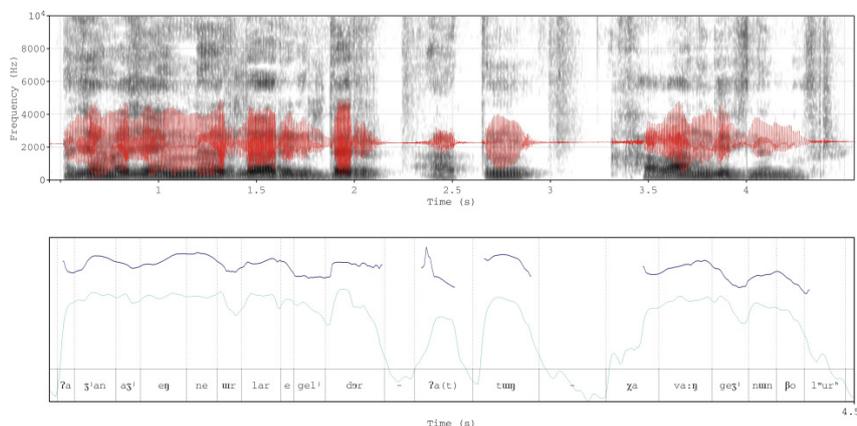

Fig. 8. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *ynchangash* ‘therefore’.
 Рис. 8. Интонограмма тувинского высказывания, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *ынчангаш* ‘следовательно, поэтому’.

In the utterance under consideration, *ynchangash* ‘therefore’ is characterized by the same rising-falling intonation contour as in the examples above, though the rise is not very sharp. The intensity peak is fixed on the second syllable. There is no pause after the metatext marker.

¹ *igil* — bowed musical instrument.

(9) *Oon beer Baj-Tajganyng eezi hereezhen kizhi dep chüveni chon ynchaandyr bilip, chugaalazhy bergen yndyg.*

oon beer	Baj-Tajga=nyng	ee=zi	hereezhen	kizhi	dep
since that time	Baj-Tajga=GEN	host=POSS.3SG	woman	person	so
chüve=ni	chon ynchaandyr	bil=ip	chugaala=zh=y	ber=gen	yndyg
thing=ACC	people thus	know=CV	tell=RECIP=CV2	give=PP	such

‘Since then, people have learned that the owner of Bai Taiga is a woman.’

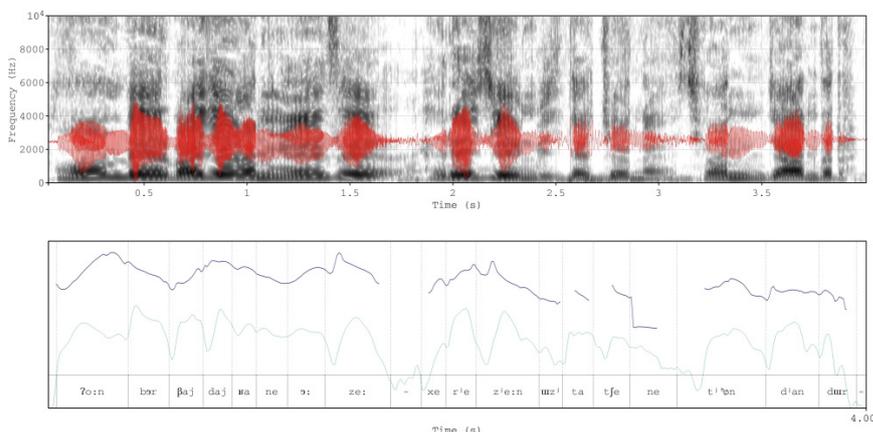

Fig. 9. Intonogram of the Tuvan utterance with the initial metatext marker *oon beer* ‘since that time’.
Рис. 9. Интонограмма тувинской фразы, в начале которой присутствует метатекстовый маркер *оон бээр* ‘с тех пор’.

In this example, the sentence starts with the set expression *oon beer* ‘since that time’, which is not separated by a pause but has the same tone movement as in previous instances: there is a sharp rise (from 10 st up to 17 st) on the word *oon*, which has a long vowel, and thus the whole word is prolonged, followed by a fall (from 17 st to 10 st). Intensity is seen on both constituent words, but its maximum is on *beer*.

To summarize, the metatext markers considered above can be accompanied both by changes in tone and intensity and by a pause. If they occur at the very beginning or in the middle of the text, they are usually separated from the rest of the utterance by a pause, though they are not detached in the final part of the text. The intonation contour of metatext markers is typically rising-falling. If a metatext marker consists of two words, there may be several peaks of intensity on it.

Tuvan predicative constructions with modal particle -tyr

The functions similar to those of the established metatext markers are fulfilled by some of the verbal forms.

As in many other Turkic languages, the normal word order in a Tuvan sentence is SOP (subject + object + predicate), with the predicate being rather complicated. The system of Tuvan verb tenses can be found, for example, in (Oorzhak, 2014). L. Shamina has been studying the complex verbal analytic constructions (Shamina, 2005). Of special interest for our work is the article by A. Bayyr-ool (Bayyr-ool, 2013), in which the author considers the occurrence of the special verbform with the modal particle *-tyr* (with its synharmonic variants *-tir*, *-tur*, *-tür* ‘turns out’) in the folklore texts. The author suggests that in relation to the folklore texts, the form *=p-tyr* does not have a pronounced meaning of direct evidentiality. The speaker narrates the events known to him/her but not directly observed by himself/herself and without emphasizing the source of the information. In the form *=p-tyr*, mirative semantics, i.e., expression of surprise or admiration both natural and artificial (DeLancy, 2001; Torres, 2011; Rett, Murray, 2013; Kozintseva, 2007; Shamina, 2005; Kaksin, 2013; etc.) is more clearly revealed, while the combination *=p-tyr evespe* conveys the meaning of accentuation with a touch of appeal. The identified meaning of *=p-tyr* and *=p-tyr evespe* and frequency of their use are related to the stylistic properties of the fairytale genre and are dictated by pragmatic goals (Bayyr-ool, 2013: 7).

In the Tuvan texts under investigation, predicative constructions with the particle *-tyr* turn out to be frequent. They occur in the complication and ending parts of the texts and often emphasize the connection between the sentence and its previous context, comparable to, for example, *ynchangash* ‘therefore’ and *ynchap turgash* ‘thus’. Presented below are several examples of the sentences with the particle *-tyr*.

Silerning am chylgyngarda Aran-Chula mal bar-dyr. ‘In your herd, it turns out, there is a horse Aran-Chula.’

Melegej chylgychylarga sen chylgy kadartyp algan turar-dyr sen. ‘It turns out that you entrusted the herd to the stupid herdsmen.’

Konchug-la ekibolgan-dyr, changgys kizhee esh bolur esh-öör chedip kelgen-dir... ‘Very well, it turns out, [when] a single person has friends-comrades, it turns out...’

... kadajy amyr-mendi manap olurar boop-tur. ‘... the wife safe and sound is waiting for [him], it turns out.’

Quite often, the set expression with *chüve-dir* ‘it turns out’ is used to express mirativity. In this case, it occurs at the very end of a sentence.

In contrast to the lexical metatext markers, *-tyr* is not characterized by any intonational prominence, as it is usually situated at the end of an utterance, which is typically pronounced with low intensity and falling tone regardless of the presence of the particle.

(10) *Özüp, doruga bergesh, iji hemning ununga iji alyshky chugaalashkan-dyr <...>.*

öz=üp	dorug=a ber=gesh	iji	hem=ning	unun=ga	iji
grow=CV	get stronger=CV AUX=CV	two	river=GEN	riverbed=DAT	two
alyshky	chugaala=sh=kan-dyr				
brothers	talk=REC=PAST-PRTCL				

‘[When they] grew up, got stronger, two brothers met on the banks of two rivers, and talked <...>.’

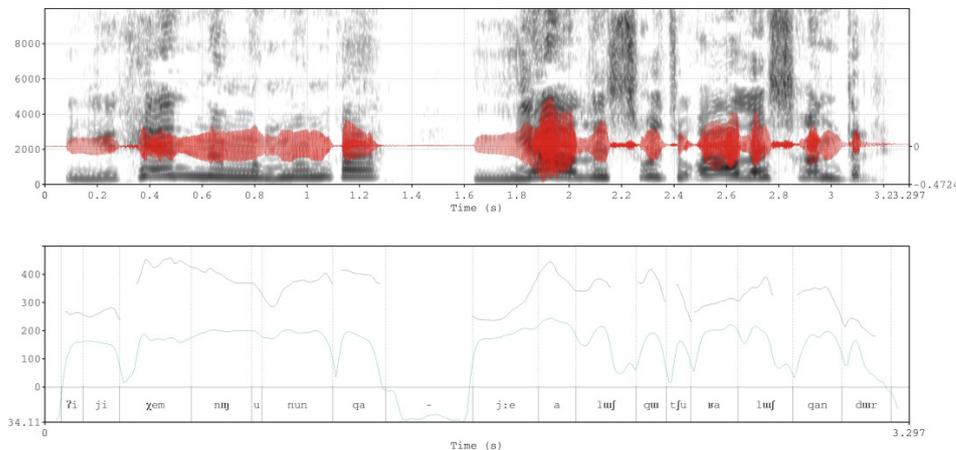

Fig. 10. Intonogram of the Tuvan utterance with the modal particle *-tyr* ‘it turns out’.
Рис. 10. Интонограмма тувинской фразы, в которой присутствует модальная частица *-тыр* ‘оказывается’.

This intonogram shows that the tone and intensity on the modal particle *-tyr* follow the general line of declination marking the end of the utterance.

Conclusions

The four Tuvan folklore texts analysed in this paper adhere to the common three-part structure of folklore texts described by V. Propp. As the comparison of the tempo in different parts of the texts has shown, the intonational properties of these parts vary from text to text.

There is a number of set expressions serving as metatext markers uniting the utterances into a coherent text and structuring it to show the sequence of events. The beginning commonly involves the expressions *shag shaanda* ‘once upon a time’ or *yncharga shaanda* ‘in old times’. In the complication part, the number of

set expressions is greater: *yncharga* ‘then’, *ynchaldyr* ‘so’, *ynchap turgash* ‘thus’, *oong söölünde* ‘after that’, *oon söölzüredir* ‘afterwards’, *am* ‘when’, *am oon* ‘then’, *ol-la* ‘so’, with phrases such as *birle kitap* ‘once’, *birle khün*, *bir khün* ‘one day’ being not so often utilized. To end the narration, the storytellers usually use *oon beer* ‘since that time’ and *ynchangash* ‘therefore’. As our study has shown, these expressions are marked intonationally both by changes in tone and intensity. In addition, a pause can separate the markers if they occur in the very beginning or in the middle of the text, but they are not detached when located in the final part of the text.

As the Tuvan language is regarded as quite complex from the grammatical point of view owing to a complicated predicative system, there are also verbal forms performing functions similar to those of metatext markers. One of the peculiarities of the Tuvan folklore sentences is the use of the special particle *-tyr* ‘it turns out’ to denote mirativity: the speaker might not be a direct observer of the event he or she is telling about, and rather may retell something which is commonly thought to have happened. Contrary to metatext markers, such forms do not appear to be distinguished by means of intonation.

Thus, our data proves that intonation plays an important role in forming the structure of Tuvan folklore texts. This role, however, manifests itself only indirectly, in the way of emphasizing lexical means of marking the progression of the text. The grammatical means are, on the contrary, not accompanied by any specific intonational marking. As these results were obtained on the material of folklore texts and with the specific purpose of describing the usage of intonation on the level of text, they do not characterize the Tuvan intonation system as a whole but rather are meant to be seen as an insight into one of the unique functions that intonation performs. Thus, this investigation can serve as a basis for further comprehensive studies of the Tuvan intonation system, as well as for describing the methods of structuring coherent texts in other Turkic languages.

Acknowledgements

We would like to thank Dr. A. Bayyr-ool for her precious help in understanding the structure of the Tuvan sentences, for her accurate translation and glossary, and for providing information on Tuvan grammar in general.

REFERENCES

- Alekseev, I. E. (1982) *Voprositel'noe predlozhenie v yakutskom yazyke [The interrogative sentence in the Yakut language]*. Yakutsk, Kn. izd-vo. 172 p. (In Russ.)
- Alekseev, I. E. (1983) *Voprositel'noe predlozhenie v yakutskom yazyke (semantiko-intonatsionnoe issledovanie) [The interrogative sentence in the Yakut language: a study of semantic and intonation]* : Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Alma-Ata. 16 p. (In Russ.)
- Alekseev, I. E. (1990) *Kommunikativno-intonatsionnaya priroda pobuzhdeniya v yakutskom yazyke [The communicative-intonational nature of motivation in the Yakut language]*. In: *Tyurkskaya fonetika 90 [Turkic Phonetics-90]*: I All-Union Conference November 26–28, Alma-Ata: abstracts Collection of articles. Editorial board: Abuov G., Bazarbayeva Z., Yunisbekov A., Muratov A., Uvaliev N., Shullenbayeva U. Alma-Ata, Creative production Association “GRIFFIN”. 156 p. P. 9. (In Russ.)
- Alekseev, I. E. (1992) *Pobuditel'naya fraza v yakutskom yazyke (strukturno-kommunikativnyj aspekt) [The imperative phrase in the Yakut language (structural and communicative aspect)]*. Novosibirsk, Nauka. 126 p. (In Russ.)
- Alekseev, I. E. (1994) *Tipologiya strukturno-kommunikativnykh i intonatsionnykh sistem vyskazyvaniya v yakutskom yazyke [Typology of structural-communicative and intonation systems of utterance in the Yakut language]*. Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. Almaty. 58 p. (In Russ.)
- Alekseev, N. A. (1980) *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. 318 p. (In Russ.)
- Alekseev, N. A. (1992) *Traditsionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka. 241 p. (In Russ.)
- Alieva, N. M. (2007) *Eshchyo raz ob intonatsionno-grammaticheskom analize prostykh povestvovatel'nykh predlozhenij v sovremennom anglijskom i azerbajdzhanskom yazykakh. Eksperimental'nye rezul'taty [More on the results of intonation analysis of simple narrative sentences in modern English and Azerbaijani languages: Experimental analysis]*. *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*, no. 3 (16), pp. 126–132. (In Russ.)
- Alieva, N. M. (2012) *O nekotorykh rezul'tatakh intonatsionnogo analiza prostykh povestvovatel'nykh predlozheniiv sovremennom anglijskom i azerbajdzhanskom yazykakh (Rezul'taty eksperimental'nogo analiza) [On some results*

of intonation analysis of simple narrative sentences in modern English and Azerbaijani languages: Experimental analysis]). *Bulletin KazNU. Filology series*, no. 4 (138), pp. 85–88. (In Russ.)

Bavuu-Surun, M. (2010) Tuvinskiy yazyk na sovremennom etape: obrazovatel'nyy aspekt [The contemporary Tuvan language : the educational aspect]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 57–71. (In Russ.)

Bazarbaeva, Z. M. (2008) *Kazakhskaya intonatsiya* [Kazakh intonation]. Almaty, Dajk-Press. 284 p. (In Russ.)

Baitchura, U. (1959) Kharakter udareniya v misharsko-tatarskom dialekte [The nature of stress in the Mishar-Tatar dialect]. *Voprosy yazykoznaniya*, no. 2, pp. 113–116. (In Russ.)

Baitchura, U. (1961) *Zvukovoy stroj tatarskogo yazyka v svyazi s drugimi tyurkskimi i finno-ugorskimi yazykami* [The sound structure of the Tatar language in connection with other Turkic and Finno-Ugric languages]. In 2 parts. Kazan, Kazan University Publ. Part 2. 392 p. (In Russ.)

Baitchura, U. (1970) Instrumental'no-foneticheskie dannye otnositel'no intonatsii i slovesnogo udareniia v tyurkskikh yazykakh [Instrumental and phonetic data on intonation and word stress in the Turkic languages]. *Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences*. Prague, Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences. 1128 p. Pp. 147–167. (In Russ.)

Baitchura, U. (1971) Nekotorye eksperimental'nye dannye o melodike rechi i slovesnom udarenii v uigurskom yazyke [Some experimental data on the melody of speech and word stress in the Uyghur language]. In: *Struktura i istoriya tyurkskikh yazykov* [Structure and history of the Turkic languages]. Ed. by E. V. Sevortyan. Moscow, Nauka. 306 p. Pp. 42–62. (In Russ.)

Bayyr-ool, A. V. (2013) Semantika form =p=tyr i =p=tyr evespe v fol'klornykh tekstakh tuvinskogo yazyka [Semantics of forms =p=tyr and =p=tyr evespe in Tuvann folklore texts]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*, no. 2(25), pp. 4–7. (In Russ.)

Bicheldey, K. A. (1989) *Glasnye tuvinskogo yazyka v potoke rechi* [Vowels of the Tuvan language in the flow of speech]. Kyzyl, s. n. 92 p. (In Russ.)

Bicheldey, K. A. (2001) *Faringalizatsiya v tuvinskom yazyke* [Pharyngealization in the Tuvan language]. Moscow, RUDN. 289 p. (In Russ.)

Bicheldey, K. N. (2000) *Ritmomelodemy prostykh nerasprostranennykh predlozhenii khakasskogo yazyka: Povestvovanie. Vopros. Pobuzhdenie* [Rhythmomelodems of simple sentences in the Khakass language: Statement. Question. Imperative]. Moscow, RUDN. 116 p. (In Russ.)

Bicheldey, K. N. (2001) *Leksiko-grammaticheskie i ritmomelodicheskie sredstva vyrazheniya voprositel'nosti v khakasskom yazyke* [Lexico-grammatical and rhythmomelodic means of expressing interrogativity in the Khakass language]. Moscow, RUDN. 281 p. (In Russ.)

Burnakova, K. N. (1981) *Ritmomelodemy khakasskikh prostykh nerasprostranennykh predlozhenii* [Rhythmomelodems of Khakass simple nonproliferated sentences]: Diss. ... Candidate of Philology. Alma-Ata. 185 p. (In Russ.)

Burnakova, K. N. (1986) Osobennosti i itogi issledovaniia ritmomelodiki khakasskogo iazyka [Features and results of the study of the rhythmomelodics of the Khakass language]. In: *Fonetika iazykov Sibiri i sopredel'nykh regionov* [Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions] / ed. by V. M. Nadeliaev. Novosibirsk, Nauka. 182 p. Pp. 128–131. (In Russ.)

Burnakova, K. N. (2014) O ritmomelodicheskom issledovanii konstruktivnykh voprositel'no-pobuditel'nykh predlozhenii (na materiale khakasskogo iazyka) [On the rhythmomelodic study of constructions of interrogative-motivational sentences (based on the material of the Khakass language)]. *Rossiiskaia tiurkologiya*, no. 1(10), pp. 13–22. (In Russ.)

Wierzbicka, A. (1978) Metatekst v tekste [Metatext in a text]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue 8. Lingvistika teksta [Text linguistics]. Moscow, Progress. 479 p. Pp. 402–421. (In Russ.)

Veisiali, F. Ya. (2013) *Foneticheskiy stroj sovremennogo azerbaidzhanskogo iazyka* [Phonetic structure of the modern Azerbaijani language]. Baku, Mutardzhim. 144 p. (In Russ.)

Gertsog, O. F. (1986) Ritmomelodika sobstvenno-povestvovatel'nykh predlozhenij telengitskogo dialekta altajskogo yazyka [Rhythmomelodics of declarative sentences in the Telengit dialect of the Altai language]. In: *Foneticheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in Siberian languages]. Ed. by E. I. Ubryatova. Novosibirsk, Berdskaya tipografiya. 188 p. Pp. 125–143. (In Russ.)

Gertsog, O. F. (1988) *Ritmomelodika prostogo predlozheniya telengitskogo dialekta altajskogo yazyka (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie)* [Rhythmomelodics of a simple sentence in the Telengit dialect of the Altai language: a study in experimental phonetics]: Abstract of Dis. ... Candidate of Philology. Alma-Ata. 19 p. (In Russ.)

Gertsog, O. F. (1989) Ritmomelodika nekotorykh kommunikativnykh vidov voprosov v telengitskom dialekte altaiskogo yazyka [Rhythmomelodics of some communicative types of questions in the Telengit dialect of the Altai language]. In: *Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov* [Sound systems of Siberian languages]. Ed. by E. I. Ubryatova and I. Ya. Selyutina. Novosibirsk, Tipografiya GPNTB SO AN SSSR. 142 p. Pp. 98–108 (In Russ.)

Dambyra, I. D. (2005) *Vokalizm kaa-khemskogo govora v sopostavlenii s drugimi govorami i dialektami tuvinskogo yazyka: Monografiya* [Vocalism of the Kaa-Khem subdialect in comparison with other subdialects and dialects of the Tuvan language]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 224 p. (In Russ.)

Iskhakov, F. G. and Pal'mbakh, A. A. (1961) *Grammatika tuvinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Tuvan language. Phonetics and morphology]. Moscow, Vostochnaia literature. 470 p. (In Russ.)

Kaksin, A. D. (2013) Rerezentatsia evidentsial'nosti i mirativnosti v khakasskom yazyke: sposoby i sredstva [Representing evidentiality and mirativity in the Khakass language: ways and means]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniia*, no. 3 (40), pp. 246–249. (In Russ.)

Kechil-ool, S. V. (2006) *Tipologicheskaya spetsifika konsonantizma sutkhol'skogo govora v sisteme govorov i dialektov tuvinskogo yazyka: Monografiya* [Typological specificity of the consonantism of Syut-Khol subdialect in the system of subdialects and dialects of the Tuvan Language: A monograph]. Novosibirsk, Sova. 362 p. (In Russ.)

Kozintseva, N. A. (2007) Tipologiya kategorii zasvidetel'stvovannosti [The typology of the category of evidentiality]. In: *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreevny Kozintseyov* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia. Collected papers in the memory of N. A. Kozintseva]. Khrakovskiy V. (Ed.). St. Petersburg, Nauka. 634 p. Pp. 13–36. (In Russ.)

Kuzmina, E. N. (2005) *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperimental'noye izd.* [An index of common places of heroic epic songs of the peoples of Siberia: the Altaians, the Buryats, the Tuvans, the Khakas, the Shors, the Yakuts; An experimental edition]. Novosibirsk, SB RAS Publ. 1383 p. (In Russ.)

Nadelyaev, V. M. (1980) Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [An articulatory classification of the vowels]. In: *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam* [Phonetic studies in Siberian languages]. Ed. by V. M. Nadelyaev. Novosibirsk, Tipografiya GPNTB SO AN SSSR. 164 p. Pp. 3–91. (In Russ.)

Nadelyaev, V. M. (1986) K tipologii artikulyatsionno-akusticheskikh baz (AAB) [On the typology of articulatory-acoustic bases (AAB)]. In *Foneticheskie struktury v sibirskikh yazykakh* [Phonetic structures in the Siberian languages]. Ed. by E. I. Ubryatova. Novosibirsk, Berdskaya tipographia. 188 p. Pp. 3–15. (In Russ.)

Oorzhak, B. Ch. (2014) *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka* [The system of tenses in the Tuvan language]. Moscow, LRC Publishing House. 184 p. (In Russ.)

Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Mify, legendy, predaniia tuvintsev [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East. Myths, legends, legends of the Tuvans] (2010) / comp. by A. N. Alekseev et al. Novosibirsk, Nauka. 372 p. (In Russ.)

Propp, V. Ya. (2001) *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow, Labyrinth. 192 p. (In Russ.)

Ryzhikova, T., Dobrinina, A., Plotnikov, I., Shestera, E. and Shamrin, A. (2020) Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klora altay-kizhi) [Intonation of modal interrogative utterances in the Altai language; the case of the Altai-Kizhi folklore]. *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 149–165. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/71/13>

Salimov, H. H. (1986) Tatarskoe slovesnoe udarenie i kachestvennye izmeneniya glasnykh [Tatar word stress and qualitative changes of vowels]. In: *Vopros struktury tatarskogo yazyka* [The question of the structure of the Tatar language]. Ed. by M. Z. Zakiev. Kazan, Kazan State Pedagogical Institute. 174 p. Pp. 65–71 (In Russ.)

Salimov, H. H. (1999) *Prosodicheskaya sistema tatarskogo yazyka* [Prosodic system of the Tatar language]. Diss. ... Doctor of Philology. Elabuga, 366 p. (In Russ.)

Sat, Sh. (1983) *Amgy tyva literaturlug dyl* [Modern Tuvan literary language]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 141 p. (In Tuvan).

Sidorova, A. A. (2012) Intonatsionnaya realizatsia obrashchenii v yakutskoi rechi [Intonational implementation of address in the Yakut speech]. *Vestnik of NEFU*, vol. 9, no. 4, pp. 97–102. (In Russ.)

Turkbenbaev, N. U. (1966) *Intonatsia prostykh voprositel'nykh predlozhenii v kazakhskom yazyke* [Intonation of simple interrogative sentences in the Kazakh language]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Alma-Ata. (In Russ.)

Shamina, L. A. (2005) Sredstva vyrazheniya evidentsial'nosti i mirativnosti v tuvinskom yazyke [Means of expressing evidentiality and mirativity in the Tuvan language]. In: *Puti formirovaniya yazykovogo landshafta Sibiri* [Ways of formation of the linguistic landscape of Siberia]. Ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, Nika. 198 p. Pp. 146–158. (In Russ.)

Shestera, E. A. (2014) Teleutskii yazyk: intonatsiya povestvovatel'nykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [Teleut language: intonation of declarative and interrogative utterances]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 2, pp. 61–76. (In Russ.)

Shestera, E. A. (2018) Teleutskaya, khakasskaya i russkaya intonatsionnye sistemy: sravnitel'no-sopostavitel'nyi analiz [Teleut, Khakas and Russian intonation systems: comparative analysis]. *Siberian Philological Journal*, no. 2, pp. 251–263. (In Russ.)

Scherbak, A. (1994) *Vvedenie v sravnitel'noye izuchenie tyurkskikh yazykov* [An introduction into a comparative study of the Turkic languages]. St. Petersburg, Nauka, Sankt-Peterburg. izd. firma. 191 p. (In Russ.)

Yanko, T. E. (1999) O ponyatiyakh kommunikativnoy struktury i kommunikativnoy strategii (na materiale russkogo yazyka) [On the notions of the communicative structure and communicative strategy: the case of Russian language]. *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 4, pp. 28–55. (In Russ.)

- DeLancey, S. (2001) The mirativity and evidentiality. *Journal of Pragmatics*, no. 33 (3), pp. 369–382. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80001-1)
- Ipek, C. and Jun, S.-A. (2013) Towards a model of intonational phonology of Turkish: Neutral intonation. *The Journal of the Acoustical Society of America*, no. 133, pp. 3573. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.4806553>
- Johanson, L. (1998) The History of Turkic. In: Lars Johanson & Éva ÁgnesCsató (Eds.). *The Turkic Languages*. London; New York, Routledge. 474 p. P. 81–125.
- Kawaguchi, Y., Yilmaz, S. and Uras, A. (2006) *Intonation Patterns of Turkish Interrogatives in Prosody and Syntax*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Co. P. O. 349 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/ubli.3.19kaw>
- Kühn, J. (2016) *Functionally-driven language change: Prosodic focus and sentence type marking in German-Turkish bilingual yes/no questions*. Thesis ... Doctor of Philosophy. Germany, Univ. of Potsdam. 369 p.
- Levi, S. (2002) *Intonation in Turkish: the realization of noun compounds and genitive possessive NPs*. Ms. University of Washington.
- Rett, J. and Murray, S. (2013) A semantic account of mirative evidentials. *Semantics and Linguistic Theory*, no. 23, pp. 453–472.
- Royer, A. J. (2017) Towards a model of Tatar intonational phonology. *The Journal of the Acoustical Society of America*, no. 142(4), pp. 2519–2519. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.5014202>
- Royer, A. and Jun, S.-A. (2018) A Preliminary Model of Tatar Intonational Phonology. In: *Proc. 9th International Conference on Speech Prosody*. Poznan. 3801 p. Pp. 769–773.
- Royer, A. J. and Jun, S. (2019) Prominence marking in Kazan Tatar declaratives. In: *Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences, Melbourne, Australia 2019*. Ed. by S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain and P. Warren. Australasian Speech Science and Technology Association Inc Melbourne, Canberra, Australia. 12000 p. P. 2995–2599.
- Ryzhikova, T., Dobrinina, A. and Plotnikov, I. (2020) Preliminaries to the Tuvan interrogative intonation. In: *Proceedings ExLing 2020: 11th International Conference of Experimental Linguistics, 12–14 October, Athens, Greece*. Ed. by A. Botinis. Greece, Athens. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2020/11>
- Torres, T. B. (2011) Mirativity as tense/aspect displacement. In: *Proceedings of NELS 42*. Editors: Stefan Keine & Shayne Loggett. Toronto, CreateSpace Independent Publishing Platform. 354 p. Pp. 231–244.

Submission date: 31.08.2021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев, И. Е. (1982) *Вопросительное предложение в якутском языке*. Якутск : Книжное издательство. 172 с.
- Алексеев, И. Е. (1983) *Вопросительное предложение в якутском языке (семантико-интонационное исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата*. 16 с.
- Алексеев, И. Е. (1990) Коммуникативно-интонационная природа побуждения в якутском языке // Тюркская фонетика–90: I Всесоюзная конференция 26–28 ноября г. Алма-Ата: тезисы докладов / редакционная коллегия: Абуов Ж., Базарбаева З., Джунисбеков А., Муратов А., Увалиев Н., Шуленбаева У. Ленинград : Творческо-производственное объединение «ГРИФОН». 156 с. С. 9.
- Алексеев, И. Е. (1992) *Побудительная фраза в якутском языке (структурно-коммуникативный аспект)*. Новосибирск : Наука. 126 с.
- Алексеев, И. Е. (1994) *Типология структурно-коммуникативных и интонационных систем высказывания в якутском языке : автореф. дисс. ... д. филол. н. Алматы*. 58 с.
- Алексеев, Н. А. (1980) *Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири*. Новосибирск : Наука. 318 с.
- Алексеев, Н. А. (1992) *Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири*. Новосибирск : Наука. 241 с.
- Алиева, Н. М. (2007) Ещё раз об интонационно-грамматическом анализе простых повествовательных предложений в современном английском и азербайджанском языках. Экспериментальные результаты // *Современные гуманитарные исследования*. № 3 (16). С. 126–132.
- Алиева, Н. М. (2012) О некоторых результатах интонационного анализа простых повествовательных предложений в современном английском и азербайджанском языках (Результаты экспериментального анализа) // *Вестник КазНУ. Филология*. № 4 (138). С. 85–88.
- Бавуу-Сюрюн, М. (2010) Тувинский язык на современном этапе: образовательный аспект // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 57–71.
- Базарбаева, З. М. (2008) *Хакасская интонация*. Алматы : Дайк-Пресс. 284 с.
- Байчура, У. (1959) Характер ударения в мишарско-татарском диалекте // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 113–116.

- Байчура, У. (1961) Звуковой строй татарского языка в связи с другими тюркскими и финно-угорскими языками: в 2 ч. Казань: Изд-во Казан. ун-та. Ч. 2. 392 с.
- Байчура, У. (1970) Инструментально-фонетические данные относительно интонации и словесного ударения в тюркских языках // Proceedings of the Sixth International Congress of Phonetic Sciences. Prague : Academia Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences. 1128 с. С. 147–167.
- Байчура, У. (1971) Некоторые экспериментальные данные о мелодике речи и словесном ударении в уйгурском языке // Структура и история тюркских языков / отв. ред. Э. В. Севортян. М. : Наука. 306 с. С. 42–62.
- Байыр-оол, А. В. (2013) Семантика формы =п-тыр и =п-тырэвеспе в фольклорных текстах тувинского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 2 (25). С. 4–7.
- Бичелдей, К. А. (1989) Гласные тувинского языка в потоке речи. Кызыл : б. и. 92 с.
- Бичелдей, К. А. (2001) Фарингализация в тувинском языке. М. : РУДН. 289 с.
- Бичелдей, К. Н. (2000) Ритмомелодемы простых нераспространенных предложений хакасского языка: Повествование. Вопрос. Побуждение. М. : РУДН. 116 с.
- Бичелдей, К. Н. (2001) Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М. : РУДН. 282 с.
- Бурнакова, К. Н. (1981) Ритмомелодемы хакасских простых нераспространённых предложений: дисс. ... кандидата филол. н. Алма-Ата. 185 с.
- Бурнакова, К. Н. (1986) Особенности и итоги исследования ритмомелодики хакасского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов / отв. ред. В. М. Наделяев. Новосибирск : Наука. 182 с. С. 128–131.
- Бурнакова, К. Н. (2014) О ритмомелодическом исследовании конструкций вопросительно-побудительных предложений (на материале хакасского языка) // Российская тюркология. № 1(10). С. 13–22.
- Вежбицкая, А. (1978) Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс. 479 с. С. 402–421.
- Вейсяли, Ф. Я. (2013) Фонетический строй современного азербайджанского языка. Баку : Мутарджим. 144 с.
- Герцог, О. Ф. (1986) Ритмомелодика собственно-повествовательных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетические структуры в сибирских языках / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : Бердская типография. 188 с. С. 125–143.
- Герцог, О. Ф. (1988) Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата. 19 с.
- Герцог, О. Ф. (1989) Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Звуковые системы сибирских языков / отв. ред. И. Я. Селютина. Новосибирск : Типография ГПНТБ СО АН СССР. 142 с. С. 98–108.
- Дамбыра, И. Д. (2005) Вокализм каа-хемского языка в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск : Сибирский хронограф. 224 с.
- Исхаков, Ф. Г., Пальмбаха, А. А. (1961) Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М. : Восточная литература. 470 с.
- Каксин, А. Д. (2013) Репрезентация эвиденциальности и миративности в хакасском языке: способы и средства // Мир науки, культуры и образования. № 3 (40). С. 246–249.
- Кечил-оол, С. В. (2006) Типологическая специфика консонантизма сутхольского языка в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск : Сова. 362 с.
- Козинцева, Н. А. (2007) Типология категории доказательности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В. Храковский. СПб. : Наука. 634 с. С. 13–36.
- Кузьмина, Е. Н. (2005) Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное издание. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 1383 с.
- Наделяев, В. М. (1980) Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования в сибирских языках / отв. ред. В. М. Наделяев. Новосибирск : Типография ГПНТБ СО АН СССР. 164 с. С. 3–91.
- Наделяев, В. М. (1986) К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические исследования в сибирских языках / отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск : Бердская типография. 188 с. С. 3–15.
- Ооржак, Б. Ч. (2014) Временная система тувинского языка. М. : Издательство ЦУРА. 184 с.
- Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Мифы, легенды, предания тувинцев (2010) / сост. А. Н. Алексеев и др. Новосибирск : Наука. 372 с.
- Пропп, В. Я. (2001) Морфология волшебной сказки. М. : Лабиринт. 192 с.
- Рыжикова Т., Добринина А., Плотников И., Шестера Е., Шамрин А. (2020a) Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 149–165. DOI: <https://doi.org/10.17223/18137083/71/13>

Салимов, Х. Х. (1986) Татарское словесное ударение и качественные изменения гласных // Вопросы структуры татарского языка / отв. ред. М. З. Закиев. Новосибирск : Казанский государственный педагогический институт. 174 с. С. 65–71.

Салимов, Х. Х. (1999) Просодическая система татарского языка : дисс. ... доктора филол. н. Елабуга. 366 с.

Сат, Ш. (1983) Амгы тыва литературлуг дыл. Синтаксис [Современный тувинский литературный язык. Синтаксис]. Кызыл : ТывНУЧ. 141 с. (На тув. яз.).

Сидорова, А. А. (2012) Интонационная реализация обращений в якутской речи // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Т. 9. № 4. С. 97–102.

Туркбенбаев, Н. У. (1966) Интонация простых вопросительных предложений в казахском языке : (Эксперим.-фонет. исследование) : автореф. дисс. ... к. филол. н. Алма-Ата. 21 с.

Шамина, Л. А. (2005). Средства выражения эвиденциальности и миративности в тувинском языке // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / отв. ред. Н. Н. Ширококова. Новосибирск : Ника. 198 с. С. 146–158.

Шестера, Е. А. (2014) Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. № 2. С. 61–76.

Шестера, Е. А. (2018) Телеутская, хакасская и русская интонационные системы: сравнительно-сопоставительный анализ // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 251–263.

Щербак, А. (1994) Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб. : Наука; Санкт-Петербург. изд. фирма. 191 с.

Янко, Т. Е. (1999) О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. № 4. С. 28–55.

DeLancey, S. (2001) The mirativity and evidentiality // Journal of Pragmatics. № 33 (3). P. 369–382. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(01\)80001-1](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(01)80001-1)

Ipek, C., Jun, S.-A. (2013) Towards a model of intonational phonology of Turkish: Neutral intonation // The Journal of the Acoustical Society of America. № 133. P. 3573. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.4806553>

Johanson, L. (1998). The History of Turkic // Lars Johanson & Éva Ágnes Csató (Eds.). The Turkic Languages. London ; New York: Routledge. 474 p. P. 81–125.

Kawaguchi, Y., Yilmaz, S., Uras, A. (2006) Intonation Patterns of Turkish Interrogatives in Prosody and Syntax. Amsterdam : John Benjamins Publishing Co. P.O. 349 p. DOI: <https://doi.org/10.1075/ubli.3.19kaw>

Kühn, J. (2016) Functionally-driven language change: Prosodic focus and sentence type marking in German-Turkish bilingual yes/no questions. Thesis ... Doctor of Philosophy. Germany: Univ. of Potsdam. 369 p.

Levi, S. (2002) Intonation in Turkish: the realization of noun compounds and genitive possessive NPs. Ms. University of Washington.

Rett, J., Murray, S. (2013) A semantic account of mirative evidentials // Semantics and Linguistic Theory. № 23. P. 453–472.

Royer, A. J. (2017) Towards a model of Tatar intonational phonology // The Journal of the Acoustical Society of America. № 142(4). P. 2519–2519. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.5014202>

Royer, A. J. (2017) Towards a model of Tatar intonational phonology // The Journal of the Acoustical Society of America. № 142(4). P. 2519–2519. DOI: <https://doi.org/10.1121/1.5014202>

Royer, A. J., Jun, S. (2019) Prominence marking in Kazan Tatar declaratives // Proceedings of the 19th International Congress of Phonetic Sciences, Melbourne, Australia 2019. Ed. by S. Calhoun, P. Escudero, M. Tabain and P. Warren. Australasian Speech Science and Technology Association Inc Melbourne, Canberra, Australia. 12000 p. P. 2995–2999.

Royer, A. J., Jun, S.-A. (2018) A Preliminary Model of Tatar Intonational Phonology // Proc. 9th International Conference on Speech Prosody. Poznan. 3801 p. P. 769–773.

Ryzhikova, T., Dobrinina, A., Plotnikov, I. (2020) Preliminaries to the Tuvan interrogative intonation // Proceedings ExLing 2020: 11th International Conference of Experimental Linguistics, 12–14 October, Athens, Greece. Ed. by A. Botinis. Greece : Athens. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.36505/ExLing-2020/11>

Torres, T. B. (2011) Mirativity as tense/aspect displacement // Proceedings of NELS 42. Editors: Stefan Keine & Shayne Sloggett. Toronto : CreateSpace Independent Publishing Platform. 354 p. P. 231–244.

Дата поступления: 31.08.2021 г.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.9

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг.
(на примере творчества Бориса Небылицкого)

Иван А. Головнев

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук,
Российская Федерация

В статье, на примере фильмов «За Саянским хребтом» и «Праздник Тувы» (1936), классика советского документального кино Бориса Рудольфовича Небылицкого, проводится анализ феномена визуального образа региона — Тувинской Народной Республики — в переходный исторический период, предшествовавший ее официальному вхождению в Советский Союз. Эти архивные кинодокументы, впервые вводимые в историко-антропологический оборот, изучаются в сопоставлении с изданными воспоминаниями режиссера и тематически связанными с ними материалами современников, а также с данными ученых по социокультурной истории Тувы.

С одной стороны, в анализируемых киноработах запечатлены ценные с исследовательской точки зрения материалы по этнографии Тувы, с другой — в них отразились противоречивые образы советского строительства в республике. Разбираются основные линии кино съемок тувинской экспедиции Б. Р. Небылицкого, ставшие опорой кинематографической конструкции: «Тува традиционная» (как образ темного прошлого) и «Тува революционная» (как прообраз светлого будущего). В плане внешнего контекста создания кино работ рассматривается масштабный проект «Киноатлас СССР», предполагавший создание кинолетописи советизации собственно Союзных, а также дружественных областей и республик для популяризации достижений революции, и позиционирования советского пространства как многонационального союза освобожденных революцией народов. А в качестве внутреннего подтекста — встречно-устремленные акции тувинского партийного руководства, направленные на внедрение в ТНР советской модели развития.

Делается вывод об объективных и субъективных свойствах рассмотренных кинофильмов как многослойных документов своего времени, при должной исследовательской критике оказывающихся информативными источниками для изучения как в тувиноведении, так и в широком спектре тематически смежных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: визуальная история Тувы; кинодокумент; киноатлас; советская национальная политика, Борис Небылицкий

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 21-18-00518: <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Для цитирования:

Головнев И. А. Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере творчества Бориса Небылицкого) // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 119-130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>

Головнев Иван Андреевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Тел.: +7 (922) 600-46-41. Эл. адрес: golovnev.ivan@gmail.com

GOLOVNEV, Ivan Andreevich, Candidate of History, Senior researcher, Arctic Research Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences. Postal address: 3 Universitetskaya nab. St. Petersburg, 199034, Russian Federation. Tel.: +7 (922) 600-46-41. E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-4866-7122

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Images of Tuva in Soviet Cinema of the 1930s (The Case of Boris Nebylitsky's Creativity)

Ivan A. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article analyzes the phenomenon of the visual image of a region — the Tuvan People's Republic (TPR) — during the transitional historical period that preceded its official incorporation into the Soviet Union. The author draws on the cases of "Beyond the Sayan Ridge" ("Za Saianskim khrebtom") and "A Celebration in Tuva" ("Prazdnik Tuvy") (1936), classic Soviet documentary films directed by Boris Rudolfovich Nebylitsky. These archival film documents are introduced into historical and anthropological discourse for the first time. The documentaries are studied and compared with the published memoirs of the director and thematically related materials by his contemporaries, as well as with the data on the sociocultural history of Tuva provided by researchers.

On the one hand, these films captured information on the ethnography of Tuva that is valuable from a research point of view. On the other hand, they reflected contradictory images of the construction of the Soviet system in the Republic. The author examines the main plotlines of the film materials, which were made during the Tuvan expedition of Boris R. Nebylitsky and became the basis for the cinematic construction: "Traditional Tuva" (as an image of the dark past) and "Revolutionary Tuva" (as a prototype of a glittering future). The large-scale project "Cinema Atlas of the USSR" is considered as an external context of the creation of the film works. It was aimed at shooting news films about the Sovietization in the constituent republics, as well as in friendly regions and republics to popularize the achievements of the revolution and to present the Soviet territory as a multinational union of peoples liberated by the revolution. And the external actions of Tuvan party leaders aimed at introducing the Soviet model of development in the TPR are analyzed as an internal implication.

It is concluded that the objective and subjective features of the considered films are multifaceted documents of the time. If researchers review them properly, these documentaries turn out to be insightful sources for studying both within Tuvan studies and in a wide range of thematically related branches of the humanities.

Keywords: visual history of Tuva; documentary film; cinema atlas; Soviet national policy, Boris Nebylitsky

Financing

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF) as a part of the project № 21-18-00518: <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

For citation:

Golovnev I. A. Obrazy Tuvy v sovetskom kinematografe 1930-kh gg. (na primere tvorchestva Borisa Nebylitskogo) [Images of Tuva in Soviet Cinema of the 1930s (The Case of Boris Nebylitsky's Creativity)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 119-130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>

Введение

Заметным трендом в современных гуманитарных исследованиях стало обращение к визуально-антропологическим материалам вообще, и к ретроспективным в особенности (Головнев, 2011; Разлогов, 2010; Crawford, 2007 и др.). Запечатленные в них силуэты прошлого открывают для науки новые перспективы, позволяя рассмотреть события в объеме — не только информационный пласт, но и образно-эмоциональный контекст. В то же время методы работы с визуальными документами до сих пор остаются в должной мере не разработанными, особенно в российском научном поле, что актуализирует проведение соответствующих поисковых и аналитических опытов.

Фонды центральных и региональных архивов хранят массивы неизученных фото- и киноданных, в которых отражены уникальные свидетельства сложнейших вех новейшей истории страны. К таковым относятся, в частности, образы растянувшегося на десятилетия становления советской власти в многонациональном и разноукладном Союзе ССР, что имело свои вариации в каждой из областей и республик конструируемой советской общности. Существенной спецификой в этом процессе отличался исторический путь Тувинской Народной Республики (далее — ТНР), получивший

заслуживающее исследовательского внимания изображение в кинодокументах, первыми из которых являются фильмы Б. Р. Небылицкого¹, снятые в ходе киноэкспедиции 1936 г.

Комплексного визуально-антропологического анализа киноматериалов по истории Тувы до сих пор не проводилось — и в этой связи, представляемая работа является открытием новой историографической страницы в тувиноведении. В то же время, освещенные в литературе аспекты, связанные с темой статьи, — о визуальных архивах (Базыр, 2020) и истории кинофикации Тувы (Мунге, Монгуш, 2020) — послужили информативными вспомогательными материалами для исследования. Основными же источниками в данном случае стали архивные текстовые и изобразительные материалы Б. Р. Небылицкого из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (далее — РГАЛИ), изданные воспоминания режиссера о тувинской экспедиции 1936 г. (Небылицкий, 1962), и сами его фильмы о Туве, хранящиеся в Российском государственном архиве кинофотодокументов (далее — РГАКФД). Задавшись целью рассмотрения кинодокументов в историко-культурном контексте их создания, автор ориентировался на разработки исследователей-тувиноведов, посвященные комплексу вопросов, касающихся эволюции политики и идеологии ТНР в соответствующий созданию кинодокументов период (Кан, 2014; Кужугет, 2020; Ламажаа, 2011; Моллеров, 2006 и др.). А задача сопоставления содержания кинодокументов с данными по культурной антропологии тувинцев соответствующего периода потребовала обращения к работам этнографов (Вайнштейн, 1974; Дьяконова, 1976; Потапов, 1969 и др.).

Контекст кинопроекта

С момента национализации кинематографа в 1919 г. советская власть последовательно превращала его в средство массовой информации и агитации. При этом большевики делали особую ставку на документальное кино как на средство конструирования и популяризации своей «киноправды». Ведь зритель доверял кадрам кинохроники как подлинной трансляции событий — и при умелой комбинации документальных киноизображений с идеологически нагруженными титрами, воздействие монтажного повествования фильма на массовую аудиторию становилось бесприммерно эффективным. Так, призывая коллег-кинематографистов учиться на опыте партийной прессы, видный идеолог Ассоциации работников революционного кино, Н. А. Лебедев небезосновательно замечал: «Содержание понятия «кинохроника» расширяется, оно уже не совпадает с первоначальным, лингвистическим смыслом этого слова. «Хроника» уже не хроника, не случайные информационные заметки на пленке, а осознанное средство прямой политической агитации и пропаганды» (Лебедев, 1931: 7). Рассылка советских кино-корреспондентов в различные уголки Союза и другие, лояльные советскому строю страны, давала возможность сбора и оперирования спектром актуальных материалов, связанных с особенностями социалистического строительства в различных уголках мира. Эти работы укладывались и в не терявшую своей актуальности партийную повестку о распространении идей коммунистического Интернационала. Не случайно в этот же период под эгидой ЦИК был запущен и беспрецедентный в мировой истории проект «Киноатлас СССР», предполагавший создание объединенными силами ведущих ученых и кинематографистов 150-серийного киноальманаха о советских народностях и регионах — для применения в системе образования, презентации внутри страны и за рубежом (Сытин, 1929). Один из разработчиков «Киноатласа СССР», кинорежиссер М. В. Налетный, в порядке политико-экономической актуальности проекта правомерно отмечал именно интерес заграничной аудитории к экранным вестям из Советского Союза: «весь мир смотрит на победное строительство новых форм жизни в СССР и в его бесчисленных городах, селах и деревнях, и тысячи экземпляров драгоценных кино-страниц Атласа могут быть обменены на сырье, аппаратуру и деньги во всех странах земли» (РГАЛИ, ф. 645, оп. 1, ед. хр. 356, л. 102).

Жанровую палитру киноатласа, помимо информационно-публицистических и агитационных, должны были составлять аналитические и проблемные фильмы, а также специальный сегмент

¹ Небылицкий Борис Рудольфович (1909–1972) — известный советский кинооператор и режиссер. В 1930-х гг. выступил автором серии фильмов о Туве и ряда других экспедиционных киноработ. В годы Великой Отечественной войны работал возглавлял группу фронтовых кинооператоров. Лауреат двух Сталинских премий (1942 и 1951 гг.) за фильмы «День нового мира» и «Слава труду»; Государственной премии СССР (1969) за фильмы «Служу Советскому Союзу» и «Народа верные сыны». Заслуженный деятель искусств РСФСР (1965).

киноработ о знаковых событиях и юбилейных датах как в самом СССР, так и в дружественных государствах (Головнев, 2020b). А в контексте развития «Киноатласа СССР» до масштабов «Киноатласа мира» (это идея перспективного развития проекта советского киноатласа, но она имела свои конкретные примеры воплощения уже в 1930-х гг.: съемки фильмов о дружественных государствах) эта деятельность приобретала и дополнительную геополитическую нагрузку — кино-картографирование расширяющейся зоны влияния Советского Союза. И объяснимо, что одной из заметных вех в плане «большого киноатласа» в 1936 г. стало 15-летие ТНР. Как заметил Н. М. Моллеров, так называемый «урянхайский вопрос», основным содержанием которого являлся спор России, Китая и Монголии из-за Тувы, оставался в изучаемый период в перечне «горячих» тем внешней политики СССР (Моллеров, 2006: 4). Особое внимание, уделявшееся в ходе реализации программ киноатласа стратегически значимым для СССР областям, каковой безусловно являлась ТНР, можно отнести к внешним стимулам для организации тувинской киноэкспедиции.

В качестве внутреннего фона, благоприятствовавшего работе советской киногруппы в Туве, следует назвать процессы форсирования социалистических преобразований в тувинском обществе, набравшие силу после прихода к власти в 1929 г. лидеров «левого крыла» Тувинской народно-революционной партии (ТНРП). Всесторонняя общественная модернизация, поддерживаемая и реализуемая в этот период активной частью тувинского общества, проводилась скопированными из Советского Союза методами, что в 1930-х гг. обрело форму, которую Ч. К. Ламажаа охарактеризовала как «силовую мобилизацию» (Ламажаа, 2011: 68). Верхушкой обновленной ТНРП, руководимой С. К. Тока — выпускником Коммунистического университета трудящихся Востока — в ТНР реализовывались «экспортированные» из СССР программы, направленные на ускорение темпов коллективизации хозяйств, планового строительства, развития потребительской кооперации, реконструкции промышленности на социалистический лад. На государственном уровне был провозглашен курс на «построение социализма, минуя капитализм» (История Тувы, 2007: 188). И одним из ключевых звеньев преобразований в стране в этот период стала культурная революция (Бадьргы, Мунге, 2020), особая роль в осуществлении которой отводилась кинематографу. Несмотря на то, что в Туве к середине 1930-х гг. уже функционировало кинопредприятие «Тувгоскино», занимавшееся развитием сети кинопоказа передававшихся из СССР фильмов, своей производственной базы в республике еще не существовало, а потому создание репортажа о знаковом юбилее было поручено столичному кинокорреспонденту Б. Р. Небылицкому, зарекомендовавшему себя успешными экспедиционными съемками для советских киножурналов.

Киногруппа в составе опытного режиссера-оператора Б. Р. Небылицкого и начинающего ассистента оператора Д. Н. Плаксина прибыла в Туву в начале июля 1936 г., почти за две недели до предстоящего массового празднования для предъёмочного ознакомления с местными реалиями. Перед московскими кинематографистами предстала самобытная страна, находившаяся на пореформенном переломе, и поражавшая социокультурными контрастами: в отстраивающейся на советский лад столице рядом

Фото 1. Кадр из фильма Б. Р. Небылицкого «Праздник Тувы» (1936).

Photo 1. A frame from the film "A Celebration in Tuva" directed by B. R. Nebylitsky (1936).

с городскими постройками можно было увидеть традиционные юрты; в районных поселениях возникали школы, медпункты, где работали молодые тувинцы, получившие образование в Советском Союзе; несмотря на полтора десятилетия существования нового политического порядка, значительным влиянием в духовной сфере среди населения по-прежнему пользовались ламы и т. п. Поэтому, хотя основным заданием кинематографистов и был официальный репортаж о торжественном событии, у режиссера возникло убеждение в необходимости создания второго фильма, который запечатлел бы упомянутые контрасты в жизни республики.

Так, в ходе киноэкспедиции Б. Р. Небылицкого были сняты фильмы «За Саянским хребтом» (РГАКФД, ед. хр. 3914) и «Праздник Тувы» (РГАКФД, ед. хр. 3712), являющиеся тематическими частями единого киноповествования (*фото 1*). Учитывая, что данные работы построены как сочетание киноизображений и текстовых надписей, эффективным методом их рассмотрения оказывается расшифровка и представление в формате «кинотекста» — далее в статье приводится изложение содержания титров, кадров, и воспоминаний режиссера кинокартины для формирования последующих исследовательских выводов.

Фильмы о Туве как кинотексты

«ЗА САЯНСКИМ ХРЕБТОМ»

Кадры. Географическая карта с указанием расположения Тувинской Народной Республики.

«По единственному пути, связывающему Туву с внешним миром, — Усинскому тракту — мчится наша машина к югу. Люди с киноаппаратом впервые посетят страну, лежащую в географическом центре Азии. Вековые ели стоят стеной над дорогой, прорубленной в граните... На пароме, который движется силой течения быстрой реки, мы форсируем водную преграду и выходим на пристань Кызыла. Нас тепло встречают представители советского посольства и Министерства культуры Тувинской республики», — вспоминал режиссер (*Небылицкий, 1962: 161*).

Кадры горной местности, покрытой лесом. Перекочевка группы тувинцев на лошадях. Горные реки и озера. Стада овец на горных пастбищах. Мальчик пастух едет верхом на корове.

В мемуарах автора содержатся колоритные фрагменты описаний экспедиции:

«Киноаппарат, штатив, запасы пленки приторочены к седлу... Проводник-тувинец на рыжем коне, украшенном нарядной сбруей, гортанным голосом с чувством поет песню путешественника. В ней он рассказывает, как это принято, о том, что видит: о ясном небе, о золотистых лучах солнца, о коршуне в поднебесье, и о незнакомых гостях с какими-то странными инструментами» (там же: 162).

Титр. В КОЧЕВЬЯХ БАРУН-ХЕМЧИКА — ОСНОВНОГО СКОТОВОДЧЕСКОГО РАЙОНА.

Кадры пастбищ. Стада овец. На лошадях и коровах кочуют семьи тувинцев.

Титр. УТРО НА НОВОЙ СТОЯНКЕ.

Кадры традиционного хозяйствования: юрты, стада овец, женщины направляются на дойку, дойка овец, обработка овечьей шерсти, дробление зерна в деревянной ступе, приготовление еды.

Титр. В ЮРТЫ ТУВИНЦЕВ ПРИШЛА КУЛЬТУРА.

Кадры «новой» жизни на стойбище: в юрте женщина шьет на швейной машинке, мужчина читает газету, рядом играют дети; молодой учитель проводит занятия по грамоте возле юрты.

«Школа — пока единственное здание, которое возвышается над юртами, разбросанными у подножия горы. Сюда по утрам весело бегут ребятишки в белых блузах с пионерскими галстуками. Некоторые мальчишки приезжают издалека верхом на бычках. Палатка с красным крестом — здесь временно расположилась больница. И врач-тувинец, окончивший Иркутский медицинский институт, не только лечит больных, но и делает профилактические уколы от желудочных заболеваний», — записано в режиссерских мемуарах (там же: 163).

Титр. КРЕПНЕТ МОЛОДАЯ ИНДУСТРИЯ ТУВЫ.

Кадры работы прииска: рабочие идут на прииск, процессы добычи золота в горах.

Из дневника режиссера:

«Мы отправились в далекий горный район Тоджу. На берегу быстрой горной речушки раскинулся прииск. Мощные гидромониторы размывают породу. Сильная струя воды дробит щебень, и поток мутной жижи

направляется на бутару. Управляет монитором молодой тувинец с приятной улыбкой на лице, а руководит работой опытный, “золотых дел мастер” Петр Афанасьевич Новиков» (там же: 164).

Кадры в буддийском храме: изображения божеств, религиозная церемония, жрецы в масках.

Б. Р. Небылицкий давал также подробное текстовое описание посещенного ими храма:

«Деревянное строение, сложенное из скрюченных бревен. Крыша его слегка напоминала по своей форме древнекитайские пагоды. Внутри храма на глиняных пьедесталах возвышались разнообразные статуи Будды. Лама оказался весьма покладистым. И хотя он понятия не имел о кинематографе, охотно согласился на следующий же день продемонстрировать перед гостями таинства религиозных обрядов» (там же: 163).

Титр. КОГДА НА ПАСТБИЩАХ ЗЕЛЕНЕЕТ ТРАВА.

Кадры детского лагеря: мужчина везет детей в пионерский лагерь, виды лагеря, пионеры у палаток, игра в мяч.

Кадры горных цепей.

По воспоминаниям режиссера,

«в Барун-Хемчике прожили несколько дней, пытливо изучая жизнь и быт народа. Ростки нового чувствовались и в развивавшейся промышленности, и в усилиях, которые предпринимались народным правительством для того, чтобы повысить благосостояние трудящихся аратов, избавить их от изнуряющих болезней, распространить культурные навыки в быту. Из всех этих кадров должен родиться эпизод о чертах нового в быте народа» (там же: 162).

«ПРАЗДНИК ТУВЫ»

Кадры карты Азии с обозначением реки Енисей и озера Байкал, линия очерчивает контуры Тувинской Народной Республики.

Титр. СО ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ ТУВИНЦЫ СОБРАЛИСЬ НА ПРАЗДНИК В СТОЛИЦУ РЕСПУБЛИКИ КЫЗЫЛ.

Кадры подготовки к празднику: старики, мужчины, женщины и дети собираются на праздник.

Титр. НА ПРАЗДНИК.

Кадры съезжающих на праздник участников: тувинцы идут, едут на лошадях, верблюдах, оленях, быках, велосипедах и автомобилях; по плоскогорью скачут всадники; по Енисею движется катер; реет флаг.

Титр. СТОЛИЦА ТУВЫ КЫЗЫЛ.

Кадры города: национальный герб на одном из зданий; украшенные к празднику здания клуба и Министерства культуры республики; улицы Кызыла с новыми постройками.

По данным режиссера, «в те годы столица Тувы насчитывала только шесть тысяч жителей. Вдоль хорошо спланированных улиц строились и блистали новенькими оцинкованными крышами дома, сложенные из могучих золотистых стволов лиственницы» (там же: 161).

Титр. ЛЮБИМОЕ РАЗВЛЕЧЕНИЕ ТУВИНСКОГО НАРОДА — НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА.

Кадры спортивных состязаний: тувинские борцы идут к месту выступления; борцы демонстрируют свои физические данные перед зрителями; различные приемы национальной борьбы; судьи и зрители наблюдают за состязаниями борцов; зрители качают победителя.

Б. Р. Небылицкий вспоминал:

«У каждого борца свой тренер, он же и болельщик. Представляя спортсмена публике, тренер не жалеет слов для похвал:

— Поглядите на моего льва! Нет такой силы в мире, которая могла бы его победить.

Если в очередной схватке “льву” приходится туго, болельщик всячески подбадривает своего подшефного:

— Не сдавай! Навались покрепче! Зато если спортсмен одерживает победу, болельщик вместе с борцом исполняет танец радости и, по-видимому, приписывает себе равную долю успеха» (там же: 166).

Титр. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПРЕЗИДИУМА МАЛОГО ХУРАЛА, ПОСВЯЩЕННОЕ 15-ЛЕТИЮ РЕСПУБЛИКИ.

Кадры заседания: Председатель малого Хурала открывает торжественное заседание; рядом в Президиуме — Председатель ЦК народно-революционной партии Тувы С. К. Тока и полпред СССР в Туве В. В. Малков.

Кадры церемонии награждения государственными наградами Тувинской республики: среди награждаемых — председатель Малого Хурала Адыг-Тюлюш Хемчик-оол, председатель Совета министров Сат Чурмит-Дажы и особый уполномоченный ВЦИК СССР А. В. Шотман; участники торжественного заседания поздравляют награжденных.

Титр. ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МАРШ.

Кадры праздничного парада: улицы города с массами зрителей; проезжают кавалеристы; проходят колонны демонстрантов.

«Город словно преобразился. Здания украшены гирляндами зелени, флагами. На улицах много празднично одетых тувинцев в своих цветастых шелковых халатах и шляпах из фетра, сделанных по европейскому фасону. Неподалеку от города, у опушки леса, раскинулось много юрт. Со всех концов республики приехали люди, чтобы отпраздновать 15-летие своей республики», — замечал режиссер (там же: 166).

Титр. НА САМОЙ БОЛЬШОЙ ПЛОЩАДИ КЫЗЫЛА.

Кадры парада: на площади стоят колонны войск и зрителей, проходят шеренги военных; по площади проезжают легковые и санитарные автомобили, везущие транспаранты с надписями «ОТ СОВЕТСКОГО НАРОДА!»; пионеры смотрят на небо (*фото 2*); в небе — звено самолетов, на которых советские летчики впервые перелетели через Саянский хребет в Туву — праздничный дар от Советского Союза; зрители наблюдают, аплодируют; правительственная трибуна, члены правительства и руководители ТНР приветствуют советских летчиков.

Фото 2. Кадр из фильма «Праздник Тувы» Б. Р. Небылицкого (1936).

Photo 2. A frame from the film "A Celebration in Tuva" directed by B. R. Nebylitsky (1936).

Финальные кадры массовой радости собравшихся на праздновании.

Метод Небылицкого

Вышеприведенные кинотексты вкупе с мемуарными записями позволяют рассмотреть не только само содержание исследуемых кинорепортажей, но и особенности творческой методологии их автора. В неизданной рукописи своей статьи «Построение документального фильма» Б. Р. Небылицкий называл «железным правилом» тщательный подготовительный период, предшествующий киноэкспедиции, связанный с проработкой научной литературы по тематике предстоящих съемок (РГАЛИ, ф. 966,

оп. 1, ед. хр. 100, л. 2). По воспоминаниям режиссера, в ходе проработки поездки в Туву, «удалось обнаружить несколько старых книг, посвященных “Урянхайскому краю”, как называлась Тува в те времена, когда она находилась в составе Российской империи. Сведения, которые удалось почерпнуть в этих книгах, касались в основном природы края и этнографии населявшего его кочевого народа» (Небылицкий, 1962: 162). Очевидно, автор предвидел, что кинозадание, реализация которого предстояла в Туве, требует съемочного охвата не только современных, но и ретроспективных тем. Благодаря упомянутой подготовке, Б. Р. Небылицкий предварительно ознакомился с «образами прошлого» Тувы, которыми можно было оперировать в кино для демонстрации контрастных изменений в тувинском обществе, вызванных революционными преобразованиями.

Съемочные работы киноэкспедиции Б. Р. Небылицкого также имели особенности, связанные как со спецификой репортажного жанра, так и с творческими приемами режиссера — налицо соединение хроникального (преимущественно, в фильме «Праздник Тувы») и авторского (в фильме «За Саянским хребтом») подходов по отношению к съемке и подаче материала. С одной стороны, как это свойственно репортажу, съемки в Тувинской экспедиции происходили на ходу, без длительного погружения в снимаемую реальность. «Мы часто останавливаемся, достаем аппаратуру и снимаем то пейзаж, то жанровую сцену в пути», — констатировал режиссер (там же: 165). «Непреложной истиной» Б. Р. Небылицкий считал позицию о том, что оператор без заряженного и готового к съемке киноаппарата в разъездной экспедиции — не эффективен: «Чтобы всегда, при самых сложных обстоятельствах, оставаться кинооператором, чтобы не пропустить ничего, что достойно быть увековеченным на пленке, киноаппарат в полной готовности должен быть всегда при тебе» (там же: 165). Съемка мобильной кинокамерой (без установки штатива, световых приборов и другой специализированной техники) придавала репортажной картине особую энергию достоверности, передававшуюся в последующем и зрителю — так называемый «эффект присутствия» (Шкловский, 1985: 511). С другой стороны, Б. Р. Небылицкий обращал внимание на образные сцены, позволяющие выразить замысел автора киноязыком: «Снимая репортажный материал, мы хотели подчеркнуть контрасты молодой республики. Оленья упряжка прошла рядом с гидромонитором, вполне современным механизмом, — разве это не кадр?» (Небылицкий, 1962: 164). Обозначенный творческий прием — уже из палитры художественно-документального жанра, где документальный материал служил основой для создания художественного образа.

По поводу монтажного периода работ Б. Р. Небылицкий вспоминал: «фильмы были смонтированы и озвучены за самый короткий срок. Один из них — “Праздник Тувы” — рассказывал о торжественных днях в столице республики, а другой — “За Саянским хребтом” — повествовал о народе, о его жизни и быте, и обо всем том новом, что удалось запечатлеть на пленку во время недолгого пребывания в стране» (там же: 166). Характерно, что фильм «Праздник Тувы» был смонтирован в основном из общих планов — массовых кадров, составленных в стремительном ритме — такой прием регламентировался установками партийной редакции. На предшествовавшем киноэкспедиции Б. Р. Небылицкого киносовещании 1935 г. руководитель советской кинематографии Б. З. Шумяцкий озвучивал характерную ведомственную позицию:

«Мы снимаем объекты массового действия, объекты большой общественной значимости. В засъемке индивидуального объекта, мы, как правило, никогда не берем его камерно, изолированно, а обязательно ставим лицом к лицу с той общественной средой, которая его выдвинула, в которой он живет и работает, которую он организует и которой он руководит. Вот почему такое огромное место в композиции нашего кадра должна занимать так называемая массовая сцена» (Шумяцкий, 1935: 144).

В свою очередь, монтажная структура фильма «За Саянским хребтом» выстраивалась как сопоставление образов традиций и новаций в жизни общества.

Образы «старой» и «новой» Тувы

Противопоставление в монтажном ряде фильмов упомянутых образов было одной из наиболее распространенных схем выстраивания повествований в советском кинематографе изучаемого периода, причем картины «старого», традиционного быта, как правило показывались и характеризовались в титрах как отмирающие рудименты «темного» прошлого, а советские нововведения — как прообразы «светлого» будущего.

И внешне, в фильме «За Саянским хребтом», при фрагментарной представленности сцен традиционного быта и духовной культуры, основное внимание действительно было отведено показу создания школ, медпунктов и добывающей инфраструктуры в Туве. Киноповествование открывалось анимированной географической картой, обрисовывающей расположение ТНР относительно СССР — подобную заставку можно назвать вариацией «шаблона» советских этногеографических фильмов, включая серии «Киноатласа СССР».

И уже следующие эпизоды погружали зрителя в традиционные виды хозяйствования тувинцев, заснятые группой Б. Р. Небылицкого в Барун-Хемчике — крупнейшем скотоводческом районе республики. Однако при вынужденной (цензурной) задаче давать критическую картину всего «досоветского», именно кадры традиционного быта в фильме Б. Р. Небылицкого выглядят наиболее колоритно, в то время как от кадров чтения газеты и работы швейной машинки в юрте веет неестественной постановочностью. Схожую противоречивую интонацию можно встретить и в исследовательских текстах этнографа Л. П. Потапова, который при внешней критике «отсталости» традиционных орудий и форм ведения хозяйства, констатировал, что оно сполна обеспечивало тувинские сообщества всем необходимым: «Комплексное хозяйство выдержало длительное историческое испытание на жизнеспособность и устойчивость» (Потапов, 1969: 89).

Особое место в кино мозаике «темных» образов отводилось религиозным. Эпизод, снимавшийся в буддийском монастыре, имеет ироничную окраску, и вполне сопоставим с манерой подачи традиционных культурных церемоний в советском кино, призванной экранизировать «первобытную» отсталость данных проявлений культуры (Головнев, 2020a). В силу обозначенных причин, за «масочными» кадрами буддийского ритуала, тема духовной культуры в фильме Б. Р. Небылицкого остается практически не раскрытой, хотя по замечанию В. П. Дьяконовой, религиозные представления о мире среди тувинцев в то время не ограничивались рамками ламаизма, и значительное место в них занимали мифологические страты, имевшие еще древнетюркские корни (Дьяконова, 1976: 268). Остается сожалеть, что многочисленные образы-самопрезентации тувинской культуры в ее скульптурных и пластических формах, сохранявшиеся в изучаемый период и подробно описанные исследователями (напр.: Вайнштейн, 1974), не получили должного отображения в фильме Б. Р. Небылицкого.

Череду же образов «нового» в фильме «За Саянским хребтом» составляют, прежде всего, эпизоды работы школы и медпункта, сотрудниками которых выступали молодые тувинские специалисты, что являлось экранным отражением явлений политики так называемой «коренизации», предполагавшей подготовку национальных кадров в столичных заведениях Союза для последующего осуществления ими мероприятий советского строительства в регионах. В ТНР восходящий момент развития этих процессов пришелся именно на середину 1930-х гг. (Харунов, 2009). К этой же тематической категории относится эпизод, отрабатывавший еще одно общее место в советском кино изучаемого периода — показ производства и производительных сил — выраженный кадрами работ на прииске, и обозначенное в титрах как «новое» для региона явление, оставляя «за кадром» информацию об исторических опытах тувинцев по разработке и обработке металлов (Сунчугашев, 1969).

Наконец, фильм «Праздник Тувы», построенный как парадное киноповествование, целиком венчает собой линию образов «новой» жизни, снятых группой Б. Р. Небылицкого в ТНР. Известно, что в 1930-х гг. такие «новые» государственные праздники являлись не столько культурными, сколько политическими мероприятиями — целевым проявлением внутривнутриполитической линии ТНР — и внедрялись они в ущерб народным празднествам, объявлявшимся «отжившими» и «отсталыми». Как правило, это были постановочные мероприятия, на которые различными методами организованно собирались массы людей для решения агитационных задач. По данным А. К. Кужугет, такие праздники «готовились по заранее утвержденному Центральным комитетом партии и правительством сценариям, которые подразделялись на торжественную часть и культурный досуг. Заранее намечались ответственные организации за украшение зданий, подготовку транспарантов с лозунгами, предварительно обсужденными и предложенными комиссией» (Кужугет, 2020: 108). Как следует из вышеприведенного кинотекста, фильм «Праздник Тувы» действительно представляет собой засъемку постановочного государственного ритуала именно в русле реализации вышеупомянутых политико-идеологических задач.

Не случайно впоследствии подобные киносюжеты играли не последнюю роль в укреплении в массовом сознании зрителей СССР и ТНР образа советско-тувинской дружбы — выверенные партийной

редактурой фильма активно внедрялись в систему образования, демонстрировались в широком кинотеатральном и киноклубном прокате, и конечно же показывались с помощью кинопередвижек непосредственно в местах съемок. По статистическим данным, на 1936 г., когда был создан и передан в дар руководству ТНР фильм «Праздник Тувы» (в местном кинопрокате шел под названием «15-лет ТНР»), на территории Республики работало порядка 2 с половиной десятков киноустановок, большинство из которых (20) составляли кинопередвижки (Мунге, Монгуш, 2020: 88), что делало возможным охват большего количества населения, разбросанного по небольшим поселениям (Кужугет, 2006: 195). По замечанию В. С. Кан, в ТНР «содержание информационного потока на протяжении 1930-х гг. становилось более идеологизированным» (Кан, 2014: 67), и кинематограф, являясь эффективным СМИ своего времени, играл не последнюю роль в формировании общественного мнения о перспективности вхождения Тувинской Республики в состав Советского Союза, как логичного официального оформления советско-тувинских отношений.

В настоящий момент в РГАКФД числятся четыре единицы хранения, созданные из материалов киногруппы Б. Р. Небылицкого в 1936 г.: это рассмотренные в статье фильмы «Праздник Тувы» и «За Саянским хребтом» (данные работы фигурируют и в изданных мемуарах режиссера), а также две малометражные кинозарисовки «Молодая Тувинская Республика» (о праздновании юбилея ТНР) и «Сердце Азии — Тува» (о контрастах старого и нового в жизни Тувы), повторяющие содержание первых фильмов. Известно, что одной из плановых установок вышеупомянутого советского «Киноатласа» был выпуск дополнительных копий фильмов, актуальных для использования в образовательных курсах средней и высшей школы, что позволяет характеризовать последние как дублирующие версии основных киноработ тувинской экспедиции 1936 г.

Заключение

Как видно, рассмотренные в статье кинокартины о Туве, с одной стороны, были проекцией внешнего взгляда советских кинематографистов: они выстроены по сценарной матрице, единой для большинства фильмов изучаемого периода, включая серии «Киноатласа», что являлось отработкой партийного задания по созданию кинолетописи революции. С другой — в кинодокументах Б. Р. Небылицкого отразились и внутренние процессы интеграции ТНР и СССР, что выражалось в конструировании в тувинском обществе общественно-политических элементов, идентичных общесоветским. Кроме того, поскольку «постановкой» торжественных мероприятий, снятых в репортаже «Праздник Тувы», занималась местная партийная организация, этот фильм вполне можно считать результатом «сотворчества» советской и тувинской сторон. А письменные воспоминания Б. Р. Небылицкого представляют собой дополнительную источниковедческую ценность, давая возможность составить представление о закадровых сюжетах и авторских позициях, и в сопоставлении материалами фильмов дают возможность получения более объемной картины создания кинодокументов.

Проанализированные в комплексе данные визуально-антропологические материалы оказываются информативными историческими источниками, содержащими противоречивые образы экспериментов советского строительства в переломный для Тувы исторический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадырғы, М. М., Мунге, Б. В. (2020) Документы Национального архива Республики Тыва по культурному строительству Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–164. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10

Базыр, Н. Р. (2020) Зримая история Тувы в фотодокументах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 47–62. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3>

Вайнштейн, С. И. (1974) История народного искусства Тувы. М. : Наука. 224 с.

Головнев, А. В. (2011) Антропология плюс кино // Культура и искусство. № 1. С. 83–91.

Головнев, И. А. (2020a) Визуализация этничности в советском кино: «Соль Сванетии» Михаила Калатозова // Уральский исторический вестник. № 3 (68). С. 40–48. DOI: [www.doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3\(68\)-35-44](http://www.doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44)

Головнев, И. А. (2020b) Киноатлас СССР: «Биробиджан» Михаила Слуцкого // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 13–32. DOI: www.doi.org/10.17223/2312461X/30/2

Дьяконова, В. П. (1976) Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука. 337 с. С. 268–291.

История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кан, В. С. (2014) Идеологическая подготовка вхождения Тувы в состав СССР: роль и участи СМИ // Вестник Томского государственного университета. История. № 5 (31). С. 66–69.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 319 с.

Кужугет, А. К. (2020) Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств // Новые исследования Тувы. № 3. С. 101–110. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2 изд. СПб: Алетейя. 368 с.

Лебедев, Н. А. (1931) За пролетарскую кинопублицистику! // Литература и искусство. № 9–10. С. 7–9.

Моллеров, Н. М. (2006) Советско-тувинские отношения (1917–1944 гг.) : автореф. дисс. ... д-ра ист. н. М. 47 с.

Мунге, Б. В., Монгуш, А. М. (2020) Становление и развитие кинофикации в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. № 3. С. 81–100. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.6

Небылицкий, Б. Р. (1962) Репортаж о кинорепортаже. М. : Искусство. 291 с.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Разлогов, К. Э. (2010) Кино-Этнография-Антропология // Философские науки. № 7. С. 80–90.

Сунчугашев, Я. И. (1969) Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М. : Наука. 139 с.

Сытин, В. А. (1929) Кино-Атлас // Кино и культура. № 4. С. 71–72.

Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование тувинской интеллигенции путем выдвижения-коренизации кадров // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 273–290.

Шкловский, В. Б. (1985) За 60 лет: работы о кино. М. : Искусство. 573 с.

Шумяцкий, Б. З. (1935) Пути мастерства. М. : Кинофотоиздат. 131 с.

Crawford, P. I. (2007) From the Arctic to the Pacific: Nordic visual anthropology 1975–2005 // Visual Anthropology Review. № 23 (1). P. 26–37.

Дата поступления: 13.09.2021 г.

REFERENCES

Badyrgy, M. M. and Munge, B. V. (2020) “Cultural upbuilding” in People’s Republic of Tuva in documents preserved at National Archives of Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.10>

Bazyr, R. N. (2020) Visible history of Tuva in photo documents at the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 47–62. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.3>

Weinstein, S. I. (1974) *Istoriia narodnogo iskusstva Tuvy [A history of folk art in Tuva]*. Moscow, Nauka Publ. 223 p. (In Russ.).

Golovnev, A. V. (2011) Antropologiya plus kino [Anthropology plus cinema]. *Kul'tura i iskusstvo*, no. 1, pp. 83–91. (In Russ.).

Golovnev, I. A. (2020a) Vizualizatsiia etnichnosti v sovetskom kino: «Sol' Svanetii» Mikhaila Kalatozova [Visualization of ethnicity in Soviet cinema: “Salt for Svanetia” by Mikhail Kalatozov]. *Ural Historical Journal*, no. 3 (68), pp. 35–44. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3\(68\)-35-44](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-3(68)-35-44)

Golovnev, I. A. (2020b) Kinoatlas SSSR: «Birobidzhan» Mikhaila Slutskogo [The USSR cinema-atlas: “Birobidzhan” by Mikhail Slutsky]. *Siberian Historical Research*, no. 4, pp. 13–32. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/2312461X/30/2>

D'iakonova, V. P. (1976) Religioznye predstavleniia altaitsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious beliefs of Altaians and Tuvans about nature and man]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiaakh narodov Sibiri i Severa [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North]* / ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka Publ. 336 p. Pp. 268–291. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The history of Tuva] (2007) : in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka Publ. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2014) Ideologicheskaiia podgotovka vkhozhdeniia Tuvy v sostav SSSR: rol' i uchasti SMI [Ideological preparation of occurrence of Tuva in structure of the USSR: Role and participation of mass media]. *Tomsk State University Journal of History*, no. 5 (31), pp. 66–69. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia* [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ. 319 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2020) Kul'turnaia politika Tuvinskoii Narodnoi Respubliki po organizatsii prazdnestv [Cultural policy of the Tuvan People's Republic and public festivities]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdu proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. 2nd ed. St. Petersburg, Aletheia Publ. 368 p. (In Russ.).

Lebedev, N. A. (1931) Za proletarskuiu kinopublitsistiku! [For proletarian film journalism!]. *Literatura i iskusstvo*, no. 9–10, pp. 7–9. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2006) *Sovetsko-tuvinskie otnosheniia (1917–1944 gg.)* [Soviet-Tuvan relations (1917–1944)] : Abstract of the Diss. ... Doctor of History. Moscow. 47 p. (In Russ.).

Munge, B. V. and Mongush, A. M. (2020) Stanovlenie i razvitie kinofikatsii v Tuvinskoii Narodnoi Respublike [Formation and development of the cinema network in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 81–100. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.6>

Nebylitsky, B. R. (1962) *Reportazh o kinoreportazhe* [A reportage on film reportage]. Moscow, Iskusstvo Publ. 291 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: Sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka Publ. 402 p. (In Russ.).

Razlogov, K. E. (2010) Kino — etnografiia — antropologiia [Cinema — ethnography — anthropology]. *Filosofskie nauki*, no. 7, pp. 80–90. (In Russ.).

Sunchugashev, Ia. I. (1969) *Gornoe delo i vyplavka metallov v drevnei Tuve* [Mining and metal smelting in ancient Tuva]. Moscow, Nauka Publ. 139 p. (In Russ.).

Sytin, V. A. (1929) Kino-Atlas [Cinema atlas]. *Kino i kul'tura*, no. 4, pp. 71–72. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2009) Formirovanie tuvinskoii intelligentsii putem vydvizheniia-korenizatsii kadrov [Formation of Tuvan intelligentsia by promotion and indigenization of staff]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 273–290. (In Russ.).

Shklovskii, V. B. (1985) *Za 60 let: raboty o kino* [For 60 years: Works on cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ. 573 p. (In Russ.).

Shumiatskii, B. Z. (1935) *Puti masterstva* [The ways of mastery]. Moscow, Kinofotoizdat Publ. 131 p. (In Russ.).

Crawford, P. I. (2007) From the Arctic to the Pacific: Nordic visual anthropology 1975–2005. *Visual Anthropology Review*, vol. 23, issue 1, pp. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.1525/var.2007.23.1.26>

Submission date: 13.09.2021.

Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс

Салават И. Абылкаликов

Башкирский государственный университет; Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Российская Федерация

В статье выявляются особенности динамики численности населения Тувы с середины XX века по настоящее время за счет разных компонентов демографического баланса. В качестве основных методов исследования применены уравнение демографического баланса, который позволяет оценить соотношение между собой естественного и миграционного прироста как для всего населения, так и в городском и сельском населении по отдельности, а также анализ пожизненных миграций населения по данным информации о месте рождения и месте проживания. Данные методы для изучения демографических процессов в Туве применяются впервые. Расчеты основаны на официальной статистике — данных переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.), текущего учета естественного движения населения, а также выборочных обследований.

Для республики характерны недоучет выезжающих за ее пределы и переучет возвратной миграции, «виртуально» возникающей вследствие окончания срока временной регистрации ранее выехавших. Установлено, что высокие показатели естественного прироста, особенно в сельской местности, компенсируются миграционным оттоком населения из сёл в города и за пределы республики.

Отмечается, что наиболее тесные миграционные связи республики с соседними сибирскими регионами, но усиливается значение обеих столичных агломераций — Москвы и Санкт-Петербурга. При этом происходит снижение доли приехавших из других регионов России в населении Тувы и рост доли выехавших за её пределы из числа родившихся в ней. Данные выборочного обследования рабочей силы позволяют выявить усиление значения межрегиональной трудовой миграции для Тувы в последние годы. Вместе с тем объемы въезжающих и особенно выезжающих внутрироссийских трудовых мигрантов заметно ниже, чем в соседних регионах.

Накопление большой ошибки закрытия баланса из-за длительного времени, прошедшего с предыдущей переписи населения, а также изменение методики учета миграции могут привести к существенной переоценке численности населения республики по итогам следующей переписи населения.

Ключевые слова: внутренняя миграция; пожизненная миграция; трудовая миграция; демографический баланс; перепись населения; микроперепись населения; Тува; население Тувы; тувинцы

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.).

Для цитирования:

Абылкаликов С. И. Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Абылкаликов Салават Иргалиевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научной лаборатории социальных и демографических исследований факультета философии и социологии Башкирского государственного университета; старший преподаватель кафедры демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32; 109028, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., д. 3. Тел.: +7 (495) 772-95-90, доп. 11823. Эл. адрес: sabykalkikov@hse.ru, sabykalkikov@yandex.ru

---

ABYLKALIKOV, Salavat Irgalievich, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Research Laboratory of Social and Demographic Studies, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University; Senior Lecturer, Department of Demography, National Research University Higher School of Economics. Postal address: 32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation; 3, Bolshoy Trekhsvyatitelsky Lane, 109028 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 772-95-90, ext. 11823. E-mails: sabykalkikov@hse.ru, sabykalkikov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3405-3867

Article

Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance

Salavat I. Abylkalikov

Bashkir State University; National Research University Higher School of Economics, Russian Federation

The article highlights the features of the population dynamics in Tuva from the mid-20th century to the present taking different components of the demographic balance into account. The main research methods the author uses are the demographic balance equation, which allows us to estimate the ratio between natural and migration growth of the entire population and of urban and rural populations separately, as well as the analysis of lifelong population migrations on the basis of information about place of birth and place of residence. These methods are applied to study demographic processes in Tuva for the first time. The calculations are based on the official statistics — data from the population censuses of 1989, 2002 and 2010, current record of natural population movement and sample surveys.

There are underestimation of those who leave the territory of the Republic of Tuva and overestimation of return migration that “virtually” arises due to the expiration of the temporary registration period of those who have left it earlier. It has been found out that high rates of natural growth, especially in rural regions, are compensated by the migration outflow of the population from villages to cities and outside the Republic.

It is noted that the Republic has the closest migration relations with neighboring Siberian regions, but the significance of both metropolitan agglomerations — Moscow and St. Petersburg — is increasing. At the same time, there is a decrease in the share of those who have come to Tuva from other regions of Russia and an increase in the share of the natives who have left it. The data of the sample survey of the labor force allow us to identify the increasing importance of interregional labor migration for Tuva in recent years. Meanwhile the number of incoming and especially outgoing domestic labor migrants is noticeably lower than in neighboring regions.

The accumulation of a large error in closing the balance due to the long time that has passed since the previous population census and a change in the migration accounting methodology may lead to a significant reevaluation of the population of the Republic if we consider the results of the next population census.

Keywords: internal migration; lifelong migration; labor migration; demographic balance; population census; micro census; Tuva; Tuvan population; Tuvans

Financing

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation of the All-Russian Identity” (2020–2022).

For citation:

Abylkalikov S. I. Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the Demographic Development of Tuva: Contribution of Migration to the Demographic Balance]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Введение

Республика Тыва — один из наиболее своеобразных, отличающихся от остальных регионов России, в том числе и по демографическому развитию. Показатели, характеризующие естественное движение населения республики, заметно отличаются от большинства соседних регионов, включая национальные субъекты, а также в целом Сибирского федерального округа (далее — СФО) и общероссийских. Так, ожидаемая продолжительность жизни в допандемийном 2019 г. составляла 67,6 лет для обеих полов, тогда как в РФ 73,3, а в СФО — 71,1 год (в 2020 г. общая продолжительность жизни (далее — ОПЖ) в Туве для обоих полов упала на 1,3 года). Продолжительность жизни мужчин в сельской местности в республике, несмотря на стремительный рост в последние десятилетия, не превышает 60 лет и даже в относительно благополучном 2019 г. составляла всего 59,05 лет. Коэффициент младенческой смертности в Туве в постсоветское время почти вдвое превышал среднероссийский уровень, но к 2019 г. снизился до 6,6%, тогда как для всей страны показатель был равен 4,9%.

При этом Тува — один из немногих регионов, в которых суммарный коэффициент рождаемости все еще выше уровня простого воспроизводства даже для городского населения (2,45 рождений на женщину репродуктивного возраста в 2019 г.), а в сельской местности он и вовсе достигает значения 4,32. Несмотря на относительно низкую продолжительность жизни, такой высокий уровень рождаемости компенсирует высокую смертность. Так, по общему коэффициенту естественного прироста Тува в 2019 г. со значением 10,3‰ уступала только Чечне (16,0‰) и Ингушетии (13,4‰).

Еще одной важной составляющей демографического роста (или убыли) населения является миграция. По коэффициенту миграционного прироста среди регионов РФ Тува относится к аутсайдерам (Карачурина, Мкртчян, 2013). В начале 2010-х годов превышение числа выбывших над прибывшими на каждую тысячу постоянного населения составляло более 100 человек ежегодно, а в 2018 году — -30,3‰ (в 2020 г. данный показатель вырос до -17,8‰).

Нетто-коэффициент воспроизводства, определяющий насколько поколение дочерей замещает поколение матерей с учетом смертности, в сельской местности Тувы в 2018 г. составлял 2,658, а в городской уже опустился чуть ниже уровня простого замещения поколений — 0,970. А в целом, по республике он составлял 1,377, то есть каждое новое поколение численно должно превышать родительское более чем на треть. Подобные показатели на уровне всей страны не наблюдаются уже на протяжении более чем шести десятилетий¹.

Регион является одним из немногих в стране, где все еще не завершен демографический переход (Карачурина, Мкртчян, 2016), при котором наблюдается смена типа воспроизводства населения, переход от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию, при низких уровнях смертности и рождаемости. Тем не менее, влияние модернизационных вызовов, которое несет глобализированный мир, а также нахождение в российском институциональном пространстве неизбежно приводит к модернизационным процессам, пусть и более низкими темпами (Самба, 2020).

В условиях, когда показатели рождаемости, смертности и миграции в регионе сильно отличаются от общероссийских, составляет существенный исследовательский интерес их воздействие на формирование населения республики и динамику ее численности.

Целью данной статьи является выявление особенностей динамики численности населения Тувы с середины XX века по настоящее время за счет разных компонентов демографического баланса. В качестве основных методов исследования применены уравнение демографического баланса, который позволяет оценить соотношение между собой естественного и миграционного прироста как для всего населения, так и в городском и сельском населении по отдельности, а также анализ пожизненных миграций населения по данным информации о месте рождения и месте проживания.

Данные методы для изучения демографических процессов в Туве применяются впервые. Расчеты основаны на официальной статистике — данных переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.), текущего учета естественного движения населения, а также выборочных обследований — микропереписи 2015 г. (далее — МПН-2015), обследования населения по проблемам занятости (далее — ОНПЗ) и обследования рабочей силы (далее — ОРС).

Динамика численности населения и демографический баланс в 1951–2020 годы

Со времени присоединения территории к России в 1944 г., численность населения Тувы стремительно возрастала (диаграмма 1). К концу 1980-х годов она уже удвоилась по сравнению с 1951 г. Наиболее стремительным был рост городского населения: с 56,8 тыс. чел., по данным первой послевоенной переписи населения, до 113,3 тыс. чел. к переписи 1979 г. Вслед за увеличением городского населения рос и коэффициент урбанизации — с 20–30% в 1950-е годы до 50% и выше — в последние десятилетия. Он увеличивался за счет более высоких темпов роста городского населения по сравнению с сельским (Харунова, Харунов, 2021). Тем не менее, доля городского населения в Туве (54%) остается одной из самых низких во всей стране, находясь на 77 месте из 85 регионов страны.

С 1989 г. наблюдается определенный застой, а временами и стагнация динамики численности населения республики, в первую очередь за счет сокращения численности сельского населения. Если в

¹ Демографический ежегодник России 2019. Статистический сборник. М., Росстат, 2019 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 05.09.2021).

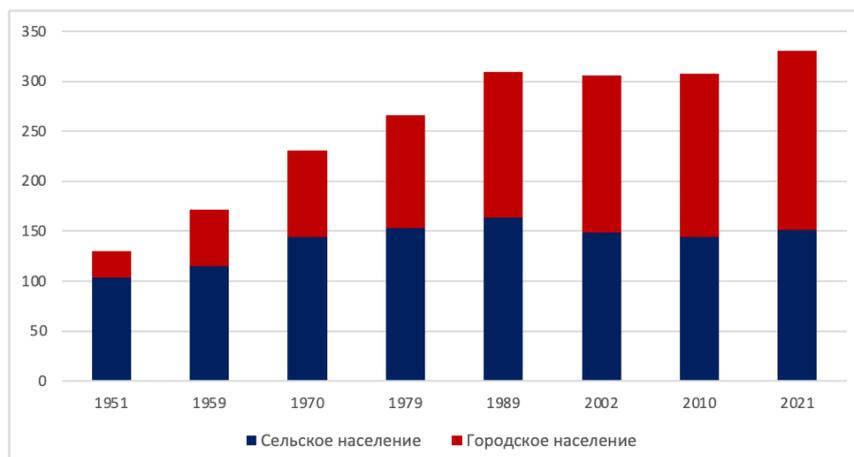

Диаграмма 1. Численность городского и сельского населения Тувы в 1951–2021 гг., тыс. чел.¹

Diagram 1. The number of urban and rural inhabitants of Tuva in 1951–2021, thousand people.

Прим.: Численность населения указана на моменты проведения переписей населения, либо на 1 января соответствующего года.

1989 г. сельских жителей в регионе насчитывалось почти 163,5 тыс. чел., то по оценкам на начало 2021 г. всего 150,9 тыс. чел., доля сельского населения за это время снизилась с 53% до 46%. Определенные погрешности вносят и волны административно-территориальных преобразований. Так, в 1959–1996 гг. Кызыл-Мажалык являлся поселком городского типа, затем его статус вновь был сменен на сельский (Анайбан, 2011; Биче-оол, Допчут, 2015).

Стоит отметить, что в 2021 г. реальная (а не расчетная на основе данных о естественном и миграционном движении населения) численность населения Тувы вполне может быть ниже, в т. ч. даже чем по данным прошлых переписей населения. Дело в том, что с последней переписи населения прошло уже 11 лет и столь существенное время могло привести к накоплению большой ошибки закрытия баланса, то есть разницы между расчетной численностью населения на основе данных о естественном и миграционном движении населения, и численностью населения, определенной на момент проведения переписи населения, считающейся более точной (Мкртчян, 2011). Подобное наблюдалось и на прошлых переписях: в 2002 г. расчетная численность населения Тувы составляла 310 тыс. чел. (из них 151 тыс. — городское и 159 тыс. чел. — сельское², тогда как по данным Всероссийской переписи населения (далее — ВПН) 2002 г. — 305 тыс. чел. (156 тыс. чел. городского и 149 тыс. чел. сельского населения)³. То есть городского населения оказалось больше на 5 тыс. чел., а сельского — меньше на 10 тыс. чел. В 2010 г. история была схожей — расчетная численность по текущему учету составила 317 тыс. чел. (163 тыс. чел. городское население и 154 тыс. чел. — сельское)⁴, а по данным ВПН–2010 численность постоянного населения республики составило 307 тыс. чел., причем городского населения оказалось меньше на 2 тыс. чел., а сельского — на 8 тыс. чел.⁵

Подобная разница обычно возникает из-за недоучета миграции (Чудиновских, 2010). В случае Тувы — наибольший недоучет возникал в сельской местности. С 2011 г. российская миграционная статистика учитывает и тех мигрантов, кто зарегистрирован по месту жительства и месту пребывания на

¹ Составлено по данным переписей населения и текущего учета.

² Демографический ежегодник России 2002. Статистический сборник. М., Росстат, 2002 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B02_16/Main.htm (дата обращения: 05.09.2021).

³ Демографический ежегодник России 2005. Статистический сборник. М., Росстат, 2005 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B05_16/Main.htm (дата обращения: 05.09.2021).

⁴ Демографический ежегодник России 2010. Статистический сборник. М., Росстат, 2010 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/doc_2010/demo.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

⁵ Демографический ежегодник России 2012. Статистический сборник. М., Росстат, 2012 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B12_16/Main.htm (дата обращения: 05.09.2021).

срок девять месяцев и более (а не на срок от 1 года, как было ранее), что вызвало резкое увеличение числа внутренних мигрантов (Мкртчян, Карачурина, 2014). Возможно, миграция за межпереписной интервал 2011–2021 гг. будет учитываться полнее, чем это было в прежние годы.

Но вместе с тем, возникли и новые проблемы с качеством статистики — изменения в методике учета, т. е. автоматический учет мигрантов в качестве выбывших после окончания срока временной регистрации, вероятно, способствует искусственному завышению притока в сельскую и периферийную местность ранее выехавших оттуда. Прежде всего, это касается образовательной миграции молодежи, стремительный рост интенсивности которой начинается уже с 16 лет. С 2011 г. значительно увеличиваются коэффициенты миграции для возрастов в интервале 19–22 лет, что примерно соответствует окончанию обучения и, соответственно, срока их регистрации в общежитиях образовательных учреждений, но этих перемещений выпускников образовательных учреждений в реальности (а не «виртуально», на «бумаге») может и не быть (Мкртчян, 2020).

Для наиболее точной оценки миграционного прироста (убыли), а также определения его соотношения с уровнями общего и естественного приростов по межпереписным интервалам, можно воспользоваться уравнением демографического баланса. Согласно уравнению, миграционный прирост составляет разность между общим и естественным приростами. Предполагается, что естественное движение населения (т. е. процессы рождаемости и смертности) текущим учётом выявляются более полно и корректно, чем миграционное движение. Общий прирост можно вычислить непосредственно по результатам переписи в качестве разности между оценками численности населения на последующую и предыдущую переписи населения (Денисенко, Степанова, 2012).

Численность городского и сельского населения Тувы на 1951 г. приведена согласно статсборнику «Население СССР. 1987»¹. Статистика естественного движения Тувы доступна начиная с 1946 г.² Соотношение между собой естественного (ЕП), миграционного (МП) и общего приростов (ОП) для интервалов 1951–1958 и 2011–2020 гг. является оценочным, скорее направленными на установление приблизительного соотношения между разными видами приростов (или убыли) (таблица 1). Стоит отметить, что небольшие погрешности могли происходить и из-за изменений в административно-территориальном делении, о чем уже было упомянуто выше.

Таблица 1 Демографический баланс населения Тувы, 1951–2020 годы⁵

Table 1. Demographic balance of the population of Tuva, 1951–2020.

Годы	Все население			Городское население			Сельское население		
	ОП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ОП(У)	ЕП(У)	МП(У)	ОП(У)	ЕП(У)	МП(У)
1951–1958	41928	28655	13273	30759	6809	23950	11169	20668	-9499
1959–1969	58936	54895	4041	30232	12845	17387	28704	41763	-13059
1970–1978	35589	43409	-7820	26274	12336	13938	9315	31073	-21758
1979–1988	42676	55545	-12869	32378	19314	13064	10298	36231	-25933
1989–2002	-3619	33656	-37275	11656	10991	665	-15275	22665	-37940
2003–2010	2420	24982	-22562	6103	10559	-4456	-3683	14423	-18106
2011–2020	22438	42400	-19962	16069	21220	-5151	6369	21180	-14811

Прим.: Серой заливкой обозначена убыль населения; более темная заливка указана для убыли более 10 тыс. чел.

¹Население СССР. 1987: Статистический сборник. М. : Финансы и статистика, 1988. 440 с.

² Естественное движение населения регионов РСФСР, 1937–1990 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. Приложения. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_ed_1935.php?year=1946 (дата обращения: 05.09.2021).

³ Составлено автором по данным переписей населения и текущего учета.

За наблюдаемое время (1951–2020 гг.) как в регионе в целом, так и в городской, и в сельской местностях, наблюдался естественный прирост, при этом в сельской местности естественный прирост сопровождался миграционным оттоком. Общий прирост для всего населения республики был отрицателен лишь в 1989–2002 гг., вызванный значительным превышением числа выбывших над прибывшими в сельской местности (-37,9 тыс. чел.). Согласно подсчетам по уравнению демографического баланса, суммарные «потери» населения Тувы за 1970–2020 гг. в результате миграционной убыли составляют около 100 тыс. человек.

Для городского населения в последние годы характерно сочетание естественного прироста и миграционной убыли, но с положительным общим приростом, тогда как в сельском населении миграционный отток в 1989–2010 гг. перекрывал естественный прирост. Таким образом, сельская местность является серьезным «поставщиком» мигрантов в города Тувы и, вероятно, в другие регионы России. Всего же за 1951–2020 гг. сельская местность Тувы в результате миграционной убыли потеряла около 141 тыс. чел., что соразмерно с ее современной численностью.

Вполне вероятно, что предстоящая Всероссийская перепись населения 2021 г., как и предыдущие, выявит недоучет выбывших (и, соответственно, миграционной убыли) миграционной статистикой как сельского населения, так и всей республики. Выявленный недоучет может достигнуть масштабов, настолько увеличивших оценки миграционной убыли, которые приведут к отрицательным значениям общего прироста за последний межпереписной интервал, как это произошло по данным ВПН–2002.

Пожизненная миграция в республике по данным переписей населения

Начиная с 1989 г., в программу всех отечественных переписей и микропереписей населения вновь включен важнейший миграционный вопрос — о месте рождения (ранее он задавался только в двух переписях населения — 1897 и 1926 гг.). При помощи этого вопроса можно установить, какая часть населения региона является уроженцами других территорий (субъектов России, республик бывшего СССР, стран дальнего зарубежья), а какая часть — из родившихся в Туве на моменты проведения переписей и микропереписей проживали в других регионах РФ (Abylkalikov, Sazin, 2019). В таблице 2 приведены основные параметры, характеризующие пожизненную миграцию в республике, включающие только тех мигрантов, кто родился и переселялся внутри территории России (т. е. по т. н. «внутрироссийской миграционной матрице»).

Таблица 2 Пожизненная миграция в Туве, по данным переписей 1989–2010 гг., чел.¹

Table 2. Lifelong migration in Tuva according to the censuses carried out in 1989–2010, number of people.

Показатели	1989	2002	2010
Численность населения Тувы	308557	305510	307930
Число приехавших из других регионов РФ	49070	22654	15642
Число приехавших из других республик бывшего СССР, дальнего зарубежья и место рождения не указано	7717	3867	5280
Численность всех уроженцев Тувы, проживающих в РФ, включая Туву	287152	330911	340481
Число уроженцев Тувы, уехавших в другие регионы РФ	35382	51922	53473

По данным переписи 1989 г., доля приехавших среди всех постоянных жителей была 16,3%, затем этот показатель многократно снизился (до 7,5%, по данным ВПН–2002, и 5,2%, по данным ВПН–2010). Это могло быть вызвано двумя процессами: сокращением числа неместных уроженцев в результате того, что именно они стали в первую очередь выезжать из республики, а также тем, что среди приехавших давно уже преобладали люди в старших возрастах, которые не доживали до следующих переписей (Анайбан, Губогло, Козлов, 1999). Оба процесса приводили к сокращению числа проживающих в республике этнических русских. При этом, по данным переписи 2010 г. по доле жителей-уроженцев «своих» регионов Республика Тыва (97,3%), помимо в Дагестана (97,7%), Чечни (87,2%) и Башкортостана (87,6%) является одним из лидеров в стране.

¹ Составлено автором по данным переписей населения 1989–2010 гг.

Категории родившихся за рубежом (включая ближнее и дальнее) и тех, чье место рождения неизвестно, в Туве довольно небольшие — 7,7 тыс. чел. по данным переписи 1989 г., 3,9 тыс. чел. по переписи 2002 г. и 5,3 тыс., по переписи 2010 (или менее 2,5% от населения, учтенного переписью).

Если в переписи 1989 г. доля уехавших в другие регионы РФ уроженцев Тувы составляла 12,3% от числа родившихся в республике, то, по данным переписей 2002 и 2010 гг., она выросла до 15,7%. При этом значительно выросли и число уроженцев республики, и численность уехавших из нее — по данным последних трех переписей их стало больше в 1,5 раза. Если к 1989 г. число уроженцев Тувы, проживающих в стране (287,1 тыс. чел), было меньше, чем численность населения Тувы (308,6 тыс. чел), то к ВПН–2010 уроженцев Тувы стало на 32,6 тыс. чел. больше (340,5 и 307,9 тыс. чел. — соответственно). Гипотетически, при сохранении доли уехавших на уровне 1989 г. (12,3% от числа родившихся в регионе), численность республики в 2010 г. могла бы составить около 318,4 тыс. чел. вместо 307,9 тыс. чел, согласно переписи населения.

Информация о месте рождения, полученная по данным переписей и МПН–2015, позволяет определить распределение по регионам среди приехавших в Республику Тыва и уехавших из нее уроженцев¹. В *таблице 3* приведена подобная информация по внутрироссийской миграционной матрице. Заметные отличия по данным МПН–2015 могут быть вызваны в том числе и небольшим объемом выборки (1,5% от населения страны).

Таблица 3. Доли приехавших уроженцев других регионов РФ и уехавших в другие регионы уроженцев Тувы (внутрироссийская матрица), 1989–2015 гг., в %²

Table 3. The share of people who have come to Tuva from other regions of the Russian Federation and natives of Tuva who have left for other regions (Russian domestic matrix), 1989–2015, in %.

Регионы	Приехавшие				Уехавшие			
	1989	2002	2010	2015	1989	2002	2010	2015
Красноярский край	47,2	44,0	44,0	33,6	25,6	31,0	32,9	31,0
Республика Хакасия	4,2	6,8	6,6	8,0	11,8	14,3	15,8	30,7
Новосибирская область	2,5	2,6	2,8	3,6	3,7	4,0	5,8	2,6
Иркутская область	3,2	3,7	4,6	4,4	5,7	3,8	5,3	2,3
Кемеровская область	4,8	4,8	5,3	5,5	4,4	2,9	3,7	4,4
Алтайский край	5,3	4,7	4,6	3,4	2,3	2,2	2,4	1,7
Республика Бурятия	1,3	1,8	2,0	1,3	2,4	1,5	2,3	2,6
Забайкальский край	1,6	1,7	2,1	0,9	1,3	1,1	0,8	0,6
Москва и МО	0,9	1,3	1,5	1,4	4,2	4,4	4,7	4,2
Санкт-Петербург и Ленинградская область	0,6	0,6	0,8	0,1	2,2	1,8	1,8	0,8
Остальные регионы	28,5	27,9	27,9	37,9	36,5	32,9	25,2	20,8

Миграционные связи Тувы наиболее тесные с соседними сибирскими регионами, особенно с Красноярским краем и Хакасией. Из «западных» регионов можно выделить только оба столичных региона — Москву с Московской областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью. Показатели

¹ Миграция. Раздел VII [Электронный ресурс] // Микрперепись населения 2015. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 05.09.2021).

² Составлено автором по данным переписей населения 1989–2010 гг. и МПН–2015.

по столичным городам и их областям были объединены, т. к., по мнению автора данного исследования, во-первых, они являются единственными центрами притяжения внутренних мигрантов, несмотря на формальный статус разных субъектов федерации, а, во-вторых, в абсолютном выражении речь идет не об очень больших значениях.

Вместе с тем, именно со столичными регионами в последнее время усиливаются миграционные связи. Возрастает не только число уехавших туда, но тех, кто вернулся обратно, в т. ч. после завершения обучения (Ламажаа, 2014). При этом у исследователей имеются веские основания полагать, что в Москве и области (а возможно и в северной столице и Ленинградской области) существует серьезная недооценка уроженцев других регионов в населении, включая выходцев из Тувы, по данным последних двух переписей, вследствие не очень высокого качества проведения переписей в них (Мкртчян, 2011; Андреев, 2012; Пьянкова, 2014).

Межрегиональная трудовая миграция в Республике Тыва

Среди факторов, приводивших к росту числа выезжающих из республики, исследователи выделяют низкий уровень жизни (в 2010 г. уровень доходов был примерно наполовину ниже среднего по стране и на треть ниже, чем по Сибирскому федеральному округу), обеспеченность жильем (всего 65,8% от общероссийского уровня) и одни из наиболее высоких показателей безработицы. Все это вкуче приводит к нарастающему в последние кризисные годы «экономическому пессимизму» и оттоку, прежде всего, представителей нетитульных этнических групп (Кан, 2014; Балакина, Анайбан, 2016).

Исследователи отмечают, что по уровню безработицы Тува входит в число российских аутсайдеров, вместе с республиками Северного Кавказа (Ингушетией, Северной Осетией (Аланией), Дагестаном, Карачаево-Черкесией и Кабардино-Балкарией), а также Республикой Алтай (Анайбан, 2020).

Такое положение вещей может приводить не только к выезду выходцев из Тувы на постоянное место жительства, но и к активизации трудовой миграции, в качестве альтернативы отъезда на безвозвратной основе. Объемы межрегиональной трудовой миграции в республике можно оценить при помощи выборочного обследования рабочей силы (ОРС) до 2016 г. — обследования населения по проблемам занятости (ОМПЗ), реализуемого Росстатом (диаграмма 2).¹

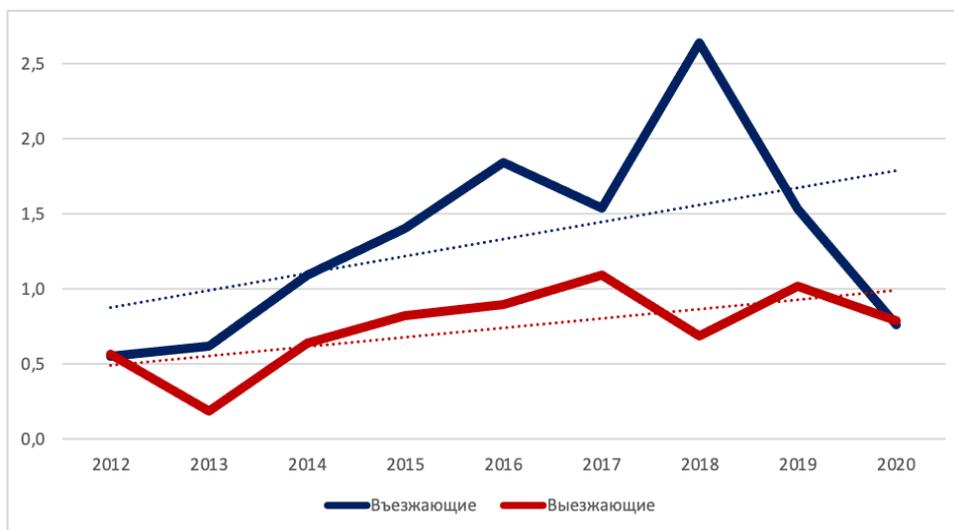

Диаграмма 2. Межрегиональная трудовая миграция в Республике Тыва, 2012–2020 гг., тыс. чел.²

Diagram 2. Interregional labor migration in the Republic of Tuva, 2012–2020, thousand people.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 05.09.2021).

² Составлено автором по данным ОМПЗ и ОРС за 2012–2020 гг.

Несмотря на определенные погрешности выборки, методологические изменения (к примеру, до 2017 г. опрашивалось население в возрасте 15–72 года, далее — все возраста, от 15 лет и старше), флуктуации в экономической ситуации, а также введение антиковидных мер, которые могли сильно повлиять на оценку величины межрегиональной трудовой миграции в 2020 г., очевидно, что темпы динамики числа въезжающих на работу в республику, и выезжающих, явно возрастают.

При этом число въезжающих в Туву на работу заметно превышало число выезжающих, за исключением года начала данных наблюдений (информация о межрегиональной трудовой миграции имеется с 2012 г.) и последнего на данный момент, 2020 г., который трудно считать показательным вследствие нетипичной эпидемиологической и экономической ситуации. При сравнении с другими регионами Сибирского федерального округа (таблицы 4 и 5) заметно, что показатели въезжающих внутрироссийских трудовых мигрантов и особенно выезжающих в Туву, заметно ниже, чем в других регионах, даже с сопоставимой численностью населения (Республикой Алтай, Хакасии). Тем не менее, нарастающие тренды свидетельствуют об усилении экономических связей с другими регионами страны.

Таблица 4. Число въезжающих на работу по регионам СФО, тыс. чел.¹

Table 4. The number of people entering for work by the regions of the Siberian Federal District, thousand people.

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
СФО	55,0	57,3	68,1	70,6	81,8	75,5	85,4	86,3	86,5
Республика Алтай	0,1	0,9	0,4	1,2	1,3	0,8	3,3	1,7	0,8
Республика Тыва	0,5	0,6	1,1	1,4	1,8	1,5	2,6	1,5	0,8
Республика Хакасия	2,3	3,6	4,1	2,8	5,0	4,8	5,4	4,3	2,6
Алтайский край	1,3	1,5	1,3	1,5	1,1	1,3	2,2	2,4	2,7
Красноярский край	19,4	19,6	22,3	19,5	24,4	22,3	27,8	28,9	35,0
Иркутская область	8,0	6,9	8,8	11,1	11,9	12,4	15,7	16,9	16,7
Кемеровская область	3,7	2,2	2,5	3,8	3,5	6,4	3,0	8,3	4,4
Новосибирская область	7,7	5,5	11,9	10,8	10,8	9,0	10,8	10,1	10,5
Омская область	1,0	1,7	1,9	3,3	3,3	2,0	2,9	2,5	3,3
Томская область	6,4	9,9	8,7	9,6	12,5	9,1	11,7	9,6	9,6

Таблица 5. Число выезжающих на работу по регионам СФО, тыс. чел.²

Table 5. The number of people leaving for work by the regions of the Siberian Federal District, thousand people.

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
СФО	125,0	133,2	141,5	149,0	173,9	180,9	178,3	183,3	173,4
Республика Алтай	0,3	0,5	0,5	0,8	1,2	1,6	2,2	2,7	2,4
Республика Тыва	0,6	0,2	0,6	0,8	0,9	1,1	0,7	1,0	0,8
Республика Хакасия	5,6	7,2	10,6	8,0	10,6	10,0	13,6	11,2	10,2
Алтайский край	9,9	7,6	10,2	15,1	23,3	28,9	28,5	27,8	24,9
Красноярский край	3,6	8,5	8,8	9,6	12,3	10,7	15,2	14,3	16,1
Иркутская область	9,3	9,0	11,1	10,8	12,8	15,6	11,4	13,0	13,6
Кемеровская область	7,8	6,6	12,3	10,9	14,8	10,6	20,0	15,9	14,9
Новосибирская область	14,2	12,5	11,3	16,0	15,3	18,9	17,2	20,4	19,5
Омская область	52,8	63,8	55,8	54,7	61,1	63,4	63,3	67,7	60,7
Томская область	6,5	5,4	9,7	6,0	6,4	4,7	6,2	9,3	10,3

¹ Составлено автором по данным ОНПЗ и ОРС за 2012–2020 гг.

² Составлено автором по данным ОНПЗ и ОРС за 2012–2020 гг.

К сожалению, ОРС не может дать ответа на некоторые весьма важные вопросы о характере межрегиональной трудовой миграции Тувы, например, в какие регионы России она направлена из республики и, напротив, кто является «поставщиком» трудовых ресурсов для неё, а также направления миграции по категориям поселений (из села в село, из села в город, из города в город или, напротив, из города в село). Из-за того, что основные российские центры притяжения внутренних трудовых мигрантов (столичные регионы, Краснодарский край) географически расположены весьма удаленно, по-видимому, потоки трудовых мигрантов из Тувы в большей степени направлены на газонефтедобывающие автономии Западной Сибири, а также Якутию и другие регионы Дальнего Востока и Крайнего Севера с неблагоприятными природными условиями, практикующие вахтовый метод работы с предоставлением жилья и с более высокими заработками, чем в Туве. Более подробные данные о внутренней трудовой миграции, включая информацию о территориях въезда и выезда, можно получить при помощи специализированных социологических обследований качественными и количественными методами, но также большие надежды связаны с предстоящей переписью населения — в программе ВПН–2021 значительно расширен блок вопросов как о миграции в целом, так и о внутренней трудовой мобильности постоянных жителей страны.

Заключение

С середины XX в. по настоящее время динамику численности населения Тувы определяют соотношение между собой естественного прироста (наблюдаемого как в городской, так и сельской местности) и миграционной убыли (всего населения и сельской ее части). Весьма высокий неттокоэффициент воспроизводства населения в Туве, заметно превышающий единицу, потенциально мог бы приводить к существенному росту численности населения, но этого в последние десятилетия не происходит из-за значительного превышения числа выбывших над прибывшими.

За последние полвека, согласно уравнению демографического баланса, суммарный миграционный отток населения превысил 100 тыс. чел, существенная часть которой пришлось на сельскую местность. Стоит отметить, что расчеты демографического баланса усложняются погрешностями текущего учета населения (особенно миграционного движения, в т. ч. вызванные сменой методики учета), качеством проведения переписей населения и накоплением ошибки закрытия баланса для межпереписных интервалов, а также административно-территориальными преобразованиями.

Сельская местность Тувы является важным «поставщиком» населения для городов самой республики, а также, вероятно, других регионов, с которыми установились наиболее тесные миграционные связи. Даже несмотря на высокую миграционную убыль, во всем населении республики, как и в городской его части, все еще наблюдается общий прирост населения из-за сохраняющегося заметного превышения рождаемости над смертностью. Замедление роста численности сельского населения в постсоветское время вызвало замедление роста общей численности населения республики.

Низкий уровень урбанизации является дополнительным фактором, который будет способствовать сохранению миграционного оттока из сельской местности в длительной перспективе. Стоит отметить, что исходя из опыта других российских регионов, миграционный отток вполне может происходить и при отрицательном уровне естественного прироста.

Среди важнейших особенностей демографической ситуации в республике — тот факт, что даже в городском, а не только в сельском населении до сих пор можно наблюдать высокую рождаемость. Это приводит к удивительному для современной России режиму воспроизводства, сочетающему естественный прирост с миграционной убылью.

В последние годы наблюдается усиление миграционных связей с Москвой, Санкт-Петербургом и их областями, хотя большая часть перемещений по-прежнему совершаются в соседние регионы. Вероятно, на соседние регионы, а также на Крайний Север и Дальний Восток направлены потоки и временной трудовой миграции из республики. При этом стоит отметить, что сам регион является небольшим по численности населения даже по меркам Сибирского федерального округа, и, несмотря на довольно высокий миграционный потенциал, не может оказывать заметного вклада в формирование населения других регионов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В., Губогло, М. Н., Козлов, М. С. (1999) Формирование этнополитической ситуации. Т. 1. Очерки по истории постсоветской Тувы. М. : ЦИМО РАН. 412 с.

Анайбан, З. В. (2011) Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 130–150.

Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.

Андреев, Е. М. (2012) О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации // Вопросы статистики. № 11. С. 21–35.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // Социологические исследования. № 10. С. 85–92.

Биче-оол, Т. Н., Допчут, А. А. (2015) Изменение административно-территориального деления Республики Тыва // Вестник Забайкальского государственного университета. № 9 (124). С. 4–9.

Денисенко, М. Б., Степанова, А. В. (2012) География происхождения жителей Москвы. Расселение населения // Демографические исследования. № 19. С. 133–168.

Кан, В. С. (2014) Миграция как фактор межэтнической напряженности в Республике Тыва // Конфликтология. № 5. С. 218–220.

Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. (2013) Внутрироссийская миграция // Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред.: А. Г. Вишневецкий. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ. 530 с. С. 444–473. DOI: <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-1772-7>

Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В. (2016) Население центров и глубинки в России, Украине и Белоруссии [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 699–700. С. 1–27. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0699/tema01.php> (дата обращения: 05.10.2021).

Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 152–165.

Мкртчян, Н. В. (2011) Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе переписей 2002 и 2010 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 28–41. DOI: <http://doi.org/10.1134/S2079970511030087>

Мкртчян, Н. В. (2020) Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. № 7(1). С. 83–99. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б. (2014) Внутрироссийские миграции // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневецкий. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ. 412 с. С. 309–342.

Пьянкова, А. И. (2014) Методические проблемы сопоставимости данных переписей населения 2002 и 2010 годов (на примере Московской области) // Региональные исследования. № 1. С. 109–121.

Самба, А. Д. (2020) Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1. С. 47–50. DOI: <https://www.doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в советский период // Новые исследования Тувы. № 3. С. 137–147. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Чудиновских, О. С. (2010) Современное состояние статистики миграции в России: новые возможности и нерешенные проблемы // Вопросы статистики. № 6. С. 8–16.

Abylkalikov, S. I., Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989-2015 censuses and microcensuses // Baltic Region. Vol. 11. № 2. С. 32–50. DOI: <https://www.doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Дата поступления: 12.10.2021 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V., Guboglo, M. N. and Kozlov M. S. (1999) *Formirovanie etnopoliticheskoi situatsii [Shaping the ethno-political situation]*. Moscow, Center for the Study of Interethnic Relations RAS. Vol. 1: *Ocherki istorii postsovetsoi Tuvy [Essays on the history of post-Soviet Tuva]*. 420 p. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2011) Kharakteristika etnodemograficheskikh protsessov Tuvy v sovetskii period [Characteristics of ethnodemographic processes in Tuva during the Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 130–150. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. (2020) Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]. *Sciences of Europe*, no. 49–4 (49), pp. 62–66. (In Russ.).

Andreev, E. M. (2012) O tochnosti rezul'tatov rossiiskikh perepisei naseleniia i stepeni doveriia k raznym istochnikam informatsii [On accuracy of Russia population censuses results and level of confidence in different sources of information]. *Voprosy statistiki*, no. 11, pp. 21–35. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Specific features of ethno-regional migration in Tuva]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 85–92. (In Russ.).

Biche-ool, T. N. and Dopchut, A. A. (2015) Izmenenie administrativno-territorial'nogo deleniia Respubliki Tyva [Change in the administrative territorial division of the Republic of Tuva]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (124), pp. 4–9. (In Russ.).

Denisenko, M. B. and Stepanova, A. V. (2012) Geografiia proiskhozhdeniia zhitelei Moskvy. Rasselenie naseleniia [Geography of the origin of the inhabitants of Moscow. Displacement of population]. *Demograficheskie issledovaniia*, no. 19, pp. 133–168. (In Russ.).

Kan, V. S. (2014) Migratsiia kak faktor mezhetnicheskoi napriazhennosti v Respublike Tyva [Migration as the factor of interethnic tension in the Republic of Tuva]. *Konfliktologiya*, no. 5, pp. 218–220. (In Russ.).

Karachurina, L. B. and Mkrtychyan, N. V. (2013) Vnutrirossiiskaia migratsiia [Internal Russian migration]. In: *Naselenie Rossii 2010–2011. Vosemnadtsatyi–deviatsatyi ezhegodnyi demograficheskii doklad [The population of Russia in 2010–2011. Eighteenth and nineteenth annual demographic report]* / ed. by A. G. Vishnevskii. Moscow, HSE Publishing House. 530 p. Pp. 444–473. (In Russ.). DOI: <http://doi.org/10.17323/978-5-7598-1772-7>

Karachurina, L. B. and Mkrtychyan, N. V. (2016) Naselenie tsentrov i glubinki v Rossii, Ukraine i Belorussii [The population of the centers and the hinterland in Russia, Ukraine and Belarus]. *Demoskop Weekly*, no. 699–700, pp. 1–27. [online] Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2016/0699/tema01.php> (access date: 05.10.2021). (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: Way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Mkrtychyan, N. V. (2011) Dinamika naseleniia regionov Rossii i rol' migratsii: kriticheskaya otsenka na osnove perepisei 2002 i 2010 gg. [Population dynamics of Russia's regions and the role of migration: Critical assessment based on the 2002 and 2010 censuses]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 5, pp. 28–41. (In Russ.).

Mkrtychyan, N. V. (2020) Problemy v statistike vnutrirossiiskoi migratsii, porozhdennye izmeneniyem metodiki ucheta v 2011 g. [Problems in the statistics of internal Russian migration caused by changes in accounting methods in 2011]. *Demographic Review*, no. 7 (1), pp. 83–99. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>

Mkrtychyan, N. V. and Karachurina, L. B. (2014) Vnutrirossiiskie migratsii [Internal Russian migrations]. In: *Naselenie Rossii 2012: dvadtsatyi ezhegodnyi demograficheskii doklad [Population of Russia 2012: The twentieth annual demographic report]* / ed. by A. G. Vishnevskii. Moscow, HSE Publishing House. 412 p. Pp. 309–342. (In Russ.).

Pyankova, A. I. (2014) Metodicheskie problemy sopostavimosti dannykh perepisei naseleniia 2002 i 2010 godov (na primere Moskovskoi oblasti) [Methodological problems of comparability of data from the 2002 and 2010 population censuses (The case of Moscow region)]. *Regional'nye issledovaniia*, no. 1, pp. 109–121. (In Russ.).

Samba, A. D. (2020) Osnovnye izmeneniia v sotsial'no-trudovom prostranstve Respubliki Tyva [Major changes in the socio-labor space of the Republic of Tuva]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Osobennosti formirovaniia gorodskogo rasseleniia v Tuve v sovetskii period [Features of urban settlement in Tuva in the Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Chudinovskikh, O. S. (2010) Sovremennoe sostoianie statistiki migratsii v Rossii: novye vozmozhnosti i nereshennye problemy [The current state of migration statistics in Russia: New opportunities and unresolved issues]. *Voprosy statistiki*, no. 6, pp. 8–16. (In Russ.).

Abylkalikov, S. I. and Sazin, V. S. (2019) Migration in the Kaliningrad region reflected in the 1989–2015 censuses and microcensuses. *Baltic Region*, vol. 11, no. 2, pp. 32–50. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-3>

Submission date: 12.10.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.11

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Статья

Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне)**Михаил А. Бредис**

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Евгений Е. Иванов

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь,

Ольга В. Ломакина

Московский педагогический государственный университет; Российский университет дружбы народов,

Российская Федерация,

Наталья Ю. Нелюбова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Шенне Ю. Кужугет

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

Отсутствие типологических описаний тувинских пословиц создаёт искусственную изоляцию тувинского пословичного фонда, который является органичной частью общего евразийского паремиологического континуума, характеризуется как общими с другими языками, так и уникальными пословицами, маркирующими этнокультурную специфику тувинского народа. Наибольшую актуальность (и наибольшую трудность) в этой связи представляет собой лексикографическое описание тувинских пословиц на европейском паремиологическом фоне.

Цель исследования — разработать методологические основания для лексикографического описания тувинского пословичного фонда на фоне европейских пословиц (принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий).

Фактическим материалом послужили издания тувинских пословиц и поговорок, примеры пословиц из словарей, а также наиболее авторитетные паремиологические словари современных европейских языков (Э. Штрауса, Д. Пацоллаи, К. Григаса, В. М. Мокиенко, М. Ю. Котовой и др.).

В статье разработаны принципы словарного описания тувинских пословиц на широком европейском языковом фоне, которое проводится на основе теории структурно-семантического моделирования, предполагающей последовательную дифференциацию единиц тувинского пословичного фонда по критерию общности / специфичности в сравнении с пословицами европейских языков на полностью vs. частично аналогичные и абсолютно vs. коррелятивно уникальные (по структурно-семантической модели); частичные аналоги на этнолингво vs. этнокультурно ассимилированные; коррелятивные уникалии на этнолингво vs. этнокультурно маркированные (по ключевым понятиям и/или пословичным образам).

Ключевые слова: лексикография; паремиология; пословица; структурно-семантическая модель; полилингвальный словарь; тувинский язык; тувинский фольклор; современный европейский язык

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН и при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).

Для цитирования:

Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., Кужугет Ш. Ю. Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 143-160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис Михаил Алексеевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адрес: bredis-ma@rudn.ru

Иванов Евгений Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: ivanov_ee@msu.by

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адрес: lomakina-ov@rudn.ru

Нелюбова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 532-15-77. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

Кужугет Шенне Юрьевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7(923)388-69-99. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru

DIALOGUE OF CULTURES

Article

A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies

Mikhail A. Bredis

RUDN University, Russian Federation,

Eugene Eu. Ivanov

A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus,

Olga V. Lomakina

Moscow Pedagogical State University; RUDN University, Russian Federation,

Natalia Yu. Nelyubova

RUDN University, Russian Federation,

Shenne Yu. Kuzhuget

Tuvan State University, Russian Federation

Due to the absence of a typological description of Tuvan proverbs, the Tuvan proverb corpus seems to appear in an artificial isolation. On the contrary, it must be seen for what it is – an organic part of the Eurasian paremiological continuum. This part has both proverbs it shares with other languages and unique ones which mark the ethnocultural distinctiveness of the Tuvan people. It is thus of utter importance (and ultimate difficulty) that a lexicographical description of Tuvan proverbs must be built with paremiology of European language as its background.

The aim of this study is to lay a methodological foundation for a description of Tuvan proverb corpus compared against European proverbs – a foundation which should cover its principles, structure and ethnolinguocultural commentary.

Looking for factual material, we turn to editions of collections of Tuvan proverbs and sayings, to dictionaries, including the most authoritative paremiological dictionaries of modern European languages, such as the ones edited by E. Strauss, G. Paczolay, K. Grigas, V. M. Mokienko, or M. Yu. Kotova.

The description, as well as its principles, is based on the theory of structural semantic modeling, which, in its turn, suggests that each unit of the corpus of Tuvan proverbs should be subjected to a differentiating use of the generality/specificity criterion. Compared against European counterparts, each Tuvan proverb can be seen as fully vs. partly analogous and absolutely vs. correlatively unique (in accordance with the structural semiotic model), the partly analogous further subdivided into ethnolinguistically vs. ethnoculturally assimilated, and the correlatively unique into ethnolinguistically vs. ethnoculturally marked (by key ideas and/or proverbial imagery).

Keywords: lexicography; paremiology; proverb; structural semantic model; multilingual dictionary; Tuvan language; Tuvan folklore; modern European language

The publication was supported by the Program of strategic academic leadership, RUDN University, and with financial support from the Russian Science Foundation, project "Thesaurus of an ethnic culture in the 21st century: research and preservation (the case of Tuvan culture)", grant No. 21-18-00246.

For citation:

Bredis M. A., Ivanov Eu. Eu., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu. and Kuzhuget Sh. Yu. Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 143-160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

BREDIS, Mikhail Alekseyevich, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. Email: bredis-ma@rudn.ru [ORCID ID: 0000-0003-4885-952X](https://orcid.org/0000-0003-4885-952X)

IVANOV, Eugene Evugenevich, Candidate of Philology, Associate Professor and Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, A. A. Kuleshov Mogilev State University. Postal address 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Tel.: +375 (29) 691-50-01. Email: ivanov_ee@msu.by [ORCID ID: 0000-0002-6451-8111](https://orcid.org/0000-0002-6451-8111)

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. Email: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru [ORCID ID: 0000-0003-0298-5678](https://orcid.org/0000-0003-0298-5678)

NELYUBOVA, Natalia Yurievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 532-15-77. Email: nat.nelubova@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-6538-8267](https://orcid.org/0000-0002-6538-8267)

KUZHUGET, Shenne Yurievna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Head, Department of Pedagogics and Methodology of Pre-School and Primary Education; Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7(923)388-69-99. Email: kuzhuget-sh@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-3507-3053](https://orcid.org/0000-0002-3507-3053)

Введение

Тувинская паремиография на сегодняшний день представлена десятком различных по объёму и языку (оригинальных, с переводами или только переводные на русский язык) сборников тувинских пословиц и поговорок, из которых наиболее популярным до совсем недавнего времени было издание 1966 г., подготовленное М. А. Хадаханэ и О. К. Саган-оолом¹, и впоследствии несколько раз переизданное. В 2003 г. появился сборник Б. К. Будупа, выдержавший несколько стереотипных изданий (последнее в 2020 г.²), однако содержащий множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык. Все издания тувинского пословичного фонда представляют собой фольклорные сборники, в них пословицы подаются как фразовые тексты (произведения малых жанров устного народного творчества), а не как языковые единицы, функционирующие в устной и письменной речи, которые имеют формальные варианты, значение и его экспрессивные коннотации в различных ситуациях, связаны между собой (и с другими единицами языка) разными семантическими и деривационными отношениями. Авторы-составители сборников тувинского пословичного фонда не ставили целью его языковедческое описание, на первом плане была популяризация фольклора, поэтому пословицы издавались с литературными переводами на русский язык, содержащими неточности, и не сопровождались научными комментариями.

Тувинские пословицы, как и пословицы любого языка, соотносятся с иноязычными пословицами, имеют межъязыковые аналоги или эквиваленты, восходят по своему происхождению к другим языкам — являются кальками или заимствованиями, характеризуются в межъязыковом плане специфичностью, интернациональностью, универсальностью. Исследование связей пословичных фондов тувинского народа и других народов мира существенно затрудняет отсутствие сопоставительного словаря тувинских и иноязычных пословиц.

Актуальными задачами тувинской паремиологии на современном этапе её развития, на наш взгляд, являются разработка принципов лингвистического описания пословиц в паремиологических словарях — нормативном (толковом), переводном (двуязычном), сопоставительном (на фоне родственных, ареально близких, типологически значимых языков), лингводидактическом (школьном) и др. Наибольший интерес (и наибольшую трудность) представляет в этой связи разработка сопоставительного словаря тувинских и европейских пословиц, который позволит преодолеть изолированность тувинского пословичного фонда, входящего в евразийский паремиологический континуум, от широкого сравнительного и типологического изучения пословиц европейских и азиатских народов.

Цель исследования — разработать принципы, обосновать структуру и определить этнолингвокультурологическое содержание лексикографического описания тувинских пословиц, при котором они будут последовательно сопоставлены с пословицами современных европейских языков на уровне структурно-семантических моделей, ключевых понятий и пословичных образов.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц³, а также 7500 пословиц из 20 европейских языков, отобранных из авторской картотеки, полученной путём сплошной выборки из авторитетных паремиографических источников современных европейских языков (Grigas, 1987; Strauss, 1994; Paczolay, 1997; Котова, 2000; Muñoz, 2001; Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010; Петрушэўская, 2020).

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020), а также основные положения теории пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2009; Иванов, 2019ab; Иванов, 2020), структурно-семантического моделирования пословиц (Ivanov, Feld-

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.).

² Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с. (На рус. и тув. яз.).

³ Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически самого новейшего сборника: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с. Помимо этого при анализе учитывались материалы изданий: *Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки* / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1976. 78 с. (На тув. и рус. яз.); а также (Тувинско-русский ..., 1968, 2004).

man, 2007; Петрушэўская, 2020; Иваноў, Петрушэўская, 2021) и их лингвоаксиологической интерпретации (Ломакина, Мокиенко, 2018; Нелюбова, 2019; Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020), культурно-языкового трансфера пословиц (Ломакина, Мокиенко, 2016; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Lomakina, 2021) и их этимологического анализа (Ivanov, Petrushevskaja, 2015).

Анализ национально-культурной специфики тувинских пословиц, их связей с пословицами и поговорками других народов базируется на основных дескриптивных и сопоставительных, лингвокультурологических исследованиях пословично-поговорочного фонда тувинского народа (Доржу, 2012; Чадамба, 2014; Коняшкин, Чадамба, 2014ab; Чадамба, 2015; Кечил-оол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Коняшкин, Чадамба, 2017; Салчак, 2019; Чугунекова, 2019; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), а также на широком историко-этнографическом описании тувинского фольклора (Курбатский, 2001; Бурыкин, Болдырева, Музраева, 2019), изучении материальных и духовных особенностей тувинской культуры (Ламажаа, 2015; Бугегечиева, 2018).

Зоны лексикографического описания

Лексикографическое описание тувинских пословиц на фоне европейских в полилингвальном словаре с этнолингвокультурологическим комментарием предполагает специальную разработку комплекса зон словарной статьи, не имеющего аналогов в паремиографии. Обозначенный комплекс должен включать как традиционные, так и специфические зоны с учётом той лексикографической информации, которая должна быть представлена в данном типе словаря.

Наиболее лексикографически значимой информацией в этом случае являются, во-первых, имеющиеся формальные варианты тувинской пословицы, во-вторых, аутентичный перевод тувинской пословицы на языки различной грамматической структуры, в-третьих, наличие и объём аналогов и коррелятов тувинской пословицы в европейских языках, в-четвёртых, дифференциация общности / специфичности тувинских и европейских пословиц на уровне структурно-семантических моделей, ключевых понятий, пословичных образов, в-пятых, этнолингвокультурная специфика тувинских аналогов и коррелятов европейским пословицам, в-шестых, семантические парадигматические связи в тувинском пословичном фонде.

Основными зонами сопоставительного этнолингвокультурологического описания тувинских пословиц на европейском паремиологическом фоне в полилингвальном словаре, исходя из репрезентации указанных выше 6 типов лексикографически значимой информации, целесообразно считать следующие: 1) зона реестровой единицы (1 и 2 типы); 2) зона иноязычного аналога или коррелята (3 тип); 3) зона этнолингвокультурологического комментария (4 и 5 типы); 4) зона парадигматических связей пословиц в тувинском языке (6 тип).

Зона реестровой единицы включает в себя тувинскую пословицу (с указанием всех имеющихся её формальных вариантов), аутентичный перевод тувинской пословицы на русский и английский языки, указание на наличие общности / специфичности тувинской пословицы с пословицами современных европейских языков.

Формальные варианты пословицы позволяют максимально адекватно и полно репрезентировать её в качестве реестровой единицы лингвистического паремиологического словаря. Под формальными вариантами следует понимать такие вариации лексико-грамматической организации пословицы, которые объединены одним общим значением, однако могут отличаться внутренней формой (включать разные пословичные образы и/или ключевые понятия). Так, формальными вариантами одной пословицы являются *Кортук кижиниң кулаа дыыжы* (с. 34¹), *Кортук кижиниң караа көскү* (с. 109) 'У трусливого глаза зорки', *Хоюган аъттың караа көскү, кортук кижиниң кулаа дыыжы* (с. 59) 'У пугливого коня глаза зорки, а трусливого человека — острый слух', поскольку все они имеют общее значение 'Кто труслив, тому везде и во всём мерещится опасность', хотя и различаются ключевыми понятиями (*кортук киж* 'трусливый человек' / *хоюган аът* 'пугливый конь') и пословичными образами (*кулаа дыыжы* 'уши острые' / *караа көскү* 'глаза зорки'). То же справедливо и в отношении *Өжээн кырывас* (с. 44) 'Мечь не стареет' и *Назын кырыыр, өжээн кырывас* (с. 41) 'букв. Возраст стареет, а мечь не стареет',

¹ Здесь и далее указываются страницы по изданию: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

где один из вариантов включает факультативный пословичный образ (*өжээн кырывас* ‘месть не стареет’). Или также *Сөөк чугазы сыйлыычал* (с. 50) ‘букв. Тонкая часть кости хрупкая’ и *Алгы чугазы ойлуур, сөөк чугазы сыйлыр* (с. 15) ‘Тонкая шкура продырявится, тонкая часть кости хрупкая’, где в одном из вариантов используется факультативный пословичный образ (*алгы ойлуур* ‘шкура становится дырявой’). То же для *Оол аътка ынак* (с. 42) ‘мальчики любят лошадей’ и *Кыс этке ынак, оол аътка ынак* (с. 38) ‘Девочки любят вещи, а мальчики лошадей’, где один из вариантов включает факультативную предикативную часть (*Кыс этке ынак* ‘Девочки любят вещи’). Встречаются варианты инверсирования предикативных частей, напр.: *Даг аътты човадыр, кылык ботту човадыр* (с. 23) ‘Тора коня измучает, норов — человека’ и *Кылык ботту човадыр, даг аътты човадыр* (с. 37) ‘Норов измучает человека, гора — коня’. Нередка вариантность лексического состава и грамматической организации пословицы, напр.: *Кижичугаалажып таныжар, аът киштежип таныжар* (с. 33) ‘Люди знакомятся в разговоре, лошади — во время ржания’ и *Мал киштежип таныжар, чон чугаалажып таныжар* (с. 40) ‘Лошади знакомятся во время ржания, народ — в разговоре’.

Фиксация формальных вариантов пословицы позволяет адекватно реконструировать её структурно-семантическую модель (Иванов, Петрушевская, 2021: 107–108; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 223–225), что является необходимым условием не только для лексикографического описания, но и для типологического и лингвокультурологического сравнения тувинских пословиц на фоне других языков.

Аутентичный перевод тувинской пословицы на русский и английский языки позволяет использовать его в качестве *Tertium comparationis* (третьего члена сравнения), необходимого для верифицируемого установления в иных языках пословиц, тождественных или близких по структурно-семантической модели тувинской пословице (т. е. её межъязыковых пословичных аналогов и коррелятов). Так, пословица *Тенек баш бут човадыр* обычно переводится как ‘Дурная голова ногам покоя не даёт’ (с. 51), что соответствует = рус. *Дурная голова ногам покою не даёт* и даёт возможность установить её аналоги в восточнославянских языках = бел. *За дурной галавой і нагам неспакой; За дурною галавою і нагам спакою няма* = укр. *За дурною / пустою головою нема ногам спокою* (Котова, 2000: 41). Более точный (аутентичный) перевод этой пословицы — ‘Дурная голова ноги изнуряет’, отмеченный в нашей статье (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 225), позволяет рассматривать её на гораздо более широком языковом фоне как аналог в тувинском языке универсальной пословичной структурно-семантической модели *A stupid head makes much work to the feet* (v2) (Paczolay, 1997: 280), которая реализуется в разных европейских языках = чеш. *Zle nohám pod bláznovskou hlavou* = лит. *Durna galva — kojoms klapatas / vargas* = англ. *A witless head makes a weary pair of heels* = нем. *Was der Kopf vergisst, müssen die Füße entgelten* = фин. *Tuhtmän päään takii kärsii koko ruumis* — *Из-за глупой головы страдает всё тело* (там же: 280–281).

Точность перевода тувинских пословиц представляет собой актуальную проблему, о которой не раз писали исследователи, в том числе на материале художественных текстов на русском языке (Коняшкин, Чадамба, 2014а, 2017; Чадамба, 2014, 2015), однако не рассматривалась, как и особенности перевода на английский язык, в лексикографическом аспекте. Аутентичность перевода, помимо своей роли для межъязыкового сопоставления, является важнейшим компонентом словарной репрезентации формы и содержания пословиц в лингвистическом паремиологическом словаре. Поэтому проблема достижения аутентичности при переводе тувинских пословиц на языки различного грамматического строя требует специального глубокого изучения.

Проблема аутентичных переводов стала очевидной для нас в ходе нашей работы с двуязычными изданиями тувинских пословиц, в которых присутствуют разные способы перевода и соответствующие им ошибки, неточности и искажения; иногда встречаются и варианты безэквивалентной лексики. В случае художественных, «поэтических» переводов — они были заменены нами на дословные.

Указание в зоне реестровой единицы на наличие общности (близости) / специфичности структурно-семантической модели, полной / частичной аналогии, абсолютной / коррелятивной уникальности ключевых понятий и/или пословичных образов тувинской пословицы в сопоставлении с пословицами современных европейских языков (балтийских, германских, романских, славянских) манифестирует наличие, содержание и объём зоны иноязычного аналога или коррелята.

Зона иноязычного аналога или коррелята актуализируется в случае наличия у реестровой единицы общности или близости с европейскими паремиями и включает в себя иноязычную пословицу как аналогичную или коррелятивную (близкую) тувинской пословице по структурно-семантической модели, ключевым понятиям, пословичным образам, а также указание на характер аналогии или корреляции — универсальный, интернациональный, этнонациональный (Петрушевская, 2021). В слу-

чае обнаружения абсолютной уникальности тувинской поговорки по структурно-семантической модели, ключевым понятиям и поговорочным образам (на европейском языковом фоне) зона иноязычного аналога или коррелята не актуализируется при её словарном описании (пословичные аналоги или корреляты в современных европейских языках отсутствуют).

Так, поговорка *Балык бажындан чыдыыр, терек өзээнден ириир* (с. 20) 'Рыба сгниет с головы, дерево становится трухлявым изнутри' имеет соответствия в тех европейских языках, которые не контактировали с тувинским языком, а значит, является вариантом универсальной поговорки со структурно-семантической моделью *Fish always begin,-s to stink / decay at the head (or stink,-s first at the head)* (Paczolay, 1997: 440), ср.: = бел. *Рыба з галавы гніе (загніваеца, пачынае гніць, псуецца)*; *Рыба з галавы гніе (загніваеца, псуецца)* = болг. *Рибата от главата вонее (се / са ввонява / всмърдява)* = польск. *Ryba psuje się (cuchnie) od głowy*; *Od głowy ryba śmierdzi* = рус. *Рыба с головы гниёт (воняет, тухнет)*; *Рыба гниёт (загнивает, портится, тухнет) всегда с головы* = словац. *Od hlavy ryba smrdí* = словен. *Iz glave riba smrdí* = укр. *Риба від голови смердить*; *Від голови риба починає смердити* = чеш. *Od hlavy ryba smrdí* = лат. *Zivs sāk pūt no galvas* = лит. *Žuvis nuo galvos pradeda dvokti* = англ. *Fish begins to stink at the head* = нем. *Der Fisch fängt am Kopf an zu stinken*; *Der Fisch stinkt am Kopf zuerst* = исп. *El pez, por la cabeza hiede* = ит. *Il pesce comincia a puzzare dal capo (dalla testa)*; *Il pesce comincia / incomincia a putir / puzzar dal capo* = фр. *Le poisson commence toujours à sentir par la tête* = венг. *A hal is a fejétől bűdösödik*; *Fej(é)től bűzlik / bűdösödik a hal* (Strauss, 1994a: 996; Paczolay, 1997: 440–442; Котова, 2000: 133; Петрушэўская, 2020: 89).

Вместе с тем тувинская поговорка *Балык бажындан чыдыыр, терек өзээнден ириир* (с. 20) полностью аналогична иноязычным поговоркам только первой частью своей структурно-семантической модели (*Балык бажындан чыдыыр*), тогда как вторая её часть (*Терек өзээнден ириир*) специфична по отношению к европейскому паремиологическому фону. Однако специфичность этой тувинской поговорки как этнонационального варианта универсальной поговорки *Fish always begin,-s to stink / decay at the head (or stink,-s first at the head)* (Paczolay, 1997: 440) требует параллельной верификации на азиатском поговорочном материале. Следует заметить, что двухкомпонентные варианты этой универсальной поговорки встречаются не только в тувинском языке, но и в других языках самых разных языковых семей, напр.: = рус. *Рыба от головы тухнет, а дурак – от ума* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 776) = бурят. *Загаһан толгойһоо гутаха, залхуу табгайһаан гутаха* 'Рыба гниёт с головы, лентяй — с ноги'¹. В татарском языке есть полный аналог тувинской поговорки о тухлой рыбе и гнилом тополе, ср.: = *Балык — башыннан, тирэк үзэгәннән чери* 'Рыба с головы, тополь — с сердцевины гниёт' (Татарские народные ..., 2020: 94), при этом татарская поговорка имеет формальный вариант со славянским тополь, ср.: = *Балык — башыннан, тополь үзэгәннән чери* (Галиуллин, 2018: 362). Специфичность второй части тувинского этнонационального варианта универсальной поговорки на фоне европейских языков и её межъязыковая общность на азиатском паремиологическом фоне требует включения в словарь соответствующего этнолингвокультурологического комментария.

Кроме полных или частичных аналогов по структурно-семантической модели, тувинские поговорки могут иметь в европейских языках непереводаемые поговорочные корреляты — такие иноязычные поговорки, которые не совпадают с тувинскими по структурно-семантической модели, но имеют полностью или частично коррелятивные в них ключевые понятия и/или поговорочные образы. Так, в тувинских и европейских поговорках можно выделить аналогичные ключевые понятия (общие социокультурные, аксиологические, эмпирические концепты и / или когнитемы: *ажыл / аши-чем* = англ. *work / eat*, ит. *lavoro / mangiare*, нем. *arbeit / essen* и др.; *бай / ядыы* = лит. *bagotas / biednas*, польск. *bogaty / biedny* и др.), тождественную образность (общие и близкие поговорочные образы: *куш / уя* = англ. *bird / nest*, фр. *oiseau / nid*, чеш. *ptačí / hnízdo* и др.; *бөрү (кокай) / хой* = польск. *wilk / owca*; бел. *воўк / авечка* и др.).

Например, поговорки из состава национально-культурного компонента паремиологического фонда белорусского языка — *Баязліўцу і заяц воўк* (Иванова, Иваню, 1997: 42), русского языка — *Трусливому зайке и пенёк волк* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 359) не имеют структурно-семантических аналогов в тувинском языке, однако коррелируют с теми тувинскими поговорками, в которых используются образы «бөрү / кокай» ('волк') и «кодан / койгун» ('заяц'). Показательно, что в тувинских поговорках данные образы никогда не используются как «пословичный бином» (Селиверстова

¹ Онъһон үгэ (3) поговорки и поговорки [Электронный ресурс] // Уран хун. 2019, 13 августа. URL: uran-media.ru/nasledie/onhon-gje-z-poslovicy-i-pogovorki-na-bukvu-z/ (дата обращения: 16.08.2021).

2009), обусловлены иными аксиологемами, встроены в иные социокультурные контексты, однако могут иметь тождественную внутреннюю форму (обусловлены одинаковыми когнитивными), напр.: *Бөрү кырыза-даа, диди чидиг* 'букв. Даже если волк стареет, зубы останутся острыми'; *Бөрүлүг ойну хой эндевес* (с. 93) 'букв. Овцы издали чувствуют низину с волками'; *Кокайга хой каартпа, хопчуга сөс дыңнатпа* (с. 34) 'букв. Волку не давай овец пасти, слово не сообщи клеветнику'; *Кокпага киргенде, койгун чүгүрүк, коданга киргенде, ыт эрги* (с. 34) 'букв. Быстро скачет заяц при звериной тропе, собаки громко лают поблизости аала' и др. Понятийные и образные корреляты в тувинских и европейских пословицах должны сопровождаться указанием на природу их общности / близости / специфичности, обеспечиваться соответствующим этнолингвокультурологическим комментарием.

Зона этнолингвокультурологического комментария аккумулирует разного рода толкования этнолингво- / этнокультурно ассимилированных или этнолингво- / этнокультурно маркированных на уровне ключевых понятий и пословичных образов тувинских пословиц, имеющих пословичные аналогии или корреляты в современных европейских языках.

Содержание и структура этнолингвокультурологического комментария пословиц в словарях различных типов не имеет в современной паремиологии однозначного понимания, поэтому требует специальной разработки. Такой комментарий может включать информацию лингвокультурологического, этнолингвистического, лингвоаксиологического характера, направленную на описание структурно-семантической модели, репертуара ключевых понятий и пословичных образов; особенностей этнолингво- / этнокультурной ассимиляции / корреляции тувинской пословицы в последовательной сопоставительной проекции на аналогичные или близкие по данным параметрам (коррелятивные) европейские пословицы.

Содержание этнолингвокультурологического комментария тувинских пословиц с учётом их дифференциации на имеющие / не имеющие общие структурно-семантические модели с пословицами в современных европейских языках более подробно рассматривается в отдельных двух разделах данной статьи (см. ниже).

Зона парадигматических связей в тувинском языке предназначена отражать синонимы, антонимы реестровой единицы, близкие ей по структурно-семантической модели, ключевым понятиям, пословичным образам тувинские пословицы.

Например, пословица *Кортуктуң чүрээ аксында, хоюганның кулаа кудуруунда* 'Сердце у труса во рту стучит, у пугливого уши у хвоста' (с. 109) является синонимичной пословице, имеющей ряд формальных вариантов: *Кортук кижиниң кулаа дыыжы* 'У трусливого человека уши остры' (с. 34), или *Кортук кижиниң караа көскү* 'У трусливого человека глаза зорки' (с. 109), или *Хоюган азттың караа көскү, кортук кижиниң кулаа дыыжы* (с. 59) 'У пугливого коня глаза зорки, а трусливого человека — острый слух'.

Пословицы *Харам кижиниң караа соок* 'У скупого глаза холодные' (с. 57) и *Кортук кижиниң караа көскү* (с. 109) 'У трусливого глаза зорки' имеют весьма близкую структурно-семантическую модель с одинаковыми компонентами *кижи* 'человек' и *караа* 'глаза', но различаются ключевыми понятиями *харам* 'жадный' / *кортук* 'трусливый' и пословичными образами *соок* 'холодный' и *көскү* 'зоркий, видный', что указывает на многообразие аксиологических интерпретаций качеств человека и их предметного осмысления и переосмысления в тувинской пословичной картине мира.

Пословицы *Хүннээчелдиң караа көскү* 'У ревнивца глаза зорки' (с. 61) и *Кортук кижиниң караа көскү* 'У трусливого глаза зорки' (с. 109) также весьма близки по структурно-семантическим моделям, имеют одинаковые компоненты *караа көскү*, которые не только образуют устойчивую ассоциативную связь между двумя этими пословицами, но и обуславливают одинаковое отношение к понятиям 'ревнивец' и 'трус' в ценностной иерархии восприятия тувинцами личностных качеств человека.

Пословицы *Өшкенден чылыг эреве, өлгенден чем эреве* 'Не грейся у потухшего огня, не надейся на мёртвого' (с. 46) и *Өшкен өт кывар, өлген кизи турбас* 'Огонь угасший разгорится, умершему не возвратиться' (с. 46) ассоциативно связаны, поскольку имеют одинаковую пословичную образность («потухший / угасший огонь») и одно и то же ключевое понятие («мёртвый / умерший человек»), манифестирующие связь огня и смерти в традиционной (пословичной) этнонациональной картине мира тувинского народа.

Репрезентация парадигматических связей пословиц в тувинском языке имеет важное значение для выявления, дифференциации и установления взаимоотношений типологически общих (близких)

с европейскими языками и этнокультурно обусловленных (маркированных) единиц в составе тувинского пословичного фонда.

Этнолингвокультурологический комментарий тувинских пословиц, которые имеют пословичные аналоги в европейских языках

Этнолингвокультурологический комментарий тех тувинских пословиц, которые аналогичны по структурно-семантической модели европейским пословицам, но отличаются национально-языковым и /или этнокультурным своеобразием на уровне когнитивных компонентов плана содержания и /или образной структуры, целесообразно основывать на синхронической проекции этнонациональной тувинской картины мира на исторически сложившуюся современную полинациональную картину мира европейцев. При этом важно учитывать факты специфичности тувинской пословичной картины мира по отношению к пословичной картине мира каждого европейского народа по отдельности.

Так, тувинская пословица *Кортук кижиниң караа көскү* (с. 109) 'У трусливого человека глаза зоркие' отличается от своих европейских аналогов = англ. *Fear has magnifying eyes* = лат. *Bailēm lielas acis* = лит. *Vaimė turi didėles akis* = нем. *Furcht hat große Augen* = польск. *Strach ma wielkie oczy* = рус. *У страха глаза велики* = укр. *Страх має великі очі* = фр. *La peur a de grands yeux* (Петрушэўская, 2020: 282) ключевыми понятиями *кортук кижиниң, караа*, а также образным компонентом *көскү*, указывающим на приоритет в тувинской картине мира социально важной характеристики концепта *глаза* — *зоркие*, в отличие от общеевропейского социально нейтрального соматического образа *глаза* — *большие*, что исторически обусловлено традиционным образом жизни тувинского народа, занимавшегося кочевым скотоводством, когда наибольшую значимость имели не статичные (внешние), а функциональные (внутренние) качества физических параметров человека.

Тувинская пословица *Бодунуң бажында те́ве көрбейн, эжиниң бажында те́вене көрген* (с. 21) 'У себя на голове верблюда не разглядел, у товарища на голове иголку заметил' отличается национально-специфичной образностью от своих аналогов в европейских языках, ср.: = англ. *You can see a mote in another's eye but cannot see a beam on your own* = рус. *В чужом глазу сучок / соломинку видим, в своем бревна не замечаем* = фр. *On voit une paille dans l'oeil de son prochain/voisin et pas une poutre/bûche dans le sien* = исп. *En el ojo de su vecina ve una paja y en el suyo no ve una viga/trance* = итал. *Si vede la paglia / scheggia nell'occhio altrui e non si vede la trave nel proprio* и др. (Paczolay, 1997: 131–136). Эта интернациональная пословица имеет библейское происхождение (*Лепта библейской мудрости ... 2019b*: 149–152) и в европейских языках сохраняет евангельскую образность «сучок / соломинка» и «бревно» (Мф 7, 3–5; Лк 6, 41), хотя первый компонент данного двучленного образа может варьироваться, что отражено в структурно-семантической модели европейской пословицы, ср.: *You see the mote / hair / needle / shaving / splinter / straw / twiglet in another's (or in your brother's) eye but fail to see the beam in your own* (Paczolay, 1997: 131). В тувинской пословице представлены неожиданные, на первый взгляд, образы «иголка» и «верблюд», которые, однако, появились в ней вовсе не случайно. Во-первых, зооним *верблюд* широко используется в тувинских пословицах, напр.: *Демниг сааскан те́ве тудуп чиир* (с. 25) 'Дружные сороки верблюда съедают'; *Керттик-ле чүве те́ве эвес, кемниг (четпес, багай, буруулуг)-ле чүве мен эвес* (с. 32) 'Не каждый верблюд с зарубкой, не каждый человек с дефектом'; *Көшкенде, те́ве херекчок, кешкенде, хеме херекчок* (с. 35) 'После кочевки верблюд не нужен, после переправы лодка не нужна'; *Сөөлгү те́вениң чүзгү аар* (с. 49) 'У последнего верблюда груз тяжелый'; *Хаак баштаан те́вени өшкү кайгаар, хая кырлаан өшкүну те́ве кайгаар* (с. 56) 'Верблюда за тальником присматривает коза, козу за скалой присматривает верблюд'; *Чыткан те́ве аксынга каңмыыл кирген* (с. 70) 'В рот лежащего верблюда попало перекасти-поле' (*Тувинско-русский ...*, 2014: 225) и др., что объясняется ролью верблюда в традиционном укладе жизни кочевого народа. Во-вторых, выбор данной пары образов в тувинской пословице детерминирован и созвучной фонетической формой слов *те́ве* ('верблюд') и *те́вене* ('игла'). В-третьих, в образном противопоставлении, использованном в тувинской пословице, важен контраст в размерах верблюда и иглы, что способствует большей экспрессии в передаче пословичного смысла по сравнению с противопоставлением «сучок / соломинка» vs. «бревно». Не случайно контрастный бином «верблюд» vs. «игла» используется ещё в одном широко распространённом в европейских языках библейском обороте *Легче верблуду пройти сквозь игольное ушко, чем...*, поскольку «игла» в общепринятом понимании является эквивалентом малого, а «верблюд» у многих народов Азии является «мерилом большой величины» (*Лепта библейской мудрости ...*, 2019a: 59). Именно азиатское влияние детерминировало этнокультурную ассимиляцию в тувинском языке интернациональной пословицы евангельского

происхождения в результате замены аксиологически нейтрального европейского тяжёлого «бревна» на имеющего значительную ценность в азиатском мире большого «верблюда» (и, соответственно, лёгкой, но бесполезной «соломинки» на маленькую, но всегда нужную «иглу»).

Ещё одна тувинская пословица, в которой используется образ «верблюд», *Чыткан теве аксынга каңмыыл кирген* (с. 70) 'В рот лежащего верблюда перекасти-поле попало' является этноспецифическим вариантом универсальной пословицы со структурно-семантической моделью *Roast pigeon / lark / sparrow / goose / chicken / hen / bird / does not fly into one's mouth* (v1) or *He expects roast pigeons etc. to fly into his mouth* (v2) or *A sleeping fox / wolf catches no hen / hare / sheep (catches nothing)* or *No sheep will run into the mouth of a sleeping wolf* (v3) (Paczolay, 1997: 455), где, кроме гастрономического кода, реализуется и зоонимический код культуры, ср.: = англ. *The sleeping fox catches no poultry* = рус. *Спящему коту мышшь в пом не прибежит* = ит. *Volpe che dorme, vive sempre magra* = исп. *A la vulpeja dormida, no le cae nada en la boca* = фр. *A renard endormi rien ne tombe dans la gueule* (там же: 455–458). Во всех европейских пословицах пассивность обозначается образными компонентами «спящий» / «лежащий» для выражения общего смысла 'Невозможно ничего получить, не приложив труда, усилий'. Однако в тувинской пословице всё наоборот: 'Не прилагая усилий, можно получить минимально необходимое' (т. е. выпала удача без труда), поскольку верблюд в ней используется как мерило неприхотливости (это животное может питаться любой растительностью, в том числе «перекасти-поле» — травянистым растением, которое после отмирания образует лёгкие сухие круглые либо овальные клубки, перекатывающиеся по степи ветром). «Лежащий верблюд» в тувинской пословице означает не пассивность, а неторопливость, умение терпеть, ждать своего часа (утомительно ловить в голой зимней степи перекасти-поле, лучше подождать, пока ветер прикатит его прямо под ноги), что существенно расширяет структурно-семантическую модель данной универсальной пословицы (тувинская пословица образует в её составе отдельный, уникальный этнонациональный вариант).

Одной из тувинских пословиц, имеющих аналоги в европейских языках, является *Даартагы чагдан бөзүңгү өкпө дээрэ* — Завтрашнего сала сегодняшние лёгкие лучше (с. 23), которая является вариантом универсальной пословицы со структурно-семантической моделью *Better one bird / pigeon / sparrow / in the hand / plate than two / ten / hundred in the air [or on the branch / fence / roof etc.]* (v1) or *Better a small bird (blue tit, magpie, sparrow etc.) in the hand than a larger bird [capercaillie (great grouse), crane, falcon, partridge, pigeon, stork etc.] in the air / skies / forest etc.* (v2) or *Better a chicken / sparrow / thrush today than a bustard / capercaillie / gander tomorrow* (v3) or *Better an egg today than a hen tomorrow* (v4) (Paczolay, 1997: 194), где пословицная образность создаётся при помощи зоонимического (преимущественно орнитологического) кода в разнообразных сочетаниях с другими кодами (соматическим, флористическим, природным и др.) в контексте логической оппозиции «малое» vs. «большое» в проекции на аксиологически значимую мифологию «своё» vs. «чужое», ср.: бел. *Лепш мець вераб'я ў руцэ, чым арла на суку* = болг. *По-добре сврака в ръка, а не сокол в гора* = польск. *Lepszy wróbel / gołąb w ręku niż sokół / cietrzew / bażant na sęku; Lepszy wróbel w garści niż gołąb / kanarek na dachu* = рус. *Лучше воробей в руке, чем петух на кровле; Лучшие синица в руках (в руке), чем журавль в небе* = слов. *Lepši vrabec v hube, ako / než holub na dube* = чеш. *Lepši vrána v pytli jedna, než na vrbé tři* = укр. *Лучше синиця в жмени, ніж журавель у небі* = лат. *Labāk zile / zvirbulis rokā nekā mednis kokā* = лит. *Geriau žvirblis rankoj negu briedis girioj* = англ. *A sparrow in the hand is worth a pheasant that flies by; A bird in the hand is worth two in the bush / wood; A feather in the hand is better than a bird in the air* = нем. *Eine Meise in der Hand ist besser als ein Kranich in der Luft* = исп. *Más vale pájaro en mano que dos / ciento / buitre volando* = ит. *Un uccello in mano ne val due nel bosco* = фр. *Un oiseau dans la main vaut mieux que deux dans la haie* = венг. *Jobb ma egy veréb mint sem holnap egy túzok* = фин. *Parempi pyy pivossa kuin metso metsässä* = тур. *Bugünkü tavuk yarınki kazdan iyidir / yeğdir* (Strauss, 1994b: 21; Paczolay, 1997: 194–202; Котова, 2000: 140; Петрушэўская, 2020: 62–64).

Показательно, что орнитологический код составляет основу образности и в азиатских этнонациональных вариантах этой универсальной пословицы — в арабском, персидском, японском и др. языках (Paczolay, 1997: 201–202).

Тем более удивительной является актуализация в тувинской пословице в качестве главной и единственной образной основы гастрономического кода, который встречается в европейских пословицах лишь в единичных случаях, только на втором плане (через коннотации) и в сочетании с орнитологическим кодом, напр.: = англ. *Better an egg today than a hen tomorrow* 'Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра' = фр. *Un oeuf aujourd'hui vaut mieux qu'un poulet demain* — 'Яйцо сегодня лучше, чем курица завтра' (Paczolay, 1997: 195, 200) = исп. *Más vale el hueso de hoy, que no el pollo de mañana* 'Лучше сегодня

кость, чем курица завтра' (Strauss, 1994a: 21). Такие пословицы образуют отдельный, представленный в небольшом количестве европейских языков вариант (v4) структурно-семантической модели данной универсальной пословицы, в котором аксиологически значимая мифологема «своё» vs. «чужое» реализуется не в пространственном отношении — «здесь» vs. «далеко» (как в пословичных вариантах с базовой орнитологической образностью), а во временном плане — «сейчас» vs. «в будущем».

Противопоставление «сало» vs. «лёгкое» в тувинской пословице вовсе не случайно, оно отражает типичное для этнокультурной картины мира кочевого народа отношение к жирной пище, которая очень ценится в условиях суровых погодных условий, долгих переходов и тяжёлого физического труда. Такое отношение зафиксировано во многих тувинских пословицах, где не только одобряется, но и восхваляется употребление в пищу жирного мяса и животного жира (в том числе и сала), напр.: *Кылыр иштиң деги херек, чиир эьттиң чаглы херек* (с. 37) 'Для дела нужна быстрота, для еды — жирное мясо'; *Саасканның караа чаарда, чазыйның караа чагда* (с. 48) 'Глаза сороки обманывают, глаза жадного — на сале'; *Сөглээр сөстүң чигези херек, чиир эьттиң чаглы херек* (с. 50) 'Из сказанного слова нужна истина, из мяса — жир'; *Чаашкынны үнүш күзээр, чаглыг эьтти кижги күзээр* (с. 62) 'Растение желает дождя, человек — жирное мясо' и др. Образы «сало», «жир» в тувинских пословицах получили собственное осмысление и приобрели аксиологическую значимость не только в гастрономическом, но и в социокультурном плане как мерило смысла существования, благополучия в жизни, чести и достоинства, человеческих отношений (дружбы), напр.: *Аң оруу — хан, мал оруу — чаг* 'Путь зверя — кровь, путь скота — сало' (с. 15); *Чаг иштинде бүүрек дег, чанчык иштинде таакны дег* (с. 63) 'Как почка в сале, как табак в кисете'; *Эки сөзүң эьтке сатпа, чагыг сөзүң чага сатпа* (с. 76) 'Доброе слово не продавай за мясо, свой наказ не продавай за сало'; *Эп бажы — чаг, сөс бажы — хан* (с. 77) 'Начало дружбы — сало, начало слова — кровь'. Тувинское *чаг* обозначает не свиное сало, типичное для кухни европейцев, а баранье (для свиного сала в тувинском языке есть отдельная номинация *хаван чаа*). Образ «сало» (как и образ «лёгкое») репрезентирует этнокультурную специфику тувинской пословицы на фоне аналогичных по структурно-семантической модели пословичных единиц как европейских, так и ряда азиатских языков.

Тувинскую пословицу о явном преимуществе на обеденном столе лёгких сегодня перед завтрашним салом можно квалифицировать как уникальный этнонациональный вариант зафиксированной в 50 европейских и азиатских языках универсальной пословицы (Strauss, 1994b: 21; Paczolay, 1997: 201-202), который не только существенно дополняет, но и расширяет азиатский ареал её распространения (впервые в таком качестве вводится в научный оборот при типологическом описании пословиц языков мира).

Этнолингвокультурологический комментарий тувинских пословиц, которые имеют коррелятивные ключевые понятия и образы в европейских пословицах

Содержание этнолингвокультурологического комментария тувинских пословиц, специфичных по структурно-семантической модели, но имеющих корреляции с европейскими пословицами по отдельным ключевым понятиям и / или пословичным образам, целесообразно ориентировать на выявление этнонационального своеобразия тувинских коррелятов, обусловленного как традиционной, так и современной культурой тувинского народа.

В нескольких тувинских пословицах используется образ «хлеб» как мерило благополучия (сытости), напр.: *Тараалыгда — тодуг, дагаалыгда — сергек* (с. 51) 'С хлебом сыт, с петухом — бодрствуешь', *Тараалыг кижги тодуг, адалыг кижги чоргаар* 'Человек с хлебом сыт, с отцом — горд' (с. 51). В таком качестве этот образ является типичным для европейских пословиц, в которых выступает одним из основных гастрономических образов, символизирующих 'богатство', 'достаток', 'сытость', 'радость' (Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020: 984). Представление о богатстве и сытости у тувинцев также связывается с хлебом (Курбатский, 2001: 51), однако вовсе не имеет, как может показаться на первый взгляд, той значимости, которая характерна для многих европейских народов.

Образ «хлеб» как символ благополучия коррелятивен, но не аналогичен в тувинских и европейских пословицах по своей аксиологической значимости, поскольку в европейской пословичной картине мира занимает аксиологически доминантную позицию, а в тувинской заменяется образами «мясо» и «сало». Именно поэтому в пословицах с логической структурой предпочтительного выбора «Лучше это здесь (сейчас), чем другое далеко (в будущем)» в европейских языках используется символ «хлеб»,

например, англ. *Half a loaf is better than no bread* 'Лучше половина буханки, чем вообще без хлеба', а в тувинском, соответственно, символика мясного изобилия, например, как в пословице *Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* 'Завтрашнего сала сегодняшние лёгкие лучше' (с. 23).

В тувинских пословицах, как и во всех европейских, присутствует «конь» в качестве и ключевого понятия, и зооморфного образа, однако реализация его отличается как в количественном, так и в качественном плане. Само по себе такое отличие является вполне объяснимым различными условиями жизни европейских и азиатских народов (как правило, соответственно, оседлых и кочевых), но при этом, на первый взгляд, далеко не кардинальным на фоне ожидаемой аксиологической близости в оценке значимости коня как одного из основных домашних животных. Тем более неожиданной оказывается огромная разница в количественных и качественных параметрах репрезентации коня при сравнении тувинского и европейских пословичных фондов.

Так, в 106 универсальных структурно-семантических моделях пословиц свыше 50 европейских языков зафиксировано всего 4 случая использования понятия и образа *horse / mare* ('конь / кобыла') в сочетании с *fat* ('тучный'), *gift* ('подарок'), *stumble* ('спотыкаться'), *smith* ('кузнец') (Paczolay, 1997). В одном произвольно взятом современном европейском языке, например, в белорусском, в составе пословичного минимума и основного пословичного фонда (наиболее известных и употребительных пословиц в синхроническом и диахроническом планах) на более чем 700 единиц зафиксировано всего 2% пословиц с конь / кобыла в сочетании с *воз, хамут, зубы, спатыкацца, лечаны, аб'ехаць, тучны, рабы, капыты, чужы, кульгавы, дарога, запрагаць, дом* (Ivanov, 2002: 5–20, 41–84).

В тувинских пословицах, которые были охвачены в данном исследовании, *аът / конь* встречается, во-первых, гораздо чаще (в среднем в более 6% единиц), а во-вторых, в более разнообразных качествах, ролях, взаимосвязях. Так, только атрибутивных характеристик *аът / конь* в тувинских пословицах представлено около десяти, напр.: *ала аът* 'пегий конь', *карактыг аът* 'зоркий конь' "Але" дээр кижги авыастыг, *ала карактыг аът дезиг* (с. 15); *хоюган аът* 'пугливый конь' 'Өөрөнмээн аът хоюган болур' (с. 45), *Хоюган аъттың караа көскү, кортук кижиниң кулаа дыыжы* (с. 59) 'У пугливого коня глаза зорки, у трусливого человека уши остры'; *чоржаң аът* 'ленивый конь' — *Харам кижээ эш ырак, чоржаң аътка чер ырак* (с. 57) 'букв. От жадного друга далеки, от ленивого коня — местность', *Чок чүвени бар диве, чоржаң аътты маңныг диве* (с. 67) 'Не говори, когда у тебя нет того, что есть, а ленивого коня не говори, что он скакун'; *Кижиде багай чок, аътта чоржаң чок* (с. 106) 'Не бывает плохих людей, не бывает ленивых лошадей'; *буруучал аът* 'упрямый конь' — *Хаттыг чаашкын аязыычал, халымак аът буруучал* (с. 57) 'букв. Быстро проясняется дождь с ветерком, легкомысленная лошадь — упрямым'; *шодаң аът* '(фолькл.) бесхвостый конь' — *Шодаң аскыр аътка каржы, чолдак бижек холга каржы* (с. 72) 'Бесхвостый конь жесток к коню, короткий нож — руке'; *эки аът* 'хороший (добрый) конь' — *Эки аът орук часпас, өдүрек куш хөл часпас* (с. 75) 'Хороший конь не сбивается с пути, утка — озеро'; *Эки кижээ эш хөй, эки аътка ээ хөй* (с. 76) 'У хорошего человека много друзей, у доброго коня — хозяев'; *тодар аът* 'сытый конь' — *Аът тодарга, хоюганы кончуг апаар, ыт тодарга, каржызы кончуг апаар* (с. 87) 'Сытая лошадь становится пугливой, сытая собака — жестокой'; *дезиг аът* 'неуловимый конь (конь, которого трудно поймать)' — *Дезиг аътка дезиг аът каттыжар, тенек кижиге тенек кижги каттыжар* (с. 97) 'Неуловимые кони объединяются с неуловимыми, озорные люди — с озорными' и т. д.

Столь разительное отличие в репрезентации коррелятивного понятия и образа «конь» в тувинских и европейских пословицах объясняется тем, что в европейской традиционно-народной культуре (где рождались и употреблялись пословицы) отношение к коню как основному домашнему животному было, безусловно, очень бережным и даже трепетным, однако вместе с тем весьма прагматичным, не выходящим за рамки хозяйственных и транспортных нужд, а также военного дела, где конь долгое время играл ключевую роль. В силу этого конь противопоставлялся человеку, и в этой аксиологической оппозиции занимал доминантное положение — коня берегли часто даже в ущерб себе, что наиболее ярко отражено в такой интернациональной европейской пословице, не имеющей аналогов в тувинском языке, как бел. *Баба з калёс — каню (калёсам) лягчэй* = польск. *Baba z woza, koniom lżej* = рус. *Баба с возу — коню легче* = укр. *Баба з воза — кобилі легше* = лит. *Boba iš vežimo — kumelei lengviau* = нем. *Wenn das Weib von der Fuhre absteigt, hat es das Pferd leichter* (Петрушэўская, 2020: 118). Однако «европейский» конь никогда не рассматривался в пословицах как неотъемлемый элемент жизни человека.

Совсем другое отношение к коню в тувинской пословичной картине мира, где он традиционного занимает гораздо более важное место не только в условиях кочевого образа жизни, но и в духовной

культуре тувинского народа, не противопоставляется человеку, а уподобляется ему, понимается как единое целое с человеком, без чего человек не может существовать (Даржа, 2003). Наиболее ярко это отражено в пословице *Аът — кижиниң буду, ыт — кижиниң кулаа* 'Лошадь — нога человека, собака — уши' (с. 87).

Конь принадлежит только мужчине и отождествляется с ним: *Кыс этке ынак, оол аътка ынак* (с. 38) 'Девушка любит вещи, парень — коня'; *Инээм өдээ — ием чурту, аъдым өдээ — адам чурту* (с. 102) 'Навоз коровы — родина матери, навоз коня — родина отца'. Конь незаменим для пастуха и для охотника, сравнивается по своей важности с отцом, с другом, напр.: *Ада турда — чон таныыр, аът турда — чер көөр* (с. 12) 'С отцом — знать людей, с конем — видеть места'; *Ада чокта — эш чок, аъды чокта — бут чок дег* (с. 12) 'Без отца — нет друзей, без коня как без ног'; *Аъттыг мен дээш адыргава, эштиг мен дээш эшкеденме* 'Не кичись, что имеешь коня, не чванись, что имеешь друга' (с. 88).

Хорошим конём гордятся, по праву хвастаются: *Аъды чүгүрүк мактадыр, ады чүгүрүк хоптадыр* — Добрый конь славы прибавляет, имя громкое зависть рождает (с. 13); *Артык тенек аъдын мактаар, болбас тенек бодун мактаар* — Хвастун хвалит своего коня, глупец хвалит самого себя (с. 16). В то же время плохого коня не стыдятся: *Чаваа-даа бол, аъды херек, чалчай-даа бол, эзери херек* (с. 63) 'Даже если стригунок, но нужен свой, даже если седло, но нужен свой'.

Жизнь человека проецируется на образ жизни коня, напр.: *Аът болуру кулунундан, кижги болуру чажындан* 'Конь вырастает из жеребёнка, человек из малого ребёнка' (с. 17); *Аът өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар* 'Конь падёт — коновязь останется, отец умрёт — сын останется' (с. 17); *Өлген кижээ читкен аът айтыр* 'Покойного хороня, посылат ему пропавшего коня' (с. 44); *Ада орнун оол салгаар, аът орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, как жеребёнок — коня' (с. 82).

Конь выступает мерилем физических и личностных качеств, социального поведения, достижения жизненных целей, духовных стремлений человека, напр.: *Аътты баглап өөрөдир, аныяан сургап өөрөдир* (с. 18) 'Коня учат, привязывая, молодых учат словами'; *Даг аътты човадыр, кылык ботту човадыр* 'Крутая гора коня измучает, тяжёлый нрав человека измучает' (с. 23); *Кижги чугаалажыт таныжар, аът киштежип таныжар* (с. 33) 'Люди, разговаривая, знакомятся, кони ржанием знакомятся'; *Кижги экизи — найыралда, аът экизи — мунушта* 'Преимущество человека в дружбе, преимущество коня в быстроходности' (с. 34); *Ушкарганнай улунунга чедирер, аъткарганнай аалынга чедирер* 'За седлом посадил — довези до родни, посадил на коня — довези до аала' (с. 54); *Харам кижээ эш ырак, чоржаң аътка чер ырак* 'Скупому человеку — товарища нет, ленивому коню — путь далёк' (с. 57); *Чаражыңга шай хайындырбас, чажыңга аът өртевес* 'На красоте чая не сварись, к кося коня не привяжешь' (с. 64); *Эки аъдыңны дагга кызава, эки эжиңни чокка кызава* 'Доброго коня в гору не погоняй, доброго друга отказом не огорчай' (с. 75); *Эки кижээ эш хөй, эки аътка ээ хөй* 'У доброго человека много друзей, у доброго коня много седоков' (с. 76); *Дезиг аътка дезиг аът каттыжар, тенек кижиге тенек кижги каттыжар* 'К неуловимому коню неуловимый примыкает, неуломонный человек с неуломонным сходится' (с. 97).

Кроме того, понятие и образ «конь» часто используется в тувинских пословицах, аналогичных иноязычным по структурно-семантической модели, в качестве этнолингвомаркера (термин О. В. Ломакиной). Напр.: *Хоюган аъттың караа көскү, кортук кижиниң кулаа дыыжы* (с. 59) 'У пугливого коня глаза зоркие, у трусливого человека слух обострен', ср. = бел. *Баязліўцу і корч мядзведзь* = рус. *Трусливому зайке и пенек — волк* = укр. *Боязливому і копа здається стогом* (Петрушэўская, 2020: 120). Также: *Эртежи кижги эзерлиг аътка таваржыр* 'Кто рано поутру встаёт, коня с седлом себе найдёт' (с. 77), ср. = бел. *Хто рана ўстае, таму і Бог дае* = польск. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje* = рус. *Кто рано встаёт, тому Бог подаёт* = укр. *Хто рана встає, тому Бог дає* = англ. *God gives help to early risers* = нем. *Früh auf, gut Lauf* = исп. *Más vale a quien Dios ayuda que a quien mucho madruga*; *A quien madruga, Dios le ayuda* = фр. *A bon gain qui se lève matin*; *Qui se lève le matin Dieu prête la main* (Петрушэўская, 2020: 290–291). Это ещё раз свидетельствует об этнокультурной специфике понятия и образа «конь» в пословичной картине мира тувинского народа на фоне паремиологического континуума европейских языков и культур.

Заключение

Принципы и содержание словарного описания тувинских пословиц на европейском языковом фоне детерминированы необходимостью представления в полилингвальном паремиологическом слова-

ре различной по типу и объёму лексикографически значимой информации, которая дифференцируется по четырём основным зонам.

Зона реестровой единицы последовательно репрезентирует три типа информации о тувинской пословице: её формальные варианты; аутентичный перевод на русский и английский языки; указание на общность / специфичность её структурно-семантической модели, а также полной / частичной аналогии, абсолютной / коррелятивной уникальности её ключевых понятий и / или пословичных образцов. Учёт формальных вариантов пословицы и аутентичность её перевода позволяет максимально полно и объективно выявить и описать этнолингвокультурную специфику тувинских пословиц, их типологическую общность / близость с пословицами других языков (на европейском языковом фоне).

Зона иноязычного аналога или коррелята представляет европейскую пословицу, аналогичную или близкую по структурно-семантической модели реестровой тувинской пословице, а также европейскую пословицу, которая является коррелятивной реестровой тувинской пословице по соотносимым ключевым понятиям и / или пословичным образцам (включая при этом указание на характер аналогии или корреляции — универсальный, интернациональный, этнонациональный).

Зона этнолингвокультурологического комментария содержит описание структурно-семантической модели, перечень ключевых понятий, пословичных образцов, а также характеристики этнолингво- / этнокультурной ассимиляции / корреляции реестровой тувинской пословицы в сопоставлении с аналогичной или коррелятивной европейской пословицей.

Зона парадигматических связей в тувинском языке отражает синонимы, антонимы, ассоциативно близкие пословицы по структурно-семантической модели, ключевым понятиям, пословичным образцам, что представляется важным для дифференциации типологически общего (близкого) с другими языками и этнонационально-специфического в структуре всего тувинского пословичного фонда.

Перспективой для дальнейших исследований является разработка конкретных приёмов словарного описания тувинских пословиц на широком европейском языковом фоне в рамках отдельных лексикографических зон и создание на этой основе первого в мировой лексикографии тувинско-иноязычного паремиологического словаря с этнолингвокультурологическим комментарием (на фоне современных европейских языков).

Лексикографическое описание тувинских пословиц в сопоставлении с европейскими позволит впервые ввести тувинский пословичный фонд в научный оборот при дескриптивном, сопоставительном и типологическом изучении пословиц европейских языков, что создаст новые предпосылки для развития исследований паремиологических универсалий и уникалий, места и роли тувинского языка и фольклора в широком евроазиатском языковом и лингвокультурном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.

Бурькин, А. А., Болдырева, И. М., Музраева, Д. Н. (2019) Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–132. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Галиуллин, К. Р. (2018) Татар фольклоры теле: мәкальләр, канатлы әйтәлмәләр, жор сүзләр һәм әйтемнәр: сүзлек = Язык татарского фольклора: пословицы, крылатые выражения, присловья и поговорки: словарь. Казан : ТӘҺСИ. 588 с.

Даржа В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / отв. ред. Г. Н. Курбатский. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 154 с.

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.

Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванова, С., Иваноў, Я. (1997) Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск : БФС. 262 с. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. № 3. С. 104–110. (На белорус. яз.)

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1(72). С. 92–95.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014а) О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3(46). С. 200–202.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014b) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3(46). С. 202–204.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 616–618.

Котова, М. Ю. (2000) Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб. : Изд-во СПбГУ. 360 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребёнок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.

Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках (2019а) : в 2 т. / З. К. Адамия и др. Могилёв : МГУ. Т. 1. 288 с.

Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках (2019b) : в 2 т. / З. К. Адамия и др. Могилёв : МГУ. Т. 2. 308 с.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2016) Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. № 3(45). С. 119–128. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. (2010) Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп. 1024 с.

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59.

Нелюбова, Н. Ю., Сёмина, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Петрушевская, Ю. А. (2021) Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // West — East. Vol. 5. № 1. Pp. 61–72.

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамовны слоўнік. Магілёў : МДУ. 312 с. (На белорус. яз.)

Салчак, А. М. (2019) Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. № 6. С. 25–27.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного бинорма и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1(17). С. 182–200.

Татарские народные пословицы и поговорки (2020) / сост. Л. Х. Мухаметзянова, И. И. Ямалтдинов. Казань : Татарское книжное издательство. 301 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. энциклопедия. 648 с.

Тувинско-русский словарь (2014). 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 648 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Чадамба, Ш. С. (2015) Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан. 151 с.

Чугунекова, А. Н. (2019) Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 10–2(37). С. 18–21.

Grigas, K. (1987) Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. Vilnius : Leydykla Vaga. 662 s. (На литов. яз.)

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. Pp. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Muñoz, J. S. (2001) 1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso). S. A. Eiuinsa : Ediciones Internacionales Universitarias. 444 p. (На исп. яз.)

Paczolay, G. (1997) European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém (Hungary) : Veszprémi Nyomda. 528 p.

Strauss, E. (1994a) Dictionary of European Proverbs : in 3 vol. London & New York : Routledge. Vol. 2. 2020 p.

Strauss, E. (1994b) Dictionary of European Proverbs : in 3 vol. London & New York : Routledge. Vol. 3. 798 p.

Дата поступления: 15.09.2021 г.

REFERENCES

- Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.)
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [The proverb in modern linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.)
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic Languages: The case of numeration units]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremas in modern linguistics: Approaching their study, text-building and linguocultural potential.]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: the material and the spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, TuvGU Publ. 115 p. (In Russ.)
- Burykin, A. A., Boldyreva, I. M. and Muzraeva, D. N. (2019) Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol'klore [The dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>
- Galiullin, K. R. (2018) *Tatar fol'klory tele: makal'lar, kanatly aitemlar, xor szlär ham aitemnar: szlek = Iazyk tatarskogo fol'klora: poslovitsy, krylatye vyrazheniia, prislov'ia i pogovorki: slovar'* [The language of Tatar folklore: proverbs, proverbial expressions, bywords and sayings: a dictionary]. Kazan, TĕhSI. 588 b. (In Tat.)
- Darzhba, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov* [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads] / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).
- Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan sayings that condemn negative qualities of a person]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.)
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob'ekta leksikograficheskogo opisaniia [Aphorism as the object of lexicographic description: criteria of systematization]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.)
- Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: the main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Ivanova, S. and Ivanoŭ, Ia. (1997) *Sloŭnik belaruskikh prykazak, prymavak i krylatykh vyrazaŭ* [A dictionary of Belarusian proverbs, sayings and catch phrases]. Minsk, BFS. 262 p. (In Bel.)
- Ivanoŭ, Ya. Ya. and Petrusheŭskaia, Yu. A. (2021) Asnoŭnyia kampanenty prykazki iak moŭnai adzinki: prykazkavaia strukturna-semantychnaia madel' [The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model]. *Vestsı BDPU*, no. 3, pp. 104–110. (In Bel.)

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvan language in comparison with the Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.)

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [The semantic peculiarities of phraseological units with the component “Hand” in Tuvan and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.)

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014a) O nekotorykh osobennostiakh vvedeniia paremii v khudozhestvennyi tekst (na materiale russkikh perevodov) [Some aspects of introducing proverbs into a literary text: the case of Russian translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3(46), pp. 200–202. (In Russ.)

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014b) Problema perevoda tuvinskikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translating Tuvan proverbs (on the material of Russian literary translations)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3(46), pp. 202–204. (In Russ.)

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [The linguoculturological aspect of Tuvan proverbs in their literary translations into Russian]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.)

Kotova, M. Yu. (2000) *Russko-slavianskii slovar' poslovits (s angliiskimi sootvetstviiami)* [A Russian-Slavic dictionary of proverbs, with their English correspondences]. St. Petersburg, SPbGU Publ. 360 p. (In Russ.)

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok i detstvo v tuvinskoii kul'ture: traditsii i sovremennost' [The child and childhood in Tuvan culture: traditions and modernity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.).

Lepta bibleiskoi mudrosti: russko-slavianskii slovar' bibleiskikh vyrazhenii i aforizmov s sootvetstviiami v germanskikh, romanskikh, armianskom i gruzinskom iazykakh [A mite of Biblical wisdom: A Russian-Slavic dictionary of Biblical expressions and aphorisms with their correspondences in Germanic, Romance, Armenian and Georgian languages] (2019): in 2 vols. Z. K. Adama et al. Mogilev, MGU. 288 + 308 p. (In Russ.)

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2016) Poznavatel'nyi potentsial rusinskikh paremii na fone russkogo i ukrainskogo iazykov [Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, no. 3(45), pp. 119–128. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnye konstanty rusinskoi paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. and Nikolaeva, E. K. (2010) *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits* [The grand dictionary of Russian proverbs]. Moscow, OLMA Media Grupp. 1024 p. (In Russ.)

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.)

Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gurmanstvo v ierarkhii tsennosti frantsuzov i bel'gii (na materiale poslovits i pogovorok) [Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennosti v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The proverb corpora of Russian and French languages as a reflection of value hierarchies]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiologiya v diskurse [Paremiology in Discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Metodologiya opredeleniia natsional'nogo, internatsional'nogo i universal'nogo v frazeologii i paremiologii belorusskogo iazyka [Methodology for determining the national and the international and universal in the phraseology and paremiology of the Belarusian language]. *West – East*, vol. 5, no. 1, pp. 61–72. (In Russ.).

Petrusheŭskaia, Yu. A. (2020) *Universal'ny i internatsyional'ny kampanenty ŭ paremiialagichnym skladze belaruskai movy: belaruska-inshamoŭny sloŭnik [Universal and international components in the paremiological composition of the Belarusian language: Belarusian-foreign language dictionary]*. Magileŭ, MDU. 312 p. (In Bel.)

Salchak, A. M. (2019) *Obraz volka v tuvinskikh i angliiskikh poslovitsakh [The wolf in Tuvan and English proverbs]*. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*, no. 6, pp. 25–27. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009) *Opyt vyavleniia poslovichnogo binoma i problema variantnosti [The experience of identifying the proverbial binomial and the problem of variation]*. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(17), pp. 182–200. (In Russ.).

Tatarskie narodnye poslovitsy i pogovorki [Tatar folk proverbs and sayings] (2020) / comp. by L. Kh. Mukhametzianova and I. I. Iamaltidinov. Kazan', Tatar Book Publishing House. 301 p. (In Russ.)

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (2014). 2nd ed. / ed. by E. R. Tenishev and D. A. Mongush. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 648 p. (In Russ. and Tuv.).

Chadamba, Sh. S. (2014) *O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremi v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some aspects of translating proverbial sentences in the texts of the Russian literary translations from the Tuvan language]*. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1(35), pp. 191–193. (In Russ.)

Chadamba, Sh. S. (2015) *Predlozheniia-paremi v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Proverbial sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]: Diss. ... Candidate of Philology*. Abakan. 151 p. (In Russ.).

Chugunekova, A. N. (2019) *Simvolika chisel v khakasskoi i tuvinskoi paremiologii [Numerical symbolism in Khakass and Tuvan paremiology]*. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 10–2(37), pp. 18–21. (In Russ.)

Grigas, K. (1987) *Patarliu paralelės. Lietuviu patarlės su latvuiu, baltarusiu, rusu, lenku, vokiečiu, angliu, lotynu, prancuzu, ispanu, atitikmenimis*. Vilnius, Leydykla Vaga. 662 s. (In Lit.)

Ivanov, E. (2002) *Paremiological minimum and basic paremiological stock in Belarusian and Russian*. Prague, RSS. 136 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) *Principles of the contrastive description of aphoristic paremiology in Belarusian and Russian Languages*. *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaia, Yu. (2015) *Etymology of English Proverbs*. *Journal of Siberian Federal University, Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) *Concepts of God and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory*. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Muñoz, J. S. (2001) *1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso)*. S. A. Eiunsa : Ediciones Internacionales Universitarias. 444 p. (In Spanish)

Paczolay, G. (1997) *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém (Hungary), Veszprémi Nyomda. 528 p.

Strauss, E. (1994) *Dictionary of European Proverbs : in 3 vols*. London, New York, Routledge.

Submission date: 15.09.2021.

Буддийский ритуал культа Большой Медведицы (на материале тибетоязычной рукописи из тувинских архивов)

Саглар В. Мирзаева

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация,

Аяна А. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье вводится в научный оборот текст тибетоязычной рукописи «Sme bdun skar ta'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhus so» ('Цетар (освобождение жизни) овцы созвездия Большой Медведицы') из рукописного фонда Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, содержащий материал по буддийскому ритуалу цетар, направленному к созвездию Большой Медведицы.

Рассматриваемое сочинение, вероятно, относится к литературе монгольского народного буддизма, поскольку аналогичные тексты на тибетском языке обнаружены только в Национальной библиотеке Монголии. Проведенный в статье анализ семантики тибетского ритуала цетар и монгольского сэтэр позволяет предположить, что в традиции монгольского буддизма эти обряды идентичны. Этнографические описания ритуала сэтэр Большой Медведицы доказывают существование круга текстов, зачитываемых буддийскими священнослужителями в процессе выполнения ритуала, к которым могла относиться и рукопись из фонда ТИГПИ.

Текст сочинения, составленный в стихотворной форме, содержит обращение к божествам созвездия, называемым семью Татхагатами, подношение им белой овцы, украшенной особым образом, и в заключении просьбы о даровании различных благ, освобождении от препятствий, болезней и вредоносных влияний.

Ключевые слова: буддийский ритуал; цетар; сэтэр; культ Большой Медведицы; монгольский буддизм; Тыва

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования:

Мирзаева С. В., Самдан А. А. Буддийский ритуал культа Большой Медведицы (на материале тибетоязычной рукописи из тувинских архивов) // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 161-171. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.12>

Мирзаева Саглар Викторовна — научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Российская Федерация, г. Елиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: saglarmirzaeva@kigiran.com

Самдан Аяна Анай-ооловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник группы истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: camayana@mail.ru

MIRZAEVA, Saglara Viktorovna, Research Associate, Department of Mongolian Languages and Written Sources, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 84722) 3-55-06. E-mail: saglarmirzaeva@kigiran.com [ORCID ID: 0000-0002-8542-0260](https://orcid.org/0000-0002-8542-0260)

SAMDAN, Ayana Anai-oolovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Group of History, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. E-mail: camayana@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-7785-7497](https://orcid.org/0000-0002-7785-7497)

A Buddhist Ritual of Big Dipper veneration (based on the Tibetan manuscript from Tuvan archives)

Saglara V. Mirzaeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Ayana A. Samdan

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article introduces the text of a Tibetan manuscript “*Sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so*” (*Tshe-thar* (freeing life) of the ewe devoted to Big Dipper) preserved in the Tuva Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. It contains valuable data on the Buddhist *tshe-thar* ritual devoted to the Ursa Major constellation.

This manuscript probably refers to Mongolian popular Buddhism, since similar texts in Tibetan have been found only in the National Library of Mongolia. The analysis of Tibetan *tshe-thar* ritual and Mongolian *seter* carried out in the publication leads us to propose that these rituals in the tradition of Mongolian Buddhism are identical. Ethnographic data on the *seter* ritual devoted to the Big Dipper show the existence of special texts read by Buddhist lamas during ritual. The manuscript from the Institute's Tuvan collection could also refer to this group of texts.

The text is poetic, containing an appeal to the constellation deities named as Seven Tathagatas, offering to them a white ewe adorned in a special way, and final requests for various benefits, liberation from obstacles, diseases and harmful influences.

Keywords: Buddhist ritual; *tshe thar*; *seter*; Ursa Major veneration; Mongolian Buddhism; Tuva

Financing

The study was carried out within the framework of state subsidies — the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

For citation:

Mirzaeva S. V. and Samdan A. A. Buddiiskii ritual kul'ta Bol'shoi Medveditsy (na materiale tibetoiazыchnoi rukopisi iz tuvinskikh arkhivov) [A Buddhist Ritual of Big Dipper veneration (based on the Tibetan manuscript from Tuvan archives)]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 161-171. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.12>

Введение

В рамках сотрудничества Калмыцкого научного центра РАН с фондохранилищами монгольских и тибетских рукописей и ксилографов Республики Тыва, такими как Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва и Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (далее — ТИГПИ¹), одним из важных направлений представляется введение в научный оборот отдельных образцов буддийских сочинений, которые помогут дополнить новыми данными уже существующие исследования о локальной традиции тувинского буддизма, ее специфике в контексте общей тибето-монгольской традиции. В качестве предмета исследования данной публикации была выбрана тибетоязычная рукопись «*Sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so*» («Цетар (освобождение жизни) овцы созвездия Большой Медведицы») из книжного фонда научного архива ТИГПИ.

¹ В 1945–1990 гг. носил название «Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории» (ТНИИЯЛИ), в 1990–2015 гг. — «Тувинский институт гуманитарных исследований» (ТИГИ).

Выбор текста был мотивирован тем, что, во-первых, как показывает предварительное знакомство с рукописными коллекциями Республики Тыва, среди ритуальных текстов, которые можно отнести к народному (популярному) буддизму, преобладают написанные на монгольском классическом письме; рассматриваемый же образец, напротив, относится к тибетской коллекции, большую часть которой составляют канонические сочинения из Ганджура и Данджура — сутры, тантры и пр., зачитываемые во время богослужений и различных ритуалов. Также этот текст интересен тем, что, как покажет дальнейший анализ, его нельзя отнести к переводной литературе, поскольку все аналогичные тибетоязычные тексты ритуала *цетар*, связанные с культом Большой Медведицы (тиб. *sme bdun*, монг. *doloyan ebügen, doloyan burqan*) и обнаруженные в онлайн-библиотеке тибетских текстов Buddhist Digital Resource Center (<https://www.tbrc.org/#!footer/about/newhome>), хранятся в Монголии, где, вероятно, и были составлены. На наш взгляд, именно связь с созвездием Большой Медведицы, культ которой более характерен для монгольских народов, нежели для тибетцев, и указание овцы в качестве объекта ритуала свидетельствуют о монгольском происхождении этого сочинения.

Цель статьи — введение в научный оборот указанной рукописи «*Sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so*» и анализ на ее материале ритуала *цетар* / *сэтэр*, направленного к созвездию Большой Медведицы, с использованием сравнительно-сопоставительного метода.

Материалы

Рукопись «*Sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so*» состоит из 2 тетрадных листов, размеры 21,1×9 см, хранится в рукописном фонде ТИГПИ под инв. № 657. Относительно датировки можно предположить, что это сравнительно современный текст (возможно, второй половины XX в.), поскольку в качестве бумаги использованы тетрадные листы. Что касается времени поступления в фонд, согласно инвентарной книге, это произошло не ранее 1972 г., поскольку этим годом датировано поступление рукописей №№ 640 и 641, идущих выше по списку.

История формирования и изучения книжного фонда ТИГПИ

Книжный фонд научного архива ТИГПИ содержит более 3000 названий книг, изданных в разные периоды на старомонгольском, тувинском, английском, немецком и других языках. Основным интерес авторов данной статьи представляют ксилографы и рукописи на тибетском и монгольском языках. Согласно инвентарной книге, в 1962 г., возможно, во время командировки в Барун-Хемчикский район Тувы научными сотрудниками (имена не указаны) ТНИИЯЛИ были найдены ксилографы и рукописи на тибетском и монгольском языках. Начиная с этого периода, почти ежегодно вплоть до 1982 г. в архив поступали разные документы. Основными фондообразователями выступили научные сотрудники института, которые в процессе полевых исследований выявляли и получали от частных лиц коллекции или же собирали спрятанные в пещерах и горах рукописи. Так, в 1971 г. в архив были сданы 315 рукописей и ксилографов на тибетском языке из с. Кара-Хаак Кызылского района, в 1980 г. — 87 тибетских рукописей и ксилографов из с. Баян-Кол Улуг-Хемского района. Существенный вклад внесли знатоки старомонгольского письма — бурятский ученый Г. О. Туденов и тувинский исследователь Б. С. Сонам, которые привезли из таких командировок 5 рукописей на монгольском и тибетском языках. Кроме того, в формировании фонда приняли участие жители Тувы — Дортен-оол Кужугет из Бай-Тайги, сдавший в 1979–1981 гг. около 400 сутр, Оюн Лундуп из Тандынского района, сдавший в 1981–1983 гг. 164 рукописей и ксилографов. Также упоминаются фамилии О. Д. Куулара, Ш. Тулуша, С. Б. Монгуша, Сарыглара¹, А. К. Калзана (Дзун-Хемчикский район), И. С. Ооржака (Барун-Хемчикский район), В. Т. Монгуша (Пий-Хемский район), Т. С. Тондара (Монгун-Тайгинский район), О. Т. Кужугета (Бай-Тайгинский район), передавших институту рукописи из своих частных собраний.

Параллельно велась работа исследователей по систематизации, составлению каталога тибетских ксилографов и рукописей. На первом этапе в 1970-е гг. для составления каталога ТНИИЯЛИ прибегал к помощи бывшего буддийского ламы Л. Ч. Оюна. В 1980-х гг. эту работу продолжила выпускница Монгольского государственного университета, научный сотрудник ТНИИЯЛИ А. Э.-Г. Уланова. Затем данная работа из-за отсутствия специалистов была приостановлена. В 2000-х гг. вновь вернулись к

¹ Указано без инициалов.

составлению каталога с помощью буддийских лам А. Ш. Хертека, Р. Д. Лудупа, И. И. Монгуша. Каталог монгольских ксилографов и рукописей был впервые издан в 2004 г. А. А. Самдан (*Монгольские рукописи ...*, 2004). Без преувеличения можно сказать, что именно данная статья является качественно новым этапом текстологического исследования рукописей из научного архива ТИГПИ тибетологами и монголоведами Калмыцкого научного центра РАН.

Культ созвездия Большой Медведицы

Культ Большой Медведицы, популярный в традиционной культуре монголов, калмыков, бурят, тувинцев, рассмотрен в работах ряда авторов (Бакаева, 2020ab; Галданова, 1987; Монгуш, 1992: 93; Ганболд, 2001; Эрдэнэболд, 2012; Лхагвасурэн, 2013). У алтайских урянхайцев и этнических групп Западной Монголии ритуалы, связанные с созвездием, могут относиться к обрядам жизненного цикла и имеют целью защиту детей от болезней и порчи (Эрдэнэболд, 2012: 98; Лхагвасурэн, 2013: 145) или к охотничьей обрядности и обеспечивают удачу в предстоящей охоте¹ (там же: 145). Согласно данным М. В. Монгуш, тувинские ритуалы почитания («кормления») созвездия связаны с календарной обрядностью новогоднего цикла и выполняют общую функцию обеспечения благополучия семьи и скота (Монгуш, 1992: 93). Калмыки почитают Большую Медведицу, как пишет Э. П. Бакаева, «как связанную с потеплением на земле, а также покровительствующую детям, отпускающую грехи и защищающую отары от волков и способствующую увеличению численности скота» (Бакаева, 2020b: 679).

Почитание Большой Медведицы, несомненно, имеющее древнюю основу, со временем претерпело изменения и под влиянием тибето-монгольского буддизма. Одно из основных буддийских сочинений, в котором нашел отражение культ этого созвездия, — «Сутра Большой Медведицы» (тиб. *sme bdun zhes bya ba'i skar ma'i mdo*, монг. *doluyan ebügen neretü odun-u sudur*). Она считается в исследовательской литературе апокрифической сутрой² китайского происхождения «*Foshuo beidou qixing yanming jing*» и по этой причине была включена лишь в одно (пекинское) ксилографическое издание тибетского Кагьюра³. Однако в монгольской письменной традиции она отнюдь не считалась неистинной, поэтому вошла и в рукописный, и в ксилографический Ганджур, причем, что совершенно недопустимо для тибетской канонической традиции, в качестве языка оригинала в начале сутры указан китайский язык, а не санскрит. Кроме того, она представляет собой один из уникальных образцов буддийских сочинений, переведенных с монгольского языка на тибетский, а не наоборот.

Эта сутра играла важную роль в ритуалах, проводившихся правителями династии Юань для обеспечения процветания и стабильности государства, например, в 1285 г. Хубилай-хан издал указ, предписывавший даосским священнослужителям выполнять ритуал почитания Большой Медведицы в течение трех дней, начиная с первого дня после новолуния восьмого месяца (Franke, 1990: 107), а в хрониках правления Туг-Тэмюра (годы правления 1328–1332) указано, что тот привлек к исполнению этого ритуала и тибетских монахов. Г. Франке пишет о том, что почитание созвездия было одним из важных элементов культа государственности в имперском Китае, который был перенят и династией Юань (там же: 107). Именно ритуальная направленность сутры в контексте столь важного для государства культа, на наш взгляд, послужила главной причиной для подготовки в первой половине XIV в. уйгурского (1313 г.) и монгольского (1328 г.) переводов сутры в периоды правления Буянтухана (годы правления 1311–1320) и Туг-Тэмюра, а впоследствии и тибетского, выполненного в 1337 г. в монастыре Гунтан (тиб. *gung thang*) по заказу уйгурского чиновника Уруг-беки (монг. *Urug böke*).

В китайском культе созвездия, как и в случае с аналогичным культом тюрко-монгольских народов, можно выделить древний пласт и более поздние его трансформации, возникшие в результате влияния религиозных систем, в данном случае даосизма и буддизма. Й. Эльверског со ссылками на других исследователей указывает, что изображения Большой Медведицы обнаруживаются в надгробных

¹ Как считает Л. Эрдэнэболд, включенность этого культа в охотничью обрядность свидетельствует о его архаичности (Эрдэнэболд, 2012: 98).

² Термин, введенный китайскими буддологами, обозначает сакральные тексты, подлинность которых как истинного слова Будды подвергается сомнению.

³ Также есть в рукописном Кагюре, хранящемся в Берлине (Franke, 1990: 90).

⁴ Самые ранние упоминания почитания созвездия как божества относятся к позднему периоду династии Шан (XIII (XVII)–XI вв. до н. э.) (Elverskog, 2008: 93).

изображениях эпохи династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.)⁴, а также приводит сведения о том, как в разные исторические периоды эти изображения использовались в политических целях как защитный амулет от врагов и символ власти (Elverskog, 2008: 93). Согласно ранней китайской космологии, Полярная звезда считалась обителью верховного божества Тай-и (кит. *tài yī*), и вращение Большой Медведицы вокруг нее активизировало ритмы вселенной. В даосской традиции божества созвездия несли ответственность за продолжительность человеческой жизни, в некоторых текстах к ним обращались с просьбами отпустить грехи и стереть имя человека из списка умерших (там же: 94)¹. В поздний период династии Тан культ созвездия испытал сильное влияние буддизма, в результате чего божества созвездия стали ассоциироваться с семьей Буддами Медицины (там же: 94).

Цетар / сэтэр

Описываемый в рукописи ритуал *сэтэр* — посвящения скота божествам и повязывания на него специальных лент — встречается у многих тюрко-монгольских народов и, несомненно, имеет добуддийское происхождение. Объектом ритуала могут выступать разные домашние животные, включая собаку (Эрдэнэболд, 2012: 59), и даже деревья (*мод сэтэрлэх*) (там же: 47; Монгол улсын угсаатны зүй, 2012: 462). Этот ритуал, как и рассмотренный выше культ Большой Медведицы, в значительной степени подвергся влиянию буддизма, что привело к замене кровавого жертвоприношения бескровным. Л. Эрдэнэболд пишет: «В добуддийский период такие животные считались принадлежащими какому-либо шаманскому божеству или духу-хозяину местности, а с распространением ламаизма животное стали посвящать какому-либо из бурханов» (Эрдэнэболд, 2012: 81). Подношение животного, которое после обряда исключается из хозяйственного цикла скотоводов (его нельзя использовать в хозяйстве, продавать и убивать), имеет прежде всего целью защиту семьи и стада, достижение общих благ.

Этимология слова *сэтэр*, разные точки зрения на которую приведены в публикации В. И. Терентьева (Терентьев, 2014), все еще остается под вопросом. Само слово *сэтэр* переводится в современном монгольском языке как '1. ленты, привешиваемые к скоту, посвященному духам; 2. бирка' (Большой академический ..., 2001: 157). В альтернативной трактовке, которую подтверждает данное исследование, *сэтэр* рассматривается как заимствованное тиб. *tshé thar* ('освобождение жизни') (Сухбаатар, 1997: 176). Популярный в современной традиции тибето-монгольского буддизма обряд *цетар* представляет собой освобождение от преждевременной смерти животных, рыб, птиц, находящихся в неволе или отправляющихся на убой, сопровождаемое чтением специальных текстов. Ритуал *цетар* в тибетской традиции подробно описан в публикации Д. Холлера (Holler, 2002). Автор выделяет в литературе *цетар* несколько категорий: повествования об истории его возникновения; повествования о его пользе и неблагоприятных последствиях убийства; руководства по проведению ритуала *цетар* (там же: 212), а также подвиды ритуала *srog glud / srog bslu* 'выкуп / обман жизни'² и *lha zog* 'освобожденное животное, посвященное божеству' (там же: 218–219). Самое раннее упоминание о ритуале *цетар* Д. Холлер находит в биографии Ра-лоцзавы (1000–1080) (там же: 210).

Смысл *цетара* в тибетском ритуале объясняется в первую очередь через призму буддийской философии: так, выполнение ритуала для овцы освобождает от одного рождения в низших сферах, для козы — от семи рождений. Если некто совершил убийство ста лошадей и ста человек, выполнив этот ритуал даже единожды, он освободится от всех своих прегрешений и омрачений (там же: 212). Убийство посвященного животного также строго табуировано: его совершение приравнивается к убийству ста человек, однако, как отмечает Д. Холлер, среди тибетцев довольно распространена практика посвящения животного на какой-то период времени и перенесения этого статуса впоследствии на более молодых особей (там же: 213). Незначительное отличие от монгольского обряда *сэтэр* заключается в том, что цветные ленты не повязываются, а продеваются в уши через специально продельваемые для этого отверстия (там же: 208). Стоит отметить, что в тибетской традиции не отмечена связь этого обряда с созвездием Большой Медведицы.

¹ Интересно отметить, что эти же функции в традиции монгольского народного буддизма выполняет Белый старец, который записывает имена добродетельных людей и грешников (см. публикацию (Бакаева, 2020b: 679), в которой автор говорит о связи созвездия с образом Белого старца).

² Отличие от *цетара* заключается в том, что животное не принадлежит участнику ритуала, а выкупается им, и оно выступает в качестве замены человека, для которого проводится ритуал (Holler, 2002: 218) (см. монгольский обряд выкупа жизни (монг. *золиг гаргах*) в описании А. М. Позднеева (Позднеев, 1993: 454–456)).

Ритуал сэтэр созвездия Большой Медведицы

Подробное описание ритуала на материале алтайских урянхайцев мы находим в работе Л. Эрдэнэболда (Эрдэнэболд, 2012: 98). Л. Эрдэнэболд пишет о том, что этот обряд, уже практически забытый урянхайцами, выполнялся ночью, когда созвездие видно на небе: в северной части юрты (*хоймор*) и возле треножника подносили воскурение *санг* и совершали в ее направлении кропление чаем, который заранее с утра ставили снаружи на крышу над входом. Посвящая овцу, которая для этого ритуала должна быть желтого цвета или с желтой звездочкой на голове, человек обращался к созвездию с просьбой принять его и его семью под покровительство (там же: 98). Кроме того, М. Ганболд указывает, что после подношения воскурения *санг* приглашенные ламы начинали читать сутры, а хозяйка дом обходила юрту по кругу, совершая подношение молоком (Ганболд, 2001: 34). В. И. Терентьев, описывая ритуал *сэтэр* у современных дербетов, пишет, что после проверки правильности выбора животного для ритуала его окуривают дымом можжевельника, произносят сутры, а затем повязывают на шею или вплетают в гриву ленты пяти цветов (Терентьев, 2014: 200). Приведенные данные показывают, что у буддийских священнослужителей существовала специальная литература, зачитываемая во время этого ритуала. В подтверждение этого факта можно привести рукопись «*Doloyan ebügen-e mal seterlekii*» («Посвящение скота *сэтэр* Семи старцам») в каталоге А. Г. Сазыкина (Сазыкин, 1988: № 1224, 225).

Мы предполагаем, что рукопись, выступающая материалом нашего исследования, входила в круг таких текстов, что может служить доказательством тождества буддийских ритуалов *сэтэр* и *цетар*¹ в традиции монгольского буддизма.

Транслитерация и перевод рукописи

Транслитерация	Русский перевод
[1r] <i>sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so</i>	Ритуал <i>цетар</i> — освобождения жизни овцы ² — созвездия Большой Медведицы
[1v] <i>kye / de ring lha lug g.yang 'di na / rin chen dung gi spu ma can / mgo la rwa skyes rngul bu 'khrungs / 'ba' skad dung gi skad ltar snyan / g.yang ni spri gyas 'thibs pa 'dra / rwa gnyis thabs dang shes rab tshul / spyan gnyis nyi zla shar ba 'dra / rna ba g.yas dang g.yon pa la / rin chen dar tshon sna lngas brgyan /</i>	О, сегодня у этой священной овцы, приносящей благословение, Шерсть [подобна] драгоценной раковине, На голове рога и капельки пота, Звуки блеяния слышатся словно звук раковины. Благословение подобно брызгам молозива, покрывающим [все], Два рога символизируют метод и мудрость, Два глаза — словно восходящие солнце и луна, Два уха — левое и правое — Украшены пятицветными шелковыми лентами,

¹ В качестве подтверждения этой гипотезы можно привести тибетский и монгольский варианты названия текста «Ритуал *цетар*, [выполняемый] для деревьев» из тибетоязычного сборника «*Phyag rdor gos sngon gyi bsgrubs thabs dang 'go ba'i lha lnga'i gsol mchod sogs*» («Садхана Ваджрапани, одетого в синие одежды, молитва-подношение пяти вместиорожденным божествам и пр.'), хранящегося в Национальной библиотеке Монголии, — *Shing gi tshe thar 'Цетар деревьев' / Modun-u seter sudur inu oršuu* «Сутра *сэтэр* деревьев» [Phyag rdor gos sngon gyi bsgrubs thabs dang 'go ba'i lha lnga'i gsol mchod sogs [Электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W1NLM1830%7C1NLM1830_001%7C1%7C1%7C1%7C248 (дата обращения: 09.08.2021).

² Тиб. *lug* гендерно не маркировано. Для обозначения пола к слову добавляются лексемы *pho* (м. р.) и *mo* (ж. р.): *pho lug* «баран», *mo lug* «овца». Поскольку этнографические данные показывают, что для ритуала используется овца, в русском тексте *lug* переведено как «овца», несмотря на упоминание рогов в тексте.

<i>zhal ni ga yu yin bun 'thul /</i>	Лицо [словно] бирюза, [которую] обволакивает дымка,
<i>rwa la khi khri mtshal gyis blug /</i>	Рога обильно ³ поливаются киноварью.
<i>lug la dar dang sngags gyis brgyan /</i>	Овцу украшают шелком и мантрами.
<i>'di 'dra mdzes pa'i lha lug 'di /</i>	Священную овцу, украшенную таким образом,
<i>bde gshegs bdun gyi ngo bo nyid /</i>	Подношу сущности семи Татхагат,
<i>[2r] skar ma rnam la 'bul bar bgyi /</i>	Этому созвездию.
<i>shel ltar lug dgar (=dkar) sprin 'dra 'di /</i>	Эту овцу, белую словно хрусталь и подобную облаку,
<i>skar ma bdun gyi rten du 'bul /</i>	Я подношу как опору семи звезд.
<i>'bul mchod ngo bo bzhegs (=bzhes) su gsol /</i>	Я подношу и прошу сущность [семи Татхагат] принять.
<i>kye skar bdag dang yon dag bdag gi lha /</i>	О, божества созвездия и милостынедателя,
<i>bdag la skyob pa'i lha khyod yin /</i>	Вы и есть те божества, кто защищает меня.
<i>de phyir lha bsrung khyed rnam kyis /</i>	Поэтому вы, божественные хранители,
<i>bdag dang yon bdag 'khor bcas kyi /</i>	Даруйте мне и милостынедателю вместе с окружением
<i>mi nor longs spyod 'phrel (=phel) ba dang /</i>	Безошибочные блага
<i>[2v] bsams pa yid bzhin 'grub pa mdzod /</i>	И исполните все задуманное, как я желаю.
<i>de ring srog mchog tshe thar bgyis /</i>	Сегодня я выполнил <i>цетар</i> наивысшей жизни.
<i>nad gdon bar chad zhi bar shog /</i>	Да будут усмирены болезни, вредоносные влияния и препятствия.
<i>tshe ring nad med bde bar shog /</i>	Да будут дарованы долгая жизнь без болезней и счастье.
<i>sngon gyi lan chags byang bar shog /</i>	Да будут очищены прошлые долги.
<i>bdag sogs mtha' yas lus can ku (=sku?) /</i>	Пусть я и все бесчисленные существа
<i>bla med byang chub bsgrubs pa la /</i>	Достигнут наивысшего Пробуждения.
<i>'gal rkyen mtshan ngan zhi ba dang /</i>	Пусть неблагоприятные обстоятельства и плохие предзнаменования будут усмирены,
<i>mthun rkyen bsgrubs pa'o</i>	А благоприятные обстоятельства созданы.
<i>bkra shis shog /</i>	Да будет благо!

Рукопись из ТИГПИ и другие тексты цетар Большой Медведицы

Текст написан в стихотворной форме с использованием семисложника, одного из наиболее распространенных размеров в тибетском стихосложении. В начале содержится довольно поэтичное описание подносимой овцы: ее шерсти, которая по цвету подобна белой раковине; рогов, которые уподобляются союзу метода и мудрости; глаз, подобных солнцу и луне; ушей, морды, подобной пре-

¹ Букв. двадцать / триста двадцать тысяч.

красной бирюзе, и т. д. Слово *lug* ‘овца’ используется в паре с эпитетом *lha* ‘божество, божественный’, которое в данном случае мы переводим как ‘священный’: аналогичную фразу *lha g.yag* ‘божество-як’ Д. Холлер объясняет как ‘як, ведущий себя необычно (очень дикий, агрессивный, предпочитающий оставаться в одиночестве в горах), которого считают принадлежащим божествам’ (Holler, 2002: 216).

В рукописи перечисляются такие детали ритуала, как привешивание пятицветных шелковых лент к ушам, поливание рогов красной жидкостью¹, украшение шелком и начитывание мантр, кроме того, указан цвет овцы — белый². Божества созвездия, к которым направлена молитва, названы сущностью семи Татхагат. Просьбы, завершающие текст, имеют общий характер: дарование благ, долгой жизни без болезней, исполнение задуманного, усмирение болезней, вредоносных влияний и препятствий, очищение прежде накопленных кармических долгов и помощь в достижении Пробуждения.

Как было указано выше, в тибетской письменной традиции тексты *цетар*, посвященные Большой Медведице, не обнаружены, а другие аналогичные тибетоязычные сочинения, если судить по месту хранения, были составлены в Монголии. Привлечем для сравнения тибетоязычную рукопись «*Mes bdun³ skar ma la tshe thar gtong tshul*» («Способ исполнения ритуала *цетар* Созвездию Большой Медведицы») из сборника ритуальных текстов «*Bla ma'i mal 'byor dngos grub 'gugs pa'i lcags kyu sogs*» («Железный крюк, притягивающий сиддхи гуру-йоги»), также посвященную ритуалу *цетар* для созвездия Большой Медведицы. Датировать данный сборник, хранящийся в Национальной библиотеке Монголии, ввиду отсутствия колофона представляется сложным. В начале текста идет обращение к божествам созвездия, названным семью Героями, Победоносными Буддами (тиб. *bcom ldan sangs rgyas dpa' bo bdun*); за ним следует описание овцы, подносимой в качестве опоры семи Героям, божествам созвездия Плеяд (тиб. *smin drug*). Завершают текст просьбы преумножить энергию *коня-ветра* (*лунгта*)⁵, воплощающую благополучие жизни и физического тела (тиб. *srog lus dbang thang rlung rta*), продолжительность жизни, благие заслуги и благосостояние (тиб. *tshe bsod dpal 'byor longs spyod*); избавить от опасностей безвременной кончины, вредоносных влияний, неблагоприятных обстоятельств и различных препятствий (тиб. *dus min 'chi dang gdon bgegs nad la sogs rkyen ngan bar chad gnod 'tshes kun zhi*); способствовать достижению благополучия и расширению сфер владения (тиб. *mnga' thang chab srid rgyas pa'i 'phrin las*). Особо выделены в тексте просьбы избавить местность от опасностей града, засухи, конфликтов, нападений волков, врагов и воровства и способствовать тому, чтобы все живые существа относились друг к другу с любящей добротой, подобно родителям (тиб. *khyad par yul 'dir sad ser than pa dang / 'thab rtsod spyang shor dgra dang chom rkun gyis 'jigs pa kun bral phan tshun pha ma ltar / byams brtse sems kyis rtag tu gnas pa shog*). В конце текста указано, что дополнительно можно выполнять ритуалы воскурения *санг* (тиб. *bsangs*) и призывания удачи (тиб. *g.yang 'gug*).

В целом, оба рассмотренных текста имеют аналогичную структуру: обращение к божествам созвездия, восхваление подносимой овцы и просьбы к божествам. Интерес представляют содержащиеся во втором блоке рукописи «*Mes bdun⁶ skar ma la tshe thar gtong tshul*» просьбы избавить местность от града, нападений волков и т. д., которые отсутствуют в рукописи из ТИГПИ. Можно предположить, что эти два текста относятся к разным редакциям одного сочинения.

¹ Возможно, аналогия с кровью как жизненной субстанцией.

² Отметим, что, согласно описанию Л. Эрдэнэболда, овца для ритуала должна быть желтоголовой (Эрдэнэболд, 2012: 98).

³ Этот вариант записи названия созвездия *mes bdun* букв. ‘семь предков’, отличающийся от общепринятого *sme bdun*, заслуживает внимания, поскольку, вероятно, представляет собой калькированный перевод монг. *doluγan ebügen*.

⁴ *Mes bdun skar ma la tshe thar gtong tshul* [Электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O4CZ3320684CZ332071%7CW1NLM207 (дата обращения: 09.08.2021).

⁵ См. в работе Л. Эрдэнэболда: «Если ухудшались их дела, преследовали неудачи, т.е. в понимании монголов, когда **хий морин** (букв. ‘конь-ветер’. — С. М.) счастья падает вниз, они совершали специальный обряд почитания Огторгуйн Долоон бурхан од — семи бурханов небосклона» (Эрдэнэболд, 2012: 26–27).

⁶ Этот вариант записи названия созвездия *mes bdun* букв. ‘семь предков’, отличающийся от общепринятого *sme bdun*, заслуживает внимания, поскольку, вероятно, представляет собой калькированный перевод монг. *doluγan ebügen*.

Семь Будд

Отдельно хотелось бы обозначить проблему тибетских имен и эпитетов божеств созвездия Большой Медведицы, ассоциируемых с семью Буддами Медицины, к которым обращаются в процессе этого ритуала. В двух рассмотренных текстах дается их общее обозначение как семь Татхагат / Героев¹. Как указано выше, они соотносятся с семью Буддами Медицины. В «Святой сутре Махаяны под названием „Исключительно обширная молитва-устремление, произнесенная прежде семью Татхагатами“» (тиб. *'phags pa de bzhin gshegs pa bdun gyi sngon gyi smon lam gyi khyad par rgyas pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*) приводятся следующие их имена:

- 1) [Обладающий] прекрасным именем (тиб. *mtshan legs*);
- 2) Проявление незапятнанного чистого золота (тиб. *gser bzang dri med snang ba*);
- 3) Славный, Высший, Свободный от страданий (тиб. *mya ngan med mchog dpal*);
- 4) Мелодия звучания Дхармы (тиб. *chos bsgrags dbyangs*);
- 5) Царь ясного постижения (тиб. *mngon mkhyen rgyal po*);
- 6) Царь мелодичных звуков (тиб. *sgra dbyangs rgyal po*);
- 7) Царь Шакьев (тиб. *shā kya'i rgyal po*)².

Уйгурский, монгольский и тибетский переводы «Сутры Большой Медведицы» содержат транскрибированные имена Будд в китайском звучании, отражающем древний мандаринский диалект, перевод которых весьма затруднителен: 1) *Ta lang*; 2) *Ku men*; 3) *Lu sun*; 4) *'Un khu*; 5) *Lim chim*; 6) *Vu khu*; 7) *Vu gum*³ (Franke, 1990: 88). Очевидно, что эти два перечня имен представляют разные традиции культа семи Будд Медицины⁴, что требует отдельного исследования.

Заключение

Рукопись «*Sme bdun skar ma'i lug gi tshe thar zhes bya ba bzhugs so*» из фонда ТИГПИ, несмотря на свой небольшой объем, содержит очень ценные данные по ритуалу *цетар*, направленному к созвездию Большой Медведицы. Прежде всего, она демонстрирует результат взаимовлияния традиционной культуры тюрко-монгольских народов и буддийских идей, также сформировавшихся под влиянием китайского даосизма. Проведенный анализ тибетского ритуала *цетар* и монгольского *сэтэр* позволяет предположить, что в традиции монгольского буддизма эти обряды идентичны. Этнографические данные по поклонению Большой Медведице у монгольских народов доказывают существование специальных буддийских сочинений, зачитываемых в процессе ритуала. Подтверждением этого может служить упомянутая выше рукопись из каталога А. Г. Сазыкина, а также рассмотренное нами сочинение. Проведенное исследование показывает необходимость дальнейшего изучения тувинских образцов буддийской ритуальной литературы как на монгольском, так и на тибетском языках и ввода их в научный оборот, поскольку их анализ в сопоставлении с другими локальными традициями позволит обогатить наше понимание специфики буддийской традиции Тувы.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность директору Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва А. П. Дамба-Хуураку за возможность работы в рукописном фонде.

¹ Тиб. *de bzhin gshegs pa* 'прошествовавший таким образом, Татхагата' и *dpa' bo* 'герой' являются эпитетами Будды.

² *'Phags pa de bzhin gshegs pa bdun gyi sngon gyi smon lam gyi khyad par rgyas pa zhes bya ba theg pa chen po'i mdo* [Электронный ресурс] // Buddhist Digital Resource Center. URL: https://library.bdr.org/show/bdr:MW26071_0471 (дата обращения: 09.08.2021).

³ Й. Эльверског дает следующий перевод: 1) Ненасытный волк; 2) Великие ворота; 3) Сохраненное счастье; 4) Поэтичная песнь; 5) Чистая добродетель; 6) Военная песнь; 7) Уничтожитель войск (Elverskog, 2008: 106-108).

⁴ В «Монгольском толковом традиционном словаре» в словарной статье, посвященной семи Буддам, находим перечень, отличающийся от двух вышеприведенных: Санжаанамсаг, Жүгдэржав, Танжжав, Хорвоонжиг, Бурхан багш, Санж-Очсүрэн, Оточ (Монгол ёс заншлын их тайлбар толь, 2000: 226).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакаева, Э. П. (2020a) Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 1 // *Oriental Studies*. Т. 13. № 2. С. 368–384. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384>
- Бакаева, Э. П. (2020b) Почитание Большой Медведицы в среде ойратов и калмыков: древнейшие представления и буддийские напластования. Часть 2 // *Oriental Studies*. Т. 13. № 3. С. 661–687. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>
- Большой академический монгольско-русский словарь (2001): в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia. Т. 3. Ө–Ф. 440 с.
- Галданова, Г. Р. (1987) Доламаистские верования бурят. Новосибирск : Наука. 116 с.
- Ганболд, М. (2001) Алтайн урианхайн уламжлалт шүтлэг [Традиционные верования алтайских урянхайцев]. Улаанбаатар : Соёмбо принтинг. 180 х.
- Лхагвасурэн, И. (2013) Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX — начало XX в.) / пер. с монг. М. В. Монгуш. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 178 с.
- Монгол ёс заншлын их тайлбар толь (2000). Улаанбаатар: Урлах эрдэм. 337 х.
- Монгол улсын угсаатны зүй (Ойрадын угсаатны зүй) (XIX–XX зууны зааг үе) [Этнография монгольских народов (Этнография ойратов) (конец XIX — начало XX в.)] (2012) : в 3-х т. Улаанбаатар : Адмон. Т. II. 534 х.
- Монгольские рукописи и ксилографы научного архива Тувинского института гуманитарных исследований (ТИГИ) (2004) / Бюллетень Общества востоковедов. Приложение 3 / сост. А. Самдан. М. : ИВ РАН. 59 с.
- Монгуш, М. В. (1992) Ламаизм в Туве: историко-этнографическое исследование. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 138 с.
- Позднеев, А. М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтное изд. Элиста : Калмыцкое книжное издательство. 512 с.
- Сазыкин, А. Г. (1988) Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР : в 3 т. / отв. ред. Д. Кара. М. : Наука, ГРВЛ. Т. I. 508 с.
- Сүхбаатар, О. (1997) Монгол хэлний харь үгийн толь [Словарь заимствованных слов монгольского языка]. Улаанбаатар : Адмон. 233 х.
- Терентьев, В. И. (2014) Религиозные практики кочевников Западной Монголии: обычай сэтэртэй мал у дербетов // *Антропологический форум*. № 22. С. 191–211.
- Эрдэнэболд, Л. (2012) Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.) / пер. на рус. Ганбат Нямдаг, С. Б. Миягашева, Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 196 с.
- Elverskog, J. (2008) The Mongolian Big Dipper Sūtra // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. Vol. 29. No. 1. P. 87–124.
- Franke, H. (1990) The Taoist Elements in the Buddhist Great Bear Sūtra (Pei-tou ching) // *Asia Major* 3. P. 75–111.
- Holler, D. (2002) The Ritual of Freeing Lives // *Religion and Secular Culture in Tibet* / ed. by H. Blezer. Tibetan Studies II. Leiden : Brill. 470 p. P. 207–226.

Дата поступления: 06.09.2021 г.

REFERENCES

- Bakaeva, E. P. (2020a) *Pochitanie Bol'shoi Medveditsy v srede oiratov i kalmykov: drevneishie predstavlenia i buddiiskie naplastovaniia. Chast' 1* [Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient beliefs and later Buddhist additions: Part 1]. *Oriental Studies*, vol. 13(2), pp. 376–392. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-368-384>
- Bakaeva, E. P. (2020b) *Pochitanie Bol'shoi Medveditsy v srede oiratov i kalmykov: drevneishie predstavlenia i buddiiskie naplastovaniia. Chast' 2* [Veneration of Ursa Major among the Oirats and Kalmyks: Ancient beliefs and later Buddhist additions. Part 2]. *Oriental Studies*, vol. 13(3), pp. 661–687. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2020-49-3-661-687>
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [The Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] (2001): in 4 vols. / executive editor G. Ts. Piurbueev. Moscow, Academia. Vol. 3. 440 p. (In Russ.)
- Galdanova, G. R. (1987). *Dolamaistskie verovaniya buryat* [Buryat Pre-Lamaist Beliefs]. Novosibirsk, Nauka. 116 p. (In Russ.)
- Ganbold, M. (2001). *Altajn urianhajn ulamzhalt shytleg* [The Altai Uriankhai: Traditional Beliefs]. Ulaanbaatar, Soembo Printing. 180 p. (In Russ.)

Lkhagvasuren, I. (2013) *Altaiskie uryankhaitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki (konets XIX — nachalo XX v.)* [The Altai Uriankhai: Historical and ethnographic Essays, late 19th — early 20th centuries]. M. Mongush (transl.). Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Siberian Branch) of RAS. 178 p. (In Russ.)

Mongol yos zanshlyn ih tailbar tol' [Unabridged Explanatory Dictionary of Mongolian Traditions] (2000). Ulaanbaatar, Urlakh Erdem Printing. 337 p. (In Mong.)

Mongol ulsyn ugsaatny zyj (Oiradyn ugsaatny zyj) (XIX–XX zuuny zaag ye) [Ethnography of Mongolian peoples (Ethnography of Oirats): 19th–20th cent.] (2012) : in 3 vols. Ulaanbaatar, Admon Printing. Vol. II. 534 p.

Mongol'skie rukopisi i ksilografy nauchnogo arkhiva Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (TIGI) [Mongolian manuscripts and xylographs preserved in the research archive of the Tuvan Institute for the Humanities] (2004). Bulletin of the Society of Orientalists. Appendix 3 / comp. by. A. Samdan. Moscow, IV RAN. 59 p.

Mongush, M. V. (1992) *Lamaizm v Tuve : istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Lamaism in Tuva: a historical and ethnographic study]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Pozdneev, A. M. (1993) *Ocherki byta buddiiskih monasteyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s odnosheniem sego poslednego k narodu* [Sketches of the life of Buddhist monasteries and clergy in Mongolia, in connection with the latter's relation to the people]. Reprint ed. Elista, Kalmyk Book Publ. 512 p. (In Russ.).

Sazykin, A. G. (1988) *Katalog mongol'skikh rukopisei i ksilografov Instituta Vostokovedeniia AN SSSR* [The catalog of Mongolian manuscripts and woodcuts at the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences] : in 3 vols. Moscow, Nauka. Vol. I. 507 p. (In Russ.).

Sukhbaatar, O. (1997) *Mongol helnii har' ygijn tol'* [Dictionary of Mongolian loan-words]. Ulaanbaatar, Admon Printing. 233 p. (In Mong.)

Terentyev, V. I. (2014) Religioznye praktiki kochevnikov Zapadnoi Mongolii: obychai setertei mal u derbetov [Religious practices of nomads of Western Mongolia: the Derbet custom of setertey mal]. *Anthropological Forum*, no. 22, pp. 191–211. (In Russ.).

Erdenebold, L. (2012) *Traditsionnye verovania oirat-mongolov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Traditional beliefs of Oirat Mongols: late 19th — early 20th centuries]. G. Nyamdag, S. Miyagasheva, Zh. Badagarov (transl.). Ulan-Ude, Buryat Scientific Center (Siberian. Branch) of RAS. 196 p. (In Russ.).

Elverskog, J. (2008) The Mongolian Big Dipper Sūtra. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*, vol. 29, no. 1, pp. 87–124.

Franke, H. (1990) The Taoist Elements in the Buddhist Great Bear Sūtra (Pei-tou ching). *Asia Major* 3, pp. 75–111.

Holler, D. (2002) The Ritual of Freeing Lives. In: *Religion and Secular Culture in Tibet* / ed. by H. Blezer. Tibetan Studies II. Leiden: Brill. 470 p. Pp. 207–226.

Submission date: 06.09.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.13

Статья

Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков)

Шенне В. Дамбаа, Надежда Д. Сувандии

Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлены результаты сравнительного анализа лексики охоты в ряде тюркских языков народов Саяно-Алтая: тувинского, алтайского, хакасского и тофаларского. Анализ выполнен для определения общих и отличительных особенностей. Охота — один из древних видов деятельности народов этого региона, который потерял былую значимость. Вслед за этим уходит и лексика, фиксация которой важна для задач сохранения культуры.

В ходе исследования выявлено четыре основных лексико-семантических групп: названия парнокопытных диких животных, хищников, мелких зверей и птиц. В выделенных лексико-семантических группах имеются общие лексемы, как общетюркское название ел//ај (еј теј) — 'добыча' для обозначения общего названия дикого зверя; наименования птицы куш тув., алт., хус хака. В лексико-семантической группе «Названия хищных животных» встречаются большое количество эфемизмов, заменяющих слова-табу, которые по этикету народов Саяно-Алтая являются священными запретами.

Ключевые слова: тюркские языки; тувинский язык; хакасский язык; алтайский язык; тофаларский язык; специальная лексика; охотничья лексика; лексико-семантическая группа; Саяно-Алтай

Подготовлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта «Трансформационные процессы в ономастике народов Центральной Азии: история и современность (на примере Тувы, Тофаларии, Калмыкии и Монголии)» (грант № 19-012-00073).

Для цитирования:

Дамбаа Ш. В., Сувандии Н. Д. Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 172-185. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Дамбаа Шенне Вадимовна — ассистент кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 385-22-42. Эл. адрес: shenne2242@mail.ru

Сувандии Надежда Дарьевна — кандидат филологических наук, декан филологического факультета Тувинского государственного университета. Адрес: 667004, Россия, г. Кызыл, ул. Педагогическая, д. 13. Тел.: +7 (923) 268-93-69. Эл. адрес: suvandiin@mail.ru

DAMBAA, Shenne Vadimovna, Assistant, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Russia, Kyzyl. Tel.: +7 (923) 385-22-42. E-mail: shenne2242@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0062-3331

SUVANDII, Nadezhda Daryevna, Candidate of Philology, Dean, Philological Faculty, Tuvan State University. Postal address: 13 Pedagogicheskaya St., 667004 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 268-93-69. E-mail: suvandiin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3817-2436

Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages

Shenne V. Dambaa, Nadezhda D. Suvandii

Tuvan State University, Russian Federation

The article presents the outcome of a comparative study of hunting vocabulary in a number of Turkic languages of the peoples living in the Sayan-Altai region: Tuvans, Tofalars, the Altai and the Khakass. The study focused on the generalities and particularities of linguistic picture of hunting as one of the old pursuits of the people of the region, which by now has lost its past importance. Following the demise of the hunting is the vocabulary, which must be recorded in order to help preserve their cultures.

The study showed that there are four lexico-semantic groups dealing, respectively, with the names for wild ungulates, predators, small animals and birds. Lexemes common for all groups include the Turkic word for prey - eŋ//aŋ (eŋ meŋ) — as a general name for a wild animal, and for the bird, 'kush' (Tuvan and Altai 'hus hak'). The lexico-semantic group of "predator names" includes a large number of euphemisms to replace taboo words which the speech etiquette of the Sayan-Altai peoples prohibits to mention openly.

Keywords: Turkic languages; Tuvan language; Khakass language; Altai language; Tofalar language; specialized vocabulary; hunting vocabulary; lexico-semantic group; Sayan-Altai

Financing

The article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project "Transformational processes in the onomastics of the peoples of Central Asia: history and contemporary state (the cases of Tuva, Tofalaria, Kalmykia, Mongolia)" (Grant No. 19-012-00073).

For citation:

Damba Sh. V. and Suvandii N. D. Okhotnich'ia leksika v iazykovoj kartine mira narodov Saiano-Altaia (na materiale tuvinskogo, tofalarskogo, altaiskogo i khakasskogo iazykov) [Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 172-185. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Введение

Охота является одним из основных видов древнейших традиционных занятий человечества и каждый народ имеет свои традиции охоты, а соответственно и охотничью лексику. Для тюркских народов охота также составляла важную часть традиционных промыслов, что нашло отражение в языке. Об этом свидетельствуют исторические и этнографические материалы ученых (Катанов, 1903; Щербак, 1961; Потапов, 1969; Мусаев, 1975; Рассадин, 1971; Сравнительно-историческая ..., 1997 и др.)

Саяно-Алтай — территория, на которой с древнейших времен соприкасались тюркские, самодийские, кетские, тунгусо-маньчжурские и монгольские племена и их культуры. Поэтому они имеют много общих традиций хозяйственной культуры. Их изучение представляет большой научный интерес и актуальность в свете трансформации культур.

Несмотря на изменения образа жизни современных людей, лексика охоты не утратила своей функциональной активности в речевом пространстве народов Саяно-Алтая, особенно названия диких животных и птиц. В настоящее время есть немало любителей охоты, в свободное от работы время которые проводят в тайге, причем для них это является одним их хобби — отдых на природе.

Вопросы этногенеза и глоттогенеза¹ указанных выше народов можно решить, лишь комплексно используя данные археологических, исторических, этнографических, лингвистических, фольклористических и антропологических исследований. К сожалению, не все народы Саяно-Алтайского нагорья изучены во всех этих аспектах в одинаковой мере (Рассадин, 2000: 5).

Цель настоящей работы — систематизировать и сравнить названия диких животных и птиц в тувинском, хакасском, алтайском и тофаларском языках для определения общих и отличительных особенностей. Материалом исследования послужили полевые материалы, собранные авторами в 2013–2021 гг. на территории Республики Тыва от жителей разных районов. Всего было опрошено более 25 человек, занимающихся охотничьим промыслом в возрасте от 20 до 85 лет. Также лексические единицы из тувинско-русского (Тувинско-русский ... , 1968), алтайско-русского (Алтайско-русский ... , 2018), русско-алтайского (Русско-алтайский ... , 1964), хакасско-русского (Хакасско-русский ... , 1953), русско-хакасского (Бутанаев, 2011) и тофаларско-русского (Рассадин, 2005) словарей.

В работе названия диких животных и птиц подразделены на следующие лексико-семантические группы (далее — ЛСГ): копытные дикие животные, хищные животные, мелкие звери, птицы.

Охота как древний род занятий тюркских народов Саяно-Алтая

Охотой тюркские народы занимались с древних времен и в настоящее время данный вид деятельности все еще функционирует, хотя и в ограниченном объеме. Охотничья лексика нашла свое отражение в тюркском языкознании. Так, А. М. Щербак в сравнительно-историческом аспекте провел изучение лексики отдельных семантических групп домашних и диких животных (Щербак, 1961). Названия диких животных в семантическом и этимологическом аспектах анализируются в монографии М. К. Мусаева, в ней также определяются ареалы их употребления (Мусаев, 1975: 52–158).

В фундаментальном труде тюркологов Э. Р. Тенишева, Г. Ф. Благовой, И. Г. Добродомова, А. В. Дыбо, И. В. Кормушина, Л. С. Левитской, О. А. Мудрака, К. М. Мусаева, представляющих урало-алтайский сектор Института языкознания Российской академии наук, «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» содержится краткая сводка лексического состава пратюркского языка, которая охватывает все важнейшие стороны жизни хозяйства носителей пратюркских диалектов, а также окружающей их природы, среди которых имеется и названия диких животных и птиц (Сравнительно-историческая ... , 1997: 640–649).

Тувинский язык. На рубеже XIX–XX в. Н. Ф. Катанов в своей фундаментальной грамматике тувинского языка впервые привел краткие сведения о занятиях охотой тувинцев (Катанов, 1903).

Следующая работа по интересующей нас теме была опубликована уже через полвека. В монографии С. И. Вайнштейна рассматривается основное занятие тувинцев-тоджинцев — охота (Вайнштейн, 1961). Тувинцы-тоджинцы — особая этническая группа, проживающая на северо-восточной части Республики Тыва, в отличие от жителей других районов республики, занимаются не только оленеводством, но и охотничьей деятельностью, которая остается одним из основных и по настоящее время. В диалекте тоджинцев сохранились этнографические диалектизмы, характеризующие основное занятие коренного малочисленного народа (охота и оленеводство).

Традиционный быт тувинцев в своей работе описал Л. П. Потапов (Потапов, 1969), где охотничье дело тувинцев характеризует как один из видов хозяйственной деятельности народа.

Позже данная тема заинтересовала и ученых-тувинцев. В работе тувинского диалектолога З. Б. Чадамба проведено изучение тоджинского диалекта, одного из специфичных в тувинском языке, носители которых издавна занимались охотничьим промыслом (Чадамба, 1974). В научно-популярной работе исследователя традиционных мужских занятий В. К. Даржа описываются различные виды охоты, орудий охотника, также даются названия диких животных (Даржа, 2009). В. С. Салчак, Б. Баярсайхан, Б. Б. Монгуш в брошюре «Тыва аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер» («Некоторые сведения о тувинской охотничьей деятельности») описывают характеристику дикого животного и птицы, когда и как охотиться на того или иного дикого зверя или птицу (Салчак, Монгуш, Баярсайхан

¹ Глоттогенез (от греч. *glotta* — язык и *genesis* — происхождение) — процесс становления человеческого естественного звукового языка, отличного от других систем языков.

2010). Немало научных работ выпустила одна из соавторов статьи Н. Д. Сувандии, в которых описывается лексика охоты в разных диалектах тувинского языка, в том числе и тоджинского. Автором проводились исследования охотничьих традиций и обычаев, табу и эвфемизмов в тувинском языке (Сувандии, 2013, 2016; Сувандии, Куулар, 2015).

Хакасский язык. Изучение хакасского языка началось, как и большинство тюркских языков, в XVIII в. Г. Ф. Мессершмидтом, Г. Ф. Миллером, П. С. Палласом, В. В. Радловым, Н. Ф. Катановым и др. (см.: Боргояков, 1981). Лексике охоты и рыболовства в хакасском языке и его диалектах посвящена диссертационная работа В. А. Боргоякова, в которой автор подробно описывает лексику промысловой фауны, названия видов охоты, орудий и устройств. Также приводит сведения об обрядах и поверьях хакасов (Боргояков, 2011). О некоторых сведениях охотничьей деятельности хакасов писал этнограф К. М. Патачаков. Он отметил, что охотничий промысел играл значительную роль и в хозяйстве хакасов с давних времен (Патачаков, 1958: 25).

Алтайский язык. Основу хозяйства алтайцев в древности составлял охотничий промысел, который освещается в работах Н. П. Дыренковой (Дыренкова, 1949), в публикациях Л. П. Потапова (Потапов, 1929, 1935, 1949, 1953, 2001), в исследованиях Ф. А. Сатлаева (Сатлаев, 1969, 1974). Исследователь алтайского языка Н. А. Яимова рассматривает в своей работе табуированные наименования диких зверей (Яимова, 1985). Некоторые ученые утверждают, что данный вид занятия у алтайцев в прежних традиционных видах в настоящее время, к сожалению, не сохранился (Назаров, 2008: 128).

Тофаларский язык. Первым, кто описал тофаларский язык, считается М. Кастрен, посетивший Восточные Саяны в 1849 году (Castren, 1857). Продолжили изучение языка и культуры народа Н. Ф. Катанов (Катанов, 1903), в более позднее время Н. П. Дыренкова (Дыренкова, 1963) и др. Одним из основных исследователей языка и культуры тофаларов, описавшим охотничью лексику, является В. И. Рассадин (Рассадин, 1971, 2000, 2013, 2014). Он выделяет, что охота для тофаларов издавна являлась одним из главных источников существования, поэтому различные промысловые животные играли важную роль в их жизни (Рассадин, 1971: 140).

Таким образом, филологических исследований по отдельным языкам сделано достаточно много. Но вот сравнительных исследований почти не было. Мы можем назвать лишь публикации Е. М. Куулар, которая сделала сравнение половозрастных наименований копытных диких животных в тувинском и хакасском языках (Куулар, 2018), а также А. Д. Каксина, в которой провел сравнительный анализ табу и подставных названий в хантыйском и хакасском языках и отметил, что табуированию подвергаются названия диких животных (Каксин, 2016). Это обуславливает новизну нашего исследования.

Наименования парнокопытных диких животных

В древние времена копытные дикие животные были одним из основных объектов охоты. Данный промысел оказывал большую помощь для содержания семьи мужскому населению тюркских народов. Так как мясо крупных копытных зверей значительно поддерживало питание в зимнее время, их шкуры обрабатывались и шли на приготовление одежды и обуви, на изготовление ремней и некоторых предметов домашнего обихода (Потапов, 1969: 87). От сезонной охоты на парнокопытных животных охотники всегда получали доходы (продажей мяса дичи и рогов). В настоящее время в Туве, особенно в отдаленном Тоджинском районе, имеются охотники-оленоводы, которые зарабатывают данной деятельностью себе на жизнь и кормят свои семьи, проживающие вдали от районного центра в труднодоступных стойбищах оленеводов.

В исследуемых языках используется общетюркское название *eŋ//aŋ* (*eŋ teŋ*) — ‘добыча’ (Древнетюркский словарь, 1969: 174) для обозначения общего названия дикого зверя: тув. *aŋ* (Тувинско-русский ..., 1968: 61), хакас. *aŋ* (Хакасско-русский ..., 1953: 27), алт. *aŋ* (Алтайско-русский ..., 2018: 72), тоф. *aŋ* (Рассадин, 2005: 15).

Парнокопытных диких животных в тувинском языке определяют следующими лексемами: тув. *дууглуг черлик дириг амытаннар* — букв. ‘копытные дикие животные’ (Толковый словарь ..., 2003: 520), тодж. *улуг аңнар* — букв. ‘большие звери’. В тофаларском языке зафиксировано смежное название с тоджинским диалектом — тоф. *улуг-аң* (Рассадин, 2005: 103) в значении ‘большой зверь’. Помимо основных наименований, есть и половозрастные названия диких животных:

Термины на русском языке	Тувинский язык	Хакасский язык	Алтайский язык	Тофаларский язык
<i>марал (самец)</i>	<i>сыын</i>	<i>сыын</i>	<i>сыгын</i>	<i>сыын</i>
<i>маралуха (самка марала)</i>	<i>мыйгак</i>	<i>муйҕах</i>	<i>мыйгак</i>	<i>мыйҕақ</i>
<i>большой марал</i>	<i>чөлеге</i>	-	-	<i>чөлөгө</i>
<i>самка марала</i>	<i>сарадак</i>	<i>сарадах</i>	<i>сарадак</i>	-
<i>косуля (самка)</i>	<i>элик</i>	<i>илік</i>	<i>элик</i>	<i>элік</i>
<i>самец косули</i>	<i>хүлбүс</i>	<i>күлбүс</i>	<i>куран</i>	<i>һүлбүс</i>
<i>косуленок</i>	<i>анай</i>	<i>оглах</i>	<i>кийик</i>	<i>аьнһай-аң</i>
<i>лось, сохатый</i>	<i>буур</i>	<i>пулан / пылан / пулун / план</i>	-	<i>улуг-аң</i>
<i>лосиха</i>	<i>булан / униг</i>	<i>інек / тізі пулан</i>	<i>булан</i>	<i>Иніҕ</i>

Сыын ‘марал’ — один из крупных и почитаемых животных тайги. По обычаю тувинцев прямое название *сыын* ‘марал’ — табу, вместо него используют эвфемизм *сарыг-аң* досл. ‘желтый зверь’. Данный эвфемизм произошел от окраса животного. Лексема идентичная «желтому зверю» в тофаларском языке используется как общее название марала *сарыг-аң* (Рассадин, 2005: 84).

Форма *су:n* и семантика слова ‘самец марала’ для исследуемых языков является общей, вторичный долгий гласный в слове *сыын* появился в результате выпадения согласного [г] в интервокальной позиции (Сравнительно-историческая ..., 2001: 153).

Названия тув. *мыйгак* / хак. *муйҕах* / алт. *мыйгак* / тоф. *мыйҕақ* ‘маралуха’ — это фонетические варианты одного и того же термина, являются общим названием самки марала.

Чөлеге ‘большой марал’ — данное название имеется в тоджинском диалекте тувинского языка и лексема *чөлөгө* ‘матерый бык изюбря’ зафиксирован в тофаларском языке, территориально находящемся на другой стороне одной и той же тайги между Тоджинским районом Тувы и Тофаларией. В остальных исследуемых языках данное название не встречается.

Лексема *сарадак* ‘годовалый марал’, по мнению некоторых ученых, встречается только в некоторых тюркских языках. Так, в работе В. А. Боргоякова отмечается, что данная лексема не известна большинству тюркских языков и представляется саяно-алтайским регионализмом неизвестного происхождения: (чаще ‘самка’), хак. *сарадах* ‘двухгодовалый теленок марала’, алт. *сарадак* ‘двухлетний бычок’, ‘однолетний марал, мараленок’ (Боргояков, 2001: 25). В данной лексеме можно выделить основу *сар* или *сары*, что может означать ‘желтый, бледный’ + *ат* ‘лошадь, конь’. Возможно, что последние три названия являются отголосками табуирования названий промысловых животных (там же: 26). А в тофаларском языке данное название не было выявлено.

В. А. Боргояков также отмечает, что в хакасском языке лексемы для названия самца и самки лося также отсутствуют. В качестве таких терминов применяются аналитические образования с использованием определений *тізі* ‘самка’, *інек* ‘корова’, *іргек* ‘самец’, *пуга* ‘бык’. Автор также выделяет, что в представлении современных носителей хакасского языка слова *інек* и *пуга* ассоциируются с домашним скотом, и нет каких-либо оснований рассматривать их первичность в качестве половозрастных терминов диких животных, по крайней мере, в свете данных хакасского языка (там же: 23).

В современных тюркских языках лексема *оглах* выступает как возрастной термин козленка (в разных пределах — до полугода, до года) чаще домашней, но также и дикой козы. Тюркская праформа рассматриваемого слова *оглах*, которую связывают с *огул* ‘сын’ (*огул + ах > оглах*), ср.: *оглан* ‘мальчик’, ‘юноша’ (Щербак, 1961: 119). Есть другое мнение, возводящее *оглах* к глаголу *огыла-*, сохранившемуся именно в хакасском: *огла-* ‘кричать, галдеть (о детях)’, ‘в связи с чем *оглах* видится как «блеющий», «мекающий»’ (Сравнительно-историческая ..., 2001: 430).

Слово *булан* ‘самка лося’ встречается в тувинском и алтайском языках. В тоджинском диалекте тувинского языка для обозначения самки лося используется лексема *иниг*, подобный вариант имеется в тофаларском *иниҕ*. В хакасском *інек / тізі пулан*, переводится как ‘корова / самка-лось’.

Отсюда можно сделать вывод, что в сравниваемых языках встречаются значительное количество одинаковых названий парнокопытных диких животных. В тувинском и тофаларском языках преобладают одинаковые наименования зверей в связи с тем, что их носители живут в близлежащих таежных местностях, занимаясь в основном одинаковым видом хозяйственной деятельности — охотой. Следует отметить, что указанные в таблице виды животных для народов Саяно-Алтая являются наиболее значимыми, т. к. шкура, которую использовали для хозяйственных нужд самих охотников и для сдачи в пушное производство, обрабатывалась легко, а мясо получалось много, оно считалось полезным и лечебным, употреблялось и самими охотниками, их семьями, и сдавалось в организации общественного питания.

Наименования хищных животных

Во все времена народы Саяно-Алтая на хищников особо не охотились в связи с тем, что их мясо в еду не употреблялось, за исключением медведя и дикого кабана. В тувинском языке представителей данной группы животных называют тув. *араатан аңнар* — букв. ‘хищные звери’ как поедающие других животных, плотоядные животные и как кровожадные, лютые, свирепые (Тувинско-русский ... , 1968: 443).

Термины на русском языке	Тувинский язык	Хакасский язык	Алтайский язык	Тофаларский язык
медведь	<i>адыг / ире / ирей*</i> (букв. дедушка) / <i>чоорганниг*</i> (букв. с одеялом) / <i>чер кулактыг*</i> (букв. с земляным ухом)	<i>аба / аҕа*</i> (букв. дедушка) / <i>чоорһанниҕ*</i> (букв. с одеялом) / <i>чир хулах*</i> (букв. земляное ухо)	<i>айу</i>	<i>иресі аң*</i> (букв. старик зверь) / <i>ире, ире-аң, ирей*</i> (букв. дедушка, дедушка-зверь) / <i>чоорһанниг*</i> (букв. с одеялом)
медведь-самец	<i>эр адыг</i>	<i>үңес / үгес / апчах*</i> (букв. мужик)	<i>үңүс / өгүс / өңүс / апшыяак*</i> (букв. мужик)	<i>ашияк-аң*</i> (букв. мужик-зверь)
медведица	<i>эши</i>	<i>инес / и:с</i>	<i>эши</i>	<i>эши / энэ</i>
самый большой медведь	<i>даг-иргек</i>	-	-	<i>иҕрһек</i>
двухгодовалый медведь	<i>тодж. диал. чарынды</i>	<i>чарғын</i>	-	<i>чарынды</i>
волк	<i>бөрү / узун кудуруктуг*</i> (букв. с длинным хвостом) / <i>тайга ыды*</i> (букв. собака тайги)	<i>пүүр / узун-хузурук*</i> (букв. длинный хвост) / <i>чазы адайы*</i> (букв. степная собака)	<i>бөрү</i>	<i>бөрү / кудуруктуг*</i> (букв. с хвостом) / <i>дағ ыты*</i> (букв. горный пес)

Прим.: в таблице имеются эвфемизмы, которые используются вместо прямого наименования, отмеченные знаком*. Следует сказать, что в тоджинском диалекте тувинского языка для одного из наименований двухгодовалого медведя употребляется диалектное слово *чарынды*, которое зафиксировано и в тофаларском.

Древней религией тюркских народов Саяно-Алтая был шаманизм, сутью которого было поклонение духам. Исходя из соблюдения данной религии тюркские народы Саяно-Алтая в наименовании диких животных используют немало эвфемизмов, которые указаны в таблице. *Эвфемизмы* (от греч.

euphēmismos, от eu — хорошо и rhēmi — говорю) — эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми и нетактичными... Ими заменяются также табуированные названия, архаичные (рус. «хозяин» вместо «медведь») (Лингвистический словарь ..., 1990: 590). Медведь — в лит. тув. *адыг*, лит. хак. *аба*, лит. алт. *айу* — это фонетические варианты одного и того же термина, также являются общим названием медведя, а внизу каждого столбца указаны их эвфемизмы.

В тофаларском языке самой лексемы *адыг* и его вариантов не выявлено, но были зафиксированы ряд других эвфемистических названий, таких как *иресі аң* ‘дедушка-зверь’, *ашияқ-аң* ‘мужик-зверь’, подобно тувинским эвфемизмам.

Эвфемизмы волка со значением ‘с длинным хвостом’ и ‘собака’ встречаются во всех рассматриваемых языках, кроме алтайского. Отметим, что в тувинском языке эвфемизм со значением ‘собака’ используется в тоджинском диалекте тувинского языка, *тайга ыды* букв. ‘собака тайги’, в хакасском языке данный эвфемизм используется в значении *чазы адайы* букв. ‘степная собака’, в тофаларском языке в *даг ыты* букв. ‘горный пес’. Указанные варианты эвфемизмов подтверждают, где и в какой местности проживает тот или иной народ.

Следовательно, в лексико-семантической группе «Названия хищных животных» встречается большое количество табуированных наименований, вместо которых употребляются их эвфемизмы. Основной причиной считается страх произносить прямое наименование зверя.

Наименования мелких зверей

Издавна народы Саяно-Алтая пушнину сдавали или обменивали на товар, в связи с чем, охота на мелких зверей велась в специально установленные сезоны.

Термины на русском языке	Тувинский язык	Хакасский язык	Алтайский язык	Тофаларский язык
соболь	<i>киш / алды / чараш-аң*</i> (букв. красивый зверь)	<i>албыга</i>	<i>киш / албаа</i>	<i>алды / улуг діиң чарачаң*/</i> (букв. маленький зверь)
		-	-	
белка	<i>диң / сырбык</i>	<i>тиин / сарбах</i>	<i>тийиң</i>	<i>диң</i>
заяц	<i>кодан / койгун / тоолай</i>	<i>хозан / табысхан тоолай</i>	<i>койон</i>	<i>hodan</i>
суслик	<i>өрге</i>	<i>өрке</i>	<i>өркө</i>	<i>өрге</i>
сурок	<i>тарбаган</i>	<i>тарбаган</i>	<i>тарбаган / тарбаан</i>	-

Интересна среди наименований мелких зверей лексема *киш* ‘соболь’, об этимологии которой имеются разные мнения. Некоторые исследователи считают, что данное слово тюркское, так как тюркский корень имеет алтайский прототип *kil’u* ‘мелкий пушной зверь’ (Сравнительно-историческая ... , 2001: 163). Другие ученые считают его заимствованием из самодийских языков (Вайнштейн, 1972: 200; Ибрагимов, 1975: 140; Попов, 1968: 73). В тувинском литературном языке употребляется слово *киш*, в других сравниваемых языках используется лексема тоф. *алды* / алт. *албаа* / хак. *албыга*. Отметим, что в тоджинском диалекте тувинского языка используется диалектное наименование соболя *алды*.

Толкование эвфемизма в тув. *чараш-аң* букв. ‘красивый зверь’, в тоф. *чарачаң* букв. ‘маленький зверь’ разные, хотя по происхождению почти одинаковые. Можно предположить, что живущие рядом народы могли заимствовать данное название друг у друга, но значения этих наименований в каждом языке остались разные. В алтайском и хакасском языках подобных наименований мелких зверей не выявлено.

По данным информантов¹, мелкие звери у тувинцев основными объектами охоты не являются, так как их мясо не используют в пищу, их добывают только из-за пушнины. Надо также отметить, что на них охотились начинающие охотники, чтобы оттачивать свое мастерство².

Наименования птиц

Охота на птиц у разных народов Саяно-Алтая также была издревле. Считалось, что мясо птиц очень вкусное и питательное, даже — лечебное.

Во время охотной кампании на диких животных с детенышами запрещается охотиться и в это время объектом охоты для них становятся птицы. Этот вид охоты у тувинцев называют *куштаар* лит. ~ ‘охотиться на птицу’ (Тувинско-русский ..., 1968: 268).

Общее наименование птицы у народов Саяно-Алтая: тув. *куш* (там же: 267), алт. *куш* (Алтайско-русский ..., 2018: 412), хак. *хус* (Хакасско-русский ..., 1953: 294), тоф. *уъһяр чүме* (Рассадин, 2005: 247).

Термины на русском языке	Тувинский язык	Хакасский язык	Алтайский язык	Тофаларский язык
<i>глухарь</i>	<i>кара-куш</i>	<i>харасабан</i>	<i>чай</i>	<i>кара-куъи</i>
<i>копалуха, глухарка</i>	<i>дигилик / дүжүлүк / дигилик</i>	<i>силей</i>	-	<i>сарыг-боришка, сарыг-куъи</i>
<i>тетерев</i>	<i>күртү</i>	<i>күркү / хара күркү / сарыг күркү</i>	<i>күртүк</i>	<i>һүэртү</i>
<i>рябчик</i>	<i>күшкүл</i>	<i>сым</i>	<i>сымда</i>	<i>үшпүл</i>
<i>куропатка</i>	<i>торлаа</i>	<i>торланъа</i>	<i>агуна</i>	<i>һаап</i>

Данные таблицы показывают нам, что название тув. *кара-куш* ‘глухарь’ букв. ‘черная птица’ / хак. *харасабан / хара сабан* — ‘глухарь (самец)’ (Хакасско-русский ..., 2006: 421) / тоф. *кара-куъи* букв. ‘черная птица’ — во всех языках, кроме алтайского, образовано от окраса птицы.

В исследуемых языках термины, обозначающие глухарку, разные: тув. *дигилик, дүжүлүк, дигилик* / хак. *силей* / тоф. *сарыг-боришка, сарыг-куъи*. Обратимся к этимологии слова *диги* диал. ‘самка’ (реализуется в основном как компонент наименований типа *диги бөрү* ‘волчица’, *диги адыг, диги хайыракан* ‘медведица’); *дигилик* диал. ‘самка глухаря, глухарка’; в тере-хольском диалекте тувинского языка словом *дишилик* называют птенца глухаря (Татаринцев, 2004: 151). По материалам «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», исходное значение слова определяется как ‘особь женского пола (людей, животных)’ (Сравнительно-историческая ..., 2001: 315). В. Я. Бутанаев сопоставляет хакасское название *силей* с самодийским *злей* ‘тетерев’ (Бутанаев, 1998: 74). В тофаларском языке, можно предположить, что наименование *сарыг-боришка, сарыг-куъи* произошло от цвета птицы *сарыг* ‘желтый’.

Наименование тув. *күртү* ‘тетерев’ / хак. *күркү / хара күркү / сарыг күркү* / атл. *күртүк* / тоф. *һүэртү* совпадают, но имеются небольшие отличия в произношении. Разные исследователи считают, что данные названия относятся к звукоподражательной основе, подражающей крику индюка *курк-курк*, и сравнивают с араб., фин. словом *kurki* ‘журавль’ (Егоров, 1964). Башкирские названия *кдртлдж, кдртлдж* ‘тетерев’ сравнивают с бур. *хура*, монг. *хур*, калм. *хур* и указывают на вероятность заимствования из монгольских языков, а *кор* сопоставляет с эвенкийским словом *хороки* и с монг. *хур* (Ишбердин, 1970: 14–15, 20); также объясняют, что данные названия созданы звукоподражанием (Гинатулин, 1977: 40).

Название рябчика (лесной птицы семейства тетеревиных с пестрым оперением, см. Ожегов, Шведова, 2010: 2560) в тувинском *күшкүл* и тофаларском *үшпүл* произносятся одинаково, но пишутся по-

¹ Кол Нагазы Арган-оолович, 1932 г.р., род. в мест. Ойнаа, Тоджинского района.

² Кол Чаш-оол Узун-оолович, 1938 г.р., род. в мест. Серлиг, Тоджинского района.

разному. В хакасском *сым* и алтайском *сымда* также созвучны. Ф. Г. Чиспиякова *сымна*, *сынма* относит к субстратной лексике (Чиспиякова, 1992: 144).

Тувинское название *торлаа* 'куропатка', как и в хак. *торланъа* А. Боргояков подразумевает, что слово образовано от хакасского глагола *торла-* 'шуметь при взлете (о птице)', который восходит к слову *тор*, основанный на звукоподражании (Боргояков, 2001: 65).

Заклучение

В ходе проведения исследования нами выявлены четыре основных лексико-семантических групп наименований животных.

В лексико-семантической группе «Парнокопытные дикие животные» названия диких животных подразделяются по полу и возрасту, причем они присутствуют во всех исследуемых языках. На парнокопытных животных охотились во все сезоны, мясо и шкура копытных животных представляла большую хозяйственную значимость.

В лексико-семантической группе «Хищные животные» особо следует отметить использование различных эвфемизмов для их наименования, по обычаям предков данные названия являются табуированными лексемами, которые по этикету тюркских народов являются священными запретами. Тувинские охотники всегда остерегаются прямо называть диких животных, особенно хищных. Если кто его нарушит, по мнению предков, их ожидают большие неприятности¹. Хищники, как в прошлом, так и в настоящее время были и остаются большой опасностью для народа, в связи с чем в языке появились множество эвфемизмов, а сами названия хищных животных табуировались.

В результате проведенного сравнительного анализа лексики охоты тюркских народов Саяно-Алтая авторы пришли к выводу, что в них в основном сохранились древние тюркские корни. Также необходимо отметить выявленные монгольские заимствования, такие как *тарбаган*, *тоолай*. Эти монгольские слова представлены лишь в сибирских тюркских языках, длительное время находившихся под монгольским влиянием (Рассадин, Трофимова, Тувшинтогс, 2016: 68–83).

Выяснилось, что табуированные наименования диких животных имеются во всех исследуемых языках. Но в тувинском языке, по имеющимся материалам, больше встречается табуированных наименований в отличие от других исследуемых языков, например, в наименовании *адыг* 'медведь' зафиксировано более 15 эвфемизмов, причем большая часть данных названий встречается в тоджинском диалекте тувинского языка, носители которых и в настоящее время занимаются данным видом хозяйственной деятельности. Следует также отметить, что в тоджинском диалекте тувинского языка и в тофаларском языке зафиксировано немало одинаковых наименований, свидетельствующие о территориальной близости и одинаковом образе жизни соседних народов.

В результате проведенного сравнительного анализа охотничьей лексики, в частности названий диких животных и птиц, тюркских языков Саяно-Алтая, пришли к выводу, что выявлены как общие отличительные наименования, например, в названиях парнокопытных, хищников, мелких зверей, птиц. Среди данной лексики имеются и единичные особенные лексемы, которые встречаются в тувинском и тофаларском языках, но не выявлены в других исследуемых языках, например, тув. *чөлеге* 'большой марал' / тоф. *чөлөгө* 'матерый бык изюбря' и др. При проведении анализа зафиксирован интересный факт, что в тофаларском языке самой лексемы *адыг* 'медведь' не выявлено, хотя были зафиксированы ряд других названий, которых в других языках нами описываются как эвфемизмы, например, *иресі аң* 'дедушка-зверь', *ашияқ-аң* 'мужик-зверь', *ире* 'дедушка'.

Таким образом, можно сделать вывод, что тюркские народы Саяно-Алтая с давних пор населяют таежные районы Сибири и до настоящего времени занимаются охотой и сохраняют данный пласт лексики, кроме алтайского языка, в котором охотничий промысел в прежнем виде утратил свое функционирование, им занимаются единичные охотники-любители.

¹ Арнак Чорбаа Алексеевич, 1945 г.р., род. в Тес-Хемском районе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтайско-русский словарь (2018) / отв. ред. А. Э. Чумакаев. Горно-Алтайск : БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». 936 с.
- Боргояков, В. А. (2001) Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка : дисс. ... канд. филол. наук. М. 187 с.
- Боргояков, М. И. (1981) Источники и истории изучения хакасского языка. Абакан : Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва. 144 с.
- Бутанаев, В. Я. (1998) Этническая культура хакасов. Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета. 352 с.
- Бутанаев, В. Я. (2011) Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). Астана ; Петропавловск : Полиграфия. 940 с.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Издательство восточной литературы. 217 с.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.
- Гинатулин, М. М. (1977) Мотивация некоторых тюркских названий птиц // Советская тюркология. № 1. С. 38–44.
- Даржа, В. А. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 592 с.
- Древнетюркский словарь (1969) / отв. ред. В. М. Наделяев и др. Ленинград : Наука. 676 с.
- Дыренкова, Н. П. (1949) Охотничьи легенды кумандинцев // Сборник МАЭ / отв. ред. С. П. Толстой. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. XI. 402 с. С. 110–132.
- Дыренкова, Н. П. (1963) Тофаларский язык // Тюркологические исследования / отв. ред. А. К. Боровков. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР. 298 с. С. 18–24.
- Егоров, В. Г. (1964) Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во. 355 с.
- Ибрагимов, К. (1975) Древнетюркские названия животных в лексике современных тюркских языков : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М. 27 с.
- Ишбердин, Э. Ф. (1970) Названия животных и птиц в башкирских говорах : автореф. дисс. ... канд. филол. н. Уфа. 29 с.
- Каксин, А. Д. (2016) О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 1 (11). С. 45–52.
- Катанов Н. Ф. (1903) Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского народа. Казань : Типография Императорского университета. 1539 с.
- Куулар, Е. М. (2018) Наименования диких копытных животных в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. № 5 (72). С. 447–449.
- Лингвистический энциклопедический словарь (1990) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. Энциклопедия. 683 с.
- Мусаев, К. М. (1975) Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: западнокыпчакская группа. М. : Наука. 359 с.
- Назаров, И. И. (2008) Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая / отв. ред. А. В. Малинов. СПб. : Изд. дом Санкт-Петербургского государственного университета. 397 с. С. 125–180.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (2010) Толковый словарь русского языка. М. : Оникс. 3423 с.
- Патачаков, К. М. (1958) Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX). Абакан : Хакасское книжное изд-во. 103 с.
- Попов, Г. В. (1968) Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). Якутск : Якутское книжное изд-во. 148 с.
- Потапов, Л. П. (1929) Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока / отв. ред. Я. А. Ратгаузер. Баку : Изд-ие Всесоюзного центрального Комитета нового тюркского алфавита. 213 с. С. 123–149.
- Потапов, Л. П. (1935) Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. 120 с.
- Потапов, Л. П. (1949) Черты первобытно-общинного строя в охоте северных алтайцев // Сборник МАЭ / отв. ред. С. П. Толстой. М. ; Л. : АН СССР. Т. XI. 402 с. С. 5–41.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 203 с.
- Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. 2-е изд. М. : Изд-во АН СССР. 444 с.
- Потапов, Л. П. (2001) Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб. : МАЭ. 168 с.

- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 250 с.
- Рассадин, В. И. (2000) Хозяйство, быт и культура тофаларов : автореферат дисс. ... к. ист. н. Улан-Удэ. 37 с.
- Рассадин, В. И. (2005) Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский. СПб. : Дрофа. 295 с.
- Рассадин, В. И. (2013) Тюркологические исследования : избранное. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета. 214 с.
- Рассадин, В. И. (2014) Современный тофаларский язык и его место в системе тюркских языков. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета. 218 с.
- Рассадин, В. И., Трофимова, С. М., Тувшинтогос Б. (2016) Тюрко-монгольские параллели в составе названий диких копытных животных и охоты на них в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета / гл. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. университета. № 2. 254 с. С. 68-83.
- Русско-алтайский словарь (1964) / под ред. Н. А. Баскакова. М. : Советская энциклопедия. 457 с.
- Салчак, В. С., Монгуш, Б. Б., Баярсайхан, Б. (2010) Тыва аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер [«Некоторые сведения о тувинской охотничьей деятельности»]. Кызыл : Аңыак. 80 с. (На тув. яз.)
- Сатлаев, Ф. А. (1969) Кумандинцы Алтайского края : автореф. дисс. ... к. ист. н. Л. 18 с.
- Сатлаев, Ф. А. (1974) Кумандинцы: историко-этнографический очерк (XIX — первая четверть XX в.). Горно-Алтайск : Алтайское книжное издательство. 200 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Наука. 822 с.
- Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–78.
- Сувандии, Н. Д. (2016) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (59). С. 138–141.
- Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2015) Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. № 11. С. 191–193.
- Татаринцев, Б. И. (2004) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. III. 440 с.
- Толковый словарь тувинского языка (2003) / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск : Наука. Т. I. 559 с.
- Тувинско-русский словарь (1968) : 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 648 с.
- Хакасско-русский словарь (2006) / под ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука. 1114 с.
- Хакасско-русский словарь (1953) / сост. Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 358 с.
- Чадамба, З. Б. (1974) Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 136 с.
- Чиспиякова, Ф. Г. (1992) Исторические пласты в лексике кондомского диалекта // Хакасская диалектология. Абакан : Хакасский НИИЯЛИ. 224 с. С. 144–156.
- Щербак, А. М. (1961) Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков / отв. ред. Е. И. Убрятова. М. : Изд-во АН СССР. 468 с. С. 82–172.
- Яимова, Н. А. (1985) Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. н. М. 18 с.
- Castren, M. A. (1857) Versuch eine koibalischen und karagassische Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St.-Pbg : Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 210 p.

Дата поступления: 12.09.2021 г.

REFERENCES

- Altaisko-russkii slovar' [An Altai-Russian Dictionary]* (2018) / ed. by A. E. Chumakaev. Gorno-Altaysk, BNU RA Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov. 936 p. (In Russ.).
- Borgoiakov, V. A. (2001) *Leksika okhoty i rybolovstva v dialektakh khakasskogo iazyka [The vocabulary of hunting and fishing in the dialects of the Khakass language]*: Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 187 p. (In Russ.).
- Borgoiakov, M. I. (1981) *Istochniki i istorii izucheniia khakasskogo iazyka [Sources and histories of the study of the Khakass language]*. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk Book Publishing House. 144 p. (In Russ.).
- Butanaev, V. Ya. (1998) *Etnicheskaia kul'tura khakasov [Ethnic culture of the Khakas]*. Abakan, Publishing House of Khakass State University. 352 p. (In Russ.).

- Butanaev, V. Ia. (2011) *Russko-khakasskii slovar' (okolo 15 tys. slov) [A Russian-Khakass dictionary (c. 15 thousand words)]*. Astana; Petropavlovsk, Polygraphy. 940 p. (In Russ.).
- Weinstein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Weinstein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva [Historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).
- Ginatulin, M. M. (1977) Motivatsiia nekotorykh tiurkskii nazvanii ptits [Motivation for some Turkic names of birds]. *Sovetskaia tiurkologiia*, no. 1, pp. 38–44. (In Russ.).
- Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev [Traditional Tuvan male pursuits]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 592 p. (In Russ.).
- Drevnetiurkskii slovar' [An old Turkic dictionary] (1969)* / ed. by V. M. Nadeliaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev and A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. 679 p. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1949) Okhotnich'ia legendy kumandintsev [Hunting legends of the Kumandins]. In: *Sbornik MAE [The MAE collection]* / ed. by S. P. Tolstoy. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. XI. 402 p. Pp. 110–132. (In Russ.).
- Dyrenkova, N. P. (1963) Tofalarskii iazyk [Tofalar language]. In: *Tiurkologicheskie issledovaniia [Turkological studies]* / ed. A. K. Borovkov. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 298 p. Pp. 18–24. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (1964) *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka [Etymological Dictionary of the Chuvash language]*. Cheboksary, Chuvash State Publishing House. 355 p. (In Russ.).
- Ibragimov, K. (1975) *Drevnetiurkskie nazvaniia zivotnykh v leksike sovremennykh tiurkskikh iazykov [Ancient Turkic names of animals in the vocabulary of modern Turkic languages]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology*. Moscow. 27 p. (In Russ.).
- Ishberdin, E. F. (1970) *Nazvaniia zivotnykh i ptits v bashkirskikh govorakh [Names of animals and birds in Bashkir dialects]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology*. Ufa. 29 p. (In Russ.).
- Kaksin, A. D. (2016) O tabu i podstavnykh nazvaniiakh v khantyiskom i khakasskom iazykakh [On taboos and fake names in the Khanty and Khakass languages]. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research*, no. 1 (11), pp. 45–52. (In Russ.).
- Katanov, N. F. (1903) *Opyt izsledovaniia uriankhaiskago iazyka, s ukazaniem glavneishikh rodstvennykh otnoshenii ego k drugim iazykam tiurkskago kornia [An essay on the Uryankhai language, indicating the most important kinship ties between it and the other languages of the Turkic root]*. St. Petersburg, Tipo-litografiia Imperatorskogo universiteta. 1600 p. (In Russ.).
- Kuular, E. M. (2018) Naimenovaniia dikikh kopytnykh zivotnykh v tuvinskom i khakasskom iazykakh [Names of wild ungulates in the Tuvan and Khakass languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (72), pp. 447–449. (In Russ.).
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic dictionary] (1990)* / ed. by V. N. Yartsev. Moscow, Sov. Ekstiklopediia. 683 p. (In Russ.).
- Musaev, K. M. (1975) *Leksika tiurkskikh iazykov v sravnitel'nom osveshchenii: zapadnokypchaskaia grupa [The vocabulary of the Turkic languages in comparative coverage: the Western Kypchak group]*. Moscow, Nauka. 359 p. (In Russ.).
- Nazarov, I. I. (2008) Traditsionnoe khoziaistvo i material'naia kul'tura kumandintsev [Traditional economy and material culture of the Kumandin people]. In: *Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaia [Culture and traditions of the indigenous peoples of the Northern Altai]* / ed. A.V. Malinov. St. Petersburg, Publishing House of St. Petersburg State University. 397 p. Pp. 125–180. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. and Shvedova, N. Yu. (2010) *Tolkovi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]*. Moscow, Oniks. 3423 p. (In Russ.).
- Patachakov, K. M. (1958) *Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazei s russkim narodom (XVIII–XIX) [Culture and life of the Khakass in the light of their historical ties with the Russian people in the 18th and 19th centuries]*. Abakan, Khakass Book Publishing house. 103 p. (In Russ.).
- Popov, G. V. (1968) *Slova «neizvestnogo proiskhozhdeniia» iakutskogo iazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie) [Words of «unknown origin» in the Yakut language: a study in comparative history]*. Yakutsk, Yakut Book Publishing House. 148 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1929) Okhotnich'i pover'ia i obriady u altaiskikh turkov [Hunting beliefs and rituals among the Altai Turks]. In: *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka [Culture and writing of the East]* / ed. by Ya. A. Ratgauser. Baku, Publishing House of the All-Union Central Committee of the New Turkic Alphabet. 213 p. Pp. 123–149. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1935) *Razlozhenie rodovogo stroia u plemen Severnogo Altaia* [The decay of the tribal system among the tribes of the Northern Altai]. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo. 120 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1949) Cherty pervobytno-obshchinnogo stroia v okhote severnykh altaitsev [Features of the primitive communal system in hunting practices of the Northern Altaians]. In: *Sbornik MAE* [Collection of MAE] / ed. S. P. Tolstov. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences. Vol. XI. 402 p. Pp. 5–41. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1953) *Ocherki po istorii altaitsev* [Essays on the history of the Altai people]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR. 445 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (2001) *Okhotnichii promysel altaitsev (otrazhenie drevnetiurkskoi kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaitsev)* [Hunting practices of the Altaians: a reflection of the old Turkic culture in the traditional hunting of the Altaians]. St. Petersburg, MAE. 168 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (1971) *Fonetika i leksika tofalarskogo iazyka* [Phonetics and lexics of Tofalar language]. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 252 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2000) *Khoziaistvo, byt i kul'tura tofalarov* [Economy, life and culture of the Tofalars] : Abstract of Diss. ... Candidate of History. Ulan-Ude. 37 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2005) *Slovar' tofalarsko-russkii i russko-tofalarskii* [A Tofalar-Russian and Russian-Tofalar dictionary]. St. Petersburg, Drofa. 295 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2013) *Tiurkologicheskie issledovaniia : izbrannoe* [Turkological studies: selected works]. Elista, Publishing House of the Kalmyk University. 214 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I. (2014) *Sovremennyi tofalarskii yazyk i ego mesto v sisteme tyurkskikh yazykov* [The Modern Tofalar language and its place in the system of Turkic languages]. Elista, Publishing House of the Kalmyk University. 218 p. (In Russ.).

Rassadin, V. I., Trofimov, S. M., Tuvshintogos B. (2016) Tiurko-mongol'skie paralleli v sostave nazvanii dikikh kopytnykh zhivotnykh i okhoty na nikh v mongol'skikh iazykakh [Turkic-Mongolian parallels in the names of wild ungulates, as well as of practices of hunting them, in Mongolian languages]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 68–83. (In Russ.).

Russko-altaiskii slovar' [A Russian-Altai Dictionary] (1964) / ed. by N. A. Baskakov. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 457 p. (In Russ.).

Salchak, V. S., Mongush, B. B. and Baiarsaikhan, B. (2010) *Tuva aňnyyr azhyl-agyiynüñ dugaiynda chamdyk medeeler* [Some information about Tuvan hunting practices]. Kyzyl, Anyiak. 80 s. (In Tuv.)

Satlaev, F. A. (1969) *Kumandinty Altaiskogo kraia* [The Kumandins of the Altai Territory]: Abstract of Diss. ... Candidate of History. Leningrad. 18 p. (In Russ.).

Satlaev, F. A. (1974) *Kumandinty: istoriko-etnograficheskii ocherk (XIX — pervaiia chetvert' XX v.)* [Kumandins: a historical and ethnographic essay (XIX to the first quarter of the XX century)]. Gorno-Altaysk, Altai Book Publishing House. 200 p. (In Russ.).

Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary] (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2013) Okhotnich'ia leksika v todzhinskom dialekte tuvinskogo iazyka [Hunting lexis in the Todzhu dialect of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2016) Tabu i evfemizmy v okhotnich'ei leksike tuvinskogo iazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (59), pp. 138–141. (In Russ.).

Suvandii, N. D. and Kuular, E. M. (2015) Okhotnich'ia leksika v tuvinskom iazyke i ego dialektakh [Hunting vocabulary in the Tuvan language and its dialects]. *Kazanskaia nauka*, no. 11, pp. 191–193. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2004) *Etimologicheskii slovar' tuvinskogo iazyka* [An etymological dictionary of the Tuvan language]. Novosibirsk, Nauka. Vol. III. 440 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' tuvinskogo yazyka [An explanatory dictionary of the Tuvan language] (2003) / ed. by D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 597 p. (In Russ. and Tuv.). (In Russ.).

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Khakassko-russkii slovar' — Khakas — orys söstigi [A Khakass-Russian dictionary] (2006) : c. 22 000 words / Authors: O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov, A. I. Inkizhekova-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, P. E. Beloglazov, Z. E. Kaskarakova, A. S. Kyzlasov, R. D. Sunchugashev and M. D. Chertykova; ed. by O. V. Subrakova. Novosibirsk, Nauka. 1114 p. (In Russ.).

Khakassko-russkii slovar' [A Khakass-Russian dictionary] (1953) / comp. by N. A. Baskakov and A. I. Inkizhekova-Grekul. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. 358 p. (In Russ.).

Chadamba, Z. B. (1974) Todzhinskii dialekt tuvinskogo iazyka [The Todzhu dialect of the Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing house. 136 p. (In Russ.).

*Chispiiakova, F. G. (1992) Istoricheskie plasty v leksike kondomskogo dialekta [Historical layers in the vocabulary of the Kondom dialect]. In: *Khakasskaia dialektologiya [Khakass dialectology]*. Abakan, Khakasskii NIIaLI. 224 p. Pp. 144–156. (In Russ.).*

*Shcherbak, A. M. (1961) Nazvaniia domashnikh i dikikh zhivotnykh v tiurkskikh iazykakh [Names of domestic and wild animals in the Turkic languages]. In: *Istoricheskoe razvitie leksiki tiurkskikh iazykov [The historical development of the vocabulary of the Turkic languages]* / ed. by E. I. Ubriatova. Moscow, AN SSSR Publ. 468 p. Pp. 82–172. (In Russ.).*

Yaimova, N. A. (1985) Tabuirovannaia leksika i evfemizmy v altaiskom iazyke [Taboo vocabulary and euphemisms in the Altai language]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Moscow. 18 p. (In Russ.).

Castren, M. A. (1857) Versuch eine koibalischen und karagassische Sprachlehre nebst Worterverzeichnissen aus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 210 p.

Submission date: 12.09.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.14

Статья

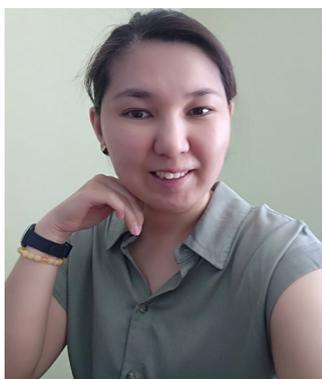
Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты

Ноган В. Бадмаева

Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация,

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье представлен сравнительный анализ современных миграционных процессов в двух российских регионах — Республике Калмыкия и Республике Тыва. Они имеют близкие социально-экономические характеристики, высокий уровень бедности, что приводит к выталкиванию населения в другие регионы России. При этом современная трудовая миграция в Калмыкии и Туве происходит на фоне разных демографических процессов. В Калмыкии это депопуляционные процессы, а в Туве — рост численности населения.

Проанализированы разные этапы миграционного движения населения Калмыкии и Тувы, начиная от принятия решения о трудовой миграции, выбора направления, каналов поиска работы до «приживаемости» — адаптации к особенностям климатических, бытовых и социокультурных условий, удовлетворенности уровнем зарплаты в регионе пребывания, а также дальнейшие жизненные стратегии, связанные со сроками трудовой миграции, перспективами возвращения. Особое внимание было уделено вопросам сохранения этнической, религиозной идентичности в иноэтнической среде, связям с малой родиной, а также гендерным аспектам трудовой миграции.

Источниковой базой исследования стали статические данные, а также материалы глубинных интервью в 2021 г. с 43 респондентами — участниками межрегиональной трудовой миграции. Для респондентов из Тувы основной причиной миграции является стратегия оплаты кредитных задолженностей, необходимость обеспечения детей. Для респондентов из Калмыкии миграция в районы Крайнего Севера является возможностью реализации своего профессионального потенциала, развития карьеры, поскольку это невозможно осуществить на своей малой родине. У трудовых мигрантов сохраняются тесные связи с малой родиной, наблюдается стремление к сохранению этнической и религиозной идентичности, в местах миграции формируются этнические сообщества.

Трудовая миграция во многом имеет возвратный характер, но вместе с тем пролонгирована во времени, что может в перспективе стать источником демографических и кадровых проблем для регионов-доноров, которыми выступают Калмыкия и Тыва.

Ключевые слова: миграционный процесс; Калмыкия; Тыва; Тува; калмыки; тувинцы; внутренняя миграция; трудовая миграция; миграционные интенции населения; социокультурная адаптация; трудовой мигрант; гендерный аспект

Исследование проведено в рамках госзадания КалмНЦ РАН «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный социально-экономический и экологический мониторинг» (Рег. № НИОКТР АААА-А19-1190111490037-8).

Для цитирования:

Бадмаева Н. В., Натсак О. Д. Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 186-205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Бадмаева Ноган Вячеславовна — научный сотрудник отдела комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Елиста, ул. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (84722) 3-55-06. Эл. адрес: badmaevanv@kigiran.com

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: + 7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: nod695596@gmail.com

Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects

Nogan V. Badmaeva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Organa D. Natsak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article presents a comparative analysis of contemporary migration processes in two Russian regions, geographically distant from each other, but having common historical and socio-cultural roots - the Republic of Kalmykia and the Republic of Tuva. They also have similar social and economic performance indicators, and a high level of poverty, all of which tends to push the populations out of both regions. At the same time, the background for labor migration is quite different: while Kalmykia is experiencing depopulation, Tuva's population is growing.

The authors have analyzed different stages of the migration process in Kalmykia and Tuva, ranging from making a decision to move out of the region, choosing a destination and job search channels, to «adaptability» to the peculiarities of climatic, living and socio-cultural conditions, satisfaction with the level of wages in the new region of residence, as well as further life strategies, such as timing the move or prospects of returning. Special attention was paid to the issues of preserving ethnic and religious identity in a different ethnic environment, to the surviving ties with home area, as well as to the gender aspects of labor migration.

For its sources, the study relies on statistics, and on the in-depth interviews 43 respondents gave in 2021. All of them moved out of their own regions. The respondents from Tuva found the main reason for their migration in the need to pay off credit arrears and to provide for children. For respondents from Kalmykia, migration to the Far North is an opportunity to realize their professional potential and career development, since it is unattainable in their home republic. In-depth interviews confirm that labor migrants maintain close ties with their home area, express a desire to preserve their ethnic and religious identity, and tend to join or start ethnic communities in places of migration.

To conclude, labor migration, despite its recurrent nature, is becoming a prolonged process, and may in the future become a source of demographic and personnel problems for donor regions, such as Kalmykia and Tuva.

Keywords: migration processes; Republic of Kalmykia; Republic of Tuva; internal migration; labor migration; migration intentions; socio-cultural adaptation; labor migrants; gender aspect

The research was carried out as part of the commission by Kalmyk Scientific Center, RAS "The development of the rural territories in the South of Russia: comprehensive socioeconomical and environmental monitoring" (Re. No. NIOKTR AAAA-A19-1190111490037-8).

For citation:

Badmaeva N. V. and Natsak O. D. Sovremennaya trudovaya migratsiya iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Modern labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 186-205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

BADMAEVA, Nogan Viacheslavovna, Research Fellow, Department of Complex Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., Elista 358000 Russian Federation. Tel.: +7 (84722) 3-55-06 E-mail: badmaevanv@kigiran.com

ORCID ID: 0000-0002-4799-5506

NATSAK, Organa Dorzhuevna, Candidate of Philosophy, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810

Введение

Исследование масштабов и характера, интенсивности внутренней миграции в России стало актуальным научным направлением в связи с современными изменениями миграционных тенденций, которые затрагивают не только экономические аспекты развития, но и качество человеческого капитала в регионах. Учитывая тот факт, что ряд субъектов РФ, как, например, Тува и Калмыкия, имеют высокий уровень бедности, напряженности на региональных рынках труда, важно не только проводить исследования сравнительного характера между регионами, но и более внимательно изучать влияние доходной дифференциации российских регионов на темпы и направления межрегиональной трудовой миграции.

У упомянутых республик есть общее направление трудовой миграции населения в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, которое практически не изучалось. Актуальность исследования обусловлена необходимостью прогнозирования миграционного потенциала двух регионов, влияния межрегиональной трудовой миграции на социально-демографическую ситуацию и на качество человеческого потенциала в обеих республиках.

Анализом общей миграционной ситуации в Туве занималась М. А. Хольшина (Хольшина, 2010), социологическим изучением въездной миграции в Туву — А. С. Сарыглар (Сарыглар, 2019), этнорегиональными аспектами миграционных процессов З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакина (Анайбан, 2020; Балакина, Анайбан, 2016). В Калмыкии основные тенденции миграционных процессов в постсоветский период анализировали С. С. Белоусов (Белоусов, 2006), М. Б. Убушаев (Убушаев, 2009), различные аспекты трудовой и образовательной миграции — Л. В. Намруева (Намруева, 2011, 2013), Н. А. Эльдяева, Е. С. Кованова (Джамбинова), Д. М. Мучкаев (Эльдяева, Джамбинова, Мучкаев, 2011; Эльдяева, Кованова, 2018).

Целью настоящей статьи является анализ особенностей современной трудовой миграции из республик Калмыкия и Тыва в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, ее экономических, социокультурных и гендерных аспектов.

Для достижения данной цели авторами были поставлены следующие исследовательские задачи: проанализировать российские тренды в области внутренней миграции, изменяющиеся модели миграционного поведения населения двух республик, социально-экономические детерминанты миграции, изучить сам процесс трудовой миграции, включающий принятие решения о миграции, поиск работы, направления миграции и адаптация к климатическим особенностям севера, дальнейшие их жизненные стратегии, связи с малой родиной, сохранение этнической и религиозной идентичностей, финансовую помощь родственникам и др., а также рассмотреть гендерные аспекты трудовой миграции.

Эмпирической основой статьи являются результаты социологических исследований качественного характера. Авторами были проведены глубинные полуструктурированные интервью с выходцами из Калмыкии и Тывы, которые живут и работают в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока. Интервью были проведены методом телефонного опроса в период с марта по июнь 2021 г. Всего было проинтервьюировано 43 человека (в Калмыкии 20 чел., все калмыцкой национальности, 10 мужчин и 10 женщин; возрастной состав: 18–29 лет — 3 чел., 30–39 лет — 7 чел., 40–49 лет — 6 чел., 50–59 — 4 чел.; в Туве опрошено 23 чел., все тувинской национальности, из них 19 женщин и 4 мужчины; возрастной состав: 18–29 лет — 2 чел., 30–39 лет — 8 чел., 40–49 лет — 8 чел., 50–59 лет — 4 чел. и 1 человек старше 60 лет).

Выбор метода исследования связан с необходимостью углубленного изучения происходящих миграционных процессов, не только причин и факторов миграции, но и опыта жизни и работы вдали от малой родины. Среди интервьюируемых из Калмыкии были представители разных профессиональных групп, респонденты из Республики Тыва — представители профессиональной группы медицинских работников, что связано с реализацией в регионах-реципиентах специальных программ привлечения медицинских работников, приведшие к активной миграции этой группы работников.

Также были использованы результаты социологического исследования социально-экономических процессов в Республике Тыва — количественного опроса, предпринятого в 2021 г. Центром изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИСЦ РАН под руководством д. ф. н., проф. З. Т. Голенковой в части, касающейся миграционных интенций населения Республики Тыва. Один из соавторов статьи (О. Д. Натсак) являлась участником исследования.

В социальных сетях присутствуют многочисленные этнические сообщества, состоящих преимущественно из представителей студенческой и трудовой миграции из Республики Тыва в крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург. Эти группы в социальной сети Вконтакте, в мессенджере Viber объединяют тысячи людей. Например, сообщество Вконтакте «Санкт-Петербургское тувинское землячество» объединяет 10,2 тыс. участников, «Тыва подслушано в Москве» — 4,7 тыс. чел. Допустим, что данный ресурс также включает участников, которые когда-либо учились и работали в Санкт-Петербурге, но вернулись в республику. В этой связи состав сетевых групп не может быть источником количества мигрантов, но может давать представление о масштабах общей выездной миграции из республики в те или иные российские города.

Волны миграции в истории Тувы и Калмыкии

Исторически Тыва являлась реципиентом миграционных потоков извне. Данные процессы начались еще в Цинское время (вторая половина XVIII — начало XX в.), а усилились в период протектората царской России над Урянхайским краем.

Первая миграционная волна в Урянхайский край началась с вольным переселением русских крестьян в 80-х гг. XIX в., затем происходило проникновение русского капитала и торговцев, интенсивность которого зависело от характера российско-китайских отношений (*История Тувы, 2001*: 284–286). Официальное разрешение на поселение в Урянхайском крае русские переселенцы получили в 1885 г. (там же: 288). Вторая волна приходится на период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Русская Самоуправляющаяся Трудовая колония (РСТК) формировалась как за счет потоков русских из советской России, так и за счет естественного прироста населения. По данным, который приводит в своем исследовании Н. М. Моллеров, РСТК в 1921 г. насчитывала 9,7 тыс. русского населения, в 1929 г. — 12,2 тыс. чел., в 1932 г. — 11,8 тыс. чел. (*Моллеров, 1989*: 142). После присоединения Тувы к СССР в 1944 г. началась новая — третья миграционная волна, которая носила также социально-экономический характер в рамках общих миграционных процессов большого государства, частью которого стала Тыва. Это был приток советских специалистов разных профилей, которые прибывали в Тыву по направлению на временную трудовую миграцию для ускоренного выравнивания социально-экономического развития региона в целом, и для реализации конкретных промышленных, инфраструктурных проектов. Эту выездную миграцию, которая носила временный трудовой характер, в научной литературе советского периода называли «механическим приростом» (*Николаева, 1967*: 211). И она была связана с развертыванием в Туве крупных комбинатов «Туваасбест», «Тувакобальт», автодороги «Ак-Довурак — Абаза». В 1959 г. «механический прирост» населения Тувы составил 3208 чел., в 1965 г. — 3478 чел.; это были потоки в основном из регионов Восточной и Западной Сибири (там же: 212–213).

Новая четвертая миграционная волна в Туве началась в постсоветский период. По данным З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакиной, исследовавших этнорегиональную специфику миграционных процессов в Туве, интенсивные миграционные процессы 1990-х гг. отразились в количественном соотношении русского и тувинского населения и моноэтнизации полиэтничных в советский период районов (*Балакина, Анайбан, 2016*: 85). Полагаем, отток русскоязычного населения был во многом связан с возвратной трудовой миграцией тех, кто прибыл ранее в Тыву. В этой волне миграции коренное население практически не участвовало, при этом очень интенсивно среди коренного населения шли процессы внутрорегиональной миграции по направлению «село — город», приведшие к изменению соотношения городского и сельского населения.

На следующем — пятом этапе волна миграции изменила свою структуру. Исследователи отмечают, что под влиянием внутрорегиональных социально-экономических факторов и общероссийских тенденций, за 2005–2016 гг. изменилась структура внутренней миграции населения России, при которой наблюдается стабильное снижение удельного веса миграции населения внутри субъектов РФ и соответствующее увеличение доли межрегиональных перемещений (*Трубин и др., 2018*: 11). Этому способствовало облегчение условий для внутренней миграции, дифференциация возможностей удовлетворения жизненных потребностей в субъектах РФ (там же: 13).

Для Тувы изменения миграционной структуры были связаны со все более увеличивающейся невозвратностью студенческой миграции, когда получившая профессиональное образование молодежь начинает или продолжает трудовую деятельность в городах обучения или мигрирует дальше в другие города России.

Рост трудовой миграции как низкоквалифицированной, так и высококвалифицированной части рабочей силы происходил за счет выезда в крупные города, как Москва, Санкт-Петербург, а также для сезонных работ в таких отраслях, как рыбопереработка, на Камчатке; выезда квалифицированных специалистов, как медицинские работники, в регионы Крайнего Севера и Дальнего Востока, где наблюдается убыль населения или его устойчивое сокращение, активизируется пространственная мобильность коренного населения Тувы. Несмотря на напряженность на региональном рынке труда и иные социальные проблемы, как высокие цены на жилье, низкая доступность социальной инфраструктуры в столице республики, внутренняя миграция по линии «село — город» продолжает существовать (см.: Харунова, Харунов, 2021: 145; Тиникова, 2018: 251).

Исторические этапы миграционных процессов на территории современной Калмыкии, как и в Туве, также менялись в связи с особенностями исторического развития регионов. Калмыки вошли в состав России в 1609 г. Территория Калмыкии, как и Республики Тыва, также на протяжении длительного времени являлась реципиентом миграционных потоков извне. Первую волну (дореволюционный период) миграции на территории современной Калмыкии можно охарактеризовать заселением земель крестьянами из различных губерний, где существовала острая нехватка земель (немцы из Бессарабской и Черниговской губерний, эстонцы из Эстляндской и Лифляндской губерний). Вторая волна миграции связана с советским периодом, когда миграция планировалась и организовывалась управленческими органами для достижения, в первую очередь, народнохозяйственных задач. Проблема нехватки квалифицированных кадров привлекла в республику представителей различных национальностей. В Калмыкию, как и в Туву, приезжали специалисты для строительства объектов промышленности, сельского хозяйства, социальной инфраструктуры и т. д.

Третья волна миграции связана с последствиями распада СССР. В Калмыкии, как и в Туве, русское население выезжало из республики, но при этом в Калмыкию в силу ее соседства с такими регионами, как Ставропольский, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская области, которые являлись реципиентами потоков мигрантов из бывших советских республик, также прибывало большое количество переселенцев. В Калмыкию также прибывали потоки беженцев из зон военных действий или этнических конфликтов. В Туву, в силу ее географической отдаленности такие потоки не прибывали.

Таким образом, в общей динамике миграционных процессов в истории Тувы выделяется пять этапов волн, в Калмыкии — три. Межрегиональная трудовая миграция коренного населения Тувы формируется только на пятом этапе, с этой точки зрения Тува становится в незначительной степени, но все же донором трудовых мигрантов в регионы России. Калмыкия также выступает донором межрегиональных трудовых мигрантов. В настоящее время миграционные волны изменились как в Калмыкии, так и в Туве, речь идет, прежде всего, об оттоке населения.

Демографическая ситуация и современные миграционные процессы

Миграция населения в значительной степени влияет на численность населения республик. Рассмотрим естественный и миграционный прирост населения в Калмыкии и Туве (таб. 1).

Как мы видим, в Калмыкии наблюдаются депопуляционные процессы: естественный прирост населения значительно сокращается, в 2020 г. отмечается отрицательный естественный прирост населения. Эти процессы происходят на фоне миграционной убыли населения региона. Тенденция сокращения численного состава населения в республике сохранится в будущем, поскольку в фертильный возраст вступило малочисленное поколение конца 1990-х — начала 2000-х годов.

В Туве наоборот происходит рост численности населения за счет естественного прироста населения. Общий прирост населения в Туве с 2012 до 2020 г. в среднем составил около трех тысяч человек. Показатель естественного прироста в Туве является одним из самых высоких среди субъектов Российской Федерации. По сравнению с Калмыкией миграционный отток в Туве значительно сокращается.

Рассмотрим процессы трудовой миграции на основе данных о миграции рабочей силы.

На рис. 1 представлена динамика миграции рабочей силы из рассматриваемых республик. По данным диаграммы мы видим, что показатель исходящей трудовой миграции из Тувы значительно ниже данного показателя в Калмыкии. Тенденцию роста миграции рабочей силы мы наблюдаем как в Туве, так и в Калмыкии: в Туве с 0,3 до 1; в Калмыкии с 11,9 до 15,6. Но при этом в Туве кривая показателя более

поступательна, не наблюдается резких скачков или падений. В Калмыкии самые высокие показатели отмечаются в 2012, 2016 и 2018 годах, при этом наблюдаются резкие спады в 2015 и в 2017 гг.

Таблица 1. Изменение численности постоянного населения Республики Калмыкия и Республики Тыва по компонентам (2012–2020 гг.)¹

Table 1. Changes in permanent population of the republics of Kalmykia and Tuva by component, 2002–2020.

	Общий прирост		Естественный прирост		Миграционный прирост	
	Калмыкия	Тыва	Калмыкия	Тыва	Калмыкия	Тыва
2020	-1151	2985	-255	3570	-896	-585
2019	-1512	2960	253	3342	-1765	-382
2018	-2766	2701	398	3681	-3164	-980
2017	-2390	3172	290	4227	-2680	-1055
2016	-930	2913	747	4256	-1677	-1343
2015	-1831	1860	1048	4240	-2879	-2380
2014	-1457	2016	1182	4502	-2639	-2486
2013	-2119	1301	1321	4712	-3440	-3411
2012	-2549	1113	1398	4795	-3947	-3682

Рис. 1. Динамика внутрироссийской трудовой миграции из Республики Калмыкия и Республики Тыва по данным выборочного обследования рабочей силы, 2011–2019 гг., тыс. чел.²

Fig. 1. Changes in internal labor migration from the republics of Kalmykia and Tuva, 2011–2019 (thousands), based on a selective survey of labor force.

Если сравнивать с данными по другим субъектам РФ в 2019 г.³, Республика Тыва имеет один из самых низких показателей миграционной подвижности населения трудоспособного населения. Наибольшие значения данного показателя наблюдались в Московской области (20,2%), Ленинградской области (18,35%), из национальных республик – в Республике Адыгея (16,4%), Чувашской Республике (13,85%), Республике Калмыкия (12,7%).

¹ Изменение численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации по компонентам. Численность и миграция населения Российской Федерации (2012–2020 гг.) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 18.08.2021); Численность населения Тывы по компонентам [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/32956> (дата обращения 18.08.2021).

² О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 15.08.2021).

³ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 15.08.2021).

В процентах к численности занятого населения Республики Тыва выезжающие на работу в другие субъекты в 2019 г. составили 1%¹.

Однако можно предположить, что статистические данные по результатам выборочных обследований рабочей силы не в полной мере могут учитывать фактическую миграционную активность. Территориальная мобильность трудоспособного населения Тувы может быть выше. Основанием для этой гипотезы служат результаты социологического исследования социально-экономических процессов в Республике Тыва, проведенного в мае 2021 г. сотрудниками Центра изучения социальной структуры и социального расслоения Института социологии ФНИССЦ РАН. В исследовании наряду с другими вопросами социально-экономического характера анализировались миграционные интенции населения в целях временной и постоянной работы на внутрирегиональном и межрегиональном уровне. Опрос жителей республики² показал, что потенциал межрегиональной трудовой миграции в Туве высок — около 28% опрошенных желают выехать для сезонных работ в другой регион, 29% рассматривают возможность переезда в другой город/село республики или другой регион для поиска более подходящей работы. Как известно, намерение выехать в целях поиска работы или трудоустройства за пределы административных границ соответствующего субъекта — это уже первая стадия миграционного движения (Рыбаковский, 2020: 342–356).

По валовым показателям внутренних миграционных процессов 2020 г. (по числу прибывших из других регионов и числу выбывших в другие регионы) наблюдается отрицательное миграционное сальдо: из Республики Тыва выбыло больше, чем прибыло, миграционная убыль составила 579 чел.³ С учетом вышесказанного, а также на основе изучения демографического прогноза Росстата до 2035 г. по естественному приросту населения, динамики численности населения в трудоспособном возрасте по среднему и высокому вариантам (без учета низкого варианта) (таб. 2) можно предположить, что межрегиональная трудовая миграция из Республики Тыва будет только расти. Республика Тыва отличается от других субъектов РФ положительным естественным приростом, что означает, что демографическое давление на региональный рынок труда будет усиливаться за счет роста населения в целом и роста числа населения трудоспособного возраста (по среднему варианту в 2021 г. — 180,1 тыс. чел., в 2035 г. — 227 тыс. чел.)⁴. Это предположение подкрепляется также прогнозом Росстата относительно показателя миграционного прироста — по этому прогнозу с 2021 г. до 2035 г. миграционное сальдо в Республике Тыва по всем трем вариантам будет сплошь отрицательным, то есть выбывать будут больше, чем прибывать. И именно за счет темпов естественного прироста отрицательное миграционное сальдо не будет критичным для региональной экономики.

В Калмыкии по демографическому прогнозу Росстата миграционный прирост населения сохранит негативную динамику, однако будет иметь тенденцию к уменьшению. Это, на наш взгляд, будет связано с общим сокращением численности населения, а также сокращением численности населения трудоспособного возраста.

Таким образом, анализ современных миграционных процессов в Туве и Калмыкии показал, что в Калмыкии эти процессы наиболее интенсивны, что влияет на сокращение численности населения региона в целом. В Туве в последние годы интенсивность миграционных процессов падает, хотя в 2012 г. показатели миграционного оттока в Калмыкии и Туве составляли соответственно 3947 и 3682 человек. Демографическая ситуация в республиках также отличается. В Туве наблюдаются одни из самых высоких в стране коэффициенты рождаемости, рост числа населения моложе трудоспособ-

¹ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 15.08.2021).

² Генеральную совокупность, служащую основой для построения выборочной совокупности при проведении исследования, составило все население Республики Тыва старше 18 лет. Выборочная совокупность составила 1539 ед. Исследование проходило в 88 населенных пунктах Республики Тыва. Методом сбора информации являлось 20-минутное личное интервью, которое поводилось по формализованному опроснику.

³ Миграция населения в 2020 году [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/news/document/115299?print=1> (дата обращения 03.08.2021).

⁴ Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический бюллетень. М., 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285?print=1> (дата обращения 08.08.2021).

ного возраста и общей численности населения в целом, в Калмыкии же происходят депопуляционные процессы, когда стремительно сокращается рождаемость и растет смертность населения, особенно трудоспособного возраста.

Таблица 2. Миграционный прирост населения Республики Тыва и Республики Калмыкия по демографическому прогнозу Росстата до 2036 г. (средний вариант)¹

Table 2. Migration balance in the republics of Tuva and Kalmykia, from Rosstat's demographic forecast up to the year 2036 (the middle-way scenario).

Годы	Республика Тыва	Республика Калмыкия
2021	-949	-1700
2022	-997	-1687
2023	-1051	-1626
2024	-1051	-1591
2025	-1087	-1573
2026	-1146	-1513
2027	-1182	-1468
2028	-1241	-1428
2029	-1268	-1399
2030	-1299	-1363
2031	-1367	-1330
2032	-1391	-1263
2033	-1425	-1262
2034	-1478	-1202
2035	-1521	-1203

Основные детерминанты межрегиональной трудовой миграции

Считается, что основным детерминантом межрегиональной трудовой миграции является уровень социально-экономического развития регионов. Исследователи отмечают, что из всей совокупности факторов миграции в современной России на внутренние миграционные потоки оказывают влияние экономические показатели, прежде всего, уровень благосостояния населения и ситуация на региональном рынке труда (Алешковский, 2007: 19). Кроме экономических параметров развития региона и уровня жизни населения при изучении интенсивности внутренней миграции авторы рассматривают уровень доступности социальной инфраструктуры, а также уровень преступности (Трубин и др., 2018: 4).

Для нашего исследования рассмотрим доходы населения и ситуацию на рынке труда двух регионов, а также уровень экономического развития в сравнительном контексте с другими российскими регионами.

Калмыкию и Туву объединяют высокие показатели монетарной бедности населения. В период с 2013 по 2020 г. уровня 30% бедного населения, помимо Тувы, достигали только два российских региона: Республика Калмыкия (2013–2014 гг.) и Республика Ингушетия (2018–2020 гг.)². В 2013 году самым бедным регионом была Республика Калмыкия, с 2014 г. у данной республики наблюдается снижение бедности, однако показатели Калмыкии (22,7%) и Тувы (34,1%) в 2020 г. существенно превышают среднероссийское значение доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума — 12,1%³.

¹Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Статистический бюллетень. М., 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285?print=1> (дата обращения 08.08.2021).

² Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2020 гг. М., 2021. С. 22. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13293?print=1> (дата обращения: 15.08.2021).

³Там же.

Предпринимая попытку проследить корреляцию между уровнем доходов населения и интенсивностью выездной межрегиональной миграции населения, приходим к выводу о том, что применительно к отдельным субъектам эта связь не всегда очевидна. Республика Тыва имеет один из самых низких показателей среднедушевых денежных доходов населения среди субъектов РФ, в IV кв. 2020 г. он составил 22 825 руб., в Ингушетии, к примеру, этот показатель составил 20 978 руб.¹ При этом в данных регионах наблюдаются одни из низких показателей по доле населения, работающего за пределами своего субъекта. Республика Калмыкия, имея среднедушевой доход 25 464 руб., т. е. чуть выше, чем в указанных регионах, имеет в разы больше показатель по доле населения, выезжающего за пределы своего субъекта — 12,9%². Как мы полагаем, в данном случае важен фактор географического положения Калмыкии, близость к центру, а также история миграции коренного населения, длительность и интенсивность которой отличается от Тувы.

Корреляция между высоким уровнем среднедушевых доходов в регионах-реципиентах и выездом внутренних трудовых мигрантов именно в эти регионы более очевидна. Регионы направлений межрегиональной трудовой миграции имеют наиболее высокие среднедушевые доходы: Ямало-Ненецкий автономный округ — 90 633 руб., Чукотский АО — 99 640 руб., Сахалинская область — 71 935 руб., Камчатский край — 65 813 руб.³ и т. д.

По показателям безработицы в 2019 г. Республика Тыва (12,3%) входила в число регионов с худшими показателями после Республики Ингушетия, Чеченской Республики, Республики Дагестана⁴. При этом динамика снижения уровня безработицы в Республике Тыва, начиная с 2006 г., является существенной — с 20,3% в 2006 г. до 12,3% — в 2019 г.

Рассмотренная нами корреляция между интенсивностью межрегиональной миграции и показателями безработицы населения в указанных субъектах РФ неочевидна, так как ни один из этих четырех регионов с самыми высокими показателями безработицы не входит в двадцатку регионов-лидеров по доле населения, работающего за пределами своего субъекта в среднем за 2019 г. По Республике Тыва эти показатели в динамике с 2006 по 2019 гг. можно увидеть на *рис. 2*. Примечательно то, что Республика Ингушетия с худшим показателем по безработице в 2019 г. имела один из самых минимальных показателей выездной межрегиональной миграции (0,3 тыс. чел.), также Республика Тыва (1,0 тыс. чел.), Чеченская Республика (2,3 тыс. чел.), в Калмыкии этот показатель составил 15,6 тыс. чел.⁵ Это говорит о том, что напряженность на рынке труда не всегда является решающим фактором, способствующим межрегиональной миграционной активности, но может в совокупности с другими факторами влиять на миграционную мобильность.

Значит, есть другие важные факторы. Какие именно? Может ли это быть фактор языка?

Рассмотрим корреляцию между интенсивностью межрегиональных миграционных перемещений и владением русским языком в Калмыкии и Тыве. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Калмыкия 97,61% населения владеют русским языком, в Республике Тыва —

¹ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации 2020 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1>. (дата обращения 10.08.2021).

² О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 10.08.2021).

³ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации 2020 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения 10.08.2021).

⁴ Там же.

⁵ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения 10.08.2021).

⁶ Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Элиста: Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия, 2013. С. 12, 137; Республика Тыва. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102> (дата обращения: 23.08.2021); Республика Ингушетия. Национальный состав и владение языками, гражданство / Всероссийская перепись населения 2010 г. [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: <https://stavstat.gks.ru/folder/39776> (дата обращения 23.08.2021).

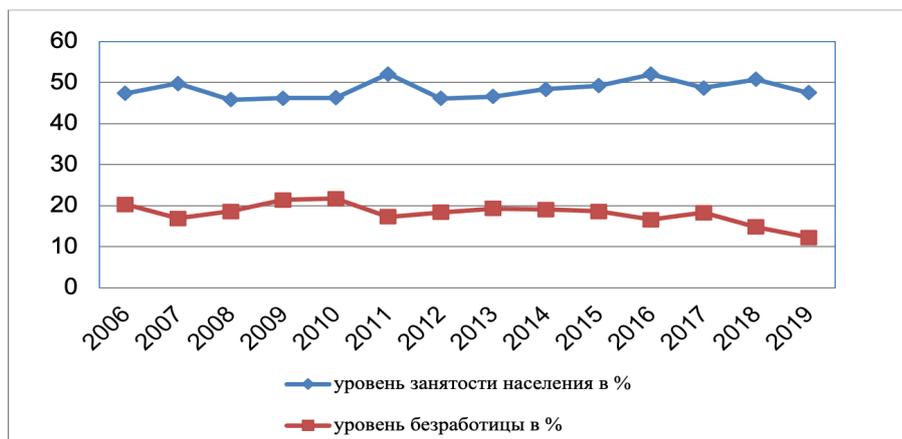

Рис 2. Динамика показателей уровня занятости и уровня безработицы в Республике Тыва в 2006–2019 гг., в %¹

Fig. 2. Changes in the levels of employment and unemployment in the Republic of Tuva, 2006–2019, %.

84,7%⁶. При этом в Калмыкии только 24,73% жителей региона владеют калмыцким языком, число представителей титульной национальности, владеющих калмыцким языком, за межпереписной период (с 2002 по 2010 гг.) сократилось почти в два раза (1,97) (Кованова, Бадмаева, Удаев 2019: 1100). В Туве число владеющих тувинским языком лиц, указавших принадлежность к тувинской национальности, составило по переписи населения 2010 г. 97% (241092 чел. из 249299 чел.)². На владение русским языком указало 82% тувинцев (204 213 из 249299 чел.)³, что является высоким показателем.

Л. Б. Четырнова отмечает, что калмыки в большинстве своем являются русскоязычным народом, который при этом сохраняют высокую языковую лояльность к своему языку (Четырнова, 2012: 16). Однако у калмыков билингвизм: русско-калмыцкий, а у тувинцев — тувинско-русский. В данном случае более важным является временная разница «подключения» калмыков и тувинцев к общероссийскому социокультурному пространству и к межрегиональной миграции.

Таким образом, гипотеза о том, что языковой фактор влияет на темпы межрегиональной миграции — не подтвердилась.

Более убедительным является тезис о том, что невозможность для Калмыкии и Тувы конкурировать по уровню жизни, оплаты труда с регионами, куда выезжают трудовые мигранты, главным образом влияет на интенсивность миграционного движения.

Ранжирование мест, занимаемых субъектами РФ по основным социально-экономическим показателям за 2019 г., показывает, что по поступлениям налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему РФ на душу населения ЯНАО занимает 1 место, Сахалинская область — 4-е, Камчатский край — 26-е, Республика Калмыкия — 76-е, Республика Тыва — 79-е. По валовому региональному продукту (ВРП) в 2018 г. и инвестициям в основной капитал на душу населения ЯНАО (2 место), Сахалинская область (4-е и 5-е места соответственно) также находятся в лидерах, а Камчатский край — в первой двадцатке (13-е и 15-е места соответственно), Республика Калмыкия — 65 и 69 места соответственно, Республика Тыва занимает 76-е и 73-е места соответственно⁴. В силу такой неравномерности социально-экономического развития и бюджетных возможностей экономически

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13211?print=1> (дата обращения: 07.08.2021).

² Всероссийская перепись населения 2010. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/folder/39102?print=1> (дата обращения: 28.09.2021).

³ Там же.

⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2020. С. 34.

слабым регионам практически невозможно конкурировать с высокодоходными субъектами РФ в удержании квалифицированных специалистов, особенно, если в регионах-реципиентах приняты специальные программы привлечения и финансового стимулирования притока специалистов, например врачей.

Миграционные возможности населения разной доходной стратификации неравны даже при высоком миграционном потенциале. Полагаем, что одним из факторов реализации миграционных намерений населения является наличие финансовых средств для переезда и первичного обустройства в новом регионе. В отличие от профессионализированных миграционных потоков, как у медицинских работников или учителей, которые условно назовем «программной трудовой миграцией», когда выехавшие в новый регион специалисты получают социальный пакет из единоразовых выплат, предоставления жилья, «непрограммные» трудовые мигранты самостоятельно несут все издержки, связанные с переездом, поиском работы, жилья. С этой точки зрения для многих лиц, имеющих миграционные намерения, сам процесс переезда может быть недоступным.

Социологическое исследование, проведенное в Республике Тыва в 2021 г., показало, что переезд в другие регионы страны на сезонные работы рассматривают, но не имеют возможности в большей степени именно представители самой малообеспеченной группы по материальной самооценке (34,3%).

Таблица 3. Миграционные интенции населения (межрегиональная миграция) Республики Тыва, в %

Table 3. Migration capability of the population of the Republic of Tuva (interregional migration), %.

	Рассматриваете ли вы для себя возможность поехать на сезонные работы в другой регион или вы такой вариант не рассматриваете?			
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Денег не хватает даже на питание	34,3	11,6	9,7	41,7
Денег хватает только на питание	14,8	12,2	9,5	58,9
На питание и одежду денег хватает, но более крупные покупки приходится откладывать, брать кредит	14,4	14,9	12,7	55,9
Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	10,8	7,8	18,1	61,2
Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом	10,6	8,3	7,5	68,7
Мы можем позволить себе купить машину, дачу, словом, ни в чем себе не отказываем	7,3	6,1	21,8	64,8

Как мы видим из данных *таблицы 3*, эта группа населения испытывает существенные материальные затруднения, начиная со статьи расходов — средств на питание, и в этой связи для данной группы затруднителен переезд в другой регион в поисках работы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что возможность выезда на межрегиональную трудовую миграцию детерминирована также материальными условиями.

Принятие решения о трудовой миграции и причины

Решение о трудовой миграции в регионы Крайнего Севера и Дальнего Востока респонденты как из Калмыкии, так и из Тувы преимущественно принимали самостоятельно, но обсуждали на семейных советах. Для респондентов из Тувы важным фактором, повлиявшим на их решение о миграции, была необходимость содержания, воспитания и обучения детей. Респонденты из Калмыкии также отмети-

ли, что решение о миграции не принималось одномоментно, оно обдумывалось в течение нескольких лет: «вынашивала эту идею два года», «думал о миграции на Север в течение трех лет...» и т. д.

Основными причинами выезда в другой регион участники интервью из Республики Тыва указали финансовые трудности, высокую кредитную нагрузку в связи с ранее взятыми потребительскими и ипотечными кредитами. По информации Центробанка о динамике долговой нагрузки населения России, во втором и третьем кварталах 2020 г. на основе данных Бюро кредитных историй, по уровню проникновения кредитования Республика Тыва имеет самый высокий суммарный показатель — 38,4 (доля проникновения — отношение числа заемщиков на отчетную дату в регионе к числу постоянно проживающего населения на начало календарного года)¹.

Большая часть опрошенных не имела ранее опыта трудовой миграции, однако знали и ориентировались на примеры миграции из круга знакомых лиц.

Респонденты из Калмыкии среди причин миграции указывали неудовлетворенность заработной платой, отсутствие работы. У части респондентов на момент принятия решения о миграции была работа, однако размер заработной платы не позволял совершать крупные покупки, решить квартирный вопрос. Другая часть респондентов имела временные или непостоянные заработки, например, — в такси или в выполнении подсобных работ.

Следует отметить тот факт, что решение о выезде в другие регионы России в поисках работы как среди тувинцев, так и калмыков, принимается на разных жизненных и возрастных этапах: сразу после окончания вуза, в 30 лет, в 40 лет, а также после 50 лет в предпенсионном возрасте. Таким образом, миграционная мобильность характерна для разных возрастных групп, но в рамках трудоспособного возраста.

Так, мы выяснили, что для респондентов из Тувы основной причиной миграции является стратегия оплаты кредитных задолженностей, необходимость обеспечения детей. Для респондентов из Калмыкии миграция в районы Крайнего Севера является возможностью реализации своего профессионального потенциала, развития карьеры, поскольку это невозможно осуществить на своей малой родине.

Поиск работы, удовлетворенность уровнем оплаты труда

Основным каналом поиска работы и участия в соответствующих кадровых программах для респондентов-тувинцев в другом регионе, по словам участников интервью, явился Интернет: онлайн-платформы вакансий, сайты медицинских организаций. Опрошенные не только искали вакансии, но и размещали резюме на онлайн-платформах, направляли резюме напрямую потенциальным работодателям. Также они получали необходимую информацию по телефону. Другим каналом получения информации об искомой вакансии выступили знакомые и коллеги опрошенных.

Никто из участников интервью не испытывал трудностей с поиском работы, за исключением одного случая, когда достаточно длительное время пришлось ждать решения принимающей стороны. «Трудностей не было. Врачи везде нужны», — сказала женщина, тувинка, 52 г., г. Салехард. «Никаких трудностей. С хорошими знаниями и опытом всегда будет работа», — это слова женщины, тувинки, 39 лет, г. Южно-Сахалинск. Дефицит врачей в регионах миграции, наличие высшего медицинского образования и опыт работы позволяют участникам интервью уверенно себя чувствовать на рынке труда и находить более оплачиваемую работу по своей специальности за пределами Республики Тыва.

На вопрос о том, удовлетворены ли уровнем оплаты труда, участники интервью практически все отвечают положительно. «Удовлетворена, знала, что зарплата будет больше, чем в нашей республике». Есть и те, у которых зарплатные амбиции выше, чем имеющийся на момент интервью уровень, удовлетворенность есть, но есть и стремление к более высокому уровню.

Одним из ключевых факторов трудовой миграции врачей является решение жилищного вопроса со стороны работодателя и администрации района. В ходе интервью было выявлено несколько прак-

¹ Анализ динамики долговой нагрузки населения России в II-III кварталах 2020 года на основе данных Бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал. Банк России. 2021. С. 19-20 [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31945/review_03022021.pdf (дата обращения: 08.04.2021).

тических вариантов предоставления жилья прибывшим врачам: через социальный найм с возможностью последующей приватизации; предоставление служебного жилья работодателем или администрацией муниципального района; компенсация работодателем стоимости аренды жилья, а также самостоятельная аренда жилья с оплатой из собственных доходов врача.

Для респондентов из Калмыкии основными каналами поиска работы выступают земляческие сети. У многих респондентов на Севере работают родственники, друзья, знакомые. Они не только информировали о существующих вакансиях, но и помогали респондентам обустроиться в первое время, предоставляли жилье или помогали с поиском жилья. Наиболее многочисленные калмыцкие мигрантские общины представлены в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах.

Практически все респонденты-калмыки удовлетворены заработной платой. Оценивая материальные результаты своей работы в районах Крайнего Севера, большая часть респондентов отметила, что были решены вопросы с покупкой собственного жилья. Квартиры были приобретены в ипотеку, но часть респондентов ее уже выплатили. Причем приобретены квартиры или частные дома как в Калмыкии, для своего будущего проживания, так и в регионе, где они работают. Также респонденты отметили, что они воспользовались региональной поддержкой: определенный процент ипотечной ставки оплатил регион, в котором они проживают. Покупка недвижимости, на наш взгляд, является для респондентов очевидным, возможно наиболее привычным в целом для России, средством долгосрочного вложения заработанных на Крайнем Севере средств. При этом приобретение недвижимости не является для респондентов конечным результатом миграции, респонденты в своем большинстве продолжают свою профессиональную деятельность.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что респонденты из Тувы и Калмыкии выбирают разные каналы поиска работы, если представители Тувы обращаются к интернет-каналам (сайты поиска вакансий, сайты медицинских сообществ и др.), то респонденты из Калмыкии в большинстве своем используют земляческие сети, обращаются к родственникам и друзьям, уже проживающим в районах Крайнего Севера. Такое различие связано с особенностями выборки из Тувы — преобладанием медицинских работников, которые, соответственно, при поиске работы обращаются к своим профессиональным сообществам через Интернет.

Направления трудовой миграции, климатические особенности

Основным направлением трудовой миграции респондентов из Республики Тыва (врачей) стали Сахалинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Камчатский край. Участники интервью из Калмыкии живут и работают в следующих регионах: Ямало-Ненецкий автономный округ (гг. Надым, Салехард, Новый-Уренгой, Ноябрьск), Ханты-Мансийский автономный округ (пгс. Березово, с. Теги), Чукотский автономный округ (гг. Анадырь, Певек), Красноярский край (р-н Талнах г. Норильска). Данные субъекты РФ, расположенные на российском Дальнем Востоке и на Крайнем Севере, испытывают дефицит не только в медицинских работниках, но и в человеческих ресурсах в целом в силу особых климатических условий (ЯНАО), географической удаленности от центральных районов России (Камчатка, Сахалин), островного характера (Сахалин).

В Камчатской области на 1 июня 2021 г. в лечебно-профилактических учреждениях системы здравоохранения имелось 433,25 вакансий¹. По данным министерства здравоохранения Сахалинской области организациям здравоохранения требовалось 434 медицинских работников на 1 июля 2021 г.² По нашему мнению, проблема нехватки медицинского персонала в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока является результатом общероссийской проблемы кадров для системы здравоохранения, а именно нежеланием молодых специалистов работать в государственных медицинских учреждениях, где уровень заработной платы ниже, чем в частных клиниках, также нежеланием молодых специалистов работать в отдаленных населенных пунктах в сельской местности и т. д. Все это привело к старению

¹ Информация о вакансиях в лечебных учреждениях Камчатского края [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Камчатского края. Министерство здравоохранения Камчатского края. URL: <https://kamgov.ru/minzdrav/informacia-o-potrebnosti-v-medicinskih-rabotnikah> (дата обращения: 01.08.2021).

² Потребность по медицинским учреждениям [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Сахалинской области. URL: <https://minzdrav.sakhalin.gov.ru/personnel/need>. (дата обращения: 02.08.2021).

кадров в системе здравоохранения, при этом в рассматриваемых нами регионах проблема усугубляется сложными климатическими условиями, которые не способствуют задержке кадров.

Коэффициенты миграционного прироста в принимающих регионах¹ на 1000 чел. населения за 2019 г. в трех этих регионах имеют отрицательные значения (ЯНАО — -24; Сахалин — -22; Камчатка — -50)². Распределение числа прибывших в процентах от общего числа прибывших показывает, что из других регионов России прибыло в ЯНАО 61,3%, на Сахалин — 35,6%, Камчатку — 51,8%³.

Такие регионы имеют специальные меры стимулирования притока специалистов из других регионов России. Так, например, в Сахалинской области врачам-специалистам, прибывшим для трудоустройства после 01.01.2019 г. и заключившим договор о кадровом обеспечении (срок отработки не менее 10 лет), предоставляются дополнительные социальные гарантии в виде единовременной денежной выплаты врачам, оказывающим первичную медико-санитарную помощь в размере от 1560,0 тыс. руб. до 2600,0 тыс. руб., остальным врачам — от 1450,0 тыс. руб. до 2200,0 тыс. руб.; единовременную денежную выплату на покупку жилья в размере до 60% от стоимости (не более 3000,0 тыс. руб.); компенсации за аренду жилья до 25 тыс. руб. в месяц. Финансовая поддержка предусмотрена также прибывающим в Сахалинскую область фельдшерам, заключившим договор о кадровом обеспечении, в размере от 400,0 до 600,0 тыс. руб., остальному среднему медицинскому персоналу от 270,0 тыс. руб. до 405,0 тыс. руб. (срок отработки не менее 5 лет)⁴.

Данные регионы выделяются среди других субъектов РФ высоким уровнем зарплаты, например врачей и медицинских работников. Если посмотрим данные Росстата за январь — март 2021 г., то на первом месте по России находится Ямало-Ненецкий автономный округ, где среднемесячная начисленная зарплата врача составляет 236788 руб. Сахалинская область (166802 руб.) и Камчатский край (158095 руб.) занимают пятое и шестое места соответственно после Чукотки (211066 руб.), Магаданской области (176552 руб.) и Ненецкого автономного округа (167614 руб.)⁵. В этой связи уровень зарплаты врачей в Республике Тыва (64458)⁶ не может конкурировать с уровнем оплаты труда в данных субъектах Российской Федерации.

Указанные регионы отличаются климатическими особенностями, обусловленными близостью к Охотскому, Японскому и Берингову морям, Тихому океану (Сахалинская область, Камчатский край), к многолетней мерзлоте — арктический и субарктический климат в Ямало-Ненецком автономном округе. Эти климатические зоны являются достаточно непривычными для выходцев из Республики Тыва и Республики Калмыкия. Наши респонденты отмечали повышенную влажность дальневосточных регионов, продолжительный холодный период, и суровый климат Ямало-Ненецкого автономного округа. Вместе с тем адаптация к новым климатическим условиям сугубо индивидуальна. Некоторые респонденты не испытывали сложностей, другие не перестают ощущать дискомфорт — такой расклад характерен и для калмыков, и для тувинцев.

При этом большая часть респондентов из Калмыкии отметила, что адаптировалась к климатическим условиям достаточно быстро. Однако они отмечают, что сложно было привыкнуть к полярной ночи или полярному дню, к отсутствию солнца по несколько месяцев, или наоборот к дневному свету в ночное время. Если температуру -30 градусов они переносили достаточно хорошо, то морозы

¹ Коэффициент миграционного прироста рассчитывается, исходя из разницы между числом прибывших и числом выбывших за отчетный год, поделенную на среднегодовую численность населения и умноженную на 10 000.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. М.: Федеральная служба государственной статистики. 2020. С. 91.

³ Там же. С. 94.

⁴ Потребность по медицинским учреждениям [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Сахалинской области. URL: <https://minzdrav.sakhalin.gov.ru/personnel/need>. (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Средняя заработная плата врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющих медицинские услуги (обеспечивающих предоставление медицинских услуг) государственной и муниципальной форм собственности по субъектам Российской Федерации за январь-март 2021 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64639?print=1> (дата обращения: 02.08.2021).

⁶ Там же.

-50–60 градусов описывали словами «дико холодно», «испытал шок». Также респондентам сложно привыкнуть к короткому лету, они отмечают, что им непривычна постоянная влажность воздуха и обилие насекомых (комаров, мошек, слепней). Респондентам как из Тувы, так и из Калмыкии наиболее сложным было привыкнуть к повышенной влажности, особенно в летний период.

Анализ направлений миграции показал, что респонденты как из Калмыкии, так и из Тувы живут и работают и в районах Крайнего Севера и на Дальнем Востоке. Но имеются определенные различия: респонденты из Калмыкии в большинстве своем мигрируют в районы Крайнего Севера, а респонденты из Тувы — на Дальний Восток. Что касается адаптации к климатическим условиям, то особых различий не отмечается.

Жизненные планы трудовых мигрантов

Для респондентов из Тувы сроки пребывания в регионах трудовой миграции зависят от условий заключенного договора о кадровом обеспечении между прибывшим медицинским работником — участником программы и принимающей стороной. Как правило, сроки договоров кадрового обеспечения варьируются от 5 до 10 лет. Максимальный «стаж» миграции у респондентов в момент интервью составил более 6 лет, минимальный — один год.

Подходы к планированию длительности пребывания в регионе миграции у респондентов разные. Первый подход связан с первым сроком договора: респондент ориентируется на точное количество оставшихся лет, в течение которых он выполнит условия договора, и он указывает в ходе интервью, сколько лет еще предстоит проработать в данном регионе (4 года, 6 лет, 2 года и т. д.). Другой подход обусловлен ожиданием наступления определенного жизненного события, например, выхода на пенсию, или полного погашения ранее взятого банковского кредита. Третий подход связан с длительными сроками пребывания — в течение 15–20 лет, которые требуют пролонгации договоров, а также с намерением остаться в регионе трудовой миграции до конца жизни. Как указал один из интервьюируемых, «планирую провести оставшуюся жизнь (в регионе трудовой миграции), если будет работа хорошая и оплата. Охота вернуться к родителям. А так работая здесь, я могу поддержать братьев и сестер, родителей» (женщина, тувинка, 35 лет, Южно-Сахалинск).

Есть те, кто не определился, на сколько лет могут остаться в новом регионе. Такая вариативность указывает на признаки большей открытости, миграционной, трудовой мобильности респондентов, на приобретенные навыки адаптации к иным социокультурным условиям, а также утраты традиционной привязанности к месту рождения и проживания родителей, рода. Об этом свидетельствует и тот факт, что среди участников интервью 5 респондентов (меньшинство) планирует вернуться в Республику Тыва после выполнения условий кадровых договоров, большинство же (18 респондентов) свои дальнейшие жизненные и карьерные планы связывают с переездом в другие регионы России. Причинами, по которым респонденты не планируют возвращаться в Туву, является низкий, по их мнению, уровень оплаты труда в родной республике, который в ближайшее время, по их мнению, не изменится.

Немаловажным является то обстоятельство, что среди респондентов не распространена «вахтовая» форма семьи — большинство респондентов проживают в новом регионе вместе с семьей, а те, кто выехал без членов семьи, планирует их перевезти. Представляется, что семейный характер миграции влияет на длительные горизонты планирования трудовой миграции и на планы переезда в другой регион после завершения сроков договоров.

По результатам интервью, для большинства интервьюируемых (17 респондентов) из Калмыкии срок их нахождения в трудовой миграции зависит от разрешения материальных проблем. Они отмечают, что как только выплатят долги, приобретут недвижимость в Республике Калмыкия, помогут детям с обучением, так сразу уедут назад в Калмыкию или в другой регион с более благоприятным климатом. Две трети опрошенных респондентов (13 респондентов) указали, что хотят заработать «северную пенсию» и получать ее в своем регионе. Для получения «северной пенсии», которая в несколько раз выше, чем в других регионах страны, обязателен стаж не менее 15 лет. В каждом регионе имеется свой региональный коэффициент, который значительно увеличивает итоговую сумму пенсионных выплат. Так, средний размер назначенных пенсий в Чукотском автономном округе в 2020 г. составил 25292 руб. (место, занимаемое в Российской Федерации — 1), в Ханты-Мансийском

автономном округе этот показатель составил 21909 руб., в Ямало-Ненецком автономном округе — 21876 руб. (5 и 6 место соответственно). В Калмыкии средний размер назначенной пенсии один из самых низких в стране, в 2020 г. он составил 12611 руб. (82 место). Республика Тыва по данному показателю занимает 56 позицию, средний размер назначенной пенсии в республике в 2020 г. составил 14040 руб.¹

Для части респондентов как из Калмыкии, так и Тувы длительность нахождения в трудовой миграции определяется лишь периодом разрешения своих материальных проблем. Профессиональный статус респондентов из Тувы в большинстве случаев определяет длительность их нахождения в трудовой миграции, а именно сроком заключенного договора. Для интервьюируемых из Калмыкии определяющим фактором жизни и работы в районах Крайнего Севера является необходимый трудовой стаж для получения «северной пенсии».

Связи с малой родиной, сохранение этнической, религиозной идентичности в новой (иноэтнической) среде, помощь родственникам

Интервью показало высокую степень информационной вовлеченности респондентов в события, происходящие в Тыве — все без исключения респонденты из Тувы следят за новостями в республике. На сильную эмоциональную связь с малой Родиной выходцев из Тувы указывали авторы ранее проведенных исследований (Ламажаа, 2014: 156). Интернет-коммуникации, соцмедиа позволяют им быть информированными о жизни республики, своего города или поселка, родственников, друзей, коллег. Респонденты отметили, что больше всего их волнуют социальные вопросы: безработица, уровень зарплат, доступность детских садов, школ, работа общественного транспорта, уровень культуры и преступности в республике. Опыт трудовой миграции позволяют опрошенным в негативном ключе сравнивать темпы изменений качества жизни населения в Тыве с таковыми в регионах проживания.

Все респонденты из Тувы отметили, что знают о других земляках, которые проживают в месте их нынешнего проживания и трудовой деятельности. За исключением единичных случаев все участники указали на то, что поддерживают общение с представителями своего этнического сообщества.

На вопрос о том, чувствуют ли участники интервью потребность в знании истории и культуры Тувы, половина ответила утвердительно, другая половина — отрицательно. При этом отмечают, что данный вопрос более актуален для их детей, чем для них самих. Особого страха потери этнической идентичности не наблюдается, что объясняется несколькими факторами: потенциально возвратный характер миграции, хоть и пролонгированный во времени — при необходимости каждый из них может вернуться в свою этническую среду — Республику Тыва; наличие этнического сообщества в рассматриваемых локациях миграции, возможность поддерживать общение с выходцами из республики; как показывает социально-демографический состав интервьюируемых. Наблюдается аналогичная ситуация в религиозной сфере: меньшинство имеет в квартирах или домах, где проживают в новом месте буддийский алтарь и читает буддийские молитвы. В свою очередь респонденты отметили, что являются получателями частных отправок в виде посылок из дома, в которых родные посылают им через автобус традиционные продукты питания, как толченое просо, топленое масло, баранина.

Интервью с калмыками дали нам информацию о наличии активных калмыцких землячеств в поселке городского типа Березово Ханты-Мансийского автономного округа, в г. Анадырь Чукотского автономного округа, в городах Салехарде и Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа. В Березово, по оценкам респондентов, проживает более ста калмыков, в Анадыре, считая с поселками, примерно 300 человек. У всех сообществ есть группы в социальных сетях и мессенджерах. Землячества отмечают калмыцкие национальные праздники, Новый год. Многие калмыки, привозят с родины или заказывают отсюда национальные костюмы, элементы национальной одежды или стилизованные платья, жилеты, принимают участие в региональных фестивалях, выставках декоративно-прикладного искусства и др. Некоторые землячества во время религиозных праздников собираются вместе, подключают оборудование и таким образом смотрят или слушают молебны из храмов Калмыкии в прямом эфире.

¹ Средний размер назначенных пенсий. Регионы России. Социально-экономические показатели-2020 [Электронный ресурс]// Федеральная службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.08.2021).

организуют прямые трансляции из храмов Калмыкии. Также по инициативе отдельных земляков проводятся курсы изучения калмыцкого языка, в основном для детей. Помимо общественных мероприятий, большинство также отмечают народные праздники в семьях. У калмыков также есть домашние буддийские алтари. Во всех рассматриваемых северных регионах есть возможность получать посылки из Калмыкии особым земляческим каналом. Посылки привозит специальная машина. Передают все: от продуктов до предметов быта. Из продуктов передают мясо (местное мясо практически никто не ест, кроме мяса птицы), колбасы, полуфабрикаты, тушенку калмыцкую.

Модель трудовой миграции, при которой квалифицированные специалисты с высшим и средним профессиональным образованием выезжают в другой российский регион вместе семьей, отличается от той модели, когда уезжает на заработки один из супругов, и его главная социальная, семейная миссия — отправление заработанных средств семье, оставшейся на родине. Специфика рассматриваемой нами модели в том, что респонденты выехали за пределы Республики Тыва не в поисках работы и любого заработка, а в поисках более высокого уровня оплаты труда и дополнительных выплат, предусмотренных в кадровых программах здравоохранения ряда регионов Дальнего Востока и Крайнего Севера. В этом случае финансовые стратегии респондентов, выехавших в эти регионы вместе со своими семьями — обеспечение самих себя, а также финансовые цели, связанные с выполнением кредитных обязательств семьи. Вместе с тем респонденты отмечают, что оказывают финансовую помощь оставшимся жить в Тыве родителям, отдельно живущим детям (студентам) и родственникам.

Поскольку большая часть респондентов-калмыков проживает с семьей, то респонденты отмечают, что помогают родственникам только по острой необходимости или по праздникам. Только небольшая часть опрошенных респондентов помогает родственникам в Калмыкии на постоянной основе, но это помощь в основном самым близким — родителям, братьям или сестрам, племянникам.

Результаты проведенных интервью показывают, что благодаря современным средствам связи респонденты включены в информационное пространство своего региона, следят за событиями, происходящими в их республиках, а также помогают оставшимся дома родителям или другим близким родственникам. Особых отличий в стратегиях адаптации у калмыков и тувинцев не выявлено, за исключением того, что коммуникации внутри своего этнического сообщества более ярко выражены у калмыков. Социокультурная самоорганизация внутри сообщества калмыков имеет такие формы взаимодействия, как-то: неформальные встречи, совместное празднование национальных праздников, изучение детьми калмыцкого языка.

Гендерные особенности межрегиональной трудовой миграции

В гендерной структуре внутренней миграции в России преобладают женщины, причем во всех во всех возрастах, кроме детских (Мкртчян, Флоринская, Казенин, 2020: 22). Как подчеркивают исследователи, такое соотношение оставалось неизменным в течение 2008–2016 гг. (Трубин и др., 2018: 20).

Социально-демографический состав участников глубинного интервью с медицинскими работникам из республики, работающими в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока носит выраженный гендерный характер. Данные исследования социально-экономических процессов в Республике Тыва в 2021 г. также показывают потенциально большую миграционную мобильность женщин республики по сравнению с мужчинами.

В Калмыкии также наблюдается феминизация миграционных потоков разных направлений. Проведенные интервью показали, что респонденты-женщины более адаптивны: многие из них не скучают по малой родине, хорошо интегрируются в местное сообщество. Также считаем важным отметить, что именно женщины были инициаторами миграции, они обращались к родственникам, которые проживали в районах Крайнего Севера с просьбой поиска работы для них или для их мужей, братьев и т. д. Нагляден пример выехавшей семьи трудовых мигрантов из Калмыкии, которые больше 18 лет проживают в Ханты-Мансийском автономном округе: по словам жены (56 лет), ее муж очень сильно скучает по родному поселку, по родным братьям и сестрам, «даже по своей улице скучает». Также из двух взрослых детей, которые заканчивали здесь среднюю школу, высшее образование получили в Тюмени, сын уехал и живет в Калмыкии, но при этом у него нет постоянной работы, дочь — вышла замуж и живет в том же поселке, где и родители, профессионально реализована и востребована.

В этой связи можно говорить о ярко выраженной феминизации межрегиональной трудовой миграции из рассматриваемых республик, что совпадает с общероссийским трендом. Такое положение,

как мы полагаем, обусловлено более высокой социальной мобильностью и экономической активностью женщин на региональном рынке труда в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что женщины не только более мобильны, но и адаптивны к новым условиям жизни и работы.

Заключение

Исследование показывает, что миграционные модели населения Тувы и Калмыкии складываются как региональные варианты внутрироссийской миграции. Калмыкия и Тува в определенные исторические периоды были регионами-реципиентами, однако в условиях различных социально-экономических обстоятельств они перестали быть таковыми. В случае как с Тувой, так и с Калмыкией мы наблюдаем переход от статуса реципиента потоков трудовой миграции к статусу донора в последние 15 лет. В Калмыкии активная трудовая миграция населения началась чуть раньше — с конца 1990-х годов.

Интенсивность межрегиональной трудовой миграции зависит не только от показателей экономического развития регионов и ситуации на рынке труда, но и других факторов.

Основной причиной современной пространственной мобильности населения трудоспособного возраста является достаточно серьезные разрывы в региональной дифференциации в доходах и бедности населения, диспропорции на рынках труда.

Миграционная подвижность населения — это живой и естественный процесс, социальная практика, распространенная в современном мире. И в России внутренняя миграция характеризуется все большей открытостью и мобильностью. Для регионов, из которых выбывает трудоспособное население, есть как положительные, так и отрицательные последствия. С точки зрения экономических показателей, как уровень безработицы, уровень бедности населения, выездная трудовая миграция улучшает в какой-то степени социально-экономическую напряженность в регионе. Потери регионов-доноров, особенно, в национальных республиках, связаны с демографией, так как выезжают большей степени лица репродуктивного возраста, а также снижением качества человеческого потенциала, в связи со значительным удельным весом образованного населения среди трудовых мигрантов.

Как было отмечено выше, миграция в данных республиках происходит на фоне разных демографических процессов. В Калмыкии — это депопуляционные процессы, в Туве — это переизбыток трудовых ресурсов. Отток самой активной части населения Калмыкии, а именно молодежи, населения трудоспособного возраста, женщин фертильного возраста, — все это усугубляет демографическую ситуацию в республике.

Существуют также различия в интенсивности миграционных передвижений жителей Тувы и Калмыкии. Население Калмыкии уже несколько десятилетий активно участвует в межрегиональной трудовой миграции по сравнению с интенсивностью миграции тувинцев, что на наш взгляд связано как с территориальной удаленностью Тувы от центральной части страны, которая является основным регионом притяжения мигрантов, так и поздним присоединением к общему социокультурному пространству страны (с 1944 г.) по сравнению с калмыками (1609 г.).

В заключение отметим, что анализ выявил в основном схожие черты миграционного процесса, в который, к сожалению, включается все большее количество населения как из Тувы, так и из Калмыкии. Это в первую очередь экономические обоснования миграции, проблемы социальной адаптации в принимающем социуме с одной стороны и сохранение связи с малой родиной, со своей этнической группой с другой стороны.

Межрегиональная миграционная активность населения Тувы и Калмыкии в ближайшее время будет усиливаться, анализ жизненных стратегий участников интервью, в особенности приобретение жилья в новом месте, указывает на признаки формирования устойчивых этнических диаспор как в больших городах и мегаполисах, так и в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока (в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах, на о. Сахалин в г. Южно-Сахалинск и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский, И. А. (2007) Детерминанты внутренней миграции населения в России : автореф. дисс. ... к. э. н. М. 28 с.
- Анайбан, З. В. (2020) Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // *Sciences of Europe*. № 49. С. 60–62.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (2016) Особенности этнорегиональной миграции в Туве // *Социологические исследования*. № 10. С. 85–92.
- Белоусов, С. С. (2006) Основные тенденции миграционных процессов населения Калмыкии в постсоветский период // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону : Южный научный центр РАН. 517 с. С. 42–44.
- История Тувы (2001) / под общей ред. С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. I. 364 с.
- Кованова, Е. С., Бадмаева, Н. В., Удаев, Р. А., Алексеев, С. Г. (2019) Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии // *Oriental Studies*. № 12(6). С. 1096–1106. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>
- Ламажаа, Ч. К. (2014) Засаянские тувинцы: образ жизни, ценности, идеалы // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 152–165.
- Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф., Казенин, К. И. (2020) Внутренняя миграция как ресурс развития России. Социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. М. : РАНХИГС. 76 с.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства: Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике (1922–1932). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Намруева, Л. В. (2011) Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 2. С. 87–92.
- Намруева, Л. В. (2013) Миграционные установки молодежи Калмыкии // *Вестник Калмыцкого университета*. № 2 (18). С. 64–70.
- Николаева, А. И. (1967) Трудовые ресурсы Тувинской АССР и их использование в народном хозяйстве // *Ученые записки ТНИИЯЛИ*. Вып. XII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 219 с. С. 208–220.
- Рыбаковский, Л. Л. (2020) Миграция населения: учебное пособие для вузов. М. : Юрайт. 480 с.
- Сарыглар, С. А. (2019) Социологический анализ миграционной ситуации в Республике Тыва // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. Т. 2. № 8. С. 233–238.
- Тиникова, Е. Е. (2018) Трансформация городского расселения в национальных республиках Южной Сибири в середине XX — начале XXI века // *Новые исследования Тувы*. № 4. С. 235–257. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>
- Трубин, В., Николаева, Н., Мякишева, С., Хусаинова, А. (2018) Миграция населения в России: тенденции, проблемы и пути решения / *Социальный бюллетень*. М. : Аналитический центр при Правительстве РФ. 54 с.
- Убушаев, М. Б. (2009) Миграционные процессы в республике Калмыкия в постсоветский период // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. № 1. С. 65–69.
- Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2021) Особенности формирования городского расселения в Туве в современный период // *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 137–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>
- Хольшина, М. А. (2010) Анализ миграционных процессов в Республике Тыва // *Актуальные вопросы экономических наук*. № 12–1. С. 218–222.
- Четырова, Л. Б. (2012) Русскоязычие нерусских: истоки и следствия // *Mundo Eslavo*. № 11. Р. 7–19.
- Эльдязева, Н. А., Джамбинова, Е. С., Мучкаев, Д. М. (2011) Анализ внутренней трудовой миграции населения региона // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. № 9–2. С. 115–120.
- Эльдязева, Н. А., Кованова, Е. С. (2018) Выявление и измерение факторов продолжительности трудовой миграции населения (на примере Республики Калмыкия) // *Вопросы статистики*. Т. 25. № 7. С. 40–48.

Дата поступления: 31.08.2021 г.

REFERENCES

- Aleshkovskii, I. A. (2007) *Determinanty vnutrennei migratsii naseleniia v Rossii [Determinants of internal migration of Russia's population]: Abstract of Diss. ... Candidate of Economy*. Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. (2020) *Sovremennaia migratsionnaia situatsiia v Respublike Tyva [Contemporary migration situation in the Republic of Tuva]*. *Sciences of Europe*, no. 49, pp. 60–62. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (2016) *Osobennosti etnoregional'noi migratsii v Tuve [Features of ethno-regional migration in Tuva]*. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 10, pp. 85–92. (In Russ.).

Belousov, S. S. (2006) Osnovnye tendentsii migratsionnykh protsessov naseleniia Kalmykii v postsovet'skii period [The main trends of migration of the population of Kalmykia in the Post-Soviet period]. In: *Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia Iuga Rossii [The current state and ways of developing the South of Russia]*. Proceedings of the regional research conference / ed. by G. G. Matishov. Rostov-na-Donu, Iuzhnyi nauchnyi tsentr RAN. 517 p. Pp. 42–44. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2001) : in 2 vol. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kovanova, E. S., Badmaeva, N. V., Udaev, R. A. and Alekseev, S. G. (2019) Etnokul'turnaia bezopasnost' i problemy sokhraneniia iazyka v Kalmykii i Buriatii [Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia]. *Oriental Studies*, no. 12(6), pp. 1096–1106. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106>

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Trans-Sayan Tuvans: way of living, values and ideals]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 152–165. (In Russ.).

Mkrtschian, N. V., Florinskaia, Yu. F. and Kazenin, K. I. (2020) *Vnutrenniia migratsiia kak resurs razvitiia Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie efekty, izderzhki i ogranicheniia [Internal migration as a resource for Russia's development: Socio-economic effects, costs and limitations]*. Moscow, RANKhIGS. 76 p. (In Russ.).

Mollerov, H. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoj Narodnoj Respublike [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2011) Vliianie migratsii molodezhi na sokhranenie etnichnosti (na primere kalmykov) [The impact of youth migration on the preservation of ethnicity: the case of Kalmyks]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiia*, no. 2, pp. 87–92. (In Russ.).

Namrueva, L. V. (2013) Migratsionnye ustanovki molodezhi Kalmykii [Migration attitudes of young people of Kalmykia]. *Vestnik Kalmyt'skogo universiteta*, no. 2 (18), pp. 64–70. (In Russ.).

Nikolaeva, A. I. (1967) Trudovye resursy Tuvinskoj ASSR i ikh ispol'zovanie v narodnom khoziaistve [Labor resources of the Tuva ASSR and their use in the national economy]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*. Issue XII. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 219 p. Pp. 208–220. (In Russ.).

Rybakovskii, L. L. (2020) *Migratsiia naseleniia [Population migration]: a textbook for universities*. Moscow, Yurait. 480 p. (In Russ.).

Saryglar, S. A. (2019) Sotsiologicheskii analiz migratsionnoi situatsii v Respublike Tyva [Sociological analysis of the migration situation in the Republic of Tuva]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, vol. 2, no. 8, pp. 233–238. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2018) Transformatsiia gorodskogo rasseleniia v natsional'nykh respublikakh Iuzhnoi Sibiri v seredine XX — nachale XXI veka [Transformation of urban settlement in the national republics of southern Siberia in the mid-20th to early 21st century]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 235–257. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.13>

Trubin, V., Nikolaeva, N., Miakisheva, S. and Khusainova, A. (2018) *Migratsiia naseleniia v Rossii: tendentsii, problemy i puti resheniia [Migration in Russia: trends, problems and solutions]*. Moscow, Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve RF. 54 p. (In Russ.).

Ubushaev, M. B. (2009) Migratsionnye protsessy v respublike Kalmykii v postsovet'skii period [Migration processes in the Republic of Kalmykia in the post-Soviet period]. *Vestnik Kalmyt'skogo instituta gumanitarnykh issledovaniia RAN*, no. 1, pp. 65–69. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2021) Osobennosti formirovaniia gorodskogo rasseleniia v Tuve v sovetskii period [Features of urban settlement in Tuva in the Soviet period]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 137–147. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.11>

Khol'shina, M. A. (2010) Analiz migratsionnykh protsessov v Respublike Tyva [Analysis of migration processes in the Republic of Tyva]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*, no. 12–1, pp. 218–222. (In Russ.).

El'diaeva, N. A., Dzhambinova, E. S. and Muchkaev, D. M. (2011) Analiz vnutrennei trudovoi migratsii naseleniia regiona [A study of internal labor migration of the population of the region]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*, no. 9–2, pp. 115–120. (In Russ.).

El'diaeva, N. A. and Kovanova, E. S. (2018) Vyiavlenie i izmerenie faktorov prodolzhitel'nosti trudovoi migratsii naseleniia (na primere Respubliki Kalmykii) [Revealing and measuring the factors of the duration of labor migration: the case of the Republic of Kalmykia]. *Voprosy statistiki*, vol. 25, no. 7, pp. 40–48. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. (2012) Russkoiazychie nerusskikh: istoki i sledstviia [Russian-speaking non-Russians: origins and consequences]. *Mundo Eslavo*, no. 11, pp. 7–19. (In Russ.).

Submission date: 31.08.2021.

DOI: 10.25178/nit.2021.4.15

Статья

Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан

Рим М. Валиахметов

Башкирский государственный университет, Российская Федерация,

Гузель Р. Баймурзина

Башкирский филиал ФНИСЦ РАН; Башкирский государственный университет, Российская Федерация,

Марсель С. Туракаев

Башкирский государственный университет; Башкирский филиал ФНИСЦ РАН, Российская Федерация,

Анна Д.-Б. Самба

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Российская Федерация

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей занятости в двух республиках Российской Федерации — Башкортостане и Туве. Они отличаются друг от друга, в том числе структурой экономики, темпом модернизации, человеческому потенциалу, этническому составу населения. Тем не менее, обе являются республиками с титульным этносом и обладают выраженными этносоциальными особенностями развития. Анализируются этносоциальные особенности занятости населения республики, трудовой мобильности, в том числе выявляемые в оценках самих жителей. Источниковой базой выступают статистические данные, а также материалы социологического исследования авторов «Этносоциальные особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации», проведенного в обеих республиках в 2021 г. Выборка репрезентативная.

Выяснилось, что жители Тувы сравнительно больше ценят этническую принадлежность, чем жители Башкортостана. Ценность и важность этнической принадлежности для жителей Тувы и Башкортостана падает заметно, если их трудовая занятость осуществляется в условиях неустойчивой, временной работы. Ценность этнической принадлежности связана с уверенностью в устойчивости своей позиции на рынке труда. Жители Тувы, уверенные в том, что не потеряют свою работу, чаще заявляют о важности своей национальности, чем респонденты из Башкортостана.

Этническая принадлежность, по мнению опрошенных жителей двух республик, влияет на возможности расширения образовательных стратегий, успешного трудоустройства и хорошо оплачиваемой работы, а также на возможность открыть и вести свое дело. По мнению респондентов, возможности для карьерного роста и повышения своей квалификации сравнительно выше в Республике Башкортостан, чем в Республике Тува. При этом башкиры меньше удовлетворены возможностями развития в трудовой сфере, чем представители других национальностей Башкортостана. Тувинцы больше довольны возможностями карьерного роста, чем русские Республики Тува, однако здесь и русские, и тувинцы одинаково оценивают перспективы получения образования и повышения своей квалификации.

Ключевые слова: занятость; этносоциальный фактор; трудовой статус; уровень жизни; социальная структура; социокультурный фактор; Республика Тува; Республика Башкортостан; тувинцы; башкиры; русские Тувы

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.).

Для цитирования:

Валиахметов Р. М., Баймурзина Г. Р., Туракаев М. С., Самба А. Д.-Б. Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. 2021, № 4. С. 206-222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Валиахметов Рим Марсович — кандидат социологических наук, декан факультета философии и социологии, ведущий научной лабораторией социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Тел.: +7 (963) 898-61-48. Эл. адрес: rim_m_sifat@inbox.ru

Баймурзина Гузель Римовна — кандидат экономических наук, директор Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; ведущий специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований, Башкирского государственного университета. Адрес: 450005, Россия, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1. Тел.: +7 (917) 755-99-74. Эл. адрес: guzrim@mail.ru

Туракаев Марсель Салаватович — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета; старший научный сотрудник Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. Адрес: 450076, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4. Тел.: +7 (965) 656-28-82. Эл. адрес: mturakaev@gmail.com

Самба Анна Демир-Бадыровна — младший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Тел.: +7 (995) 550-56-56. Эл. адрес: sundui2012@yandex.ru

Ethnic and Social Features of Employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan

Rim M. Valiakhmetov

Bashkir State University, Russian Federation,

Guzel R. Baimurzina

Bashkir Branch of the FCTAS RAS; Bashkir State University, Russian Federation,

Marcel S. Turakayev

Bashkir State University; Bashkir Branch of the FCTAS RAS, Russian Federation,

Anna D.-B. Samba

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Russian Federation

The article deals with a comparative analysis of the features of employment in two republics of the Russian Federation — Bashkortostan and Tuva. They differ from each other in the structure of the economies, the pace of modernization, human potential, and the ethnic composition of the population. Nevertheless, they both are republics with titular ethnic groups, and they have overt ethnic and social characteristics of the development. The authors analyze the ethnic and social features of the population's employment in the republics and of labor mobility, including those revealed in assessments of the residents. The source base of the research comprises statistical data and materials of the authors' sociological survey "Ethnic Features of Human Potential Development in the Economies of the Republics of the Russian Federation" that was conducted in both republics in 2021. The sample was representative.

It has turned out that residents of Tuva estimate their ethnicity comparatively higher than the people of Bashkortostan. The value and significance of ethnicity for inhabitants of Tuva and Bashkortostan decline considerably if they work in precarious employment conditions (casual labor). The value of ethnicity is connected with confidence in the sustainability of one's position in the labor market. Residents of Tuva who are sure that they will not lose their jobs declare the significance of their nationality more often than respondents from Bashkortostan.

In the opinion of the respondents from the two republics, ethnic background affects the possibilities for expanding educational strategies, a successful employment, a well-paid job and an opportunity to start and run a small business. According to the respondents, opportunities for career growth and professional development are relatively higher in the Republic of Bashkortostan than in the Republic of Tuva. At the same time, the Bashkirs are less satisfied with their opportunities for development in the labor sphere than representatives of other nationalities of Bashkortostan. The Tuvans are more pleased with their career opportunities than the Russians in the Republic of Tuva, but both the Russians and Tuvans equally assess the prospects for acquiring an education and improving their qualifications.

Keywords: employment; ethnic and social factor; labor status; standard of living; social structure; sociocultural factor; Republic of Tuva; Republic of Bashkortostan; Tuvans; Bashkirs; Russians in Tuva

Financing

The article was prepared within the framework of the Program of Fundamental and Applied Research "Ethnocultural Diversity of Russian Society and Consolidation of the All-Russian Identity" (2020–2022).

For citation:

Valiakhmetov R. M., Baimurzina G. R., Turakayev M. S. and Samba A. D.-B. Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and Social Features of Employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, 2021, no. 4, pp. 206-222 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

VALIAKHMETOV, Rim Marsovich, Candidate of Sociology, Dean, Faculty of Philosophy and Sociology; Head, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (963) 898-61-48. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-8875-5197

BAIMURZINA, Guzel Rimovna, Candidate of Economics, Director, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Leading Specialist, Scientific Laboratory of Social and Demographic Research, Bashkir State University. Postal address: 20/1, 50th Anniversary of October St., 450005 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (917) 755-99-74. E-mail: guzrim@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1844-2689

TURAKAYEV, Marcel Salavatovich, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Faculty of Philosophy and Sociology, Bashkir State University; Senior Researcher, Bashkir Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 3/4 Karl Marx St., 450076 Ufa, Russian Federation. Tel.: +7 (965) 656-28-82. E-mail: mturakaev@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-2449-6605

SAMBA, Anna Demir-Baadyrovna, Junior Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences. Postal address: Bldg. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St., 117218 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (995) 550-56-56. E-mail: sundui2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6525-2442

Введение

Современный этап социально-экономического развития России характеризуется неравномерностью в региональном аспекте, обусловленной в том числе этносоциальными и этнокультурными особенностями каждого региона. Так, Н. И. Лапин, один из ведущих российских исследователей социокультурной модернизации страны, убедительно доказывает необходимость изучения и учета социокультурных характеристик и особенностей регионов для наращивания и максимально эффективного использования человеческого потенциала каждого жителя страны (Лапин, 2014: 11). С этой точки зрения, например, реализация в Туве проектов «Кыштаг — для молодой семьи»¹; «Одно село — один продукт»²; «Корова — кормилица»³, направленные на поддержку сельского хозяйства и животноводства, традиционного в регионе, являются примером учета региональной специфики, механизмом вовлечения жителей села в экономические отношения и эффективного использования человеческого потенциала. Немало таких примеров и в Республике Башкортостан, где имеются региональные программы по развитию пчеловодства и бортничества, коневодства и кумысолечения.

Республика Тува и Республика Башкортостан существенно отличаются друг от друга по разным параметрам: по природно-климатическим условиям развития, экономико-географическому положению, структуре экономики, темпам модернизации, человеческому потенциалу и др. Республика Башкортостан относится к средне развитым регионам с опорой на добывающую промышленность, в то время как Республика Тува относится к регионам с уровнем модернизации ниже среднего⁴. Башкортостан — полиэтничный регион, в котором примерно в одинаковых пропорциях представлены три наиболее многочисленных этноса — башкиры (29,5%), татары (25,4%) и русские (36,0%)⁵. Республика Тува по своему этническому составу больше моноэтническая с преобладанием коренного населения — тувинцев (82%)⁶.

Республики Тува и Башкортостан выбраны для сравнения, исходя из авторского подхода к двум субъектам как к «двум разным полюсам» развития, позволяющим в сопоставлении получать больший объем надежной информации для научного анализа. Соответственно, для научного знания актуальным становится изучение этносоциальных особенностей как каждой из республик в отдельности, так и в соотношении с другими регионами, а также с общероссийскими тенденциями.

Целью данной работы является выявление этносоциальных особенностей — общего и различного — в основных видах экономической деятельности и занятости населения в республиках Тува и Башкортостан.

Объектом исследования является трудоспособное население республик, предметом — этносоциальные особенности его занятости, трудовой мобильности, в том числе выявляемые в оценках самих жителей республик.

¹ В Туве заработает антикризисный проект под названием «Кыштаг для молодой семьи» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/agriculture/21722/ (дата обращения: 11.09.2021).

² Одно село — один продукт — 2015: итоги, победители, прибыль [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/economy/21376/ (дата обращения: 11.09.2021); Глава Тувы направил проект «Одно село — один продукт» по пути создания аграрных кластеров [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/agriculture/12981/ (дата обращения: 11.09.2021).

³ Информация о ходе реализации социального проекта «Корова-кормилица» [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru/press_center/news/municipalities/37367/ (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н. И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с. С. 40 [Электронный ресурс] // Институт философии РАН. URL: https://iphras.ru/upfile/scult/analit/atlas_regionov.pdf (дата обращения: 20.09.2021).

⁵ Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2012. С. 30. [Электронный ресурс] // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. URL: [https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Национальный+состав+населения+Республики+Башкортостан\(1\).pdf](https://bashstat.gks.ru/storage/mediabank/Национальный+состав+населения+Республики+Башкортостан(1).pdf) (дата обращения: 15.09.2021).

⁶ Национальный состав населения Республики Тыва [Электронный ресурс] // Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасии и Республике Тыва. URL: <https://krasstat.gks.ru/storage/mediabank/Статья.htm> (дата обращения: 04.09.2021).

Соответственно источниковой базой исследования выступают официальные, опубликованные статистические данные, а также материалы социологического исследования, проведенного авторами статьи в обеих республиках в 2021 г. Исследование «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках республик Российской Федерации» было реализовано в рамках всероссийской Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» (2020–2022 гг.) в мае-июне (в Туве) и сентябре 2021 г. (в Башкортостане). Объем выборки в Республике Тува составил 1 176 чел., в Республике Башкортостан — 1 184 чел. Метод сбора данных: анкетирование с помощью бумажных анкет и при помощи веб-ссылки на электронную анкету; платформа для опросов Simple Forms позволяла отслеживать поступающие анкеты и осуществлять контроль качества данных. Использовалась стратифицированная выборка по типу населенного пункта с квотированием по полу, возрасту, образованию и национальности респондентов, что обеспечивает валидность и репрезентативность выборки.

Обзор литературы

Теоретико-методологическая база исследования основывалась на работах Л. М. Дробижевой, в которых решаются методологические проблемы изучения этничности, этносоциальных процессов и формулируются подходы к решению сложных задач по преодолению этносоциального неравенства. Особую ценность имеют труды, посвященные изучению этнических процессов в национальных республиках Российской Федерации (*Социальное неравенство ...*, 2002; *Дробижева*, 2021).

Возможности интеграции этнических практик и традиций в экономику региона и «эффективного использования этнического потенциала» рассматриваются в работе Е. Ю. Перовой (*Перова*, 2016). В. Р. Маркарян на примере Кубани аргументирует значимость этнокультурного разнообразия и историко-культурного наследия народов, которые способствуют развитию туризма, росту уровня занятости и общей привлекательности региона (*Маркарян, Мурашко*, 2016). Влияние традиций народов и культур как один из главных факторов развития предпринимательства рассматривает Г. М. Аветов (*Аветов*, 2010). О. В. Печура выделяет такие этнические факторы экономики, как традиционная экономическая деятельность, предпринимательство и гуманитарное измерение экономики (образование, самореализация, творческие способности личности) (*Печура*, 2009).

В рамках рассматриваемой темы мы выделяем исследования, в которых рассматриваются вопросы влияния этнокультурного разнообразия на экономический рост. Ю. В. Попков и Е. А. Тюгашев отмечают примеры этнически гомогенных стран и этнически гетерогенных стран и регионов, которые экономически успешны (*Попков, Тюгашев*, 2018: 8–27). Этнические и национальные особенности моделей менеджмента рассматриваются К. В. Павловым. Однако под этническими особенностями автор понимает не столько национальную принадлежность, сколько общие исторические и психологические характерные черты народов и стран, которые определяют их экономическое поведение (*Павлов*, 2016).

Есть и другие мнения. Академик В. А. Тишков полагает, что социальная и экономическая культуры больше влияют на экономическое развитие, нежели этнические факторы. Личностные особенности имеют большее значение, чем особенности этноса и народа. Вместе с тем, он признает, что этническое самосознание повышает самооценку и мобилизует личностные ресурсы. Также ученый отмечает, что этническое и культурное многообразие оказывает положительное влияние на экономику, поскольку расширяет мировоззрение людей и обогащает социальную практику в разных областях (*Тишков*, 2005: 20–37).

Современным этносоциальным и этнокультурным проблемам, отдельным ее аспектам, особенностям их проявления в Республике Тыва, а также вопросам реализации национальной политики государства, посвящены целый ряд публикаций, позволяющих глубже понимать и оценивать социально-трудовую и социокультурную сферы региона, в их числе работы Г. Ф. Балакиной, З. В. Анайбан, С. П. Тютенева, А. Ч. Кылгыдай, Т. Ю. Гусакова, Ю. В. Попкова, Г. И. Поподько, А. Р. Салчака, Л. Б. Четыровой, И. С. Тарбастаевой и других авторов (*Балакина, Анайбан*, 1995; *Балакина*, 1996; *Анайбан, Тютенева*, 2008; *Балакина*, 2011; *Балакина, Кылгыдай*, 2015; *Поподько*, 2017; *Тарбастаева*, 2018; *Гусаков*, 2019; *Четырова*, 2019; *Попков*, 2020; *Салчак*, 2020).

Проблемам труда и занятости в Республике Тува в последние годы посвящены исследования авторского коллектива под руководством З. Т. Голенковой. Социально-стратификационные процессы

в Республике Тува анализируются и оцениваются в контексте неравенства в социально-трудовом пространстве региона. Социальное неравенство в трудовой сфере республики рассматривается как «дуальная» система организации труда и занятости населения (Голенкова, Самба, 2019; Социально-стратификационные ... , 2020). Они также отмечают рост количества самозанятых в Республике Тыва, особенно в традиционных формах занятости среди населения (например, чабаны, табунщики, оленеводы и др.). Одновременно они вполне справедливо задаются вопросом: «учитываются ли эти формы занятости в официальной статистике» и еще раз подчеркивают, что причины безработицы и «отсутствие желания найти работу» (Социально-стратификационные ... , 2020: 13) среди населения может быть связано с национальными особенностями и традиционными ценностями населения республики.

Социально-экономические, трудовые, демографические, политические и социокультурные особенности этнических сообществ Республики Башкортостан, а также проблемы социального неравенства, дифференциации и другие вопросы, касающиеся этнических факторов поведения населения, рассмотрены в работах Дж. М. Гилязитдинова, Г. Т. Галиева, Р. М. Валиахметова, С. Х. Кадырова, Ф. Б. Латыповой, Р. И. Ирнарарова, Ф. С. Файзуллина, Д. Г. Ягафаровой и др. (Галиев, Гилязитдинов, Латыпова, 1994; Валиахметов, Кадыров, Ягафарова, 2013: 62; Ирнараров, 1997, 2015; Файзуллин Ф., Файзуллин Т., 2014; Социальное неравенство ... , 2002: 300–319).

В докладе 2015 г. «Труд, занятость и человеческое развитие: Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан» авторы анализируют вопросы рождаемости, семьи, образа и уровня жизни, миграции, экономической и трудовой активности в том числе через призму этнического состава населения (Труд, занятость ... , 2015: 256). В частности, выявлено, что малые и средние предприятия в области социального предпринимательства сравнительно чаще в республике Башкортостан возглавляют представители других этнических групп.

В целом мы отмечаем дефицит исследований в области занятости этнических групп, особенностей реализации их трудового потенциала, что частично объясняется отсутствием соответствующей статистики, сравнительных региональных исследований. Например, сравнение ситуации в Республике Тува (далее — РТ) и Республике Башкортостан (далее — РБ) еще не производилось, что определяет новизну данной работы.

Общая характеристика сфер труда и занятости в республиках

Доля населения трудоспособного возраста в республиках различается всего на один процент по данным за 2019 год (55,8% в РБ, 54,8% в РТ), однако доля занятых в экономике Башкортостана составляет 71,1% от численности населения трудоспособного возраста, а в Тыве — 56,3% (это самый низкий показатель по стране)¹. При этом уровень неформальной занятости по данным Росстата за 2019 год в РТ (21,5%) был ниже, чем в РБ (24,7%)². Это, вероятнее всего, свидетельствует о том, что значительная доля сельского населения Республики Тува придерживается традиционного образа жизни и слабо взаимодействует с экономическими субъектами, институтами труда, занятости и социальной защиты населения.

Промышленность Республики Тува имеет преимущественно сырьевую направленность, приносящую при этом довольно значимый доход региону, но не обеспечивающую занятость населения. Так, по данным за 2019 г. добыча полезных ископаемых составила практически четверть валовой добавленной стоимости всех отраслей региональной экономики — 24,9% (обрабатывающие производства — 0,7%). В Республике Башкортостан основу экономики региона составляет обрабатывающая промышленность, доля которой в региональном валовом продукте 35.1% (добыча полезных ископаемых для сравнения: 3,2%)³.

¹ Расчеты авторов по данным Росстата. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.09.2021).

² Обследование рабочей силы. 2020 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Там же. С. 496.

Удельный вес городского населения РТ составляет около 53,1%, сельского — 46,9% (Социально-стратификационные ..., 2020: 10). Тем не менее, доля сельского населения, с преобладанием коренного населения – тувинцев, низкая плотность автомобильных дорог с твердым покрытием (21 км / 1000 км²; 310 км / 1000 км²) и другие факторы определяют сохранение в Республике Тува традиционных видов хозяйствования. При этом отсутствие налаженных каналов сбыта продукции традиционного животноводства в самой республике, а также в другие регионы России существенно сдерживает развитие как самой отрасли, так и региона и его рынка труда. В условиях низкой заработной платы, невысокой покупательной способности населения, сельское хозяйство развивается очень медленно (Самба, 2020).

Уровень трудовой занятости среди населения Республики Башкортостан выше, чем среди населения Республики Тува (таб. 1).

Несмотря на декларируемую приоритетность развития сельскохозяйственной отрасли в РТ, ее доля в структуре ВРП довольно мала и сокращается (5,4% в 2019 г.) — в пять раз ниже доли добывающей промышленности. В сельском хозяйстве региона работает около 7,2% населения, в то время как в сфере добычи полезных ископаемых занято всего 3,8%. Обрабатывающие производства развиты очень плохо и создают лишь 3,4% ВРП региона. Подавляющая часть работающего населения концентрируется в секторе услуг, преимущественно в бюджетных отраслях здравоохранения, образования и предоставления социальных услуг (35,1%). Бюджетные отрасли формируют около 43% валового регионального продукта. Такая структура занятости и ВРП являются свидетельством неразвитости экономики и высокой зависимости от федеральных трансфертов.

В Республике Башкортостан в сферах торговли (18,7%), предоставлении прочих видов услуг (15,9%) и обрабатывающих производствах (15,4%) — наибольшая доля занятых. В добывающей промышленности всего 2,3%. Однако специфика республики заключается в том, что Башкортостан занимает 3-е место среди субъектов РФ по абсолютному числу межрегиональных трудовых мигрантов по данным за 2019 год. И большая часть из них трудится в добывающей промышленности. А в процентном отношении к численности занятого населения региона РБ находится на 11-м месте среди всех регионов страны по числу временных трудовых мигрантов¹. Бюджетные отрасли в РБ создают 21,7% ВРП.

Таблица 1. Занятость населения по видам экономической деятельности в Республиках Тува и Башкортостан, 2019 г.²

Table 1. Employment of the population by type of economic activity in the Republics of Tuva and Bashkortostan, 2019.

Отрасли экономики (виды экономической деятельности)	Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности (в % от общей численности занятых)			Отраслевая структура видов экономической деятельности (в текущих основных ценах, в % к итогу)		
	РФ	РБ	РТ	РФ	РБ	РТ
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	6,7	7,1	7,2	4,3	6	5,4
Добыча полезных ископаемых	1,6	2,3	3,8	14,8	3,2	24,9
Обрабатывающие производства	14	15,4	3,4	18	35,1	0,7

¹ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf (дата обращения: 15.09.2021).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 15.09.2021).

Отрасли экономики (виды экономической деятельности)	Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности (в % от общей численности занятых)			Отраслевая структура видов экономической деятельности (в текущих основных ценах, в % к итогу)		
	РФ	РБ	РТ	РФ	РБ	РТ
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,3	2,3	2,1	3,1	2,6	2,2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1	1	0,8	0,6	0,8	0,2
Строительство	9	9,7	4,1	5,6	6,2	5,8
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	19	18,7	13,6	15,8	13,7	6,4
Транспортировка и хранение	7,6	6,3	3,5	7,6	6,1	1,8
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,5	2,8	2,2	1	1,1	0,6
Деятельность в области информации и связи	2,1	1,7	1,2	3	2,2	2,1
Деятельность финансовая и страховая				0,5	0,3	0,2
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,7	2,8	1,2	6,5	3,9	4,8
Деятельность профессиональная, научная и техническая	–	–	–	4,4	4,3	0,7
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	–	–	–	2,5	1,9	0,7
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	–	–	–	4,7	3,6	17
Образование	7,6	7,4	23	3,1	3,8	12
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	6,2	6,7	12,1	3,9	4,2	12,7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	–	–	–	0,9	0,5	1,5

Отрасли экономики (виды экономической деятельности)	Распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности (в % от общей численности занятых)			Отраслевая структура видов экономической деятельности (в текущих основных ценах, в % к итогу)		
	РФ	РБ	РТ	РФ	РБ	РТ
Предоставление прочих видов услуг	17,8	15,9	21,8	0,5	0,5	0,3
Итого	100	100	100	100	100	100

В Башкортостане более равномерное распределение численности занятых по отраслям экономики, чем в Туве. Почти половина занятых в Туве сконцентрирована в бюджетных сферах экономики. В РБ, по сравнению с РТ, гораздо больше занятых в обрабатывающей промышленности и меньше занятых в бюджетных отраслях экономики. В Башкортостане большая часть ВРП приходится на коммерческий сектор экономики. В Туве примерно половину ВРП производит коммерческий и примерно половину — бюджетный сектор.

Этническая идентичность и занятость

В целом по данным нашего исследования, оказалось, что в Республике Тыва 58,7% респондентов имеют работу и 41,3% — не имеют (таб. 2)¹. В Республике Башкортостан 76% респондентов работают и 24% — не работают. При этом, по состоянию здоровья не работают 8% опрошенных жителей РБ и 10% — жителей РТ. 22% респондентов из Башкортостана и 8% респондентов из Тувы ответили, что «не работают, так как обеспечены всем необходимым».

Не могут найти работу по специальности 5% опрошенных РБ и 7% опрошенных местных жителей РТ; работу с хорошей зарплатой не могут найти 10% респондентов РБ и 12% респондентов РТ; работу с подходящим графиком — 12% респондентов из РБ и 11% — из РТ. Остальные респонденты отметили другие причины незанятости или затруднились ответить.

Таблица 2. Трудовой статус в зависимости от этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува, % от всех ответивших

Table 2. Labor status depending on ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva, % of all respondents.

Национальность	Имею постоянную работу	Имею временную работу	Не работаю	Всего по строке
<i>Республика Башкортостан</i>				
Башкир (-ка)	60,0	16,1	23,9	100,0
Русский (-ая)	62,5	12,7	24,8	100,0
Татарин (-ка)	57,3	15,6	27,1	100,0
Другая	76,1	6,5	17,4	100,0
Всего	60,9	14,2	24,9	100,0
<i>Республика Тыва</i>				
Тувинец (-ка)	44,7	7,5	47,8	100,0
Русский (-ая)	55,5	5,9	38,6	100,0
Другая	55,3	10,6	34,1	100,0
Всего	46,7	7,6	45,7	100,0

¹ В этой и последующих таблицах в группе этносов не расшифровываются «другая», т. к. их численность значительно меньше, чем указанных.

Причины отсутствия работы у неработающего населения Тувы и Башкортостана понимаются опрошенными по-разному. Среди населения Башкортостана в два раза меньше доля тех, кто ответил, что не работает по причине самозанятости, чем среди населения Тувы (5% против 10% соответственно).

Теперь рассмотрим, как соотносят этническую принадлежность с вопросами занятости и перспектив трудоустройства наши респонденты. Этот ракурс важен для понимания степени сохранения или, наоборот, исчезновения/нивелирования предрасположенности отдельных этнических групп к определенным видам экономической деятельности. Есть еще одна немаловажная сторона поставленного вопроса, ответ на который позволил бы прояснить, насколько этническая идентификация человека связана с его трудоустройством и устойчивостью на рынке труда.

Временно трудоустроенные жители Башкортостана и Тувы гораздо меньше ценят этническую принадлежность в сравнении с респондентами, имеющими постоянную работу и неработающими опрошенными жителями двух республик (табл. 3)¹. Процент ответов по категориям «очень важна» и «скорее важна» для постоянных работников из Башкортостана составляет 37,3%, а для временных работников из данной республики – 24,4%. По Республике Тува сумма процентов по ответам «очень важна» и «важна» для постоянных работников оставляет 65,9%, и сумма ответов по данным категориям для временных работников – 51,2%. В то же время среди временных работников из обеих республик процент тех, кто ответил, что этническая принадлежность «скорее не важна» и «совершенно не важна» больше, чем среди постоянных работников. В данном случае важность этничности снижается заметно, если человек работает в условиях неустойчивой занятости. При этом жители Тувы больше ценят этническую принадлежность в целом, чем жители Башкортостана.

Таблица 3. Распределение трудовых позиций в зависимости от оценки степени важности этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува, % от всех ответивших
Table 3. Distribution of labor statuses depending on the degree of significance of ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva, % of all respondents.

Трудовой статус	Очень важна	Скорее важна, чем не важна	Не думал об этом, мне все равно / И важна, и не важна примерно равно	Скорее не важна	Совершенно не важна	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
<i>Республика Башкортостан</i>							
Имею постоянную работу	13,9	23,4	27,1	12,3	18,6	4,7	100
Имею временную работу	13,7	10,7	26,7	14,9	28,0	6,0	100
Не работаю	12,9	24,1	23,1	12,2	23,6	4,1	100
Всего	13,6	21,8	26,0	12,7	21,2	4,7	100
<i>Республика Тува</i>							
Имею постоянную работу	48,6	17,3	13,9	7,0	8,7	4,5	100
Имею временную работу	31,0	20,2	14,3	8,3	19,1	7,1	100
Не работаю	37,4	22,8	13,6	6,7	11,5	8,0	100
Всего	42,2	20,1	13,7	7,0	10,7	6,3	100

¹ Вопрос «Насколько для Вас важна Ваша национальность, национальная принадлежность?»

Субъективная оценка вероятности потерять свою работу или страх потерять свою работу не очень сильно взаимосвязаны с этнической самоидентификацией в обеих рассматриваемых республиках (табл. 4). В целом жители Башкортостана больше опасаются потерять свою работу. А среди жителей Тувы больше доля респондентов, которые затруднились ответить, т. е. находились в пограничном состоянии своей оценки вероятности или страха потерять работу.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, можете ли Вы / боитесь ли Вы потерять источник своего дохода (работу или собственное дело)?» в зависимости от этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува, % от всех ответивших

Table 4. Distribution of answers to the question “Do you think you may lose / are afraid of losing the source of your income (job or your own business)?” depending on ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva, % of all respondents.

Национальность	Нет, думаю, это маловероятно	Да, это вполне вероятно	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
<i>Республика Башкортостан</i>				
Башкир (-ка)	53,3	32,2	14,5	100
Русский (-ая)	55,5	33,3	11,2	100
Татарин (-ка)	51,0	43,1	5,9	100
Другая	55,2	39,5	5,3	100
Всего	53,6	35,9	10,5	100
<i>Республика Тува</i>				
Тувинец (-ка)	50,5	27,7	21,8	100
Русский (-ая)	45,2	27,4	27,4	100
Другая	46,4	21,4	32,2	100
Всего	49,4	27,0	23,6	100

Жители Тувы, которые уверены в том, что будут работать на своей нынешней трудовой позиции, выше ценят свою этническую принадлежность, чем те опрошенные местные жители, которые заявили о возможной потере своей работы (табл. 5). Среди жителей Башкортостана картина обратная: ценят свою этническую принадлежность в большей мере респонденты, которые боятся потерять свою работу или свое дело. Это говорит о том, что связь ценности своей этнической идентификации с устойчивостью на рынке труда в Башкортостане слабее, чем в Туве.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, можете ли Вы / боитесь ли Вы потерять источник своего дохода (работу или собственное дело)?» в зависимости от степени важности этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува, % от всех ответивших

Table 5. Distribution of answers to the question “Do you think you may lose / are afraid of losing the source of your income (job or your own business)?” depending on the degree of significance of ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva, % of all respondents

Вероятность потерять работу	Очень важна	Скорее важна, чем не важна	Не думал об этом, мне все равно/ И важна, и не важна примерно равно	Скорее не важна	Совершенно не важна	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
<i>Республика Башкортостан</i>							
Нет, думаю, это маловероятно	11,5	20,8	29,3	11,1	22,9	4,4	100

Вероятность потерять работу	Очень важна	Скорее важна, чем не важна	Не думал об этом, мне все равно/ И важна, и не важна примерно равно	Скорее не важна	Совершенно не важна	Затрудняюсь ответить	Всего по строке
<i>Республика Башкортостан</i>							
Да, это вполне вероятно	17,9	23,2	26,3	16,3	12,8	3,5	100
Затрудняюсь ответить	11,8	15,1	17,2	9,7	33,3	12,9	100
Всего	13,8	21,0	27,0	12,8	20,4	5,0	100
<i>Республика Тыва</i>							
Нет, думаю, это маловероятно	48,8	20,6	11,5	6,9	6,9	5,3	100
Да, это вполне вероятно	40,4	18,1	17,5	7,8	12,0	4,2	100
Затрудняюсь ответить	47,0	11,3	15,2	7,3	14,6	4,6	100
Всего	46,2	17,7	14,0	7,2	10,0	4,9	100

Жители Тувы чаще жителей Башкортостана считают, что этническая принадлежность оказывает влияние на возможность получить качественное образование, медицинскую помощь, хорошо оплачиваемую работу, а также открыть и вести свое дело (табл. 6).

Среди этнических сообществ двух республик значимость этнической принадлежности в получении хорошо оплачиваемой работы отмечают в сравнительно большей мере русские из Башкортостана, а также тувинцы и русские из Тувы. Башкиры в меньшей степени полагают, что этническая принадлежность влияет на возможность получить хорошо оплачиваемую работу. Респонденты считают, что этническая принадлежность влияет на возможность для открытия своего дела. На это больше указывают тувинцы из Тувы и русские из Республики Башкортостан. Русские, живущие в Башкортостане, также гораздо чаще представителей других этносов из обеих республик указывают на высокую степень влияния этнической принадлежности на возможность занимать высокие должности в органах власти и управления.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, влияет ли национальная принадлежность человека на следующие стороны жизни и возможности в Вашей республике?» в зависимости от этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува

Table 6. Distribution of answers to the question “In your opinion, does a person’s nationality affect the following aspects of life and opportunities in your republic?” depending on ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva

Возможности	Башкир (-ка)	Русский (-ая)	Татарин (-ка)	Другая	Всего по РБ	Тувинец (-ка)	Русский (-ая)	Другая	Всего по РТ
На возможность получить качественное образование	2,55	2,43	2,5	2,43	2,48	2,33	2,34	1,99	2,27
На возможность получить качественную медицинскую помощь	2,72	2,58	2,59	2,48	2,62	2,34	2,4	2,09	2,29

На возможность получить хорошо оплачиваемую работу	2,43	2,26	2,39	2,32	2,35	2,24	2,25	2,01	2,2
На возможность открыть и вести свое дело (бизнес)	2,51	2,41	2,49	2,21	2,45	2,31	2,45	2,24	2,29
На возможность занимать высокие должности в органах власти и управления	2,34	2,14	2,32	1,9	2,24	2,3	2,31	2,29	2,28

Прим.: средние оценки: 1 — влияет значительно, 2 — влияет не значительно, 3 — не влияет.

Респонденты из Башкортостана больше удовлетворены перспективами карьеры, повышения образования и квалификации, чем респонденты из Тувы (табл. 7). Среди жителей Республики Башкортостан русские больше всех удовлетворены перспективами своей карьеры и служебного роста, а башкиры — меньше всех. При этом башкиры также меньше остальных представителей этносов своего региона проживания удовлетворены возможностями для учебы и повышения квалификации.

В Республике Тува, в свою очередь, тувинцы больше удовлетворены перспективами карьерного роста, чем русские. В оценках уровня удовлетворенности возможностями для учебы и повышения квалификации тувинцы и русские из Тувы солидарны.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены в настоящее время следующими сторонами своей жизни?» в зависимости от этнической принадлежности по республикам Башкортостан и Тува

Table 7. Distribution of answers to the question “How satisfied are you with the following aspects of your life at the present time?” depending on ethnicity in the Republics of Bashkortostan and Tuva

Стороны жизни	Башкир (-ка)	Русский (-ая)	Татарин (-ка)	Другая	Всего по РБ	Тувинец (-ка)	Русский (-ая)	Другая	Всего по РТ
Материальным положением	1,95	2,03	2,11	1,98	2,04	2,21	2,28	2,05	2,16
Жилищными условиями	1,67	1,63	1,70	1,59	1,67	2,02	1,94	1,84	1,97
Возможностями для учебы, повышения квалификации	1,86	1,80	1,81	1,76	1,82	2,10	2,11	2,03	2,05
Перспективами карьеры, служебного роста	2,03	1,92	1,96	1,81	1,96	2,18	2,25	2,10	2,17
Возможностями для поддержания своего здоровья	1,82	1,95	2,03	1,79	1,94	2,14	2,24	1,95	2,12
Возможностями для отдыха, развлечений	1,98	2,03	2,06	1,76	2,02	2,24	2,32	2,22	2,23
Своей жизнью в целом	1,56	1,61	1,67	1,61	1,62	1,88	1,94	1,72	1,84

Прим.: средние оценки: 1 — вполне удовлетворен, 2 — частично удовлетворен, 3 — не удовлетворен.

Для выявления этносоциальных особенностей занятости населения в республиках Тува и Башкортостан нами были отобраны два ключевых индикатора — этническая идентичность и ценность национальной принадлежности. Выяснилось, что жители Тувы сравнительно больше ценят этническую принадлежность в целом, чем жители Башкортостана. Ценность и важность этнической принадлежности для жителей Тувы и Башкортостана падает заметно, если их трудовая занятость осуществляется в условиях неустойчивой занятости (временной работы). Ценность этнической при-

надлежности связана с уверенностью в устойчивости своей позиции на рынке труда. Жители Тувы, уверенные в том, что не потеряют свою работу, чаще заявляют о важности своей национальности, чем респонденты из Башкортостана.

Этническая принадлежность, по мнению опрошенных жителей двух республик, влияет на возможности расширения образовательных стратегий, успешного трудоустройства и хорошо оплачиваемой работы, а также на возможность открыть и вести свое дело. По мнению респондентов, возможности для карьерного роста и повышения своей квалификации сравнительно выше в Республике Башкортостан, чем в Республике Тува. При этом башкиры меньше удовлетворены возможностями развития в трудовой сфере, чем представители других национальностей Башкортостана. Тувинцы больше довольны возможностями карьерного роста, чем русские Республики Тува, однако здесь и русские, и тувинцы одинаково оценивают перспективы получения образования и повышения своей квалификации.

Заключение

Сравнительный анализ этносоциальных особенностей занятости в двух республиках Российской Федерации — Башкортостане и Туве — показал следующее. Несмотря на существенные различия по природно-климатическим условиям, географическому положению, структуре экономики, темпам модернизации и человеческому потенциалу в обеих республиках есть общее — ярко выраженные этнические особенности занятости населения. Этническая принадлежность и другие этнодифференцирующие признаки продолжают влиять на целый ряд возможностей населения, включая установки на определенные виды занятости.

Разумеется, этнический состав населения и предрасположенность отдельных этнических общностей к отдельным видам экономической деятельности не являются определяющими факторами социально экономического развития республик. Наиболее значимыми отраслями экономики Башкортостана по доле ВРП и занятости являются обрабатывающие производства, торговля и сектор услуг. В Республике Тува большая часть занятых работает в сферах образования, здравоохранения, торговле и прочих услугах, при этом бюджетные отрасли формируют значимую часть регионального ВРП. В Башкортостане уровень занятости выше, отмечается более равномерное распределение численности работников по отраслям экономики, чем в Туве. Уровень занятости в Туве остается низким, значительная часть занятых находится в неформальном секторе экономики, масштабы которой, на наш взгляд, более существенны. Эти показатели свидетельствуют о неразвитости экономики и высокой зависимости Тувы от федеральной помощи.

Результаты опроса общественного мнения населения республик дополняют объективные показатели статистики. Возможности для получения хорошей работы и повышения своего образования и квалификации выше в Башкортостане, чем в Туве, по мнению опрошенных жителей республик, что соотносится с общими показателями занятости в данных регионах.

Уверенность жителей Тувы в своей трудовой позиции связана с важностью и ценностью своей этнической принадлежности. Чем больше они ее ценят, тем более уверенно чувствуют себя на рынке труда. Это, скорее всего, связано с тем, что процессы трудоустройства в Туве зависят также от земляческих, этнических, родственных предпочтений работодателей. Известно, что в менее модернизированных обществах, в которых преобладают традиционные виды экономической деятельности, принадлежность к сообществу по упомянутым признакам играет большую роль. Например, ученые отмечают, что существует разница в особенностях структуры рынка труда тувинцев и русских. Русские Тувы имеют более высокий уровень образования, и среди них больше занятых, работающих в отраслях экономики, которые требуют высокотехнологичных навыков. Тувинцы менее образованы и менее конкурентоспособны за пределами республики. При этом тувинцы сравнительно больше русских уверены в своем будущем в родной республике (Балакина, Кылгыдай, 2015: 102–103).

Возможности для карьерного роста и повышения своей квалификации, по мнению респондентов, выше в Башкортостане, чем в Туве. Это связано, с одной стороны, с общим уровнем развития экономики и сферы труда в республиках. С другой стороны, сама специфика трудовой занятости в регионах определяет такую особенность. В Туве значительная часть населения занята в неформальном секторе экономики, что предполагает самостоятельный поиск ресурсов и заработка. Тува более изолирована от других регионов страны в транспортном и социальном плане, что затрудняет социально-трудовую и образовательную мобильность населения республики. В Башкортостане уровень занятости выше, и

к тому же много межрегиональных трудовых мигрантов, которые уезжают на работу в другие регионы России. Также в республике выше общая социально-трудовая и образовательная мобильность местного населения как внутри региона, так и за его пределами.

Результаты исследования позволяют сформулировать некоторые рекомендации органам государственной власти и управления исследуемых республик. В совокупности они сводятся к учету не только материальных и финансовых ресурсов, но и неэкономических факторов развития региона. В их числе социокультурные и этнические особенности занятости населения, умелое и активное использование которых становится одним из «внутренних» источников социально-экономического развития республик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аветов, Г. М. (2010) Влияние этнического фактора на формирование российской системы предпринимательства: основные аспекты // Экономические науки. № 72. С. 51–55.
- Анайбан, З. В., Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М. : Институт востоковедения РАН. 217 с.
- Балакина, Г. Ф. (1996) Экономика региона в период реформ: Республика Тыва. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 96 с.
- Балакина, Г. Ф. (2011) Стратегии развития Республики Тыва как депрессивного региона // Экономическое возрождение России. № 4 (30). С. 99–107.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тыва: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма РАН. 137 с.
- Балакина, Г. Ф., Кылыгдай, А. Ч. (2015) Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Тыве. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 160 с.
- Валиахметов, Р. М., Кадыров, С. Х., Ягафарова, Д. Г. (2013) Экономический и социальный капитал башкирского народа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 2. С. 51–63.
- Галиев, Г. Т., Гилязитдинов, Дж. М., Латыпова, Ф. Б. (1994) Этническая стратификация и ее влияние на межнациональные отношения. Уфа : Салаватская городская типография Минпечати Республики Башкортостан. 40 с.
- Голенкова, З. Т., Самба, А. Д.-Б. (2019) Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. № 3. Особенности социальной стратификации в Республике Тыва. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.1>
- Гусаков, Т. Ю. (2019) Многоукладность современного этнического региона России: архаизация, аграризация и миграции (на примере Республики Тыва) // Крестьяноведение. Т. 4. № 4. С. 76–95. DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>
- Дробижева, Л. М. (2021) Опыт 1990-х гг. и управление культурным многообразием // Социологические исследования. № 8. С. 51–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>
- Ирназаров, Р. И. (1997) Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа : Гилем. 160 с.
- Ирназаров, Р. И. (2015) К вопросу о дифференциации этносов в Башкортостане // Социологические исследования. № 8. С. 56–60.
- Лапин, Н. И. (2014) Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов // Социологические исследования. № 7. С. 8–19.
- Маркарян, В. Р., Мурашко С. Ф. (2016) Этнос и этническая идентичность как ресурс социально-экономического развития региона // Этносоциум и межнациональная культура. № 6 (96). С. 60–68.
- Павлов, К. В. (2016) Этноменеджмент как составная часть этноэкономики // Вестник Института экономических исследований. № 2 (2). С. 13–28.
- Перова, Е. Ю. (2016) Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. Т. 26. № 5. С. 705–712.
- Печура, О. В. (2009) Этнический фактор в развитии экономики региона // Известия Уральского государственного экономического университета. № 2 (24). С. 138–143.
- Попков, Ю. В. (2020) Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18
- Попков, Ю. В., Тюгашев Е. А. (2018) Этнокультура и экономика: синергия возможностей // ЭКО. № 5. С. 8–27.

Поподько, Г. И. (2017) Пути преодоления неравенства социально-экономического развития отсталых регионов (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. № 2. С. 315–328. DOI: <https://doi.org/10.24891/re.15.2.315>

Салчак, А. Р. (2020) Анализ состояния рынка труда Республики Тыва // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 10. № 7А. С. 191–200.

Самба, А. Д. (2020) Основные изменения в социально-трудовом пространстве Республики Тыва // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 1. С. 47–50. DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность (2002) / авт. проекта и отв. ред. Л. М. Дробичева. М. : Academia. 480 с.

Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва (2020) / З. Т. Голенкова и др. М.: ФНИСЦ РАН. 112 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Тарбастаева, И. С. (2018) Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5 (527). С. 65–80.

Тишков, В. А. (2005) Рыночная экономика и этническая среда // Общество и экономика. № 12. С. 20–37.

Труд, занятость и человеческое развитие: Доклад о развитии человеческого потенциала в республике Башкортостан (2015) / Р. М. Валиахметов, А. М. Аллаярова, М. В. Артамонова и др. Уфа : Восточная печать. 360 с.

Файзуллин, Ф. С., Файзуллин, Т. Ф. (2014) Региональные особенности социального развития этнических общностей // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 19. № 3. С. 67–75.

Четырова, Л. Б. (2019) Трансформация труда в постсовременном мире: ресурсы интеграции этнической трудовой культуры (на примере Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 77–88. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7>

Дата поступления: 12.10.2021 г.

REFERENCES

Avetov, G. M. (2010) Vliianie etnicheskogo faktora na formirovanie rossiiskoi sistemy predprinimatel'stva: osnovnye aspekty [The influence of the ethnic factor on the formation of Russian entrepreneurship system: Main aspects]. *Ekonomicheskie nauki*, no. 72, pp. 51–55. (In Russ.).

Anaiban, Z. V. and Tiukhteneva, S. P. (2008) *Etnokul'turnaia adaptatsiia naseleniia Iuzhnoi Sibiri (sovremennyi period)* [Ethnocultural adaptation of the population of Southern Siberia in the contemporary period]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS. 217 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. (1996) *Ekonomika regiona v period reform: Respublika Tyva*. [The region's economy in the reform period: The Republic of Tuva]. Novosibirsk, Nauka Publ. 96 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. (2011) Strategii razvitiia Respubliki Tuva kak depressivnogo regiona [Development strategies of the Republic of Tuva as a depressed region]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 4 (30), pp. 99–107. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Sovremennaiia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy* [Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes]. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Kylgydai, A. Ch. (2015) *Etnoregional'nye modeli adaptatsii k rynku truda v Tuve* [Ethno-regional models of adaptation to the labour market in Tuva]. Kyzyl, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS. 160 p. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Kadyrov, S. Kh. and Yagafarova, D. G. (2013) Ekonomicheskii i sotsial'nyi kapital bashkirskogo naroda [Economic and social capital of the Bashkir people]. *RUDN Journal of Sociology*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.).

Galiev, G. T., Giliazitdinov, Dzh. M. and Latypova, F. B. (1994) *Etnicheskaiia stratifikatsiia i ee vliianie na mezhnatsional'nye otnosheniia* [Ethnic stratification and its influence on interethnic relations]. Ufa, Salavat City Printing House of the Ministry of Printing of the Republic of Bashkortostan. 40 p. (In Russ.).

Goenkova, Z. T. and Samba, A. D.-B. (2019) Proshloe, nastoiashchee i budushchee sotsial'nogo prostranstva v regione [The past, present and future of social space in the region]. *Informatsionno-analiticheskii biulleten' Instituta sotsiologii FNIS'ts RAN*, no. 3. Osobennosti sotsial'noi stratifikatsii v Respublike Tyva [Features of social stratification in the Republic of Tuva], pp. 5–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/inab.2019.3.1>

Gusakov, T. Yu. (2019) Mnogoukladnost' sovremennogo etnicheskogo regiona Rossii: arkhazatsiia, agrarizatsiia i migratsiia (na primere Respubliki Tyva) [The multistructure of the contemporary ethnic region in Russia: Archaization, agrarianization and migration (The case of the Republic of Tuva)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 76–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22394/2500-1809-2019-4-4-76-95>

Drobizheva, L. M. (2021) Opyt 1990-kh gg. i upravlenie kul'turnym mnogoobraziem [1990s experience and cultural diversity management]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 51–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250015254-2>

Irnazarov, R. I. (1997) *Ravenstvo etnosov v Respublike Bashkortostan [Equality of ethnic groups in the Republic of Bashkortostan]*. Ufa, Gilem Publ. 160 p. (In Russ.).

Irnazarov, R. I. (2015) K voprosu o differentsiatsii etnosov v Bashkortostane [Regarding the issue of ethnic differentiation in Bashkortostan]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 56–60. (In Russ.).

Lapin, N. I. (2014) Problemy formirovaniia kontseptsii i chelovecheskikh izmerenii strategii poetapnoi modernizatsii Rossii i ee regionov [Issues of concept and human dimensions making of the gradual modernization strategy for Russia and its regions]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 8–19. (In Russ.).

Markarian, V. R. and Murashko, S. Ph. (2016) Etnos i etnicheskaia identichnost' kak resurs sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona [Ethnos and ethnic identity as a resource for socio-economic development of the region]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naia kul'tura*, no. 6 (96), pp. 60–68. (In Russ.).

Pavlov, K. V. (2016) Etnomenedzhment kak sostavnaia chast' etnoekonomiki [Ethnomanagement as a part of ethno-economy]. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy*, no. 2 (2), pp. 13–28. (In Russ.).

Perova, E. Yu. (2016) Etnicheskaia ekonomika kak napravlenie povysheniia effektivnosti ispol'zovaniia sotsial'nykh resursov regiona [Ethnic economy as a way to boost effective use of regional social resources]. *Izvestiia Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 26, no. 5, pp. 705–712. (In Russ.).

Pechura, O. V. (2009) Etnicheskiy faktor v razvitiie ekonomiki regiona [Ethnic factor in the development of the region's economy]. *Izvestiia Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 2 (24), pp. 138–143. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2020) Sovremennaia rossiiskaia natsional'naia politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii (na primere Tuvy) [Contemporary Russian national policy: Conceptual and target bases and implementation experience (The case of Tuva)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 253–268. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.18>

Popkov, Yu. V. and Tiugashev E. A. (2018) Etnokul'tura i ekonomika: sinergiya vozmozhnostei [Ethnoculture and economy: Synergy of opportunities]. *EKO*, no. 5, pp. 8–27. (In Russ.).

Popod'ko, G. I. (2017) Puti preodoleniia neravenstva sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia otstalykh regionov (na primere Respubliki Tyva) [Ways to overcome the inequalities of socio-economic development of backward regions: Evidence from the Republic of Tuva]. *Regional'naia ekonomika: teoriia i praktika*, no. 2, pp. 315–328. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24891/re.15.2.315>

Salchak, A. R. (2020) Analiz sostoiianiia rynka truda Respubliki Tyva [Analysis of the state of the labor market in the Republic of Tuva]. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra*, vol. 10, no. 7A, pp. 191–200. (In Russ.).

Samba, A. D. (2020) Osnovnye izmeneniia v sotsial'no-trudovom prostranstve Respubliki Tyva [Major changes in the socio-labor space of the Republic of Tuva]. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.34773/EU.2020.1.12>

Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniia i real'nost' [Social inequality of ethnic groups: Perceptions and reality] (2002) / ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Academia Publ. 480 p. (In Russ.).

Sotsial'no-stratifikatsionnye protsessy v Respublike Tyva [Socio-stratification processes in the Republic of Tuva] (2020) / Z. T. Golenkova et al., ed. by Z. T. Golenkova, Yu. V. Goliusova and P. E. Sushko. Moscow ; Kyzyl, FCTAS RAS. 128 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-332-4.2020>

Tarbastaeva, I. S. (2018) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Tuva's transformation into a monoethnic region: Risks and possibilities]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2005) Rynochnaia ekonomika i etnicheskaia sreda [Market economy and ethnic environment]. *Obshchestvo i ekonomika*, no. 12, pp. 20–37. (In Russ.).

Trud, zaniatost' i chelovecheskoe razvitie: Doklad o razvitiie chelovecheskogo potentsiala v respublike Bashkortostan [Labor, employment and human development: A report on human development in the Republic of Bashkortostan] (2015) / R. M. Valiakhmetov, A. M. Allaiarova, M. V. Artamonova et al. Ufa, Vostochnaia pechat' Publ. 360 p. (In Russ.).

Faizullin, F. S. and Faizullin, T. F. (2014) Regional'nye osobennosti sotsial'nogo razvitiia etnicheskikh obshchnostei [Regional features in the social development of ethnic communities]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, vol. 19, no. 3, pp. 67–75. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. (2019) Transformatsiia truda v postsovremennom mire: resursy integratsii etnicheskoi trudovoi kul'tury (na primere Tuvy i Kalmykii) [The transformation of work in the postmodern world: Resources for integrating ethnic work culture (The case of Tuva and Kalmykia)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 77–88. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.7>

Submission date: 12.10.2021.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*
Редакторы переводов *В. С. Макаров, Б. Н. Гайдин.*

№ 4, 2021

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/52>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Чимизы Ламажаа.*

Подписано к публикации 02.12.2021 г.
Объем - 27,8 п. л.
Эл. адрес: article@tuva.asia

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, г. Москва, Россия,
ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru